Б 9
Б 94
115603
О правосл.

5-9
Б94

VII.

Бухарев, архим. Феодор.

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академии
Инв. № 115603

Б-9
Б.94

Архимандритъ ѲЕОДОРЪ (А. М. БУХАРЕВЪ).

VII

О ПРАВОСЛАВІИ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННОСТИ.

Безплатное приложеніе къ журналу «ЦЕРКОВНЫЙ ГОЛОСЪ» за 1906-й годъ.

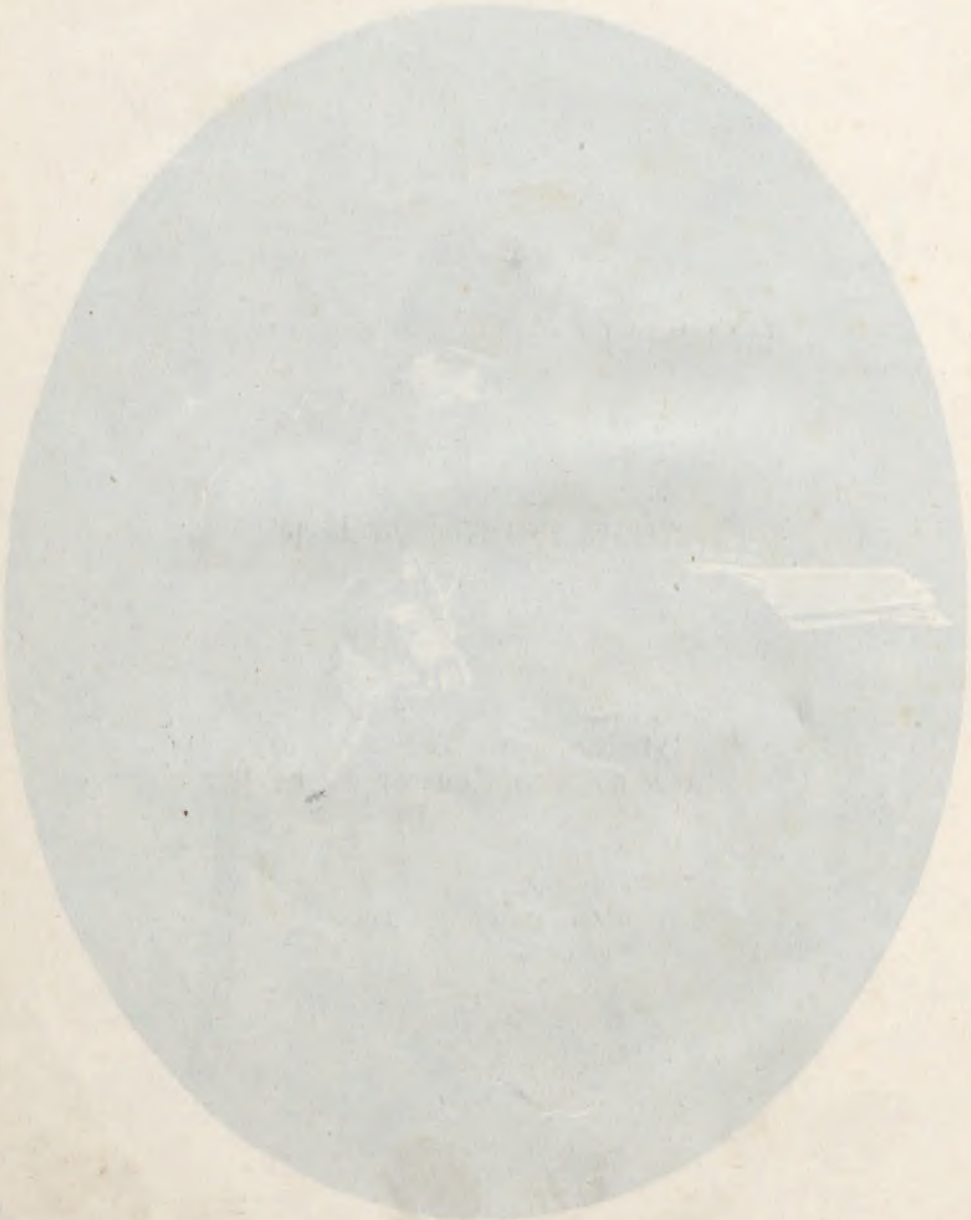
БИБЛІОТЕКА
Московской
православной Духовной
Академіи
Инв. № 115603

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

Печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 14-го Апрѣля 1906 года.

Протоіерей *Философъ Орнатскій.*

Архимандритъ Θеодоръ. Бухаревъ



ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

О ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ

Александра Матвѣевича (архимандрита Ѳеодора) Бухарева.

Получивъ отъ вдовы покойнаго А. М. Бухарева (бывш. архимандрита Ѳеодора) разрѣшеніе на изданіе его сочиненій отъ имени «Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви» редакція «Церковнаго Голоса» обратилась къ профессору Петру Васильевичу Знаменскому, историку Казанской духовной академіи, въ пору своего студенчества слушавшему лекціи о. Ѳеодора и немало о немъ писавшему, съ просьбою составить очеркъ жизни и трудовъ о. Ѳеодора, чтобы этимъ очеркомъ предварить предпринятое изданіе его сочиненій.

Почтенный профессоръ живо отозвался на эту просьбу и прислалъ въ редакцію то, что мы здѣсь съ глубокою признательностію къ досточтимому автору печатаемъ.

При изданіи трудовъ Александра Матвѣевича Бухарева прежде всего, конечно, необходимо познакомить читателя съ самой личностью и трагической судьбой этого симпатичнаго и оригинальнаго русскаго богослова, безвременно погибшаго жертвою своихъ задушевныхъ религіозныхъ убѣжденій, непонятыхъ его современниками.

Въ концѣ 1840-хъ и до конца 1850-хъ годовъ наша богословская наука, какъ извѣстно, отличалась особенно робкой сдержанностью и строгостью соблюденія своихъ старыхъ традицій; въ своей теоретической или догматической области она не допускала никакого отступленія отъ принятыхъ издавна внѣшнихъ схоластическихъ шаблоновъ въ опредѣленіяхъ, аргументахъ, даже терминахъ, а ея прикладная часть, проявлявшаяся во всякаго рода церковномъ учительствѣ, упорно витала въ однѣхъ высшихъ сферахъ совершенно отвлеченной, ни къ кому и ни къ чему вчастности не относящейся морали; спуститься съ этихъ высотъ поближе къ живымъ людямъ и къ текущей дѣйствительности она считала чѣмъ-то крайне для себя неприличнымъ и даже унизительнымъ для самой церкви. Богословы того времени, выдававшіеся чѣмъ-нибудь особеннымъ (Иннокентій Борисовъ, Іоаннъ Соколовъ, Никаноръ Бровковичъ и др.), большею частію подвергались осужденію и разнымъ непріятностямъ, особенно за попытки придать болѣе живой и общественный характеръ своей церковной проповѣди.

Къ числу жертвъ такого направленія тогдашняго богословія принадлежалъ и Александръ Матвѣевичъ, пострадавшій болѣе всѣхъ такого рода богослововъ.

А. М. Бухаревъ родился въ 1822 году. Отецъ его былъ сельскимъ дьякономъ села Ѳедоровскаго Тверской губерніи Корчевскаго уѣзда. Въ семьѣ о. дьякона, кромѣ сына Александра, былъ еще одинъ сынъ Арсеній и три дочери. Всѣ члены этой семьи отличались глубокой религіозной настроенностью. Александръ Матвѣевичъ съ благоговѣніемъ и великою благодарностію вспоминалъ всегда о своемъ родителѣ, человѣкѣ смиренномъ до робости, неученомъ, но своею чистою вѣрою и и любящимъ сердцемъ доходившемъ до прозрѣнія въ такія глубины Евангельскаго ученія, до какихъ дай Богъ доходить и многоученымъ богословамъ. Его частымъ и любовнымъ бесѣдамъ и наставленіямъ Александръ Матвѣевичъ считалъ себя обязаннымъ первыми начатками и основами своего религіознаго настроенія, отличавшаго его въ теченіе всей его жизни.

Школьное образованіе А. М. Бухаревъ получилъ въ Тверской семинаріи, одной изъ самыхъ благоустроенныхъ тогда семинарій Московскаго учебнаго округа, затѣмъ, какъ лучшій ученикъ, по окончаніи семинарскаго курса въ 1842 году былъ

посланъ въ Московскую академію. Здѣсь окончательно сформировалось его богословское направленіе. Это было самое цвѣтущее время старой Московской академіи, когда въ ней дѣйствовали такія ученыя силы, какъ Ѳ. А. Голубинскій, Е. А. Амфитеатровъ, А. В. Горскій, П. С. Казанскій, П. С. Делицынъ А любимыми предметами студента Бухарева были философія, словесность и богословіе. Самое сильное вліяніе на него имѣли Ѳ. А. Голубинскій, А. В. Горскій и самъ митрополитъ Филаретъ, котораго онъ глубоко уважалъ, котораго часто цитовалъ въ своихъ сочиненіяхъ, котораго въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ (Правосл. Обозр. 1884 г. кн. 4, 717—749) называлъ своимъ главнымъ учителемъ и иниціаторомъ своего богословскаго направленія.

При окончаніи академическаго курса (третьимъ магистромъ) въ 1846 г. онъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Ѳеодора и оставленъ при академіи преподавателемъ сначала библейской исторіи, потомъ вскорѣ Св. Писанія. На молодого талантливаго и благоговѣйнаго инока обратилъ свое благосклонное вниманіе митрополитъ Филаретъ и сталъ его покровителемъ. Въ 1852 г. о. Ѳеодоръ былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1853 г. посвященъ въ архимандрита. Въ теченіе 8 лѣтъ московской академической службы, не смотря на свое крайне слабое здоровье, онъ работалъ очень усиленно. Почти всѣ его послѣдующіе литературные труды были подготовлены именно за это время. Нѣсколько работъ его было напечатано тогда же въ московскомъ академическомъ журналѣ, каковы изслѣдованія: «О второмъ псалмѣ» (въ Приб. къ тв. св. отц. 1849 г., ч. VIII), «О второй части кн. пророка Исаіи» (1850, ч. IX) и «О посланіи св. ап. Павла къ Филиппійцамъ» (1854, XIII). Тогда же опредѣлилось въ достаточной полнотѣ и его богословское направленіе, какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи.

Преподавая св. Писаніе, онъ особенно серьезно занялся изученіемъ посланій св. апостола Павла и былъ сильно пораженъ глубиной и вдохновенно-изслѣдовательнымъ характеромъ его ученія, касающагося самой сущности христіанской вѣры, и принялъ его въ основу и образецъ своихъ собственныхъ богословскихъ занятій. Въ посланіяхъ ап. Павла, писалъ онъ въ своихъ лекціяхъ, изданныхъ послѣ подъ заглавіемъ «Нѣсколько статей о св. ап. Павлѣ» (Спб. 1860), «мы имѣемъ

не только вообще божественное руководство для вѣры и дѣятельности христіанской, но еще въ особенности самимъ Духомъ истины начертанный образецъ изслѣдованій о предметахъ истины Христовой». «Поставляя себя предъ судъ слова Божія, преданнаго Павломъ,.... мы можемъ сказать, что дѣло истолкованія св. Писанія (т. е. курсъ лекцій по св. Писанію) стараемся мы утвердить на основаніи и вести въ порядкѣ, раскрытомъ именно изъ ученія ап. Павла». Этотъ курсъ московскихъ академическихъ лекцій по св. Писанію изданъ имъ въ 1860-хъ годахъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ о разныхъ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта и составляетъ прекрасно разработанный, строго систематическій и полный обзоръ всей Библіи и всей библейской исторіи домостроительства Божія о спасеніи рода человѣческаго, составленный дѣйствительно по ученію св. ап. Павла. Посланія самого апостола онъ изучилъ такъ внимательно, что, можно сказать, вжился въ ихъ высокое ученіе, всецѣло усвоилъ образъ ихъ воззрѣній и отчасти даже ихъ языкъ. Плодомъ этого изученія было его капитальное сочиненіе объ ап. Павлѣ, представленное на судъ митрополита Филарета для напечатанія въ московскомъ академическомъ журналѣ: Прибавленія къ твореніямъ св. отецъ. Но строго-консервативный московскій святитель нашелъ эту попытку обслѣдовать писанія великаго апостола и изобразить самый духъ и систему его боговдохновеннаго ученія слишкомъ самонадѣянною для юнаго монаха-богослова и не пустилъ его сочиненія въ печать. Это былъ, кажется, первый ударъ для ревности горячаго и стойкаго въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ о. Ѳеодора.

За первой неудачей послѣдовали другія. О. Ѳеодоръ очень рано сталъ проявлять свое общественное направленіе, однимъ изъ первыхъ духовныхъ лицъ. На самое постриженіе свое въ монашество онъ смотрѣлъ, какъ на вступленіе на новый путь жизни, путь неустаннаго подвига, самоотверженнаго служенія дѣлу Христову, служенія именно общественнаго. Монашеское служеніе, по его словамъ, потому и называется равноангельскимъ, что иноки, какъ ангелы, призваны на служеніе человѣческому спасенію; исканіе тутъ «своихъ си», одного собственнаго спасенія съ пренебреженіемъ всего мірскаго, а слѣдовательно и вліянія на міръ, есть уже нѣкотораго рода ниспаденіе изъ ангельскаго чина. Спеціально аскетическая сто-

рона иноческой жизни есть сторона уже служебная, только соотвѣтствующая этому главному служенію.

Слѣдя за развитіемъ домостроительства Божія и внутренней духовной жизни человѣчества по обоимъ завѣтамъ, профессоръ сталъ прилагать библейскіе типы духовныхъ состояній къ нравственно-религіозному состоянію современнаго ему общества. Особенно занимали его два направленія въ нѣдрахъ современнаго христіанства,—духовно-языческое, когда началомъ мысли и дѣятельности у христіанъ бываетъ не Христова истина и благодать, а идолы человѣческаго я, человѣческаго разума, страстей, расчета житейскаго, и духовно-іудейское, когда христіанинъ руководится духомъ подзаконнои, іудейской праведности, стремящейся оправдаться однимъ бездушнымъ, формальнымъ соблюденіемъ закона и замѣняющей этою фарисейскою правдою благодатную правду Божію о Христѣ. Стремленіе внести свѣтъ истины Христовой во всѣ, даже такія области жизни, которыя постоянно обособляются отъ религіи, какъ спеціально мірскія, свѣтскія, заставляло его близко слѣдить за современной мірской жизнью или точнѣе—за свѣтской литературой, которая для кабинетнаго труженика-монаха была почти единственнымъ показателемъ состоянія этой жизни. Онъ очень много занимался свѣтской литературой, особенно Гоголемъ, къ которому въ (1848 г.) написалъ три обширныхъ письма и котораго онъ называлъ «сыномъ Христовымъ».

По возвышенному и все примиряющему богословскому воззрѣнію о. Осодора, человѣкъ весь, со всѣми своими силами, принадлежитъ Единородному, принявшему на Себя все человѣческое, кромѣ грѣха, а потому мы должны съ одной стороны стоять за все свое истинно-человѣческое, какъ за Христово, а съ другой,—не имѣемъ уже и права стоять за что-нибудь истинно-человѣческое не во Христѣ, какъ за нѣчто не Христово, не относящееся къ области Его владѣнія, какъ за нѣчто самостоятельное. Отъ того презирать, наприм., разумъ человѣческій или творческую фантазію будетъ такъ же не по Христу, какъ и отдѣлять ихъ отъ свѣта Христова, точно нѣчто ему чуждое, языческое. Единородный принялъ въ Свое Я и разумъ человѣческій, и творческую фантазію, и всѣ душевныя способности и, вознесшись съ ними на небо, уже во вѣки не отречется отъ нихъ. Поэтому и наука, и литература, и всякое искусство, и ремесла, и политика, и вся обществен-

пая и семейная жизнь,—все безъ исключенія въ мірѣ христіанскомъ должно непремѣнно возглавляться въ Единородномъ, Который и Самъ поставилъ Себя на землѣ во всѣ условія человѣческой жизни, все искупилъ цѣною Своей крови и служитъ единымъ источникомъ и основаніемъ всякаго блага, истины и красоты; внѣ Его благодати, въ отрѣшеніи отъ Его возглавленія все неизбѣжно обездушивается и погружается въ языческую мертвенность. Проповѣдь безконечной любви Божіей, явленной въ Единородномъ, въ Его Божественномъ нисхожденіи на землю, во всѣ условія земного быта, для возведенія всего земного къ небесному, божественному, сдѣлалась задачей всей жизни о. Ѳеодора, которой онъ служилъ отъ всей своей любящей души и которой не измѣнялъ ни для чего и ни при какихъ обстоятельствахъ.

Въ общихъ очертаніяхъ такое высокое, чисто Павловское богословское міросозерцаніе съ православной точки зрѣнія не могло, конечно, возбудить никакихъ недоумѣній; но до митрополита дошли свѣдѣнія, что молодой профессоръ монахъ слишкомъ уже много удѣляетъ вниманія свѣтской литературѣ и допускаетъ весьма рискованныя для того времени приложенія этого общаго міросозерцанія къ разнымъ сторонамъ современной жизни. Московскій святитель отнесся къ нему весьма строго и по поводу представленія ему перваго письма Ѳеодора къ Гоголю сдѣлалъ автору очень суровый выговоръ, наказавъ заниматься усерднѣе своимъ дѣломъ и не вмѣшиваться въ дѣла постороннія и въ свѣтскую литературу. Ѳеодоръ даже захворалъ отъ этого выговора. Въ своихъ воспоминаніяхъ о митрополитѣ Филаретѣ онъ потомъ съ грустью указывалъ на то, что Филаретъ будто бы уже слишкомъ рѣзко отдѣлялъ свѣтскую литературу, какъ и все вообще свѣтское, отъ духовной, Христовой области, отъ того ставилъ все свѣтское уже внѣ церковнаго вниманія и воздѣйствія, и при томъ описалъ и сейчасъ приведенное столкновеніе съ нимъ. Разсказъ оканчивается впрочемъ тѣмъ, что черезъ нѣсколько времени ему, Бухареву, удалось разъяснить Владыкѣ свои мысли и что Владыка его почялъ и успокоилъ ласковымъ пріемомъ и благословеніемъ.

Но спокойствіе это было непродолжительно. Предметомъ новаго неудовольствія владыки было толкованіе о. Ѳеодоромъ Апокалипсиса. Слѣдя шагъ за шагомъ за развитіемъ двухъ

завѣтовъ, профессоръ дошелъ и до этой таинственной книги будущихъ судебъ человѣчества, и многое для него въ приложеніи къ современности озарилось въ ней поразившимъ его свѣтомъ. Это было наканунѣ нашей восточной войны, когда, при патріотическомъ возбужденіи общества, въ послѣднемъ, среди разнообразныхъ выраженій негодованія противъ европейскихъ враговъ Россіи, не мало ходило апокалипсическихъ толкованій. О. Ѳеодоръ тоже пустился въ своеобразныя религіозныя толкованія современнаго состоянія міра и политическихъ событій по Апокалипсису. Толкованія эти стоили ему потомъ многихъ нравственныхъ страданій. Въ академіи на него взглянули, какъ на человѣка слегка повихнувшагося разумомъ. Такой взглядъ на него высказываетъ, наприм., въ своихъ запискахъ «Изъ пережитаго» (II, 290—291) одинъ изъ его сослуживцевъ профессоръ Гиляровъ-Платоновъ. Митрополитъ тоже былъ противъ его толкованія на Апокалипсисъ и, по разсказу того же Гилярова-Платонова, увѣщавалъ о. Ѳеодора отказаться отъ своихъ притязаній на пониманіе таинственной книги и смирить гордость самомнѣнія, но, по свидѣтельству самого Ѳеодора (въ Воспоминаніяхъ о м. Филаретѣ, стр. 747), все-таки оцѣнилъ его замѣчательный трудъ и среди самыхъ увѣщаній ему замѣтилъ однажды: «Мерцаніе свѣта ты въ Апокалипсисѣ видишь». Въ устахъ авторитетнаго святителя, далеко не щедраго на похвалы, это слово значило весьма много.

Митрополитъ былъ милостивъ къ нему до самаго конца его московской службы и при переводѣ его изъ Московской академіи въ Казанскую прямо выразился: «Онъ былъ полезный человѣкъ; желаю, чтобы былъ полезенъ и тамъ». Не могъ не оцѣнить онъ и богословскихъ идей о. Ѳеодора. Но этотъ полезный человѣкъ былъ человѣкомъ не отъ міра сего и совсѣмъ не подходилъ подъ общій, давно образовавшійся и привычный, уровень окружавшей владыку московской духовной учености, высовывался изъ этого уровня, служилъ предметомъ разныхъ сомнѣній, безпокойства, и митрополитъ постарался сбыть его отъ себя съ повышеніемъ въ казанскую академію (къ сент. 1854 г.). Такъ представляетъ это дѣло Гиляровъ-Платоновъ, да и самъ о. Ѳеодоръ съ горечью говаривалъ, что попалъ въ Казань благодаря именно митрополиту Филарету.

Въ Казани положеніе его однако значительно улучшилось. Его встрѣтили въ академіи, какъ человѣка весьма интереснаго, въ нѣкоторомъ родѣ даже запрещеннаго. Было много толковъ и объ его ап. Павлѣ, и объ Апокалипсисѣ, и объ истолкованіи I гл. Бытія о міротвореніи, и объ его письмахъ о двенадесятыхъ праздникахъ,—тоже не одобренныхъ въ Москвѣ произведеніяхъ. Его чтенія этихъ произведеній въ аудиторіи слушались съ жадностью. Студенты съ самаго начала полюбили его отъ души, потому что онъ и самъ весь дышалъ любовью.

Это былъ маленькаго роста, очень худой, почти безкровный монахъ, съ крупно развитымъ черепомъ, съ постоянно улыбающимся, добрымъ и милымъ лицомъ и какимъ-то мечтательнымъ взглядомъ большихъ ясныхъ глазъ. Жизнь велъ онъ аскетическую, благоговѣйную, молитвенную и считался вполнѣ святымъ человѣкомъ. Онъ весь жилъ возвышенною, всеобъемлющею идеею Единороднаго Сына Божія, на Которомъ вся, во всей полнотѣ божественной, почила любовь Отца со всѣми силами Св. Духа и уже чрезъ Него только изливается на все существующее, храня и благоустрояя вся-ческая, Который есть источникъ живота для всего міра, Агнца, принявшаго въ существо Своего Я все человѣческое и все искупившаго и освятившаго кровію Своего заколенія. Все человѣческое, отъ того, стало уже собственностію Единороднаго, и каждое наше дѣйствіе должно уже совершаться во Христѣ и по образу Христа, какъ бы ни было оно иногда маловажно, должно совершаться, какъ дѣло Божіе, богослуженіе, участіе въ искупительной тайнѣ Единороднаго; дѣло дурное или только совершенное не по Христу—это отдѣленіе отъ Него—единаго источника жизни и любви Божіей, отверженіе отъ этой любви и омертвѣніе, и мы всѣ должны принимать это омертвѣніе, кѣмъ бы оно ни было допущено, какъ свое собственное, потому что мы всѣ уды одного тѣла, слѣдовательно и жизнь и омертвѣніе у насъ общія, страдать за всѣхъ по образу Христа, сраспинаться Христу и за себя, и за другихъ одинаково. Говорилъ онъ всегда съ одушевленіемъ, горячо, нервно, съ неровными интонаціями голоса, поминутно срывавшагося отъ слабости дыхательныхъ органовъ, то останавливался отъ недостатка словъ для выраженія своей высокой и трогательной идеи, или какъ бы въ услажденіи ея созерцаніемъ, то вдругъ

начиналъ быстро-быстро выбрасывать мысли одну за другой въ порывистыхъ выраженіяхъ. Во время своихъ лекцій или частныхъ наставленій онъ забывалъ и время, и свои силы, и говорилъ до изнеможенія, стараясь влить въ душу слушателя всю свою мысль и всю свою любовь къ Единородному. Таковъ онъ былъ и въ аудиторіи, и у себя дома, и въ гостяхъ у разныхъ городскихъ своихъ почитателей и почитательницъ, у которыхъ завелись даже особые «вечера съ о. Ѳеодоромъ». Когда онъ служилъ въ церкви, богослуженіе всегда затягивалось надолго. Въ это время онъ былъ весь религіозный энтузіазмъ, способенъ, кажется, при первыхъ же словахъ возглашенія имени Отца и Сына и Св. Духа погрузиться въ свои умилительныя и молитвенныя размышленія о тайнѣ св. Троицы до тѣхъ поръ, пока не натолкнутъ его на продолженіе возгласа со стороны.

На свое инспекторское служеніе онъ тоже смотрѣлъ, какъ на богослуженіе. Сообразуясь, по своей религіозной системѣ, Единородному, онъ самъ, такъ сказать, принималъ на себя зракъ студента, смотрѣлъ на себя, какъ на члена одного съ студентами тѣла, одной маленькой Христовой церкви съ одной общей жизнью всѣхъ ея членовъ, каждую вину студента считалъ своею, страдалъ за нее, какъ за проявленіе своей собственной мертвенности вслѣдствіе удаленія отъ Единороднаго. Дисциплинарная система инспекціи была совершенно противна его убѣжденіямъ; онъ смотрѣлъ на нее, какъ на подзаконное нѣстунство, основанное на одномъ только внѣшнемъ буквномъ законѣ, на страхѣ, работающемъ *точію предъ очима*, чуждомъ любви и свободы чадъ Божіихъ. Онъ не начальнлъ, не бранилъ провинившагося студента, а страдалъ за него, распинался, во гробъ полагался, дѣлая участникомъ его вины и себя самого; онъ готовъ былъ часа два и больше то съ ужасомъ, то съ истинною скорбью толковать съ провинившимся объ его уклоненіи отъ союза съ Единороднымъ, нервно ходя съ нимъ по комнатѣ, теребя его за руку, за пуговицы или судорожно обнимая его голову и ни на минуту не присаживаясь на мѣсто. Такая инспекція была, пожалуй, тяжелѣе дисциплинарной, соблюдавшей только извѣстное приличіе *предъ очима*, но студенты любили своего инспектора и съ какой-то даже нѣжностью берегли его отъ огорченій,—онъ былъ такое нервное, хрупкое существо, такъ близко все бралъ къ сердцу

и такъ страдальчески сраспинался за нихъ Единородному, что было крайне жалко и безсовѣстно его огорчать и не дѣлать ему всяческихъ, иногда и не совсѣмъ даже пріятныхъ, уступокъ, когда напр., онъ умилится стройнымъ и осмысленнымъ пѣніемъ студенческаго хора и затянетъ на полчаса и болѣе утреннюю или вечернюю молитву разными вставками догматиковъ и цѣлыхъ каноновъ;—онъ такъ при этомъ трогательно слушалъ и умилялся, что для его религіознаго услажденія можно было пѣть и дольше того. Только разъ какъ-то студенты вывели его изъ себя,—онъ осердился, сталъ толковать, что кто не хочетъ повиноваться власти по Евангелію, того нужно принудить, какъ ветхозавѣтныхъ людей, закономъ, и забавно грозился предъ молодежью, говоря словами ап. Павла: «съ палицею ли пріиду къ вамъ?» Но дѣло кончилось тѣмъ, что онъ самъ же испугался такой своей подзаконной строгости, сталъ безпокойно раздумывать, какъ онъ послѣ самъ писалъ объ этомъ случаѣ (см. его: О современныхъ потребностяхъ мысли. М. 1865, стр. 481), «не гну ли де я, не ломаю ли въ чемъ эти молодыя вѣтви, не подавляю ли въ нихъ чего лучшаго. Христова» и т. д., и сознавъ свой ужасный деспотизмъ, самъ же первый пошелъ на уступки и примиреніе, безъ котораго не могла найти себѣ покоя его любящая душа.

На своей богословской каѳедрѣ онъ былъ такимъ же любящимъ, всепримиряющимъ, одушевленнымъ и глубоко убѣжденнымъ учителемъ. Онъ говорилъ только то, въ чемъ душевно, религіозно былъ убѣжденъ самъ и о чемъ даже не могъ не говорить, потому что, сообразуясь Единородному, принявшему на Себя съ разумомъ человѣческимъ и всѣ людскія невѣжествія, чтобы озарить ихъ Своимъ свѣтомъ, самъ принималъ на себя вину невѣдѣнія Христовой истины всѣхъ своихъ слушателей и считалъ за своею душою страшную отвѣтственность, если не приведетъ ихъ вмѣстѣ съ собою къ единому истинному Свѣту. Занявшись разъясненіемъ какого либо богословскаго предмета, онъ разъяснялъ его, подходя къ нему съ разныхъ сторонъ, съ замѣтнымъ усиліемъ поборотъ свой природный недостатокъ яснаго стиля рѣчи, до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что его поняли и что яснѣе сказать онъ уже ничего не можетъ. Не ограничиваясь занятіями въ аудиторіи, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ, когда встрѣчался

съ студентами, у себя, въ студенческихъ помѣщеніяхъ, на прогулкѣ, подолгу продолжалъ разъяснять предметы своихъ лекцій.

Понимать его было дѣйствительно не легко, какъ по несовсѣмъ достаточной ясности и внѣшней упорядоченности его импровизацій, такъ и по своеобразному, непривычному для его слушателей складу его аргументаціи и самой его богословской системы. Онъ говорилъ о богословскихъ предметахъ большею частію весьма извѣстныхъ, почти катихизическаго характера, но они такъ у него комбинировались, что изъ нихъ возникала необычайно возвышенная, высоко созерцательная богословская система, притомъ живая, всеобъемлющая, дающая рѣшеніе на всѣ религіозные вопросы, успокоивающая душевныя сомнѣнія и тревоги, и такая стройная по всему систематическому складу, что могла цѣликомъ сводиться къ самому ограниченному числу общихъ богословскихъ положеній—аксіомъ, взятыхъ большею частію у ап. Павла, и затѣмъ снова развиваться изъ нихъ во всемъ разнообразіи неисчислимыхъ частныхъ положеній и всякаго рода догматическихъ и жизненныхъ подробностей. Методъ его чтеній былъ не обыкновенный, привычный въ систематическомъ богословіи разсудочный методъ, а методъ религіозно-созерцательный, вѣрою разумѣвающій и разумѣвая вѣрующій. О. Осодоръ не строилъ силлогизмовъ, не приводилъ мнѣній какихъ-нибудь нѣмецкихъ богослововъ, не полемизировалъ, не прибѣгалъ ни къ какимъ другимъ подобнымъ пріемамъ научнаго, или точнѣе разсудочнаго богословія,—онъ прямо бралъ въ основу своей лекціи текстъ св. Писанія, углублялся въ него и развивалъ смыслъ и силу Божественной истины изъ нея же самой, какъ глубоко и живо вѣрующій мыслитель христіанинъ, для котораго истина эта есть не просто лишь мысль, идея, вполнѣ согласная съ разумомъ и вполнѣ достойная разумной вѣры, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ духъ и животъ, коренная основа всей духовной жизни человѣка.

О. Осодора часто обвиняли въ мистицизмѣ; но онъ не былъ мистикомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, не виталъ въ однѣхъ, чуждыхъ дѣйствительности, высокихъ мистическихъ сферахъ. Онъ крѣпко держался своего рода реальной почвы. Почва это была именно земля, на которую сходилъ Сынъ Божій, чтобы все земное поднять до небеснаго. Онъ былъ настоящій мыслитель, только теоре-

тикъ или созерцатель, воспитавшійся въ исключительно религіозномъ духѣ и въ уединеніи монашеской кельи, а потому оставшійся навсегда настоящимъ младенцемъ о Христѣ, мало воспріимчивымъ къ приражеиіямъ нашей грѣшной дѣйствительности съ ея разнообразными компромиссами, слабостями и удаленіями отъ религіи, склоннымъ развивать свои религіозныя идеи съ самой неуклонной прямолинейностью и до послѣднихъ крайностей. Къ обвиненію о. Ѳеодора въ мистицизмѣ главнымъ образомъ и подало поводъ это его исключительно религіозное направленіе и еще нѣкоторая туманность его изложенія, которая дѣлала теченіе его мыслей часто едва уловимымъ не только при слушаніи, но даже и при чтеніи. Непонимавшихъ его было довольно между студентами, и это было предметомъ самыхъ сильныхъ его огорченій. Онъ страдалъ за этихъ молодыхъ людей, бывшихъ не въ состояніи возвыситься до усвоенія духа Писанія, *зане суть плоть*. Но большинствомъ студентовъ онъ былъ очень доволенъ и послѣ съ удовольствіемъ вспоминалъ о своей жизни между ними: «Я имѣлъ рѣдкое счастіе, писалъ онъ въ упомянутой книгѣ «О современныхъ потребностяхъ» (стр. 481), видѣть въ обществѣ молодежи точно живой организмъ, въ которомъ каждый членъ знаетъ свое дѣло и всѣ члены свободно и самостоятельно слѣдуютъ одному началу». Это рѣдкое въ его жизни счастье продолжалось однако очень недолго, всего года два съ небольшимъ, до пріѣзда въ казанскую академію (въ 1857 г.) новаго ректора архим. Іоанна Соколова.

Служебное положеніе Ѳеодора было не легко и раньше этого. Окружавшая его административная обстановка въ академіи, вся основанная на строгихъ дисциплинарныхъ началахъ, на ветхозавѣтномъ законѣ, какъ онъ по своему выражался, была совершенно противна его убѣжденіямъ, душила его до того, что онъ нѣсколько разъ порывался въ отставку, подавалъ о томъ прошенія, но былъ удерживаемъ на академической службѣ тогдашнимъ преосвященнымъ казанскимъ Григоріемъ. При ректорѣ Іоаннѣ положеніе его сдѣлалось окончательно невыносимымъ. Они представляли между собою полный контрастъ. Іоаннъ былъ человѣкъ гордый, презрительно относившійся ко всѣмъ окружающимъ, въ наукѣ—исключительно разсудочнаго направленія, діалектикъ и даже софистъ. Онъ взглянулъ на инспектора Ѳеодора, какъ на какого-то юроди-

ваго, безцеремонно осмѣивалъ его, отмѣнялъ его распоряженія, въ пухъ и прахъ разбивалъ своей діалектикой его богословскія положенія даже передъ студентами, на лекціяхъ и на экзаменѣ, и этимъ больно огорчалъ бѣднаго о. Ѳеодора. Студенческая жизнь при новомъ ректорѣ стала быстро измѣняться въ сторону подзаконной работы точію предъ очима, такъ противной о. Ѳеодору, и начала все болѣе и болѣе уходить изъ подъ его вліянія. Вскорѣ ректоръ успѣлъ и совсѣмъ выжить его изъ академіи. Въ апрѣлѣ 1857 года пріѣхалъ въ академію Іоаннъ, а въ началѣ (8 января) 1858 г. Ѳеодоръ былъ перемѣщенъ на должность члена петербургскаго комитета духовной цензуры.

Многіе въ академіи даже радовались, что онъ попалъ на такую должность, гдѣ ему нужно было имѣть дѣло не съ людьми, а съ книгами. Но самъ онъ тяжело чувствовалъ недостатокъ аудиторіи, которой его такъ внезапно лишили:— оставалась безъ удовлетворенія самая непреодолимая его духовная потребность сообщать свои идеи другимъ, которую онъ при томъ же возводилъ до высоты священнѣйшаго своего долга предъ лицемъ Единороднаго. Къ счастію, съ новымъ царствованіемъ Александра II были значительно ослаблены прежнія строгости цензуры, не исключая и цензуры духовной, и для о. Ѳеодора открылась возможность для сообщенія своихъ идей пользоваться недоступной ему прежде печатью. Со времени своей службы въ московской академіи до 1858 года онъ ничего не печаталъ, довольствуясь только устною проповѣдью своего ученія въ аудиторіи: съ этого года его литературныя произведенія одно за другимъ стали появляться въ свѣтъ, то отдѣльными брошюрами, каковы: «О принципахъ или началахъ въ дѣлахъ житейскихъ или гражданскихъ» (Спб. 1858). «О картинѣ Иванова» (Спб. 1858), то журнальными статьями, которыя помѣщались въ Странникѣ Гречулевича («Странникъ». «О современности въ отношеніи къ православію»). Духовной Бесѣдѣ (Объ Ив. Яковл. Корейшѣ, Евангеліе, читаемое на царскихъ молебнахъ). Сынѣ Отечества (въ свою защиту отъ нападеній Аскоченскаго по поводу статей 1862 г. объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ и нѣсколько мелкихъ статей по современнымъ вопросамъ). Въ концѣ 1860 года изъ разныхъ, напечатанныхъ раньше и вновь написанныхъ статей онъ составилъ цѣлый сборникъ и съ помощью редакціи

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ № 115603

Странника издалъ его отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «О православіи въ отношеніи къ современности»,—перепечатываемой въ настоящее время; тогда же издалъ онъ свои «Нѣсколько статей объ апостолѣ Павлѣ» и затѣялъ изданіе своего толкованія на Апокалипсисъ.

Изданіе книги «о православіи» накликало на него новыя бѣды. Православное Обозрѣніе (новый тогда московскій журналъ) сдѣлало объ ней хорошій отзывъ. Но противъ нея и противъ самого Прав. Обозрѣнія съ ожесточеніемъ возсталъ въ своей Домашней Бесѣдѣ извѣстный В. И. Аскоченскій. Онъ вздумалъ отмстить о. Ѳеодору за то, что этотъ, возмущаясь его направленіемъ, не пропустилъ, по должности цензора, нѣсколько его статей; еще раньше онъ посылалъ въ конференцію петербургской академіи протестъ противъ своего цензора, написанный въ крайне неприличномъ и оскорбительномъ тонѣ, но этотъ протестъ оставленъ былъ безъ послѣдствій. Не потрудившись даже прочитать книгу о. Ѳеодора, какъ слѣдовало, съ толкомъ, острословный и желчный борзописецъ прямо напустился на него съ разными ругательствами, придирками и инсинуаціями, задѣвая даже чистоту его православія и всегда безупречную нравственность. Тревога, поднятая имъ, обезпокоила даже высшее начальство. Митрополитъ Исидоръ склонялся болѣе на сторону Аскоченскаго и сердился на о. Ѳеодора, слагая всю вину этой тревоги на него. Оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой вошелъ о произведенномъ соблазнѣ въ нарочитую переписку съ митрополитомъ Филаретомъ. Филаретъ съ своей стороны тоже писалъ объ этомъ предметѣ и къ нему, и къ петербургскому митрополиту. Защищая свой московскій журналъ, а отчасти и о. Ѳеодора, онъ обращалъ особенное вниманіе властей на неосторожность самой петербургской цензуры, которая дозволила Аскоченскому печатать такія соблазнительныя статьи, могущія возбудить «непріятное удивленіе тому, что предъ очами высшаго начальства одинъ священнослужитель угрызаетъ другого. По справедливости, писалъ онъ, должно полагать, что дѣло сіе призываетъ вниманіе высшаго духовнаго начальства, чтобы... пресѣчь продолженіе соблазна» (Мнѣнія и отзывы, т. V, ч. I, 34—41, 43—50). О Ѳеодорѣ митрополитъ отозвался, какъ о человѣкѣ съ «образомъ мыслей, не подлежавшимъ сомнѣнію», и съ таковой же «нравственностію», но видно было,

что онъ остался все-таки крайне недоволенъ всей этой исторіей и въ одномъ мѣстѣ письма къ гр. Толстому (стр. 35), говоря о темномъ изложеніи разбираемой книги, сорвалъ сердце и на о. Ѳеодорѣ: «онъ (Ѳеодоръ) говоритъ неправославно не потому, что думаетъ еретически, но потому, что думаетъ и говоритъ безтолково» (Подробности этого дѣла см. въ статьѣ Правосл. Собесѣдника за 1902 г.: «Богословская полемика 1860-хъ годовъ о православіи въ отношеніи къ современности»).

Съ этого времени начались постоянныя несчастія и стѣсненія литературной дѣятельности о. Ѳеодора, которыя вскорѣ довели его до рокового шага въ его жизни. Еще въ 1861 г., во время самаго разгара поднятой Аскоченскимъ тревоги, Ѳеодоръ былъ уволенъ отъ должности цензора и посланъ въ Никитскій монастырь г. Переяславля Владимірской епархіи въ число братства. Ему не дали даже пенсіи, оставивъ на содержаніе одинъ его магистерскій окладъ во 100 руб. Потомъ началось дѣло объ его толкованіи Апокалипсиса, которое еще въ 1860 г. онъ успѣлъ было провести черезъ петербургскій комитетъ духовной цензуры и запродалъ книгопродавцу Овсянникову для изданія. Въ 1861 г. книга эта, приготовленная въ двухъ значительныхъ частяхъ, уже печаталась. Злобствуя на автора, Аскоченскій донесъ объ этомъ митрополиту Исидору, предубѣжденному противъ Ѳеодора, послѣ чего Св. Синодъ, по предложенію митрополита, потребовалъ тетради Ѳеодора изъ типографіи къ себѣ на разсмотрѣніе и остановилъ изданіе. Распоряженіе это сильно поразило Ѳеодора. Кромѣ того, что ему крайне неловко было предъ книгопродавцемъ, у котораго онъ взялъ уже часть гонорара до 300 рублей, ему приходилось снова переживать тревогу о судьбѣ многолѣтняго и любимаго своего труда, которымъ онъ всего болѣе надѣялся послужить дѣлу истины Христовой. Мучительное состояніе, въ какомъ онъ находился, ожидая окончательнаго рѣшенія участи своего толкованія, продолжалось около года. Наконецъ, въ 1862 году оно было запрещено и отобрано въ архивъ Св. Синода. И вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ непосредственно Ѳеодоръ подалъ прошеніе о снятіи съ себя сана и монашества. Началась тяжелая для него исторія увѣщаній и со стороны духовнаго начальства, и со стороны любившихъ его людей, но онъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Литературная дѣятельность его, между тѣмъ, не ослабѣвала до самаго времени подачи прошенія, но его стали избѣгать въ редакціяхъ столичныхъ журналовъ, и онъ долженъ былъ издавать свои труды большею частію отдѣльными книжками. Такъ, въ 1861 г. въ Петербургѣ были изданы имъ «Три письма къ Гоголю, писанныя въ 1848 году», «О Новомъ Завѣтѣ Господа нашего І. Христа»; въ 1862 г. «Изъясненіе I гл. Бытія о міротвореніи». Въ 1862 г. ему удалось найти пріемъ въ журналѣ Дух. Вѣстникъ и онъ напечаталъ въ немъ сочиненія: «Св. Іовъ многострадальный» и «О св. прор. Исаіи и его книгѣ». За конецъ 1862 г. и за 1863 годъ не знаемъ уже ни одного его сочиненія. Онъ находился тогда въ невыносимо тревожномъ ожиданіи, чѣмъ кончится его дѣло о снятіи сана, и какое послѣдуетъ затѣмъ опредѣленіе объ его гражданскомъ положеніи. Рѣшеніе это воспослѣдовало въ половинѣ 1863 года. Онъ оставленъ былъ въ правахъ своего первобытнаго состоянія т. е. какъ дьяконскій сынъ, кончившій курсъ академіи, но безъ права государственной службы и съ лишеніемъ академической степени магистра. Разстриженіе послѣдовало 31 іюля при владимірской духовной консисторіи, по подвѣдомству послѣдней Никитскаго монастыря, какъ мѣста послѣдняго пребыванія Осодора.

Сложеніе имъ сана произвело сильное впечатлѣніе и среди духовенства, и въ мірскомъ обществѣ. Люди, не знавшіе о. Осодора, посмотрѣли на этотъ фактъ, конечно, съ разными пересудами или шуточками, особенно въ виду его скораго брака. Да и знавшіе его въ большинствѣ отнеслись къ его поступку съ недоумѣніемъ, и только немногіе подозрѣвали, какая подъ нимъ скрывается тяжелая трагедія. Самъ о. Осодоръ, теперь уже А. М. Бухаревъ, въ письмахъ своихъ къ А. В. Горскому (въ Ист. моск. акад. прилож. 12), М. П. Погодину (въ Воспом. Погодина въ Моск. Вѣдом. 1874 г. № 84) и къ разнымъ лицамъ изъ своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и въ Нижнемъ-Новгородѣ объяснялъ свой шагъ съ одной стороны нравственной для него «невозможностью оставаться въ противныхъ совѣсти отношеніяхъ безпрекословнаго (по монашескимъ обѣтамъ) повиновенія своему духовному начальству», препятствовавшему выступать ему съ своимъ ученіемъ въ печати, съ другой стороны тѣмъ, что монашеское званіе въ связи съ первою причиною мѣшало ему дѣйство-

вать на мірское общество, между тѣмъ какъ проведеніе духовныхъ, благодатныхъ началъ въ мірскую жизнь, сведеніе духовнаго до мірского, «чтобы понемногу и послѣднее, по его выраженію, —поднялось до значенія и силы перваго», онъ считалъ самою главною и отвѣтственною своею обязанностью, какъ духовнаго учителя, дѣломъ всей своей жизни и ближайшимъ способомъ своего сообразованія Единородному, Который снисшелъ во всю нашу житейскую низменность, чтобы возглавить ее Собою. И вотъ проповѣдникъ Его рѣшился самъ разрушить то средостѣніе, которое, какъ ему казалось, отдѣляло его отъ міра, и вошелъ съ своею проповѣдью въ самую мірскую жизнь въ званіи простого мірянина. Зная младенческую его чистоту, его всегдашнюю правдивость и всегдашнюю какую-то даже дѣтски-наивную прямолинейность во всѣхъ дѣйствіяхъ и въ самыхъ мысляхъ, мы съ своей стороны принимаемъ всѣ эти объясненія его съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ искренности и правдивости, тѣмъ болѣе, что они вполнѣ оправдываются всей его послѣдующей жизнью.

Въ міру онъ остался совершенно такимъ же человѣкомъ идеи и вѣры, какимъ былъ прежде въ санѣ архимандрита. Ради своей идеи онъ выстрадалъ весь позоръ разстриженія, пожертвовалъ всѣми правами и выгодами своего прежняго положенія и остался положительно ни съ чѣмъ, кромѣ твердой вѣры въ то, что «Самъ, снисходившій до потребностей въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ и жилищѣ, не оставитъ и его въ удовлетвореніи этихъ потребностей». Теперь онъ всецѣло предался своему учительскому призванію, училъ и устно, въ разнообразныхъ кружкахъ людей, съ которыми приводилось ему сталкиваться, большею частію изъ простого народа, и письменно, ведя обширную корреспонденцію и издавая свои сочиненія, на сколько хватало у него скудныхъ средствъ. Кромѣ Изъясненія на I-ю гл. Бытія о міротвореніи и изслѣдованій объ Іовѣ и о пророкѣ Исаіи, печатавшихся въ „Дух. Вѣстникѣ за 1862 годъ и изданныхъ отдѣльными книжками въ Москвѣ въ 1864 г., имъ напечатаны въ этомъ же году: «Св. пророкъ Іереміи», «Св. пророкъ Іезекіиль», «Св. пророкъ Даніилъ», «О подлинности и цѣлости свящ. книгъ пророковъ Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и Даніила», «Изслѣдованіе о достоинствѣ, цѣлости и происхожденіи 3-й книги Ездры», «Письма о благодати св. таинствъ Церкви православно-каѳолической»,

«Печаль и радость по слову Божію.—очерки свящ. книгъ Плача Іереміи и Пѣсни Пѣсней съ прибавленіемъ объ Апокалипсисѣ и 3-й книгѣ Ездры».—всѣ въ Москвѣ и съ подписью мірского имени автора. Въ послѣднемъ сочиненіи онъ имѣлъ утѣшеніе провести главныя мысли изъ своего толкованія на Апокалипсисъ, о запрещеніи котораго не переставалъ грустить всю свою жизнь. На первыхъ порахъ сгоряча онъ хотѣлъ было писать о неправильности этого запрещенія даже прошеніе на Высочайшее имя и искать такимъ образомъ суда съ духовнымъ начальствомъ предъ престоломъ самодержавія, но оставилъ это намѣреніе, такъ какъ оно было бы уже возстаніемъ противъ дух. власти. Потомъ у него была мысль, внушенная ему, кажется, Погодинымъ, издать свое любимое произведеніе за границей, но тоже не была исполнена.

Всѣ перечисленныя работы были работами еще прежняго времени его профессорской службы. Въ 1865 году этотъ старый запасъ изслѣдованій у него вѣроятно истощился, и ему пришлось работать уже вновь, что было крайне тяжело при слабости его физическихъ силъ. За этотъ годъ онъ успѣлъ издать только одну, впрочемъ значительнаго объема (въ 633 стр.) книгу: «О современныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно русской» (М. 1865), представляющую собою сборникъ разнообразныхъ статей, направленныхъ къ примѣненію богословскихъ идей автора къ разнымъ современнымъ вопросамъ—о преобразованіи судовъ, о взаимныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ и освобожденныхъ крестьянъ, о торговлѣ и ремеслахъ, о вопросѣ польскомъ, о современной журналистикѣ и литературной критикѣ, образованіи духовенства, о романахъ Чернышевскаго (Что дѣлать?) и Тургенева (Отцы и дѣти), о современныхъ направленіяхъ и проч. Въ 1866 г. вышли его брошюры: «О подлинности апостольскихъ посланій», «Моя апологія по поводу критическихъ отзывовъ о книгѣ: О современныхъ потребностяхъ мысли и жизни». «Объ упокоеніи усопшихъ и о духовномъ здравіи живыхъ»; въ 1868—статья въ Душеполезномъ Чтеніи «Воспоминанія о пребываніи на казанской каѳедрѣ преосвящ. Аѳанасія» (ПП. Изв. и замѣтки); въ 1871—брошюра: «Воспоминанія о запятомъ священникѣ новоіерусалимской слободы о. Петрѣ Томаницкомъ (Ярославль 1871)».

Литературный трудъ, дававшій единственно возможный для

него заработокъ, очевидно, ускользалъ изъ его рукъ все болѣе и болѣе. Книги его раскупались плохо и оплачивались издателями скупо. Въ журналахъ статьи его не принимались, какъ не подходящія для редакторовъ, не исключая и печатавшей его прежде редакціи Сына Отечества. Духовные журналы закрыли для него свои страницы съ самаго выхода его изъ духовнаго званія. Особенно грубые отказы были получены имъ изъ редакціи Христіанскаго Чтенія отъ ректора петербургской академіи Іоанна, бывшаго сослуживца его по казанской академіи, и изъ редакціи Дух. Вѣстника, которая за одну его статью, посланную ей и неодобрительно отозвавшуюся о печатавшихся въ ея журналѣ статьяхъ Сербинова (объ Обзорѣ дух. литературы Филарета черниговскаго), пригрозила ему даже тѣмъ же, что онъ испыталъ отъ Домашней Бесѣды Аскоченскаго.

Даже бывшій его сослуживецъ по Московской академіи Гиляровъ-Платоновъ не принялъ въ свою газету какихъ-то двухъ его статей (Изъ нерѣшитаго II, 294). Въ концѣ 60-хъ годовъ А. М—чъ послалъ статью о «Преступленіи и наказаніи» Достоевскаго въ Бесѣду Кошелева и Юрьева, съ которыми свелъ его Погодинъ.—она тоже не нашла здѣсь мѣста и была напечатана уже по смерти автора въ Правосл. Обозрѣніи 1882 г. (кн. 8, стр. 723—733); тамъ же въ 1884 г. напечатана была еще такая же, въ свое время завалившаяся статья «О Филаретѣ, какъ плодотворномъ двигателѣ развитія православной русской мысли» (кн. 4, 417—449). Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что у него въ рукахъ было большое сочиненіе Ал. М—ча: «І. Христосъ въ Своемъ словѣ», о которомъ цензоръ его архим. Михаилъ, послѣ епископъ курскій, отзывался какъ о наиболѣе ясномъ и общедоступномъ трудѣ Бухарева; Погодинъ хотѣлъ напечатать его въ своей типографіи, но эта типографія, за смертью фактора-арендатора, тогда остановила свою работу, и рукопись осталась не напечатанной.

Неблагодарный въ матеріальномъ отношеніи, литературный трудъ далеко не удовлетворялъ труженика, и въ нравственномъ отношеніи доставлялъ ему одни только огорченія. Шли памятные 1860-е годы, когда всякая проповѣдь въ родѣ Бухаревской была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и пропадала совершенно даромъ, только надрывая грудь проповѣд-

нпка. Александръ Матвѣевичъ не могъ этого не чувствовать и не болѣть душою. «Мнѣ хотѣлось бы, писалъ онъ Погодину, чтобы знамя Христово прямо и твердо поднято было, какъ единственно вѣрное руководство и прочное основаніе на все среди всяческихъ нестроеній и потрясеній нынѣшнихъ... Но другіе требуютъ какой-то постепенности, боясь на первой порѣ текстовъ и самаго имени православія. Богъ вѣдаетъ, много ли дадутъ мнѣ простора въ журналѣ (рѣчь шла о сотрудничествѣ его въ Бесѣдѣ Кошелева), и много ли я самъ могу въ немъ разговориться». Въ другомъ письмѣ: «Русскіе люди не находятъ необходимымъ стать своею мыслію и словомъ съ твердостію и неуклончивостію подъ начало православія, въ чемъ наша слава и всѣ надежды. Видите, опасаются испугать или, лучше сказать, сами пугаются извѣстной партіи, презирающей вѣру вообще, а православную въ особенности, а эта партія по тому самому гордо поднимаетъ свою голову, сознавая въ себѣ силу только отъ нашего духовнаго безсилія и малодушія, дѣйствительно жалкаго. Нѣтъ, не мнѣ тутъ работать; буду лучше въ уединеніи бесѣдовать съ пророками, если Богъ дастъ и если еще проживу сколько-нибудь». Не смотря все-таки на такое разочарованіе въ пользѣ своихъ трудовъ, онъ не оставлялъ ихъ до самой смерти и работалъ, что было силъ. При самой кончинѣ онъ все еще думалъ о своемъ Апокалипсисѣ и о книгѣ Ездры и все собирался исправлять и совершенствовать эти произведенія. Такъ говоритъ авторъ его некролога въ Голосѣ (1871 г. № 121), описавшій его частную жизнь по разстриженіи и послѣдніе его дни.

Жизнь его по снятіи сана была полна всякихъ лишеній. Въ критическое время, время самаго тяжелаго душевнаго состоянія, когда онъ слагалъ съ себя санъ и могъ дойти до полнаго разлада съ жизнью и людьми, нашлась добрая женская душа, которая вошла удивительнымъ образомъ въ его воззрѣнія, отнеслась къ нему съ полнымъ сочувствіемъ и рѣшилась раздѣлить съ нимъ его плачевную участь и безславіе. Это была дочь уѣзднаго предводителя помѣщика с. Вашки Переяславскаго уѣзда Анна Сергѣевна Родышевская, въ семействѣ которой А. М. Бухаревъ былъ принятъ во время своего проживанія въ Никитскомъ монастырѣ. Бракъ ихъ совершенъ былъ 16 авг. 1863 года. Она уладила го-

рѣчь послѣднихъ 8 лѣтъ его жизни, сдѣлалась достойнымъ другомъ его даже въ его занятіяхъ, его утѣшительницей и его, можно сказать, сестрой милосердія. Жили они то въ Твери, то въ Ростовѣ, а къ концу жизни А. М—ча въ Переяславлѣ въ большой бѣдности, получая содержаніе отчасти отъ скудныхъ литературныхъ заработковъ А. М—ча, отчасти на небольшія пособія бывшихъ его учениковъ и почитателей, перебиваясь день за день. Довольно значительная жертва во 100 рублей была однажды прислана имъ отъ митрополита Филарета, который не забывалъ своего бывшаго подчиненнаго профессора и жалѣлъ его. Въ Петербургской Газетѣ 1868 г. (№ 74) кто-то напечаталъ даже корреспонденцію: «Бѣдственное положеніе бывшаго архим. Осодора». А въ Новомъ Времени (№ 105) однимъ изъ бывшихъ студентовъ Казанской академіи О. Ливановымъ помѣщено было даже воззваніе въ пользу Бухарева къ общественной благотворительности, противъ котораго А. М—чъ сильно тогда протестовалъ. Онъ искалъ себѣ какихъ нибудь опредѣленныхъ занятій для обезпеченія своей жизни, мѣста секретаря въ какой нибудь редакціи, приказчика въ книжномъ магазинѣ, хотѣлъ переселиться въ Варшаву, гдѣ жили нѣкоторые его бывшіе ученики и почитатели, и заняться тамъ изданіемъ особаго русскаго журнала, для котораго придумалъ и названіе (Слово Крестное), и сочинилъ уже программу, но всѣ эти предпріятія ему не удавались. Между тѣмъ здоровье его, и всегда слабое, окончательно расшатывалось трудами и особенно тревогами послѣднихъ лѣтъ.

Въ послѣдній годъ жизни онъ ѣздилъ по литературнымъ своимъ дѣламъ въ Москву,—тамъ его видѣлъ Погодинъ. А. М—чъ жаловался на боль въ груди, одышку, мучительный кашель, слабость и изнурительные ночные поты, но оставался все тѣмъ же одушевленнымъ проповѣдникомъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра. На Погодина онъ произвелъ обаятельное впечатлѣніе: «Я нашелъ въ немъ человѣка проникнутаго до такой степени истинами и духомъ христіанства, какого я никогда не встрѣчалъ и вообразить не могъ. Это былъ восторгъ, одушевленіе, умиленіе, горячее сердце, стремленіе къ добру путемъ Христовымъ. Мнѣ было сладко слушать его. Вотъ такому человѣку, подумалъ я, поручить бы въ нашъ вѣкъ невѣрія и легкомысленнаго вольнодумства

прочесть по нѣскольку лекцій въ университетахъ, академіяхъ, институтахъ»... А въ Домашней Бесѣдѣ Аскоченскаго продолжалась противъ бѣднаго учителя все прежняя травля съ безжалостнымъ азартнымъ улюлюканьемъ и криками: разстрига!..

2 апрѣля 1871 г. А. М. Бухаревъ скончался отъ чахотки. Въ корреспонденціи Голоса (№ 121) трогательно описаны послѣдніе дни умирающаго, которые онъ проводилъ въ богомысліи, чтеніи Евангелія и благодарно-молитвенныхъ воспоминаніяхъ съ своей супругой о милостяхъ Божіихъ, явленныхъ имъ въ послѣдніе годы, и его тихая истинно христіанская кончина (въ пятницу св. Пасхи). Хоронили его въ одной изъ приходскихъ церквей г. Переяславля при многочисленномъ собраніи народа, среди котораго многіе проливали объ немъ искреннія слезы; вся эта толпа, не смотря на дурную погоду, провожала его тѣло до самаго кладбища.

Потомъ «схоронили — позабыли». Замѣчательно мало писано у насъ объ этомъ безспорно замѣчательномъ человѣкѣ, по крайней мѣрѣ до начала 1890-хъ годовъ. Краткое упоминаніе объ немъ и его письмо къ А. В. Горскому въ Исторіи московской академіи, статья Правосл. Обозрѣнія 1890 г. (кн. 1): «Благіе дѣятели» Г. А., гдѣ говорится объ его ученьи въ родной тверской семинаріи, краткая замѣтка въ книгѣ Гилярова-Платонова «Изъ пережитаго», нѣсколько скудныхъ некрологовъ, между которыми выдается только некрологъ въ Голосѣ 1871 г. № 121, Воспоминанія Погодина, статья Церковно-Общ. Вѣстника 1874 г. № 43, статьи объ немъ или точнѣе ругательства Домашней Бесѣды, нѣсколько краткихъ рецензій на его сочиненія въ Прав. Обозрѣніи и Дух. Вѣстникѣ,— вотъ и все, что по крайней мѣрѣ намъ извѣстно до первой болѣе полной характеристики его и его богословскихъ воззрѣній въ вышедшей въ 1891 и 1892 гг. Исторіи казанской академіи.

Позабыла нашего богослова и богословская наука. А напрасно. Курсъ его толкованій на разныя книги св. Писанія и до сихъ поръ не потерялъ своей цѣны. Такого стройнаго, проникнутаго одною идеею и изложеннаго оригинальнымъ синтетическимъ методомъ курса свящ. Писанія въ нашей духовной литературѣ другого нѣтъ еще и теперь. Вся Библія отъ книги Бытія и до Апокалипсиса представляется у него

цѣльной и необыкновенно законченной картиной Божія домостроительства о спасеніи человѣчества и непрерывно-преемственныхъ степеней откровенія Бога людямъ чрезъ Сына Божія въ связи съ исторіей человѣчества и вчастности избраннаго народа. Въ области догматическаго и нравственнаго богословія такое же важное значеніе имѣетъ его сотеріологія, центральный отдѣлъ всего его богословствованія, весь основанный на идеѣ безконечной любви Божіей, почивающей всею полнотою на Единородномъ Сынѣ и чрезъ Него уже изливающейся на міръ въ силѣ и дарахъ Св. Духа. *Безъ Него*—Единороднаго Слова *ничто же бысть, еже бысть*, и въ мірѣ естественномъ и въ мірѣ благодатномъ: Онъ единъ держитъ всю тварь въ благоволеніи Отца, слѣдовательно, въ самомъ ея существованіи и благоустроеніи; Онъ единъ посредникъ и ходатай Бога и человѣковъ, слѣдовательно—единственная основа, краеугольный камень всей религіи. Но любовь Его еще не исчерпывается этимъ: Онъ восхотѣлъ еще *пріискренне пріобщиться* людямъ, простирая на нихъ свою благодать даже тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе *преизбыточествова* въ нихъ *грѣхъ*, удаленіе ихъ отъ Него и ослабленіе первобытнаго ихъ союза (религіи) съ Богомъ. Будучи Единороднымъ, Онъ благоволилъ по Своей любви сообщить Свое сыновство и людямъ, нарещи ихъ Своею братіею и стать съ ними предъ любовію Отчею, какъ старшій братъ, *первороженъ*, для чего пришелъ на Себя даже самое естество человѣческое, а съ нимъ и всю грѣховность, отчуждавшую человѣчество отъ Бога, и всю происходящую отсюда мертвенность, чтобы упразднить ихъ въ полнотѣ Своей собственной любви и Божественной жизни, и съ этимъ обновленнымъ человѣческимъ естествомъ «сѣдѣ одесную Отца», подъ осѣненіемъ любви Отчей, не только ужъ какъ Богъ, но и какъ Сынъ человѣческій, именно какъ нашъ *первороженъ*, даруя и намъ дерзновеніе взывать къ Отцу Его: Отче нашъ.

Нравственное ученіе А. М. Бухарева неразрывно и органически связывается съ его догматическимъ ученіемъ о воплощеніи Сына Божія, благоволившаго стать Сыномъ человѣческимъ, и, какъ мы уже говорили, все направлено къ возглавленію во Христѣ, къ проникновенію благодатію Христова воплощенія всѣхъ сторонъ и проявленій человѣческой жизни, и религіозной и мірской, и духовной и тѣлесной. Современ-

ники его не поняли его, не поняли самаго вопроса, которымъ онъ задался въ своей одушевленной проповѣди этого вѣковаго вопроса о взаимномъ отношеніи плоти и духа, христіанства и міра съ его обыденной жизнью и культурой, и осудили своего проповѣдника, но конечно не упразднили этимъ самаго вопроса, ихъ соблазнявшаго.

Въ послѣднее время вопросъ этотъ поднимается съ особенною настойчивостію въ кружкахъ искателей «новаго пути» Христова и разныхъ другихъ новыхъ богослововъ, но находитъ рѣшеніе большею частію сомнительной цѣнности, или по старому съ односторонним наклоненіемъ въ сторону духа, или слишкомъ уже по новому,—въ пользу «святой плоти». Въ настоящее время поэтому извлечь изъ мрака забвенія труды одного изъ главныхъ и даже, можно сказать, перваго піонера въ разработкѣ указаннаго вопроса, А. М. Бухарева, будетъ дѣломъ весьма не лишнимъ и благовременнымъ, тѣмъ болѣе что вся система его нравственныхъ воззрѣній отличается рѣдкою всесторонностію, всепримиряющимъ характеромъ и главное—безукоризненно православнымъ направленіемъ.

Проф. П. Знаменскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

къ изданію 1860 года.

Заглавіе «о православіи въ отношеніи къ современности», которое дается сборнику разныхъ статей, такъ общо̀ и неопредѣленно (а инымъ можетъ показаться и такъ притязательнымъ), что, въ предотвращеніе недоразумѣній, сочинителю необходимо точнѣе объяснить значеніе сборника своихъ статей. Подъ «современностію» здѣсь разумѣются собственно господствующія духовныя стремленія, потребности и опасности въ наше время. Чего по этимъ стремленіямъ, потребностямъ и опасностямъ надо искать въ православіи,— это и раскрывается въ разныхъ предлагаемыхъ здѣсь статьяхъ, конечно— по мѣрѣ разумѣнія сочинителя. Въ такомъ именно значеніи и дано всѣмъ этимъ статьямъ одно общее заглавіе: «о современности въ отношеніи къ православію»...

Нѣкоторые у насъ поборники православія трактуютъ современность, какъ нѣчто враждебное православію; такъ, какъ и наоборотъ, есть свои поборники и современности, подозрительно смотрящіе на самыя требованія православія. Но въ самомъ-ли православіи и въ самой-ли современности заключается причина такой несовмѣстимости того и другой, въ какой они являются иногда у ихъ поборниковъ? Этотъ вопросъ былъ въ особенномъ виду у сочинителя, когда онъ писалъ свои настоящія статьи.

Что касается до избранія разныхъ частныхъ предметовъ, въ статьяхъ, для разсужденія вообще «о право-

славіи въ отношеніи къ современности» (въ объясненномъ уже значеніи этого заглавія),—и въ этомъ нужно дать отчетъ предъ читателемъ. Слѣдя движеніе духовной мысли и письменности, особенно въ соприкосновеніи и связи ея съ свѣтскою письменностію, неизбѣжно встрѣчаешься съ нѣкоторыми грустными и затруднительными въ разныхъ отношеніяхъ явленіями, которыя также соприкасаются къ вопросу объ отношеніи между православіемъ и современностію. Иногда мысль, жизненная и свѣтлая, но еще не зрѣлая, не развитая или даже только-что раждающаяся, естественно представляетъ въ себѣ разныя стороны, которыя не выдерживаютъ испытанія предъ судомъ истины: и потому эта мысль или ея литературное выраженіе неминуемо и справедливо задерживается, или возбуждаетъ противъ себя сильные протесты. Иногда мысль, сама почти мертвая или направленная къ смертельному пораженію чего-нибудь безразличнаго (чтобы не сказать: даже прямо добраго), представляетъ въ себѣ «общее мѣсто» той или другой неоспоримой истины; и по тому самому эта мысль, только обезсиливающая истину, уже не можетъ быть законно остановлена. Предлагаемыя статьи и касаются именно такихъ предметовъ, о которыхъ всего обыкновеннѣе у насъ—мысли перваго и втораго рода, какъ замѣчалъ сочинитель не только по наблюденіямъ со-стороны, но и по служебнымъ своимъ обязанностямъ. Порядокъ въ расположеніи статей, по возможности, таковъ, что предъидущія статьи служатъ къ уясненію послѣдующихъ.

Если кому-нибудь эти статьи пособятъ, хоть сколько-нибудь, въ разумѣніи и раскрытіи самой силы истины Христовой, или въ охраненіи и развитіи разныхъ зародышей мысленнаго добра, если въ сборникѣ этихъ статей окажется, хотя меньшее и горчичнаго зерна (Мато. XIII, 31), сѣмя мира относительно какихъ бы ни было мысленныхъ бореній въ наше время: то и слава Богу!

О ПРАВОСЛАВІИ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННОСТИ.

I.

ДВАНАДЕСЯТЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Размышляющему нельзя не призадуматься надъ слѣдующими словами великаго проповѣдника отечественной Церкви: «*Подобно есть царствіе небесное сокровищу сокровенному на селѣ* (Мато. 13, 44). Село, или поле, изображаетъ человѣка. Глубина, въ которой скрыто сокровище, означаетъ сердце или внутренность человѣка, болѣе или менѣе открытую вѣрою. Сюда въ таинствѣ крещенія Духъ Божій, *дышащій, гдѣже хощетъ*, дохнулъ невидимо, и внесъ въ Своемъ дыханіи сокровище: нетлѣнное сѣмя возрожденія, новую жизнь отъ Бога. Итакъ, сокровище положено, и точно есть на полѣ нашемъ; но каждый ли изъ насъ сдѣлалъ съ своей стороны то, чего далѣе требуетъ притча? *Обрѣлъ* ли оное глубокимъ самопознаніемъ и вхожденіемъ внутрь себя? *скрылъ* ли отъ невидимыхъ татей смиреніемъ? *Продалъ* ли *вся, елика имѣлъ*, отвергся ли міра и плоти, отдалъ ли безъ остатка страсти и пожеланія, чтобы взять внутреннее сокровище и употребить къ своему блаженству? Если мы ничего такого не сдѣлали, если совсѣмъ не позаботились проникнуть, что̀ скрыто въ нашемъ полѣ, если мы только на поверхности его насемся чувственнымъ удовольствіемъ, какъ безсловесное злакомъ, если скрытое сокровище глубже и глубже зарываемъ уметами и дрязгомъ помысловъ и дѣлъ суетныхъ, нечистыхъ, беззаконныхъ: то сокровище лежитъ, но мы имъ не пользуемся; нетлѣнное въ насъ сѣмя не прозябаетъ, не цвѣтетъ, не плодоноситъ; духовная жизнь наша или въ зародышѣ, или въ обморокѣ; надобно желать, чтобы

о нашемъ возрожденіи вновь попекся кто-нибудь, какъ святый Павелъ о возрожденіи, крещенныхъ еще прежде, Галатовъ, когда онъ писалъ къ нимъ: *чадца моя, имиже паки болзную, донеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19). То есть: какъ раждающая мать, нахожусь я въ подвигѣ и страданіи, дабы споспѣшествовать вашему духовному рожденію, и притомъ уже не въ первый разъ: сперва сіе было нужно, когда надлежало посредствомъ вѣры и крещенія положить въ сердцахъ вашихъ начатокъ духа; но когда вы, *начеше духомъ, нынѣ плотію скончаваете* (Гал. 3, 3), то потребенъ новый болѣзненный подвигъ, дабы погребенное подъ преобладающею плотію духовное сокровище открыть, дабы задержанный ростокъ духа возрастить до принощенія плодовъ духовныхъ, дабы впечатлѣнный въ душу крещеніемъ образъ Христовъ проявить и проявить во всѣхъ ея способностяхъ, силахъ, расположеніяхъ и дѣлахъ христоподобныхъ и богоугодныхъ. *Паки болзную, донеже вообразится въ васъ Христосъ*».

«Кто соглашается съ сими размышленіями въ томъ, сколь важно и необходимо для истиннаго христіанства возрожденіе, а между тѣмъ въ своей жизни, дѣлахъ и совѣсти не обрѣтлетъ успокоивающаго свидѣтельства, что онъ дѣйствительно пользуется плодами возрожденія: тому надлежитъ не безъ заботы подумать, въ какомъ состояніи онъ находится, и къ чему сіе ведетъ. Судъ Христовъ произнесенъ и, вѣрно, не перемѣнится. Какъ судилъ Онъ въ безмолвную ночь, въ присутствіи одного Никодима: такъ же будетъ судить и въ славный послѣдній день, въ присутствіи всѣхъ ангеловъ и всѣхъ человѣковъ: нерожденный свыше не можетъ видѣти царствія Божія» [1]).

Кто не можетъ не согласиться со всѣмъ этимъ? Дѣйствительно, какъ вообще русскій народъ пріялъ благодать возрожденія вмѣстѣ съ православіемъ, при св. Владимірѣ, такъ и въ частности каждый изъ насъ удостоился благодати возрожденія въ крещеніи, большею частію при самомъ началѣ нашей жизни. Но и то правда, что какъ вообще въ народѣ и мірѣ, такъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ видно, скажемъ словами того-же церковнаго славнаго учителя, «болѣе явленій и дѣлъ человѣка невозрожденнаго, ветхаго, нежели возрожденнаго, новаго, болѣе бѣдности Адамовой, нежели блаженства Христова». Откуда разливается такая страш-

[1]) Бесѣда высоконр. Филарета, митроп. Моск., *о новомъ рожденіи свыше* (Слова и Рѣчи. М. 1845 г. ч. 3, стр. 388).

ная бѣда, превращающая насъ изъ состоянія по новому Адаму—Христу въ состояніе опять по ветхому Адаму (хотя и вышли мы изъ этого послѣдняго состоянія—каждый въ крещеніи, а въ народномъ состояніи при равноапостольномъ Владимірѣ)? Съ Запада ли неправославнаго, или отъ нашего собственнаго невниманія и невѣрности къ самой силѣ Православія—въ обиду самому Западу, которому достоинство Православія мы же должны раскрыть въ себѣ? Какъ бы это ни было,—надобно всеусильно стараться выходить изъ этой погибельной и для настоящей и для будущей жизни бѣды—какъ каждому самому по себѣ, такъ и всѣмъ въ общественномъ своемъ составѣ. Возможно-простые и общедоступные способы къ этому каждый, на своемъ мѣстѣ, имѣетъ въ главныхъ церковныхъ праздникахъ, если только захочетъ входить въ ихъ духъ и разносить этотъ духъ на всѣ прочіе и работные дни. Раскрытіе этой мысли и содержится въ предлагаемой статьѣ: *двенадесятые церковные праздники*, составляющей собственно одно пространное письмо, которое было писано къ одной особѣ, именно объ оживленіи христіанства въ сердцѣ и образѣ мыслей у тѣхъ изъ насъ, въ которыхъ оно, замѣтно, мало проявляетъ своей жизненной и свѣтоносной силы. Вотъ это, довольно длинное, письмо.

Вамъ желательно было, чтобы нѣкоторыя мысли, высказанныя въ устной бесѣдѣ съ вами, изложены были для васъ на бумагѣ. Съ своей стороны, я желаю не только удовлетворить васъ въ этомъ, но еще дополнить недоконченное въ моихъ устныхъ замѣчаніяхъ.

Вамъ еще понравилась моя небольшая икона, изображающая двенадесять праздниковъ. Примите отъ меня и эту св. икону; придерживаясь этой иконы, я хочу вести съ вами настоящую письменную бесѣду. По вашей молитвѣ, да дастъ мнѣ Господь совмѣстить въ одной бесѣдѣ все, о чемъ хотѣлось бы и нужно говорить съ вами. Итакъ, прошу вашего снисхожденія и вниманія ко мнѣ. Но со вниманіемъ соединяйте и разсужденіе, призывая самого Духа истины—Св. Духа въ помощь. Начнемъ письменную бесѣду прямо съ того, на чемъ сосредоточивалась наша бесѣда при личномъ свиданіи.

Когда мы, ставъ во Христѣ новою тварію, успѣли духовно извѣтшать: то, для нашего обновленія во Христѣ, потребно самымъ тайнамъ, относящимся къ воплощенію Христову, духовно

воздѣйствовать въ нашей вѣрѣ своею спасительною силою. Ибо нѣтъ иного имени и домостроительства, по которому можно спастися,—кромѣ Христа и домостроительства Его воплощенія (Дѣян. 4, 12). Такимъ образомъ благодатная, сама по себѣ всегда живая и дѣйственная, сила всѣхъ главныхъ Богородичныхъ и Господнихъ праздниковъ, которыми вспоминаемъ мы тайны Христова домостроительства,—и должна раскрываться по отношенію къ міру, чтобы обновить и оживить этотъ міръ. Не только духъ, но и самая историческая вѣрность евангельскихъ событій требуетъ того, чтобы сила ихъ раскрывалась въ насъ: ибо Спаситель приходилъ въ міръ собственно для насъ, а не для Себя.

I. И во-первыхъ нужно, чтобы благодатно раскрылась и воздѣйствовала въ немъ сила и тайна *Рождества Пресвятыя Богородицы*. Какъ же это?—Вы же сами, помните, выражали предо мною ту мысль вѣры и упованія о пресвятой Богородицѣ, что Она могла бы исходатайствовать у своего Сына помилованіе нашему міру, если бы ему и гибель угрожала и уже не дерзали бы ходатайствовать за него всѣ прочіе небожители. Эта мысль вполнѣ согласна съ духомъ церковныхъ молитвъ, пѣснопѣній и сказаній, относящихся къ Божіей Матери. Для усвоенія міру всегда готовой, особенно по ходатайству Богоматери, оживить наши умы и сердца милости Божіей, и требуется, чтобы духъ Богоматерней любви къ гибнущимъ грѣшникамъ, болѣющей во Христѣ надъ чужими недугами, принимающей къ собственному сердцу духовныя опасности и бѣды ближнихъ, омывающей оскверненныя совѣсти своими небесными слезами, такъ сказать, возродился и въ нашемъ мірѣ,—напримѣръ, въ вашей душѣ и въ сродныхъ вамъ душахъ. Духъ же Богоматерняго человѣколюбія всегда открытъ для вѣры, особенно въ чудотворныхъ Богородичныхъ иконахъ. Если Ап. Павелъ могъ сказать о себѣ: *свидѣтель ми есть Богъ, яко люблю всѣхъ васъ утробою* (сердцемъ) *Іисуса Христа* (Фил. 1, 8); то Богоматерь, по превосходству предъ самыми херувимами и серафимами, есть вмѣстилище сердца Христова, объемлющаго своею безпредѣльною любовію весь міръ. Поэтому можно сказать, что въ Христовомъ тѣлѣ Церкви Богоматерь составляетъ точно сердце его, біющееся одною только любовію Божественною: болѣзни и страданія всѣхъ членовъ Церкви живо доходятъ до этого сердца церковнаго, такъ что Пресвятая Богородица соболѣзуетъ своею любовію всѣмъ намъ недугующимъ и мертвѣющимъ. Чѣмъ ближе и вы будете духомъ къ этому сердцу, тѣмъ болѣе будете сострадать

немощамъ и омертвѣнію другихъ, да и собственныя ваши немощи и омертвѣніе будутъ для васъ тяжелы особенно потому, что они задерживаютъ токъ жизни во Христѣ и для другихъ—вашихъ сочленовъ. Итакъ, съ любовію къ другимъ сокрушайтесь и о своемъ омертвѣніи, какъ останавливающемъ жизнь и въ другихъ; любовію болѣзнуйте и о чужихъ немощахъ, какъ о собственныхъ. Чрезъ такое духовное соболѣзнованіе о другихъ, которое да сообщитъ вамъ Царица небесная отъ духа своего Богоматерняго человѣколюбія, будутъ врачеваться какъ всѣ *ваши* духовныя немощи, такъ и немощи близкихъ къ вамъ людей. Душу, въ которой родится хотя одна маленькая искра такой любви къ грѣшнымъ и гибнущимъ людямъ, и можно будетъ поздравить съ *праздникомъ рождества Пресвятыя Богородицы*, духовно открывшимся въ этой самой душѣ.

Молю Бога, и Пречистую Матерь Его, чтобы сколько-нибудь отобразилась въ васъ своею любовію къ людямъ эта благодатная *Баня, омывающая* нечистыя *совѣсти* (какъ Церковь величаетъ Пресвятую Богородицу). Не думайте, что слишкомъ гордо было бы съ вашей стороны желать этого. Солнце отражается и въ малой капелькѣ воды; и если, при открытомъ сіяніи солнца, иная духовная капелька не захотѣла бы принять въ себя отраженія его, это значило бы, что она хочетъ быть мутною и грязною. А стремящейся къ чистотѣ и непорочности душѣ не трудно и принимать отраженіе свѣта Богоматерней любви, не гнушающейся оскверненными, но очищающей ихъ скверны. Согласитесь, что если бы нѣсколько христіанскихъ душъ такъ дознавали тайну рождества Пресвятыя Богородицы; то это было бы началомъ благодатнаго обновленія для цѣлыхъ обществъ христіанскихъ. И намъ ли сердечно не болѣть о чужихъ немощахъ, какъ о своихъ, когда, попристальнѣе посмотрѣвъ въ свое сердце, найдемъ въ немъ сѣмя или тайную силу всякихъ грѣховъ, замѣчаемыхъ нами въ другихъ?... Притомъ я самъ видалъ опыты того, какъ иная душа, свѣтлая и живая, но не дознавшая тайну любви *омывать* оскверненныя *совѣсти* другихъ собственными слезами,—какъ такая душа видимо мертвѣла и терялась, какъ скоро ощущала недостатки духовные въ томъ человѣкѣ, въ комъ думала найти святость и силу Христовой истины и благодати. Видите, что пока не дознаете внутренно въ себѣ тайну *рождества Пресвятыя Богородицы*, чрезъ общеніе вашего сердца въ духѣ Ея любви, дотолѣ вы сами находитесь въ опасности духовнаго омертвѣнія. Итакъ,

сколько для другихъ, столько и для себя стремитесь къ тому, чтобы благодатно-человѣколюбивый духъ Богородицы, по Ея же дару, зачался и родился въ вашей душѣ, хотя сколько-нибудь.

Спросите: какъ достигнуть этого? Сама Божія Матерь ищетъ сосудовъ, въ которыхъ могъ бы раскрыться и воздѣйствовать Ея духъ къ помилованію и обновленію нашему, о которомъ Она непрестанно ходатайствуетъ предъ своимъ Сыномъ и Богомъ. Всегда взирайте на Нее, особенно въ чудотворныхъ Ея иконахъ, взирайте на Нее, какъ на Матерь во Христѣ всѣхъ христіанъ—все равно—дворяне ли они, духовные, или крестьяне: ибо во всякомъ христіанинѣ положенъ начатокъ Христовъ чрезъ самое крещеніе; если въ комъ этотъ начатокъ Христовъ омертвѣлъ и почти не дѣйствуетъ, то о немъ тѣмъ болѣе болитъ материнское сердце Богоматери,—болитъ о новомъ омертвѣніи въ немъ Сына своего. Прислушивайтесь вашимъ сердцемъ къ тайному голосу Богоматерней любви къ намъ омертвѣлымъ: *бользную, дондеже вообразится* или воскреснетъ *въ васъ* Сынъ мой, *Христосъ*!.. Стяжите такое направленіе и расположеніе вашей вѣры сначала по отношенію—хотя только къ вашей сестрѣ, къ брату, къ особенно близкимъ вамъ людямъ. А главное, призывайте при этомъ Св. Духа, который одинъ оживляетъ нашу вѣру и Самъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіями неизглаголанными. Ужели чрезъ это не откроется душа къ порожденію въ себѣ духа материнскаго человѣколюбія и соболѣзнованія о немощахъ и омертвѣніи такихъ грѣшниковъ, каковъ первый я? Божія Матерь Сама уже начала открывать для сего вашу душу, какъ и душу единодушныхъ съ вами. Передайте и имъ сказанное здѣсь. Если любите Христа, то не можете не болѣть душею, по благодати и духу Пресвятой Богородицы, о всѣхъ подобныхъ мнѣ, въ которыхъ Христосъ точно мертвъ и погребенъ.

II. Перейдемте къ другому празднику, слѣдующему (какъ изволите видѣть на св. иконѣ), за Рождествомъ Пресвятыя Богородицы. Это праздникъ *Введенія* Ея, трехлѣтней еще отроковицы, *во храмъ*. Нужно, чтобы тайна или сила и сего праздника раскрылась и воздѣйствовала въ невѣстахъ Христовыхъ—нашихъ душахъ, по слову псалма: *приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ Ея* (Псал. 44, 5).

Въ новомъ Іерусалимѣ, который и есть невѣста Агнца, одѣтая въ чистый и свѣтлый виссонъ праведности святыхъ (Апок. 19, 7, 8. 21, 2), *самъ Господь Богъ Вседержитель храмъ ему есть и Агнецъ* (21, 22). Итакъ, будьте душею, какъ трехлѣт-

ныя отроковица, и, съ дѣтскою простотою и небоязненностію вѣры, входите во святая святыхъ ново-іерусалимскаго храма, по благодати и *въ слѣдъ* Пресвятыя Богородицы.—Какъ же это? Какъ проникнуть въ это пренебесное святилище, каковъ *Самъ Господь Вседержитель и Агнецъ?*—Богъ Слово, единосущный Отцу и Св. Духу, для того и воплотился, и во плоти исходилъ даже до смерти, какъ Агнецъ заколенный за насъ,—для того, говорю, чтобы чрезъ это открыть нашей вѣрѣ (хотя бы мы и омертвѣли грѣхами) доступъ въ пренебесная святая святыхъ. И смотрите, какъ для дѣтской вѣры просто воспользоваться такимъ доступомъ:—Апостолъ сказалъ, что Богъ Слово—Христосъ есть существенное *сіяніе славы* Отца (Евр. 1, 3), и что *никтоже можетъ* даже только *рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор, 12, 3). Итакъ призывайте вездѣ сущаго и вся исполняющаго Св. Духа какъ можно чаще, и особенно за богослуженіемъ въ храмѣ, и въ силѣ Св. Духа взирайте своимъ умомъ и сердцемъ къ Божію Агнцу—Богу Слову, Христу; а во Христѣ, какъ въ солнцѣ свѣтъ, созерцайте и Бога Отца,—созерцайте Отчую любовь, со всѣми сокровищами Божества существенно раскрытую въ Сынѣ по Его Божеству, а, по домостроительству Его воплощенія, открытую и для насъ грѣшныхъ въ силѣ Св. Духа. Сказанное повторю еще кратко: *съ дѣтскою простотою вѣры, во Св. Духѣ взирайте ко Христу—Сыну Божію, а въ Сынѣ созерцайте Отца съ Его славою и любовію.* Когда Божія Матерь дастъ вамъ понять и усвоить это, простое для вѣры, духовное дѣланіе: то вы истинно будете входить во святая святыхъ, вслѣдъ за Пресвятою Дѣвою—трехлѣтнею отроковицею, и здѣсь будете, подобно Ей, питаться ангельскою пищею благодатныхъ утѣшеній и слова Божія. Да! точно, какъ небесною пищею, будетъ питаться ваша душа такими мыслями и чувствованіями, что если въ Богѣ Словѣ—Христѣ почиваетъ вся полнота Отчаго благоволенія и любви, то не иначе, какъ въ Немъ же, благоволеніе и любовь Отца простираются и на всѣ созданія, давъ имъ бытіе, сохраняя ихъ, спасая грѣшныхъ, возводя вѣрныхъ въ славу. Во всемъ, что ни есть, вы будете вѣрою видѣть любовь Отца, сіяющую въ Сынѣ; ибо не иначе, какъ по ея же попущенію, существуетъ и самое зло въ мірѣ, а всякое истинное добро есть прямо даръ этой любви Отца, въ Сынѣ раскрытой и *изливающейся Св. Духомъ* на пріемлющихъ (Рим. 5, 5). И такимъ образомъ всюду, гдѣ бы вы ни находились при такомъ дѣланіи вѣры вашей, вы будете чувствовать себя точно, какъ во

храмѣ Божіемъ, во храмѣ любви Отчей, всюду въ Сынѣ сіяющей, *свѣтящейся* даже и *во тьмѣ* грѣховъ и заблужденій и такою *тьмою необъемлемой* (Іоан. 1, 5). И чего вы во Св. Духѣ не испросите у Отца—во имя Сына, въ которомъ вся Его любовь? О, если бы далъ мнѣ Господь когда нибудь поздравить васъ съ *праздникомъ Введенія Богоматери во храмъ*, какъ дознаваемымъ вами въ самой силѣ! Вы будете своею вѣрою понимать и чувствовать, что самое вѣчное блаженство святыхъ есть не что иное, какъ открытое наслажденіе во Св. Духѣ любовію Отца, сіяющею въ Сынѣ—Богѣ Словѣ, Христѣ, какъ Имъ Самимъ сказано: *да любы, ею же Мя еси возлюбилъ* (Отче), *будетъ въ нихъ, и Азъ въ нихъ... Да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ, яко возлюбилъ Мя еси прежде сложенія міра* (Іоан. 17, 26. 24). Вы будете понимать и чувствовать своею вѣрою, почему будутъ и вѣчныя, нескончаемыя муки злыхъ. Это потому, что во Христѣ—Сынѣ Божіемъ почиваетъ любовь Отчая всею своею полнотою, и только въ Немъ простирается на созданія; и потому, если кто не усвоитъ своему духу этой любви Божіей во Христѣ, и даже воспротивится ей и въ расположеніи рѣшительнаго ей противленія перейдетъ въ будущую жизнь, то о такомъ не будетъ уже, и быть не можетъ, ни малѣйшаго сожалѣнія у Отца во вѣки вѣковъ, и онъ будетъ отверженъ Богомъ любви на всю вѣчность. Внѣ Христа—Бога Слова нѣтъ любви Отчей; ибо она почиваетъ въ Немъ всею своею полнотою со всѣми силами и дарами Св. Духа. Кто на судѣ окажется чуждымъ Христа, о томъ не будетъ и быть не можетъ ни тѣни сожалѣнія ни у Бога, ни у святыхъ, во всю вѣчность. Какъ сильно душа ваша будетъ при такихъ мысляхъ воспламеняться желаніемъ приводить всѣхъ, кого можно, и особенно присныхъ вашихъ—ко Христу, къ разумному и сердечному участію въ любви Божіей, во Христѣ открытой и изливающейся Св. Духомъ! Какъ жалко будетъ вамъ тѣхъ людей, особенно дѣтей, которымъ дается направленіе мимо или даже противъ любви Божіей во Христѣ! Вы, конечно, всѣмъ существомъ своимъ бросились бы спасать столь очевидно погибающихъ. Все, что не причастно самаго духа и силы любви Отца, во Христѣ—Богѣ Словѣ раскрытой даже для грѣшныхъ и омертвѣлыхъ, будетъ для васъ самою жалкою формою; и къ чему бы вы ни прикоснулись своею душою въ такомъ ея настроеніи, изветшавшія, мертвыя формы обновлялись бы и оживали въ васъ. Божія Матерь да подастъ вамъ и всѣмъ вашимъ войти въ духъ и силу праздника *Введенія своего во храмъ Господень!*

III. Теперь, по иконѣ, слѣдуетъ праздникъ *Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.*

Въ событіи Благовѣщенія Господня совершалась, по выраженію церковному, *спасенія нашего главизна;* во чревѣ Пресвятой Дѣвы Богъ *Слово плоть бысть.* Но должно и всѣмъ намъ, христіанамъ, стремиться къ тому, чтобы благодатно и въ насъ, чрезъ общеніе нашей вѣры въ Христовой благодати воплощенія, Слово воплотившееся вселилось. Это ученіе апостольское. *Да дастъ вамъ* (Богъ Отецъ), такъ говоритъ Ап. Павелъ,—*да дастъ вамъ, по богатству славы своея, силою утвердитися Духомъ Его во внутренемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша... да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе,* т. е., «всею полнотою Божіею» (Ефес. 3, 16, 19). И въ другомъ мѣстѣ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20).

Подумайте же теперь,—заботливо, какъ о собственной участи, подумайте, таковы ли нынѣ христіане, чтобы уже не мы сами по себѣ жили, а жилъ бы въ насъ Христосъ—Богъ Слово, одушевляя и двигая своимъ Духомъ всѣ наши члены, какъ нашъ составъ по душѣ и по тѣлу? Далеко, далеко не таковы даже лучшіе изъ насъ, за исключеніемъ Богу вѣдомаго остатка избранныхъ; не говорю уже о живущихъ, хотя и честно, но по духу *мірской* честности. Какъ же достигнуть того, чтобы снова зачалась въ насъ истинная Христова жизнь? Проситe Архангела Гавріила, чтобы онъ открылъ вашей *душѣ* тайну этого благовѣщенія. Молите Божію Матерь, чтобы Она, послуживная тайнѣ воплощенія для насъ Бога Слова, и намъ исходатайствовала и даровала благодать воспріять Его въ свое сердце и умъ такъ, чтобы вся наша жизнь была въ Немъ и отъ Него. И, съ помощію Божіей Матери и Архангела благовѣстника, разсуждайте вашею вѣрою вмѣстѣ со мной.

Если вы ревнуете объ исполненіи закона Божія, какъ такого долга, съ выполненіемъ котораго уже сознаете за собою какъ бы заслугу предъ Богомъ и людьми: то вы держитесь такого направленія, какъ будто сами отъ себя *возлаете Богу и людямъ* то или другое. Это значитъ, что вы уже поставляете, или ищете поставить, свою собственную правду предъ Богомъ и людьми. Правды Божіей какъ *дара Христова*, вы не принимаете. Такого направленія держались Іудеи, и не приняли Христа: *не разумѣюще бо Божія правды, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не покорishася* (Рим. 10, 3).

Если вы стараетесь повиноваться и предаваться любви Божіей со смиреннымъ и сокрушеннымъ чувствомъ покаянія, съ строгими подвигами бдѣній, поста, молитвы и проч., и притомъ, вѣруя и надѣясь получить спасеніе не сами собою, но во Христѣ—Сынѣ Божіемъ: это прекрасно! Но и эта правда не возвышается еще надъ духовнымъ (на вѣрѣ же во Христа, конечно, основаннымъ) направленіемъ Іоанна Крестителя, проповѣдника покаянія и строжайшаго подвижника, и притомъ исповѣдавшаго о Христѣ: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29); только *вѣруяй въ Сына имать животъ вѣчный;—а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота; но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. 3, 36, слч. 27). «Что же», скажете вы, «съ меня и довольно—послѣдовать Крестителю Господню». Но не того хочетъ самъ Креститель; ибо его дѣло было предуготовить путь именно Христу,—его служеніемъ и желаніемъ и радостію было приводить Церковь и всякую вѣрующую душу ко Христу, какъ невѣсту къ жениху (Іоан. 3, 28. 29). Самъ Господь говоритъ: *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя:* однако самый малый, *мній въ царствіи небесномъ,* или въ царствѣ Христовой благодати, по сообщенію своему съ самимъ Христомъ, *болій его есть* (Мато. 11, 11).

Какъ же намъ усвоить этотъ чрезвычайный, неизреченно великій даръ Христовой благодати, чтобъ Онъ Самъ—Богъ Слово, сіяніе славы Отца, въ насъ вселился своею благодатію? Какъ удобно и просто это для дѣтской, чистосердечной вѣры! Тогда какъ самопоставляемая, законная правда говоритъ: *сотворивый та человѣкъ, живъ будетъ въ нихъ,*—дѣлай то и то, и спасешься заслугою своихъ дѣлъ; правда Христова, напротивъ, такъ говоритъ: *близъ ти глаголъ есть во устѣхъ твоихъ, и въ сердцы твоемъ, сирѣчь глаголъ вѣры,* только не отвергни, а прими (Рим. 10, 5. 8). И въ самомъ дѣлѣ, самъ Господь Іисусъ Христосъ *бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе,* какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 1, 30). Все нужное для нашего спасенія и оправданія, Богъ Слово во плоти Самъ содѣлалъ для насъ, и все спасительное для насъ Онъ открываетъ и даетъ Самъ въ Себѣ,—только принимайте Его. Онъ Самъ удостовѣряетъ васъ о такой своей благодати: *се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечерямъ съ нимъ и той со Мною* (Апок. 3, 20). Итакъ всѣ обстоятельства вашей жизни такъ проходите, всѣ ваши добрыя дѣла

такъ дѣлайте, всѣ ваши отношенія къ людямъ такъ устроивайте, чтобы при всемъ этомъ вы очами вѣры видѣли Его самого, Христа Бога, и принимали Его къ себѣ...

Начну съ простѣйшаго. Напримѣръ: вы кушаете? Знайте, что и Господь Іисусъ, воплощенная любовь Отчая, также на землѣ вкушалъ пищу, и это снисхожденіе Его до немощей нашей плоти было именно для насъ, чтобы мы входили въ благодатный и спасительный для насъ духъ такого Его снисхожденія. Итакъ, вкушайте пищу въ такомъ расположеніи и настроеніи вашей вѣры, какъ-бы Онъ Самъ вкушалъ съ вами и у васъ пищу. Такимъ образомъ и за чувственной трапезой вы духомъ своимъ будете вечерять съ Божественнымъ Женихомъ вашей души, и Онъ будетъ съ вами вечерять своею благодатію. *Стою при двереx и толкy*, говоритъ Онъ вамъ, только не откажись принять Меня къ своей вечери, и Я приму тебя къ Моей благодатной вечери».

Хотите сдѣлать какое бы ни было доброе дѣло? Дѣлайте дѣло правды такъ, чтобы вамъ непремѣнно за этимъ призывать и воспринимать въ свое сердце Самого Христа, который именно и есть наша *правда*. Вотъ это самое направленіе—принимать вѣрою Самого Христа во всякомъ дѣлѣ, и есть благое иго Христово и бремя Его легкое. Держась такого направленія вѣры и правды, вы будете дѣлать всякое доброе дѣло со всѣмъ усердіемъ; ибо какъ не имѣть усердія принять Того, въ Комъ вся любовь Отчая, вся слава Божества, все святое и истинное и радостное для васъ? Будете дѣлать вмѣстѣ и со всѣмъ смиреніемъ сердечнымъ, съ глубокимъ чувствомъ своего недостоинства и ничтожества: ибо кто, не исключая и самыхъ ангеловъ, можетъ принять Его достойно? И еслибы вы все доброе исполнили, во всемъ этомъ вы видѣли бы и ощущали одну, незаслуженную вами нисколько, милость, ту великую милость, что Онъ, Царь славы, смирившійся ради насъ до *рабія зрака*, благоволилъ быть принятымъ вами въ вашемъ дѣланіи, далъ усвоять Себя созданію неключимому и ничтожному... Непрестанно будете славить Его благость, чудно творящую самыя ваши дѣла столь великимъ даромъ своей благодати. Самыхъ тѣхъ людей, для кого вы дѣлаете добро, будете признавать великими своими благодѣтелями, давшими вамъ безцѣнный случай сотворить благодѣяніе Самому Христу въ вашихъ благодѣяніяхъ имъ (Матѳ. 25, 40); нищіе, питаемые вами духовно или чувственно, будутъ для васъ, какъ приведеніе къ вамъ

Господа, всевышняго Царя, вельможи и даже братія Его (по Его-же слову).

Послушайте,—уразумѣйте своею вѣрою и примите это направленіе, чтобы во всякомъ дѣлѣ, въ самомъ совершеніи всякаго дѣла, пріобрѣтать Христа—нашу истину и правду,—жизнь и правду всѣхъ вашихъ добрыхъ дѣлъ, вмѣняя все прочее въ тщету и уметы (Фил. 3, 8). Въ этомъ духѣ совершаемое, и простое, малое дѣло любезно Отцу небесному болѣе, нежели большая правда иноковая: потому что во всякомъ дѣлѣ, которое вы сдѣлаете, усвояя Христа, Отецъ небесный видитъ знаменіе и духъ своего Сына возлюбленнаго, въ которомъ все Его благоволеніе, какъ въ Сынѣ единородномъ и единосущномъ Ему. Но какъ, скажете, войти и утвердиться въ этомъ направленіи, чтобы во всякомъ дѣлѣ пріобрѣтать себѣ Христа? Знаете, и выше было уже говорено, что *никтоже можетъ* даже *рещи Господа Іисуса точію Духомъ Святымъ*. Не иначе, какъ во Святомъ Духѣ, обращаясь къ Нему сердцемъ и мыслію, можно вѣрою и *принимать* или усвоять себѣ Господа Іисуса во всякомъ дѣлѣ, принимать духомъ, какъ видимо принимаете дорогихъ, желанныхъ гостей. Основаніе того, чтобы и нами вѣрою принять былъ и своею благодатію вселился въ насъ Богъ-Слово Христосъ, есть единственное таинство Боговочеловѣченія въ пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ. *Како будетъ сіе?*—вопросила Она Архангела. *Духъ святый найдетъ на тя*, отвѣчалъ Благовѣстникъ, *и сила Вышняго осѣнитъ тя. Тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій*. Итакъ вѣрою принимайте и усвояйте себѣ Сына Божія—именно во Св. Духѣ.

Но сила и тайна *Благовѣщенія пресвятыя Богородицы*, какъ онѣ духовно могутъ и должны отражаться въ насъ, еще невполнѣ раскрыты. Архангелъ говоритъ пресвятой Дѣвѣ, благовѣствуя о зачатіи и рожденіи отъ Нея Господа Іисуса: *сей будетъ великій, и Сынъ Вышняго наречется: и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида отца Его: и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца* (Лук. 1, 32. 33). Таково именно Божественное достоинство и вѣчное владычество Царя истины и благодати—Христа Сына Божія, единосущнаго Отцу и Святому Духу, вочеловѣчившагося отъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы Маріи; все, за исключеніемъ развѣ одного отрицанія бытія и истины, состоящаго впрочемъ въ дѣйствительной Его же власти,—все только въ Немъ имѣетъ свое верховное начало и получаетъ свое истин-

ное значеніе и силу. Итакъ видите ли, какой великій плодъ обѣщается направленіемъ вѣры принимать живою мыслію и сердцемъ во всемъ и чрезъ все Самого Христа? Соотвѣтственно нашему постоянству и вѣрности въ стремленіи *всего отщетитися и вмѣнить вся уметы быти, да Христа пріобрящемъ* (Фил. 3, 8), Господь благоволилъ бы раскрывать въ насъ и чрезъ насъ свое вѣчное владычество, животворную силу и непреложность своей спасительной истины и благодати. Это поистинѣ такъ. Вы поймете это, когда и въ разныхъ отношеніяхъ вашихъ къ людямъ будете также своею вѣрою взирать ко Христу, искать и усвоять себѣ Христа.

Такъ, вы находитесь въ извѣстныхъ церковныхъ отношеніяхъ къ священникамъ, къ архіерею и прочимъ освященнымъ лицамъ. Благодать священства есть благодать Самого Христа—единаго вѣчнаго Первосвященника, облекающаго земныхъ своихъ служителей, въ разной мѣрѣ и степеняхъ, силою *своего* священства, *своей* пастырской власти. Итакъ въ лицѣ каждаго освященнаго лица взирайте вѣрою на Того, въ чью благодать онъ облеченъ,—на самого Христа, единаго Первосвященника, приводящаго насъ въ Себѣ ко Отцу, и принимайте именно Его Самого духомъ своимъ, при помощи Св. Духа. И поступайте такъ не только въ отношеніи тѣхъ, въ комъ ясно сіяетъ отпечатлѣніе Христова священства, но и въ отношеніи къ тѣмъ, въ комъ эта великая благодать погружена подъ грубостью, корыстолюбіемъ и проч. И чѣмъ въ комъ менѣе открытъ свѣтъ благодати священства, за личными его недостатками и пороками, тѣмъ болѣе подвизайтесь духомъ—выдержать силу и направленіе своей вѣры, не опустить изъ виду, не отвергнуть, а признать и принять Христа во всей живости Его благодати и истины, врученной священству. *Блажени не видѣвшіи, но вѣровавшіи!*—Чтожъ? Думаете ли, что ваша живая вѣра, подвизающаяся досягнуть самого Христа и въ лицѣ недостойнаго Его служителя, останется втуне? Нѣтъ, она приведетъ у него въ живое движеніе благодать священства, и если онъ не ожесточился во злѣ, рано или поздно оживитъ его: потому что благодать священства, ему данная, чрезъ живую вѣру вашу будетъ всегда возбуждаться и не дастъ ему покоя, пока онъ не сдѣлается чистымъ Христовымъ орудіемъ. Итакъ, если бы то направленіе вѣры, о которомъ столько говорю съ вами, распространилось, то чрезъ это много, много ожило бы духомъ изъ нашей братіи—священниковъ. Воскресъ бы тогда и во мнѣ Хри-

стовъ духъ. Священство православное засіяло бы предъ міромъ живымъ свѣтомъ святыни...

Случается также намъ, священникамъ, допускать, и за самымъ священнослуженіемъ въ церкви, грѣхи небрежности о дѣлѣ Божіемъ, безпорядки взаимныхъ несогласій и т. п. Но вы, находясь въ церкви, вознесите свои мысли къ Святому Духу и дѣтскою вѣрою созерцайте во всемъ церковномъ—то орудія Христовы, то Его же облаченія, то Его дары и слово, вообще присутствіе Его Самого, единороднаго Сына Божія, въ Которомъ все благоволеніе и слава Отца. По вашей вѣрѣ, если она успѣетъ выдержать свое дѣтское воззрѣніе при какихъ бы то ни было нашихъ нестроеніяхъ, благодать устроитъ, что наше священнослужительское разногласіе и неблагочиніе (внѣшнее ли оно или духовное) незамѣтно прійдетъ въ стройность и согласіе. Вы сами говорили мнѣ о такомъ духовномъ дарованіи одного изъ рабовъ Божіихъ. Такъ будетъ съ вами, если въ церкви будете, по дѣтскому настроенію вѣры, точно какъ у самого Христа, Сына Божія возлюбленнаго, предзрѣваемаго вами во Св. Духѣ. Такъ-то, видите сами, что, Богъ дастъ, можетъ духовно обновиться въ насъ все духовное, когда то же настроеніе вѣры будетъ по-немногу распространяться.

Подобно сему и въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, даже самымъ грѣшнымъ, также своею вѣрою имѣйте въ благоговѣйномъ виду и своею любовію усвояйте себѣ Христа.—Это какъ? Христосъ Богъ содѣлался человѣкомъ для всякаго человѣка и взялъ на Себя грѣхи всѣхъ грѣшныхъ. Итакъ, въ лицѣ каждаго грѣшника, не обинуется предстать вашей вѣрѣ Онъ Самъ, воплощенная правда и святость: *невѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори*, т. е. «Его безгрѣшнаго и всесвятаго Отецъ содѣлалъ какъ-бы грѣхомъ за насъ, за всѣхъ грѣшныхъ». Вы того не знаете, кто изъ насъ,—вы или я—первый изъ грѣшниковъ, окажется на судѣ усвоившимъ себѣ Христа; не нужно и знать это вамъ: только нужно усвоить себѣ Христа. Но то вы знаете, что Христосъ за всѣхъ умеръ,—умеръ и за меня, перваго изъ грѣшниковъ,—что Онъ взялъ и мои грѣхи вмѣстѣ съ грѣхами всего міра; и вотъ вамъ случай принять и усвоить себѣ Христа, имѣя на лицо только перваго изъ грѣшниковъ... Чѣмъ болѣе мои грѣхи закрываютъ для васъ Христову благодать, находящуюся однако во мнѣ отъ самаго крещенія, тѣмъ болѣе подвизайтесь своею вѣрою, и въ отношеніи ко мнѣ, принять и присвоить себѣ Агнца Божія, взем-

люшаго и мои грѣхи вмѣстѣ съ грѣхами всего міра. Подвизаясь принять и усвоить себѣ Христа, взявшаго мои грѣхи, вы будете чрезъ это достигать участія въ любви самого Христа ко мнѣ грѣшному, такъ что мои грѣхи, чуждые вамъ, будутъ для вашего человѣколюбія во Христѣ, какъ ваши собственные грѣхи, что о моихъ сквернахъ будете сокрушаться и болѣть, какъ-бы о своихъ винахъ. То же будетъ въ васъ и въ отношеніи къ другимъ, подобнымъ мнѣ, грѣшникамъ, если вы и въ отношеніи къ нимъ не опустите изъ вида, а примете и присвоите себѣ Христа, взявшаго на Себя и ихъ грѣхи. *Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю?* говоритъ Ап. Павелъ, вошедшій въ полную мѣру вѣры, пріемлющей Христа—Агнца Божія, вземлющаго грѣховныя немощи всѣхъ. *Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся?* (2 Кор. 11, 29). Судите же, какого грѣшника не оживитъ и не исправитъ такая вѣра и любовь? И потому, что было бы съ міромъ, еслибы распространилось подобное направленіе вѣры?..

Припомните также притчу Христову о милосердномъ Самарянинѣ (Лук. 10, 29—37). Православныя чада ветхозавѣтной Церкви—Іудеи отвращались отъ Самарянъ, какъ отъ раскольниковъ и даже какъ (по нашему выразиться) отъ поганыхъ. Въ самой св. библіи есть указанія на то, что *сѣдящіи на горѣ Самарійской*, т. е. Самаряне, были *омерзительны*, и при томъ для истинно-вѣрующаго ветхозавѣтнаго, на ряду съ ненавистнѣйшими изъ язычниковъ (см. Сир. 50, 27. 28). *Два языка омерзѣста души моей*, говоритъ премудрый сынъ Сираховъ, *а третій нѣсть языкъ: сѣдящіи на горѣ Самарійской, и Филистимляне, и людіе буи живущіи въ Сикимѣхъ.* И вотъ *законникъ нѣкій*, услышавъ отъ Господа, что для спасенія нашего должно намъ любить ближняго, какъ себя, *желая оправдитися самъ*, задалъ Господу такой вопросъ: и кто мой ближній? Какъ-бы такъ онъ говорилъ: «и я радъ бы былъ другого любить, какъ самого себя, еслибы я въ немъ находилъ какъ-бы самого себя, человѣка *роднаго* мнѣ, такого въ комъ бы я чувствовалъ благоуханіе святыни Израилевой, богонзбранность сѣмени Авраамова и тому подобное. Но вотъ мы живемъ подъ властію язычниковъ—Римлянъ; съ нами рядомъ, или даже среди насъ, живутъ Самаряне, худшіе иныхъ и изъ язычниковъ. Ужели эти люди, омерзительные для вѣрующихъ и мудрыхъ отцевъ нашихъ, суть мои ближніе?» Въ отвѣтъ на такой вопросъ Господь и сказалъ притчу о *впадшемъ въ разбойники*, мимо котораго прошли равнодушно священникъ и левитъ. Здѣсь въ образѣ

милосердаго Самарянина Господь прикровенно представилъ Себя самого: такъ разумѣетъ эту притчу Церковь. Такъ и должно разумѣть; иначе вопросъ законника оставленъ былъ бы Господомъ безъ отвѣта, безъ разрѣшенія своей трудности, которая состояла въ томъ: какъ снять преграду, раздѣлявшую чадъ Церкви—Іудеевъ отъ невѣрныхъ язычниковъ и Самарянъ? Эту преграду снялъ или уничтожилъ одинъ Христосъ, взявшій на Себя грѣхи всѣхъ равно... Не раскрылъ же Господь этой тайны прямо предъ законникомъ потому, что она была еще совершенно неудобовмѣстима до искупительной смерти и воскресенія Христова и до сошествія Св. Духа. Христосъ какъ бы такъ говорилъ законнику, выставляющему свою правду законную: «ты не хочешь видѣть своего ближняго въ омерзительномъ для твоей вѣры Самарянинѣ? Но знай, что Я принимаю на Себя самыя грѣховныя мерзости равно Іудеевъ и Самарянъ, чадъ Церкви и язычниковъ. Итакъ, въ лицѣ Самарянина, котораго ты отвращаешься, невидимо предстою тебѣ Я Самъ, твой Господь и Спаситель. Подумай же, кто въ комъ нуждается: Я ли, Владыка и Спаситель всѣхъ, нуждаюсь въ тебѣ, или напротивъ ты во Мнѣ, ты, котораго именно и умертвилъ грѣхъ, ты, избитый на смерть исконнымъ человѣкоубійцею и его слугами—разбойниками демонами, ты, которому безъ Меня никто и ничто не поможетъ, ни священникъ, ни левитъ?.. Смотри же: отвратишься отъ Самарянина,—отвратишься въ лицѣ его и отъ Меня—твоего Спасителя, взявшаго на Себя всѣ вины и мерзости Самарянина. Напротивъ, если ты, и въ отношеніи къ Самарянину, не опустишь изъ вида, но отъ всего сердца будешь держаться вѣрою Меня, самого Агнца Божія, вземлющаго грѣхи и Самарянина, вмѣстѣ со грѣхами всего міра: то этотъ же Самарянинъ, нынѣ омерзительный для тебя, будетъ для тебя во Мнѣ, какъ самый лучшій твой братъ, даже ближе брата».

Законникъ въ такомъ милосердомъ Самарянинѣ, какимъ съ силою, хотя и приточно, представилъ Господь самого Себя, выносившаго на Себѣ вину Самарянства, почувствовалъ и призналъ своего истиннаго ближняго. И Господь на это сказалъ ему: «*иди, и ты твори такожде*. То есть: усвой же и ты своему сердцу Мой духъ и расположеніе, усвой собственно Меня Самого, какъ взявшаго на Себя грѣхи этого бѣднаго Самарянина. Тогда, по этому самому участію въ немъ твоей вѣры и любви, отчужденіе Самарянина отъ Церкви будетъ для тебя такъ чувствительно, какъ бы ты самъ въ немъ былъ отчужденъ отъ Церкви; грѣхами

и струнами его души, чуждыми тебѣ, ты будешь по вѣрѣ и любви болѣть, какъ бы собственными твоими струнами. И ты, одушевясь такимъ духомъ Моей любви къ нему, вѣрно пріобрѣтешь Мнѣ и Церкви этого невѣрнаго Самарянина, которымъ гнушаешься; ты исполнишь въ отношеніи къ нему Мое дѣло милосердаго Самарянина. Войди же въ духъ Моей любви къ этому отверженному грѣшнику. «*Иди, и ты твори такожде*». И дѣйствительно, св. Апостолы, водясь духомъ милосердаго Самарянина, пріобрѣли для Христа и Его Церкви и Самарянъ, и язычниковъ безчисленное множество. Судите же (спрошу васъ), что было бы съ цѣлымъ міромъ, когда бы огнь, о которомъ говорю, разгорѣлся и распространился въ мірѣ? Какихъ раскольниковъ, какихъ неправославныхъ, какихъ невѣрныхъ не обратили бы мы, православные, когда бы, въ отношеніи къ нимъ, такъ пріобрѣли мы взявшаго ихъ вины Христа, что вина и погибельность ихъ отчужденія отъ вѣры православной была бы для насъ, какъ бы наша,— когда бы и наше равнодушіе къ нимъ въ дѣлѣ вѣры (прикрытое часто личиною человѣколюбія, вѣротерпимости), и наше нечеловѣколюбивое отвращеніе отъ нихъ (прикрытое часто личиною ревности по вѣрѣ), были бы для насъ то же, что равнодушіе или холодное невниманіе къ Самому Христу Спасителю всѣхъ людей, стоящему при дверяхъ нашихъ: *се стою при дверехъ и толку?...*

Но мы говоримъ еще только о зачатіи и рожденіи того благодатнаго направленія вѣры, чтобы во всѣхъ дѣлахъ и во всѣхъ отношеніяхъ къ людямъ принимать вѣрою самого Христа— во Св. Духѣ. Хорошо, или даже чудесно было бы, когда бы вы, взвѣсивъ мои слова своимъ вѣрующимъ умомъ и сердцемъ, вошли вмѣстѣ и въ духъ отвѣта благовѣстнику самой Матери Божіей: *се раба Господня: буди ми по глаголу твоему:* Она первообразъ ваша, по извѣщенію слова Божія: *приведутся царю дѣвы вслѣдъ Ея.*

О праздникѣ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы довольно.

IV. Когда вы внутреннюю усвоите, и во всей внѣшней жизни будете проявлять то направленіе вѣры, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ отношеніяхъ—къ пастырямъ ли какъ словесныхъ овецъ, такъ и безсловесныхъ, къ мудрецамъ ли вѣка сего, или къ людямъ необразованнымъ—очами духа и сердца взирать и устремляться во Св. Духѣ ко Христу Сыну Божію, въ которомъ вся любовь и слава Отца: то васъ можно будетъ привѣтствовать и съ *праздникомъ рождества Іисуса Христа*, покланяемаго отъ пастырей и восточныхъ мудрецовъ. И все, о чемъ выше было

говорено касательно этого направленія, будетъ вами дознаваемо опытно. Конечно, все это будетъ сначала еще слабо, по-младенчески, въ смѣшеніи съ житейскимъ; но и Христосъ ради насъ родился *младенцемъ*, положенъ въ скотскихъ яслѣхъ. Довольно нока того, что вы въ своемъ духѣ будете ощущать какъ-бы возшедшую утреннюю *звѣзду*, или разсвѣтающее утро новаго дня, того дня, когда египетская тьма уступитъ свѣту Христову; когда все истинное, благое и прекрасное станутъ люди признавать и принимать въ единомъ Христѣ, и слава Христова чрезъ православную Церковь распространится *до послѣднихъ земли*.

При этомъ особенно обратите ваше благоговѣйное вниманіе на слѣдующее. Праздникъ Рождества Христова торжественно собою возвѣщаетъ намъ, что Самъ Богъ, именно Единосущный Отцу своему—Богъ Слово воспріялъ въ самую свою личность (въ единство своего «Я») истинное и полное человѣческое естество, и это собственно для насъ человѣковъ, и именно грѣшныхъ и погибающихъ. Поэтому въ рожденномъ Богомладенцѣ открыта намъ вся Божественная полнота; и такимъ образомъ нашей вѣрѣ уже вполнѣ доступно—какъ въ отношеніяхъ нашихъ къ людямъ досягать духомъ до явившагося для всѣхъ и за всѣхъ въ человѣчествѣ Единороднаго Сына Божія, такъ и самимъ въ себѣ, въ своей нравственной дѣятельности, водиться Его волею и благодатію, и особенно въ области знаній, искусствъ, жизни общественной, слѣдить и усвоять собственно творческія и міродержавныя мысли Его, *вся носящаго глаголомъ силы своея* (Евр. 1, 3). Съ другой же стороны, въ «ставшемъ плотію Богѣ Словѣ», все человѣческое естество—душа, тѣло, и въ душѣ и тѣлѣ всѣ природныя ихъ силы и свободное дѣйствіе этими силами являются, также именно ради насъ, принадлежащими собственному Его лицу, такъ что намъ должно стоять за всѣ стороны человѣчества, какъ за собственность уже Христову,—за мысль, волю, воображеніе, сердце, за свое тѣло и удовлетвореніе во Христѣ его потребностей. Подавленіе, стѣсненіе, тѣмъ паче осужденіе и отверженіе чего бы то ни было истинно человѣческаго (кромѣ грѣха, составляющаго уже извращеніе человѣчества), есть уже посягательство на самую благодать, на духъ и смыслъ—рожденія для насъ Христа Богочеловѣка;—и это точно такъ же, какъ стоять за что-либо человѣческое не во Христѣ, значитъ уже отнимать у Христа собственность Его благодати и низвергать это человѣческое изъ области спасенія въ неизбѣжную пагубу и растлѣніе. Усвойте это своимъ

воззрѣніемъ, или вообще своему образу мыслей и правиламъ;—и я васъ поздравлю съ праздникомъ Рождества Христова, дознаннымъ вами въ самой его силѣ.

Начинайте съ простѣйшаго, наглядно-доступнаго: ибо что удободоступнѣе Младенца, и притомъ рожденнаго въ пещерѣ пастушеской и положеннаго въ скотскихъ яслехъ? Вотъ теперь у насъ въ Россіи идетъ великое, но въ сущности наглядно-простое дѣло объ улучшеніи быта крестьянъ, касающееся и вашихъ интересовъ. Изъ обстоятельствъ же Рождества Христова въ Виолеемской пещерѣ, вамъ извѣстно, что въ Виолеемъ прибыла Божія Матерь съ обручникомъ своимъ Іосифомъ именно по случаю народной переписи. Примѣчаете ли вы, какъ такимъ образомъ замѣшались въ обстоятельствахъ самаго появленія Богочеловѣка на свѣтъ,—высочайшее событіе церковное и распоряженіе гражданскаго правительства, податное состояніе и высокій родъ? Высокій родъ: потому что, по сохранившимся до самаго того времени генеалогіямъ, или родословіямъ, Іосифъ и Пресвятая Дѣва Марія были происхожденія царственнаго—изъ дома и рода Давидова, почему они и прибыли на мѣсто родины Давидовой—Виолеемъ. Податное состояніе: потому что переписывались Іудеи, какъ подневольные Риму. Распоряженіе правительства: таково именно распоряженіе о народной переписи. Церковное событіе, потому что Новорожденный Богомладенецъ есть единственный Глава Церкви и ветхозавѣтной также, какъ новозавѣтной. Вѣдь все это для насъ человѣковъ, все это благодать намъ. Ужели все это, вся такая благодать по отношенію вмѣстѣ и къ Церкви и къ гражданству, къ уничиженному состоянію и высокому роду, останется безъ живаго приложенія къ намъ?! Современныя намъ обстоятельства помогаютъ вѣрѣ (разумѣется желающихъ) вполнѣ воспользоваться этою благодатію. Вы, безъ сомнѣнія, желаете воспользоваться для себя и для другихъ такою благодатію. Итакъ, въ предустрояемомъ улучшеніи людей податного состоянія — усматривайте вашею вѣрою сущность всего дѣла въ томъ, чтобы эту милость явить самому Рожденному для людей въ подобномъ же состояніи Христу, явить Ему это благодѣяніе именно въ меньшихъ Его братіяхъ. Раздѣляя заботы о семъ съ другими людьми высшаго рода, стремитесь вѣрою собственно къ тому, чтобы вамъ вмѣстѣ съ ними воспріять и удержать духовно (т. е. въ своихъ расположеніяхъ и духѣ), также самого Божественнаго Потомка Царей, благоволившаго снизойти для насъ до воспріятія нашего

обинщавшаго естества (а не то, что до какого-нибудь не очень большаго пожертвованія). Въ правительствѣ и Царѣ, подъявшемъ подвигъ улучшенія быта крестьянъ, вашею вѣрою примѣчайте воздѣйствовавшую благодать Всевышняго Царя, восхотѣвшаго воспріять на Себя наше худшее для дарованія намъ Своего лучшаго, воспріять наше человѣчество для дарованія намъ соучастія въ своемъ значеніи Сына Божія. Наконецъ въ св. Церкви, съ духовнотонкимъ вниманіемъ вѣры, усматривайте истинную Мать, незримо своими благодатными способами поддерживающую и соблюдающую такую благодать въ своемъ православномъ народѣ и государствѣ: ибо все истинно-благое и полезное, *всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17), а всецѣлая благодать Отца свѣтовъ, являемая въ Единородномъ силою Св. Духа, имѣетъ собственною областію единую святую православную Церковь. О, еслибы намъ всѣмъ и воспріять и удержать въ своемъ духѣ Богомладенца Христа, родившагося въ мірѣ собственно для того, да чрезъ вѣру благодатную вселится въ сердца всѣхъ и да возславятся въ Немъ всяческая, все и земное такъ же, какъ небесное! И мысль и чувство вѣрующихъ, вникая и входя, по мѣрѣ вѣры и дара благодати, въ такую силу Рождества Христова, по-истинѣ присоединяются болѣе или менѣе къ тѣмъ безплотнымъ созерцателямъ, которые, при рожденіи Христовомъ воспѣли: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣкахъ благоволеніе*, и которые всегда *желаютъ приникнути* въ проявленія и дѣйствія въ мірѣ Христовой тайны (1 Петр. 1, 12).

V. Съ такими начатками обновительнаго для міра духа Христова, какъ съ младенчествующимъ Іисусомъ вѣрующая душа будетъ тщательно и вѣрно соблюдать всѣ законы и уставы православія;—и несомнѣнно будетъ имѣть встрѣчи со старцами и старицами Божіими, въ родѣ Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, которые признаютъ и благословятъ духовно носимаго ею Богомладенца Христа,—*свѣтъ во откровеніе языковъ и славу людей Божіихъ Израиля.*

Такъ праздновать праздникъ *Срѣтенія Господня* и желаю вамъ. Но послушайте еще св. Симеона Богопріимца, какъ онъ срѣтилъ Господа;—и онъ научитъ васъ еще лучше входить въ силу этого великаго праздника Христова.

Св. Симеонъ привѣтствовалъ срѣтеннаго и принятаго имъ на руки Богомладенца, какъ *свѣтъ во откровеніе языковъ и славу людей Божіихъ Израиля,*—«свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа Божія—Израиля». Вы знаете, что есть и въ хри-

стіанскомъ мірѣ (случается даже и между православными) одно такое духовно-нравственное направленіе, по которому стоятъ и ревнуютъ собственно только за букву Божія закона и православія, какъ нѣкогда Іудеи, а другое такое, по которому для мысли въ разныхъ областяхъ знанія, и для жизни въ общественныхъ, домашнихъ и личныхъ дѣлахъ, христіане имѣютъ живымъ дѣйствующимъ началомъ не Христа, а внѣ Его взятыя идеи и правила, или даже иногда просто страсти необузданныя.

Первое направленіе справедливо можно назвать духовно-іудейскимъ, а другое духовно-языческимъ; потому что сила и духъ, какъ іудейства, такъ и язычества точно таковы, какова сила означенныхъ направленій. Нѣтъ нужды говорить, какъ худо и гибельно то и другое направленіе, изъ которыхъ по одному Іудеи распяли Христа, а по другому язычники отпали отъ Бога и гнали Его Церковь. Хотите ли не только себя обезопасить, но и другихъ предостерегать отъ подобныхъ направленій и незримо подрывать эти направленія въ комъ бы ни было? У вѣры вашей, если только захотите имѣть такую вѣру, есть на это вѣрные способы. Господь Іисусъ, какъ «свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и слава Божія народа»—Іудеевъ, и есть эта непреодолимая и побѣдоносная сила къ инспроверженію, какъ іудейскаго, такъ и языческаго направленія. Но Онъ уже благодатно облекъ въ самого Себя всякаго, пріявшаго св. таинство крещенія, по слову Божію: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27). Итакъ вашей вѣрѣ не только нѣтъ препятствія, но есть напротивъ и самыя сильныя побужденія (именно мысль чтобы не преобидѣть благодать Божію своимъ невниманіемъ) при всякой такъ сказать встрѣчѣ съ крещеннымъ—мужичкомъ или дворяниномъ, мужчиной или женщиной—духомъ срѣтать и Того, въ Кого невидимо облеченъ этотъ крещенный человѣкъ чрезъ самое св. крещеніе. *Живетъ ли Христосъ* въ этомъ человѣкѣ такъ, что сей послѣдній уже *не ктому себѣ живетъ* (Гал. 2, 20), или напротивъ этотъ несчастный духовнымъ іудействомъ или язычествомъ своей мысли и жизни уже дошелъ до того, что *второе распинаетъ* у себя *Сына Божія* (Евр. 6, 6); но несомнѣнно то, что на благоговѣйное вниманіе и тайный вопль вашей вѣры благодатно отзовется Самъ облекшій въ Себя этого человѣка, Христосъ Сынъ Божій, *бывшій мертвымъ* за грѣшныхъ и заблуждающихъ, *и се живущій во вѣки вѣковъ* (Апок. 1, 18). И срѣтая такимъ образомъ Того, Кто, взявъ на Себя грѣхи язычества и іудей-

ства нашего, есть свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и слава Божія народа—Іудеевъ, ваша вѣра и будетъ воспринимать Божію благодать, подрывающую въ крещеныхъ приражающіяся къ нимъ направленія, какъ духовно-іудейское, такъ и духовно-языческое. Но и этого мало и недостаточно для истинной вѣры во Христа Богочеловѣка. Онъ сталъ человѣкомъ за каждаго человѣка, вземля грѣхи каждаго человѣка такъ же, какъ и всего міра; Онъ Своимъ сіяніемъ (пожалуй, идеями) истины, блага и красоты—*свѣтитъ всякому человѣку, грядущему въ міръ* (Іоан. 1, 9). Итакъ, при встрѣчѣ и съ невѣрнымъ, съ язычникомъ, жидомъ или магометаниномъ, воззрите духомъ къ Тому, Кто, будучи Богъ, облекся въ наше человѣчество именно насъ ради человѣковъ—изъ всѣхъ мѣстъ и временъ, и кто тайно свѣтитъ духовнымъ отсвѣтомъ своея истины и блага и этому невѣрному или язычнику. Для христіанина (не какъ для язычника Діогена) нѣтъ нужды въ фонарѣ, чтобы отыскивать человѣка днемъ среди многолюдства.—Воспріимите вѣрою Божественнаго Ходатая человѣковъ, представляющаго Отцу небесному въ Своемъ человѣчествѣ все грѣшное и гибнущее человѣчество для помилованія, *или-же вѣсть, судьбами*. Срѣтая такимъ образомъ и пріемля духомъ своимъ единаго истиннаго Человѣколюбца вездѣ, гдѣ бы ни увидѣли вы человѣка, будете и съ своей стороны содѣйствовать къ раскрытію свѣта и славы Христовой для просвѣщенія и спасенія, какъ языковъ, такъ и евреевъ или Израиля. Вѣдь вамъ извѣстно, что у Христовой благодати, кромѣ совершительныхъ ея способовъ и проявленій, есть и предварительные или предуготовительные къ обращенію того или другого человѣка или народа.

Дополнимъ рѣчь о праздникѣ Срѣтенія Господня словами Богопріимца, которыя сказаны имъ именно Божіей Матери, относительно Божественнаго Ея Сына: *се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили и въ знаменіе прекаемо. И Тебѣ же Самой душу пройдетъ оружіе;* и откроется наконецъ, кто чего держится въ своихъ внутреннихъ помышленіяхъ,—строгаго ли къ чужимъ грѣхамъ міра, или Христа, вземлющаго грѣхи міра (Лук. 2, 34, 35). Пососкорбите вѣрою сердцу Божіей Матери, которой душу пронзалъ мечъ при распятіи Христовомъ и, но Ея любви къ Божественному Сыну и къ намъ грѣшнымъ, не престаетъ пронзать всякій разъ, какъ іудейскимъ или языческимъ направленіемъ второе распинается у насъ Христосъ, о котораго и претыкаются самые Христіане именно чрезъ то или другое на-

правленіе *), содѣлавъ его предметомъ противорѣчій по разнымъ исповѣданіямъ и сектамъ неправославнымъ. Скажете ли, что вы и за себя опасаетесь потеряѣть преткновеніе (истинно слезъ достойное) о Божественный камень—Самого Христа Спасителя? Опасеніе доброе! Ибо если Божій возлюбленный народъ, столько вѣковъ соблюдавшій у себя завѣтъ всемірнаго спасенія, такъ плачевно преткнулся при явленіи Самого Спасителя міра,—если потомъ, первый изъ вселенскихъ патріарховъ также не ощаженъ былъ отъ многовѣковаго преткновенія, захотѣвъ духовное, живое и всегда дѣйствующее Самимъ Св. Духомъ, главенство Спасителя превратить для себя, по-іудейски, въ одну мертвую букву, чрезъ чувственное и мірское главенство Папы,—если и съ самопожертвованіемъ взявшіеся поправить въ себѣ и другихъ такое гибельное преткновеніе, западные преобразователи христіанства сами потеряѣли новое преткновеніе, открывъ, по-языčески, самоуправство (въ самомъ дѣлѣ вѣры) человѣческихъ воззрѣній и произвола, вмѣсто управленія мысли и воли и сердца единымъ Христомъ и, Его же Духомъ одушевляемою и Его тѣло, по Его же благоволенію и благодати, составляющею,—св. Церковію: то какъ будемъ мы ощажены отъ новыхъ, можетъ быть еще гибельнѣйшихъ преткновеній и паденій, если съ крайнею духовною опасливостію не будемъ ввѣрять себя охраненію самой благодати Божіей? Въ предосторожность отъ преткновеній надобно глубже входить въ духъ Срѣтенія Господня Богоприимцемъ. Такъ, во всѣхъ вашихъ дѣлахъ, во всѣхъ отношеніяхъ вашихъ къ людямъ—по родству или пріязни, по оффиціи или случайностямъ, въ вашей мысли, въ движеніяхъ вашей воли и сердца воспри-

*) Впрочемъ, случается намъ христіанамъ даже держаться и такого направленія, въ которомъ съ фальшивымъ христіанствомъ соединяется вмѣстѣ духовное іудейство и язычество, подобно какъ магометанство составилось изъ смѣси понятій извращеннаго христіанства, іудейства и язычества. Это бываетъ, когда при внутренней невѣрности Христу, въ образѣ мыслей и правилахъ своихъ по языčески управляемся разными мнимыми божествами нехристіанскихъ идей и страстей, и однако по-іудейски прикрываемъ себя не только предъ другими, но иногда и въ обманъ собственной совѣсти—личиною законности, буквою православія. Но это духовное магометанство собственно и разлагается нами на составныя свои начала—направленія въ христіанствѣ духовно-іудейское и духовно-языčеское, дѣйствующія впрочемъ иногда и во взаимной отдѣльности. Приражения ихъ едва-ли не каждый внимательный къ своей совѣсти примѣтитъ въ собственной жизни.

нимайте и держите, какъ своего единственнаго на все начала, Самого Христа, вѣрѣ всегда доступнаго въ Св. Духѣ: и вы будете отражать отъ себя духовно-языческое многоначальное или многобожное направленіе. Но смотрите,—воспринимайте вѣрою и держите духовно Христа,—въ истинномъ Его духѣ,—въ духѣ той Его любви, въ томъ Его святомъ расположеніи и *мудрствованіи*, что Онъ Всевышній *смирилъ Себе*, снизойдя ради насъ земнородныхъ съ пренебесной Своей высоты въ нашъ земной порядокъ вещей, воспріялъ Себѣ полное человѣческое естество ради всего человѣчества, и притомъ—какъ будто Самъ виноватый во всѣхъ человѣческихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ, благоволилъ претерпѣть страданія до неизслѣдимой степени ощущенія оставленія Его Самимъ Единосущнымъ Его Отцомъ, и наконецъ позорную крестную казнь: и вы будете предостерегать себя отъ прираженія духовно-іудейскаго направленія. Да, вы будете держать Христову истину не въ буквѣ, а въ самой ея силѣ, если будете стремиться къ тому, чтобы все земное было возглавлено во Христѣ, чтобы не судить и отвергать, а спасать человѣческое,—и особенно если въ злостраданіяхъ, хотя бы отъ тѣхъ самыхъ, за кого вы духовно подвизались, вы будете воніять сердцемъ не объ отмщеніи имъ, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ кровь Авелева, а о помилованіи ихъ-же, какъ *кровь Ходатая Завѣта новаго, лучше глаголющая, нежели Авелева* (Евр. 12, 24).

При этомъ возьмите и ту предосторожность, чтобы въ такихъ внушаемыхъ вамъ расположеніяхъ, не требовать ни отъ себя, ни тѣмъ паче отъ другихъ сейчасъ же и зрѣлости духовной. Самъ Христосъ для насъ былъ сначала младенцемъ, какъ Его, принесеннаго на рукахъ Богоматерію, и воспріялъ Симеонъ Богопріимецъ. Итакъ имѣйте духовно воспріять и держать—и въ себѣ и другихъ, къ вамъ близкихъ,—сначала именно младенчествующаго Христа или, сказать то же иначе, старайтесь блюсти и поддерживать и младенчествующія во Христѣ и Его духѣ расположенія и мысли. Только на всякій случай помните, что и въ маломъ чемъ либо намѣренно и произвольно допустить фальшивое соглашеніе и примиреніе направленій духовно-іудейскаго или духовно-языческаго съ настроеніемъ по Христу, значило бы уже убивать въ себѣ духъ Христовъ. Впрочемъ сдерживайте любовію и самую ревность противъ этихъ двухъ нехорошихъ направленій, чтобы или мудрствовать и жить не по Христову началу, или изъ самаго этого животворнаго начала дѣлать для себя и для

другихъ одну мертвую букву, одну рабскую форму. Знаете сами, что Иліи, снѣдаемому ревностію *по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ яко оставиша Его сынове Израилевы* и избили пророковъ Его, было такое слово Господне: *се мимо пойдетъ Господь, и духъ великъ и крѣпокъ, разоряя горы, и сокрушая каменіе въ горѣ предъ Господемъ. но не въ дусѣ Господь: и по дусѣ трусъ, и не въ трусѣ Господь: и по трусѣ огнь: и не во огни Господь: и по огни гласъ хлада тонка, и тамо Господь* (3 Цар. 19, 11. 12). Можно и нужно иногда усмирять и Христово духовно-свободное дитя вѣры—въ себѣ ли, въ другомъ ли, отъ васъ зависящемъ, но только съ осторожностію, какъ бы не преобидѣть Духа Господня, Духа сыновней свободы, а не рабскаго страха.

Перейдемте теперь, слѣдуя св. иконѣ,

VI. Къ празднику *Богоявленія*.

Позвольте сказать здѣсь нѣчто въ родѣ предисловія къ раскрытію значенія этого великаго праздника.

Случалось мнѣ не разъ говорить съ вами объ усилившемся у насъ, и именно между ревнующими по благочестію, духѣ строгой ревности противъ вліянія западныхъ неправославныхъ идей, противъ стремленія къ земнымъ и житейскимъ удобствамъ и улучшеніямъ, и проч. Это, очевидно, благонамѣренное направленіе. Лучшее, что можно сказать въ похвалу этого строгаго направленія, состоитъ въ томъ, что оно сродно духу св. Крестителя Господня Іоанна. Но не надобно забывать, что св. Іоаннъ Предтеча приготовлялъ и велъ души вѣрующія собственно ко Христу—Агнцу Божію и къ общенію въ Христовомъ духѣ, потому самъ этотъ величайшій праведникъ не можетъ быть доволенъ косненіемъ нашихъ душъ въ его предуготовительномъ, хотя и строгопокаянномъ, направленіи. Это во-первыхъ!—Во-вторыхъ, Самъ Господь, на вопросъ нѣкоторыхъ: *почто ученицы Іоанновы и фарисейстіи постятся, а Твои ученицы не постятся*,—отвѣчалъ такъ, что не только фарисейское направленіе поста отринулъ, но не принялъ въ образецъ для своихъ учениковъ и самаго послѣдованія Іоаннову духу. Онъ сказалъ о Своихъ ученикахъ: *пріидутъ дніе, егда отымется отъ нихъ женихъ, и тогда постятся въ тыя дни* (Марк. 2, 18—20). Надъ апостолами это исполнилось во время страданій и распятія Божественнаго Жениха ихъ душъ, когда имъ, точно какъ любящей невѣстѣ при смерти жениха, было по истинѣ совсѣмъ не до вкушенія пищи. Та же сила поста совершится и въ насъ, если и наши души будутъ свой постъ на-

строивать и сопровождать именно сѣтованіемъ любви къ небесному своему Жениху Христу,—сѣтованіемъ о томъ, что не успѣваемъ еще войти въ живительный Его духъ, что мы еще отчуждены отъ Его человѣколюбиваго расположенія и настроенія, и что, слѣдовательно, наши души еще внутренно чужды своему возлюбленному Жениху—сладчайшему Іисусу. Итакъ Господь внушаетъ своимъ послѣдователямъ направленіе правды, прямо отличное отъ Іоаннова строго-ревниваго духа.

Смотрите же теперь на изображеніе крещенія Господня на св. иконѣ. Видите, св. Предтеча достигъ или сподобился такого Богоявленія, что не только видѣлъ Бога Слова во плоти, имъ крещаемаго, но вмѣстѣ слышалъ гласъ и Бога Отца, и видѣлъ очевидно Св. Духа. Преклоняюсь предъ столь высокою правдою проповѣдника покаянія, но не иначе, какъ сокрушаясь о томъ, что я не даю успокоиться у меня Христу духомъ любви Его къ грѣшному міру, какъ Агнца вземлющаго грѣхи міра... Да, я при всемъ благоговѣніи къ правдѣ и величію Крестителя Господня, желаю себѣ, и вамъ и всякой душѣ христіанской, воспріять къ себѣ Самого Христа Сына Божія, омывающаго на Себѣ наши нечистоты въ Іорданѣ, какъ бы онѣ были собственныя Его всесвятаго,—воспріять Его именно въ этомъ духѣ Его человѣколюбія, тогда душа въ себѣ самой ощутитъ голубиное осѣненіе Св. Духа и получитъ внутри себя свидѣтельство Отца небеснаго о своемъ усыновленіи ему во Христѣ. Въ такой именно силѣ *праздникъ Богоявленія* вожделѣненъ для меня! Ибо все мое спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы вѣрою въ Духѣ Святомъ, входить, сколько Богъ дастъ, въ духъ и силу всѣхъ дѣйствій и состояній Христовыхъ, ради меня бывшихъ,—сказать то же иначе, чтобы пріять Христа во всѣхъ Его состояніяхъ, слѣдовательно, и въ состояніи Его крещенія, когда Онъ всеправедный на ряду съ грѣшными преклонилъ выю подъ руку крестящаго крещеніемъ покаянія, какъ истинно вземлющій наши грѣхи—Агнецъ Божій. Повторяю, смотрите: на одномъ зрѣлищѣ крещенія виденъ какъ Іоаннъ, свидѣтель и созерцатель Богоявленія, такъ и преклоняющійся предъ нимъ въ расположеніи повиннаго за чужіе грѣхи, Самъ Господь, на Котораго нисходитъ Св. Духъ при гласѣ Бога Отца: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный.* Сообразуйтесь съ кѣмъ хотите, или съ Іоанномъ или съ Самимъ Господомъ. Но, сообразуясь съ Іоанномъ (впрочемъ не въ угоду и ему, ведущему души ко Христу), вы не поднимете и не оживите своею строгою ревностію противу всего нехристіанскаго—ни въ

комъ и ни въ чемъ истиннаго христіанства; потому что Іоаннъ *не бѣ свѣтъ* животворный, но только свидѣтельствовалъ о Свѣтѣ (Іоан. 1, 8). Сообразуясь же со Христомъ, усвояя своей душѣ Его расположеніе и мудрствованіе въ силѣ Св. Духа, христіане возстановятъ въ себѣ все православно-христіанское во всей силѣ: ибо Христосъ есть Сама жизнь и свѣтъ животворящій (Іоан. 1, 4).

Знаете, что Христосъ по крещеніи веденъ былъ Духомъ Святымъ въ пустыню, и здѣсь имѣлъ сорокадневный постъ, и побѣдоносно выдержалъ борьбу съ сатаною. Усвойте себѣ Христа и возрастайте въ Немъ: будетъ время, когда усвоите и Христовъ постъ, и Христову побѣду надъ діаволомъ. И христіанство вообще, и монашество въ особенности процвѣтутъ по прежнему.

Такъ мы дошли и до праздника:

VII. *Преображенія Господня.* Ибо съ раскрытіемъ для нашей мысли и чувства всей жизненности и свѣтоносности православнаго христіанства, Христосъ въ своемъ христіанствѣ и явится духовно въ такой славѣ и свѣтѣ, какъ это было въ Его *Преображеніи на Ѳаворѣ.* Всѣ законы и учрежденія церковныя, доведенныя (не сами по себѣ, а только въ насъ, и то, не во всѣхъ), формализмомъ нашимъ до мертвой ветхозавѣтности, оживятся и раскроются во всей благодатной силѣ и славѣ; все въ словѣ Божіемъ, претящее и угрожающее намъ нынѣ за наши невѣрности Христову духу, будетъ свидѣтельствовать только о преизбыточествующей надъ нами милости и благодати Христовой. Такъ законодатель Моисей и ревнивый по Богѣ Израилевѣ пророкъ Илія—явились соучастниками славы и свѣта Преображенія Христова! И, конечно, тѣмъ ощутительнѣе для нашего духа будетъ осѣняющее православную Церковь благоволеніе Отчее во Св. Духѣ, чѣмъ болѣе войдемъ въ животворный свѣтъ человѣколюбиваго мудрствованія и расположенія Христа, въ Которомъ почиваетъ все благоволеніе Отца. *Добро намъ здѣ быти* на вѣки, такъ будутъ отзываться объ оживленномъ своемъ состояніи наши души съ Апостолами—свидѣтелями Христова Преображенія. О, когда бы намъ дожить до этого славнаго *Преображенія Христова* въ насъ самихъ, въ нашемъ христіанствѣ!

Но это еще слишкомъ общая мысль о великомъ праздникѣ Преображенія Господня. Надобно пристальнѣе вглядѣться въ свѣтоносную силу этого праздника.

Евангеліе такъ говоритъ о Преображеніи Христовомъ: *и просвѣтися лице Его яко солнце: ризы же Его быша бѣлы яко*

свѣтъ (Мате. 17, 2). Видите, что Божественная, несозданная слава просіяла въ самомъ тѣлѣ Христовомъ и даже въ чувственной Его одеждѣ. Что значитъ такое чудное прославленіе самаго тѣла Христова и всего, относящагося ко Христу чувственнаго?! Вотъ, есть у насъ православныхъ въ дѣйствіи еще такое направленіе, что живительнымъ *духомъ, духовнымъ* признаютъ не то, что въ насъ по Христу Господу (вопреки прямому слову Божію: *бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ* 1 Кор. 15, 45), но нѣчто, принадлежащее самой природѣ человѣка, составляющее отдѣльную отъ души и тѣла часть. Поэтому все, относящееся къ тѣлу и даже къ второстепеннымъ (такъ сказать) силамъ души—воображенію, внѣшнему чувству и даже низшему идеальности разсудку, со всѣми ихъ проявленіями и плодами ихъ дѣйствій въ мірѣ, признаютъ областію почти отверженною, по крайней мѣрѣ, ни къ чему горнему, имѣющему раскрыться собственно въ будущей жизни, совершенно непригодною и не нужною *). Не то видимъ въ славѣ Преображенія Господня: сила и свѣтъ будущей вѣчной жизни открыто просіяли и въ тѣлѣ Спасителя, и не только въ тѣлѣ, но и въ самой Его одеждѣ. И это все для насъ, какъ именно св. Григорій Солунскій (Палама) отстоялъ противъ мертваго формализма латинистовъ истину живого нашего общенія въ Божественномъ свѣтѣ Преображенія Христова. Итакъ, если не хотите отчуждаться отъ силы такого великаго праздника, то все, относящееся не только прямо къ благочестію и правдѣ, но и къ удовлетворенію, стремящейся прямо къ усвоенію разнообразныхъ человѣческихъ наукъ или искусствъ и издѣлій, любознательности и нужды,—все относящееся къ земнымъ потребностямъ и интересамъ даже до нужной собственно для тѣла пищи и одежды, разумѣвайте, исполняйте и употребляйте именно по Христу Спасителю, точно взимая все это своею мыслію и сердцемъ изъ сокровищъ Отца нашего небеснаго, въ Сынѣ Его намъ открытыхъ, и ради Его вочеловѣченія удободоступныхъ въ этомъ самомъ своемъ значеніи и для насъ грѣшныхъ и недостойныхъ... Съ такимъ воззрѣніемъ и началомъ вѣры, какой свѣтлый, благодатно-небесный, духовно-соучастный

*) И такимъ образомъ изъ духовности христіанской дѣлаютъ какое-то страшилище, котораго пугаются и убѣгаютъ всѣ труждающіеся и обремененные въ разнообразныхъ земныхъ человѣческихъ нуждахъ и интересахъ. И христіанство оказывается какъ будто даннымъ не для земли и земнородныхъ, чтобы и на землѣ была воля Отца небеснаго, какъ на небѣ.

свѣту Преображенія Христова—міръ открывается во всемъ нашемъ дольнемъ! По истинѣ, это было бы яркимъ духовнымъ отсвѣтомъ *новаго Іерусалима, сходящаго отъ Бога съ небесе* на новую землю (Апок. 21, 2). Вся слава этого горняго Іерусалима торжественно раскроется не иначе, какъ въ будущей жизни; но для того, чтобы она могла раскрыться для насъ въ вѣчности, необходимо намъ эту самую силу новаго Іерусалима, чтобы *съ небесе* простереться ему и на земное,—благодатно усвоить вѣрою и проявить въ дѣлахъ (и слѣдовательно, въ дѣйствительности) еще въ настоящей жизни. И тогда всѣ стороны нашего человѣческаго существа до костей тѣлесныхъ, кажется, возопіяли бы съ Апостолами: *добро намъ здѣ быти.* Или мы напрасно молимся Отцу небесному словами Христовыми: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли?*

Евангеліе говоритъ еще, что явившіеся въ славѣ къ преображавшемуся Господу Моисей и Илія «бесѣдовали съ Нимъ» именно «о исходѣ Его, который Ему надлежало совершить во Іерусалимѣ» (Лук. 9, 30. 31). И такъ, вотъ какая мысль исполняла Христа въ Его преображеніи,—мысль объ *исходѣ* Его страданій и крестной смерти, какія Онъ имѣлъ претерпѣть за грѣхи міра въ Іерусалимѣ, мысль опять Агнца Божія, что точно какъ бы Онъ виноватъ и дѣйствительно имѣлъ вполнѣ отвѣтить Своею смертію за всѣ наши грѣхи и заблужденія, и за всѣ виды человѣческаго извращенія и злоупотребленія собственныхъ силъ и предметовъ внѣшней природы, допускаемыя нами во вредъ себѣ и ближнимъ. *Сіе да мудруется въ васъ еже и во Христѣ Іисусѣ* (Фил. 2, 5); эта мысль и расположеніе Агнца Божія, по благодати Его, да одушевляетъ и васъ, если въ самомъ дѣлѣ желаемъ соучаствовать и содѣйствовать тому, чтобы и все дольнее-земное у насъ было разумѣваемо и исполняемо или употребляемо именно по Христу, чтобы такимъ образомъ усвоить намъ себѣ благодать Его преображенія по самому Его тѣлу и даже одеждамъ. Иначе, какъ-же потребится и разсѣется тьма и мгла мірскихъ заблужденій и злоупотребленій, особенно въ отношеніи къ земнымъ потребностямъ и интересамъ? А между тѣмъ въ этомъ настроеніи и проявленіи Христовой любви, чтобы выносить и взыскивать на себѣ и чужія вины, и тѣмъ открывать мѣсто свѣту Господню и въ дольнихъ житейскихъ областяхъ,—какъ Иліина ревность по Господѣ должна найти полное свое удовлетвореніе, такъ и Моисеево образное предначертаніе Христовой благодати въ предме-

тахъ дольняго міра—найдетъ полное свое раскрытіе для вѣрующихъ. Вотъ вамъ сила и значеніе явленія Моисея и Иліи во славѣ Преображенія Господня!

Впрочемъ Господь говоритъ: *Азъ не отъ человѣка свидѣтельства пріемлю... Азъ имамъ свидѣтельство* вышее (Іоан. 5, 34. 36). Самъ Отецъ небесный прямо и открыто засвидѣтельствовалъ всю полноту Своего благоволенія къ Своему Сыну, вземлющему грѣхи міра, и къ этому Агнчему духу и силѣ Его ученія и завѣта. *И гласъ бысть изъ облака глаголя: сей есть Сынъ Мой возлюбленный: Того послушайте* (Лук. 9, 35).

VIII. Вотъ мы дошли съ вами и до праздника торжественнаго *Входа Христова во Іерусалимъ*. Сила и значеніе того, что Господь исполненный благодати и истины, явился открыто, какъ Царь въ видимомъ столичномъ городѣ извѣстнаго Божія народа, духовно раскроются для васъ, очевидно, не иначе, какъ развѣ всѣ области нашей жизни, народность и гражданственность царства православнаго, не только въ своихъ прямо нравственныхъ сторонахъ, но и въ отношеніи къ внѣшнимъ своимъ выраженіямъ и принадлежностямъ, будутъ для вашей вѣры освѣщаться единою Христовою истиною и благодатію. И только бы благоволилъ Господь именно *такъ* раскрыть предъ міромъ христіанскимъ внутренній свѣтъ Своей благодати и истины: всѣ были бы рады этому *торжественному входу въ Іерусалимъ* Царя кроткаго, Царя истины и благодати, Котораго нужно только принимать съ дѣтскою вѣрою. Я видалъ и слыхалъ разные опыты и примѣры того, что дѣтскія сердца уже призываютъ Его своими гласами: *Осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!* Всѣ всюду томятся по Немъ,—ждутъ и жаждутъ живой, всесвѣляющей и всеобновляющей воды Его. Да! И *жребя*, на которое *никтоже николиже отъ человѣкъ вѣсть*, то есть, весь кругъ того, что вольно движется у насъ пока по началамъ мірскимъ,—подъяремная *ослица*, или кругъ всего изнемогающаго подъ разными формально законными, но безжизненными воззрѣніями на истину и правду, пойдутъ дружно по общему пути разумѣнія и принятія живаго духа Христова, къ просвѣщенію и спасенію міра, къ раскрытію свѣта православія на Западѣ, къ обновленію и освобожденію Востока. Съ дѣтьми Іерусалимскими призывайте къ намъ Царя благодати въ томъ Его духѣ и настроеніи, чтобы, и имѣя правду, не себя оправдывать, а другихъ грѣшныхъ, чтобы властвовать, надъ всѣми самою истиною, и притомъ проявляемою въ истоща-

нін за всѣхъ, не какъ у нашы или западныхъ философовъ, чтобы небесная духовность Его царства простиралась и на земное, какъ она проявилась во внѣшне-царственномъ входѣ Его въ земной Іерусалимъ. Зовите дѣтей къ Его Срѣтенію. *И духъ и невѣста глаголютъ: пріиди. И слышай да глаголетъ: пріиди. И жаждай да пріидетъ, и хотяй да пріиметъ воду животную туне* (даромъ). *Глаголетъ свидѣтельствуяй сія: ей, гряду скоро: Аминь. Ей, гряди, Господи Іисусе* (Апок. 22, 17. 20). Дай Богъ намъ всѣмъ дожить до приложенія къ намъ этихъ словъ Откровенія: *и слышахъ яко гласъ народа многа, и яко гласъ громовъ крѣпкихъ глаголющихъ: аллилуіа: яко воцарися Господь Богъ Вседержитель... Пріиде бракъ Агнчій, и Жена Его уготовила есть себе... Блажени званніи на вечерю брака Агнча* (Апок. 19, 6. 9). Бракъ вечери Агничей торжественно откроется въ будущей жизни; но сила онаго, состоящая въ живомъ общеніи нашей вѣры въ любви Агнца Божія къ грѣшнымъ, должна быть усвоена нами нынѣ.

IX. По порядку въ иконѣ слѣдуетъ теперь остановиться намъ на праздникѣ *Вознесенія Господня*. И какъ это кстати—послѣ того, что выше было говорено! Принимая духомъ своимъ во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ отношеніяхъ къ людямъ Самого Христа—правду нашу, Агнца Божія, вземлющаго грѣхи всѣхъ людей, и созерцая духовный свѣтъ и царственную славу Его, исполняющую и самое земное, мы въ то же время должны твердо содержать въ своей вѣрѣ ту истину, что *Христосъ на небесахъ*. Такъ по Божеству вездѣ сый и вся исполняяй, Христосъ своимъ человѣчествомъ, за насъ воспріятымъ, вознесся на небеса—въ пренебесное царство славы, и здѣсь недомыслимо для насъ сидитъ одесную Отца. Твердо держите это умомъ и сердцемъ своимъ; и тогда, созерцая вѣрою и пріемля во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ Христа, вы чрезъ это столько же будете возвышаться надъ мечтательными и ложными представленіями царства Христова, сколько не будете полагать ни въ комъ и ни въ чемъ земномъ сокровища своего ума и сердца; напротивъ, все сокровище вашей души, весь *животъ* вашъ будетъ *сокровенъ со Христомъ въ Богѣ*, и такимъ образомъ *жительство* ваше, продолжаясь на землѣ, будетъ истинно *небесное* (Колос. 3, 3. Фил. 3, 20).

«*Христосъ на небесахъ*»! держите это въ памяти ума и сердца и тогда, какъ пріемлете Христа даже въ освященныхъ лицахъ; ибо благодать священства въ архіереяхъ и священникахъ, дѣйствительно, есть не что иное, какъ духоносное облаченіе вѣчно-

живаго Первосвященника, прошедшаго небеса, *да явится лицу Божію о насъ* (Евр. 9, 24). Такъ настроивая свой духъ въ вѣрѣ, вы будете свободно досягать своимъ умомъ и сердцемъ Христа—въ лицѣ всякаго священника; ибо ваша вѣра устремлена собственно не къ человѣку земному, но къ возшествующемуся превыше всего земнаго—Богочеловѣку, *Архіерею преподобному, незлобивому, отлученному отъ грѣшникъ, высшему* самыхъ *небесъ*, въ благодать котораго Св. Духомъ облеченъ земной человѣкъ, обыкновенно немощной и грѣшный. Съ такими воззрѣніями вѣры, вы будете безопасны отъ прираженій къ вамъ того (русскаго раскольничьяго и западнаго протестантскаго) направленія, по которому, осуждая и отвергая законно-рукоположенныхъ священниковъ за ихъ немощи, отвергаютъ Самого Христа, въ коего благодатно облечены немощные священники: «мой Христосъ, во имя котораго пріемлю законное священство,—скажете вы противъ этого направленія,—есть на небесахъ, одесную Отца, и слѣдовательно, превыше человѣческихъ земныхъ немощей и грѣховъ». Будете свободны вмѣстѣ и отъ прираженій (собственно Римско-католическаго, западнаго) направленія, по которому, вмѣсто того, чтобы въ санѣ и служеніи священства сердечно признавать и воспринимать во Св. Духѣ Самого Христа Сына Божія и въ Немъ имѣть сыновній доступъ къ небесному Отцу, и такимъ образомъ въ самой силѣ возглавляться подъ единственное небесное главенство Самого Христа и быть истинными Его членами, имущими и на землѣ жительство небесное,—вмѣсто этого, самое главенство и священство Христово представляютъ какимъ-то міркимъ правомъ и званіемъ, сосредоточивая оное въ простомъ человѣкѣ: «мой Христосъ, глава моей вѣры, скажете вы со святою православною Церковію противъ такого направленія,—есть на небесахъ; Его, единаго пренебеснаго Іерея во вѣкъ, приводящаго въ Себѣ всѣхъ къ Своему Отцу, дѣйствіемъ Своего Духа, ищу и принимаю въ лицѣ и служеніи всѣхъ законно рукоположенныхъ архіереевъ и священниковъ и діаконовъ; и такимъ образомъ для меня православное священство есть званіе, хотя въ мірѣ семъ сущее, но не сущее отъ міра сего, да и меня возвышающее надъ міромъ симъ къ небесному жительству, къ жизни сокровенной со Христомъ въ Бозѣ».

«*Христосъ на небесахъ!*»—держите вы въ умѣ и сердцѣ, когда идете къ кому бы ни было изъ духовныхъ и святыхъ людей. Ибо, не останавливаясь на чувственной личности какого бы ни было сосуда Христова, но восходя мыслію и сердцемъ къ Са-

мому небесному Христу—Богу Слову и въ Немъ ко Отцу, исполняющему избранный сосудъ своею небесною благодатію, вы потому и будете свободно пить изъ сего сосуда Христова живую небесную воду. Съ другой стороны, держась внутренно во Св. Духѣ Христа—Бога Слова, для насъ *во плоти* приходившаго на землю и *плотію* вознесшагося превыше небесъ, вы чрезъ это будете тонко дознавать и съ силою отражать духовъ лестчихъ, обманывающихъ какимъ-либо призракомъ или личиною чего-либо духовнаго: ибо *о семъ познавайте Духа Божія и духа лестча: всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть. И всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша* (признавая какую-то духовность не по Христу, воспріявшему и нашу плоть) *отъ Бога нѣсть, и сей есть антихристовъ* (I Іоан. 4, 2. 3). *Аще убо рекутъ вамъ: се въ пустыни есть: не изыдите: се въ сокровищахъ: не имите вѣры* (Мато. 24, 26).

«*Христосъ на небесахъ!*»—говорите въ себѣ и тогда, какъ видите или увидите когда нибудь, при случаѣ свѣтлаго раскрытія для васъ истины и благодати Христовой, какъ-бы самый *торжественный входъ Христовъ во Іерусалимъ*, и душа ваша готова дѣтски воскликнуть: *осанна сыну Давидову! осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!* Ибо, чрезъ такое воззрѣніе вашей вѣры прямо ко Христу небесному, вы въ дѣлѣ истины и спасенія всегда будете держаться Самого Христа, превышаго всѣхъ земныхъ переворотовъ, всякой измѣнчивости и непостоянства, отъ которыхъ не свободны и лучшіе люди на землѣ. Человѣкъ, говорящій и раскрывающій вамъ истину Христову, можетъ преткнуться и пасть; но чрезъ это вы, взирая вѣрою собственно ко Христу небесному, ничего не потеряете изъ истины Христовой, слышанной отъ этого человѣка. Почему?—потому что вѣруете духомъ своимъ Христу небесному, а не человѣку земному, котораго и самого вы поддержите во Христѣ—чрезъ такое направленіе вѣры вашей.

«*Христосъ на небесахъ!*» Но подумайте что Онъ вознесся на небеса именно своимъ человѣчествомъ, воспріятымъ ради васъ, ради меня, ради всѣхъ насъ человѣковъ. Подумайте и почувствуйте, что Христосъ—Богъ Слово, чрезъ вознесеніе, возвелъ это свое человѣчество, представляющее и духовно, такъ сказать, сосредоточивающее въ себѣ *всѣхъ насъ*, возвелъ въ открытое наслажденіе всею полнотою Отчей любви, почивающей существенно и вѣчно въ Его Божествѣ. Сказать то же словами Апостола: *Богъ, богатъ сый въ милости, за премногую любовь Свою, ею же возлюби насъ.*

и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеньми, сооживи Христомъ и съ Нимъ воскреси и посади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ (Еф. 2; 4, 5). Итакъ видите: Христосъ вознесся на небеса не для того, чтобы отъ насъ удалиться и намъ нельзя было бы досягать Его, но напротивъ прямо для того, чтобы мы, живя и во плоти на землѣ, имѣли животъ свой сокровеннымъ на небесахъ—со Христомъ въ Богѣ Отцѣ и чтобы потому, нашей вѣрѣ удобно и просто было во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ—досягать и воспринимать Его, какъ уже объемлющаго своимъ Богочеловѣчествомъ всѣхъ и каждаго изъ насъ, съ раскрытіемъ для насъ всѣхъ сокровищъ любви Отчей во Св. Духѣ. *Сшедый, Той есть и восшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая* своею благодатію, какъ исполняетъ всяческая вездѣприсутствіемъ своего Божества (Ефес. 4, 10). И дѣйствительно, какъ скоро Христосъ чрезъ вознесеніе вошелъ своимъ человѣчествомъ, за всѣхъ насъ воспріятымъ, въ открытую любовь и славу Отца: то, въ слѣдъ за симъ, *любовь Божія и изліялась Св. Духомъ* на Апостоловъ для всей вселенской Церкви,—излилась любовь такая, что самъ Христосъ вселяется Св. Духомъ въ пріемлющее Его сердце и душу. Такова тайна и сила Христова вознесенія на небеса.

X. Теперь намъ удобно раскрыть силу и *праздника пресвятыя Троицы*, далѣе изображеннаго на иконѣ.

Размышляли ли вы когда о томъ, почему въ день *Пятидесятницы*, когда сошелъ на Апостоловъ Духъ Святый, мы празднуемъ *пресвятой Троицѣ*, а самую пресвятую Троицу созерцаемъ и чествуемъ въ образѣ того Богоявленія ветхозавѣтнаго, когда Богъ явился Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ у дуба Мамврійскаго? Что за связь между Богоявленіемъ Мамврійскимъ Аврааму и сошествіемъ Св. Духа на Апостоловъ, и таинствомъ Пресвятыя Троицы?—Связь между всѣмъ этимъ самая внутренняя. Аврааму явился Богъ въ образѣ трехъ мужей-странниковъ: *явился ему Богъ у дуба Мамврійска*, сказано въ Бытописаніи. Какъ же явился? *Се тріе мужи стояху надъ нимъ*. И отецъ вѣрующихъ принялъ къ себѣ трехъ, какъ единаго Господа. *Господи*, такъ онъ говорилъ тремъ, какъ одному Господу,—*Господи, аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою, не мини раба своего* (Быт. 18, 3). Видите, что въ семъ Богоявленіи открылось таинство тріединаго Господа или Пресвятой Троицы,—открылось впрочемъ не въ той недомыслимой для созданія силѣ своей, какъ Пресвятая Троица пребываетъ въ своемъ вѣчномъ существѣ, но въ томъ отношеніи, какъ тріеди-

ный Господь приходитъ къ вѣрующему и вселяется у него благодатію. *Господи, аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою, не мини раба своего.* Таинство Пресвятой Троицы, благодатно присѣщающей вѣрующаго, само по себѣ есть высочайшее духовное, но оно открылось для отца вѣрующихъ—Авраама чувственно образно; это потому, что ветхозавѣтная вѣра поучалась духовнымъ тайнамъ болѣе или менѣе чрезъ образы, чрезъ чувственныя явленія и видимые предметы. Но въ новозавѣтной благодати Св. Духа, сошедшаго на Апостоловъ, то же самое таинство Пресвятыя Троицы, вселяющейся въ сѣни вѣрныхъ и преданныхъ Христу душъ, открылось для всѣхъ временъ уже прямо въ своемъ духѣ и истинѣ, просіявающихъ впрочемъ непремѣнно и во внѣшнюю жизнь. Это очевидно изъ словъ самого Господа: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите, и Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины... Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ Нему пріидемъ, и обитель у Него сотворимъ* (Іоан. 14; 15—16, 23). Такое благодатное вселеніе Пресвятыя Троицы и открылось въ Апостолахъ съ сошествіемъ на нихъ Св. Духа. Теперь для васъ должно быть понятно, почему въ день *Пятидесятницы*, въ день раскрытія благодати Св. Духа, празднуется Пресвятой Троицѣ, а Троица созерцается въ образѣ Мамврійскаго Богоявленія Аврааму. Понятна должна быть и сила *праздника Пресвятыя Троицы:* когда, по вашей любви и вѣрности ко Христу, Пресвятая Троица духовно къ вамъ придетъ и обитель у васъ сотворитъ, подобно какъ удостоился сего образно и единожды Авраамъ; то васъ по истинѣ можно привѣтствовать съ *праздникомъ Пресвятыя Троицы.*

Казалось бы, что и всегда въ этой силѣ долженъ быть у насъ *праздникъ Пресвятыя Троицы,* потому что мы и крещены (конечно, въ самомъ духѣ и силѣ) во имя Пресвятой Троицы, и тогда же получили благодать Св. Духа. Но, увы, наша новозавѣтная вѣра, въ отношеніи къ благодатному опытному познанію таинства Пресвятыя Троицы, отстала даже и отъ ветхозавѣтной вѣры. Такъ помертвѣло въ большей части изъ насъ наше христіанство! За то, какъ оно оживетъ и процвѣтетъ въ насъ, когда *во Св. Духѣ* будемъ принимать къ себѣ *Христа—Бога Слова,* съ Его премудростію и любовію, и купно съ Нимъ и въ Немъ—*Бога Отца,* когда такимъ образомъ и въ насъ благодатно откроется таинство Животворящей Троицы! Тогда-то мы ока-

жемся на дѣлѣ, какъ истинныя дѣти Авраама—отца вѣрующихъ и Сарры—матери вѣрующихъ, которымъ видимо открылось таинство Пресвятыя Троицы,—именно въ образъ для насъ христіанъ.

XI. Но и тогда, если бы благодатная церковная жизнь въ большей части христіанъ не дѣйствовала или мало дѣйствовала, православная Христова Церковь тѣмъ не менѣе остается и есть вся жизнь и источникъ благодатной жизни. Она только почиваетъ, и притомъ почиваетъ, какъ царица, превыспая надъ міромъ симъ, имѣющая надъ собою всегда живого Главу—Господа, окруженная Апостолами, или пребывая въ своемъ духѣ *Церковію Апостольскою*. Образъ и силу всего этого вы видите въ *Успеніи Богоматери*, которая, какъ Мать Господа, въ насъ благодатно вселяющагося, какъ объемлющая материнскою любовію всѣхъ чадъ Церкви, есть живая представительница матери нашей—святой Церкви. Еще въ ветхомъ завѣтѣ Богоматерь и Церковь были созерцаемы въ одномъ образѣ, напримѣръ, въ самомъ первосвангеліи о сѣмени жены, въ 44 псалмѣ и др. Итакъ, горе тому, кто, изъ-за нашей мертвости, дерзнулъ бы порочить святыню и животворность св. Церкви: это—новый жидъ Аоній, устремляющійся къ инспроверженію одра съ почивающею на немъ благодатною Царицею. Богоматерь оскорбленіе Церкви и ея служителей принимаетъ къ собственному лицу, предъ которымъ благоговѣютъ и Ангелы.

Но приникнемъ къ самому основанію силы праздника Успенія Божіей Матери. У Святыхъ Божіихъ, для которыхъ *еже жити Христосъ* и *разрѣшитися* значитъ еще открытѣе *со Христомъ быти* (Филип. 1, 21. 23), смерть есть не что иное, какъ окончательное и рѣшительное сообразованіе и сообщеніе съ смертію Христовою, приводящею въ славу Его воскресенія; такое сообщеніе бываетъ, разумѣется, сообразно съ благодатнымъ служеніемъ и совершенствомъ каждаго. О Богоматери же въ церковныхъ пѣсняхъ и прямо выражено, что Она воспріяла смерть именно *подобящися Сыну своему и Богу*, благоволившему подвергнуться смерти.—Но духъ и сила Христовой смерти и есть именно любовь Его къ грѣшному міру, какъ Агнца, вземлющаго грѣхи міра и за нихъ закланнаго. Итакъ, въ эту самую силу Христовой смерти Пресвятая Богородица окончательно и вошла въ своемъ Успеніи,—вошла именно какъ Матерь Его—Бога Слова во плоти, единосущнаго Сына и сіянія Отчаго, зиждительнаго основанія всего

міра, свѣта и жизни всѣхъ духовныхъ тварей, внутренно вселяющагося въ вѣрующихъ и преданныхъ душахъ, просвѣщающаго и всякаго человѣка грядущаго въ міръ отблескомъ своего же свѣта въ ихъ духовной природѣ. Слѣдовательно, неизслѣдимая любовь Отца небеснаго, явленная міру въ Его Единородномъ, особенно—чрезъ Его воплощеніе, открыла въ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, съ Ея успеніемъ, безпримѣрно совершенный сосудъ для своей свѣтоносной и животворной полноты и глубины, изливающійся свѣтомъ и жизнію Христовою и на самые безплотные чины небесной Іерархіи. Въ особенности все благодатно-Христово въ вѣрующихъ,—все, принадлежащее и предваряющей Христовой благодати относительно каждаго человѣка, имѣетъ въ Богородицѣ такое материнее охраненіе и поруку, что Она, по превыше-Херувимскому общенію своему въ любви Ангелей къ грѣшному человѣчеству, готова была бы Собою отвѣчать за дѣйствуемое въ Церкви спасеніе всего человѣческаго—отъ души до плоти. Все это совершительно раскрылось въ Ней чрезъ Ея возможно-полное соучастіе въ смерти Господней, совершившееся въ Ея успеніи. Такая сила успенія Ея засвидѣтельствована самымъ чрезвычайнымъ образомъ: къ успенію Ея явились, съ одной стороны, носимые на облакахъ вожди вѣрныхъ — св. Апостолы, а съ другой — Самъ Господь, окруженный безплотнымъ воинствомъ небесныхъ силъ, Который и воспріялъ Ея душу въ полнѣйшее общеніе своей Божественной любви. — Въ этой именно силѣ по мѣрѣ вѣры нашей и надобно намъ праздновать Успеніе Богоматери, чтобы усвоять себѣ и удерживать за собою Богоматернее заступленіе, охраняющее все церковное ко спасенію человѣка.

XII. Но и вѣруя въ незыблемость и неприкосновенную святость всего церковнаго, страшно подумать о той непреложной истинѣ, что вообще все, что дѣлается не по Христову началу и съ цѣлію не во Христѣ—все это уже рѣшительно выходитъ изъ-подъ благоволенія Отца небеснаго, которое всею своею полнотою почиваетъ во Христѣ—Богѣ Словѣ Единородномъ, и только въ Немъ простирается на созданія. Все, что *нѣсть отъ Отца* во Христѣ, относится по своему духу уже къ области князя міра сего, къ области лжи и грѣха (1 Іоан. 2, 16). Подумайте же, что изобрѣтенія и плоды европейской цивилизаціи, перешедшія къ намъ съ Запада, измышлены тамъ человѣческимъ разумомъ въ собственную его славу, для цѣлей міра сего, а не въ славу Хри-

стову и человѣческое спасеніе. Подумайте, что большая часть наукъ и искусствъ западно-образованнаго міра, перенесенныхъ и къ намъ, основаны также не во Христѣ. Слѣдовательно, все это находится внѣ благоволенія Отца небеснаго; а *всякъ садъ, егоже не насади Отецъ, искоренится*... Подумайте же, говорю, въ какой страшной опасности находится почти весь новѣйшій мірской порядокъ вещей. И ужели намъ нѣтъ съ нимъ спасенія?—Есть спасеніе всѣмъ и всему отъ всякаго губительнаго мірскаго зла—спасеніе въ *крестѣ Христовомъ*.

Мнѣ да не будетъ хвалитися, говоритъ Апостолъ Павелъ, *токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, имже мнѣ міръ распятся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). «Держась умомъ и сердцемъ силы креста Христова, или, что то же, пріемля и усвояя въ себѣ распятаго на крестѣ Агнца Божія, взявшаго мои грѣхи и грѣхи всего міра,—какъ бы такъ говорилъ Апостолъ,—я чрезъ это достигаю какъ того, что *зло мірское* для меня теряетъ свою оболстительную и погибельную силу, такъ и того, что упраздняется *собственное мое зло* или грѣховное пристрастіе къ міру; ибо то и другое взято и упразднено на крестѣ Христомъ, который, въ самой силѣ такой любви Христовой къ міру и ко мнѣ, внутренно усвоенъ мною. Итакъ, крестомъ Христовымъ истинно—*и мнѣ міръ распятся, и азъ міру*. Чѣмъ же еще мнѣ хвалиться, какъ не крестомъ Христовымъ, которымъ я столь чудесно торжествую надъ зломъ—и въ мірѣ, и во мнѣ самомъ?» Итакъ, только бы намъ для себя открыть или усвоить крестъ Христовъ въ этой его побѣдоносной надъ всѣмъ міромъ силѣ, хотя бы эта его сила была закрыта каменемъ ложныхъ идей или страстей нечистыхъ: такое *всемірное воздвиженіе креста Господня* и спасетъ насъ отъ всегубительства. Это непремѣнно такъ; только бы воздѣйствовала въ духѣ нашемъ такъ мыслящая и дѣйствующая вѣра: «Человѣкъ «съ своею свободною разумностію есть собственность, полная и «безусловная собственность Бога Слова Христа по сугубому не-«преложному праву: во-первыхъ—потому, что Онъ съ своимъ раз-«умомъ и созданъ отъ Бога Слова, по образу Божію и, значитъ, «въ сообразность съ Нимъ же—существеннымъ Образомъ Божіимъ; «во-вторыхъ—потому, что человѣкъ съ своею свободною разумно-«стію, по своемъ паденіи, искупленъ и возсозданъ также Богомъ «Словомъ чрезъ домостроительство Его воплощенія и крестныхъ «страданій во плоти, чрезъ ту Его же благодать, что Христосъ «Самъ во Св. Духѣ внутренно воображается и вселяется въ чело-

«вѣкѣ въ его сердцѣ, умѣ, во всѣхъ его силахъ, въ самой его «плоти. Итакъ, что ни сдѣлалъ бы человѣческій разумъ не во «Христѣ, не по Его началу, съ цѣлями чисто-мірскими, во славу «собственно свою,—словомъ—безъ благодатнаго внутренняго со- «браженія своего съ Богомъ Словомъ Христомъ,—во всемъ этомъ «человѣческій разумъ прелюбодѣйствовалъ бы отъ своего Божествен- «наго Жениха, или похищалъ бы Божіе на гибель себѣ и челo- «вѣчеству. Но мы снова возвращаемъ и похитителя, и похищенное «имъ Христу Богу, какъ непреложную Его собственность, должен- «ствующую служить къ Его славѣ. Умомъ и сердцемъ признаемъ «и торжественно исповѣдуемъ только Христа Бога Слова—нача- «ломъ и цѣлію всего существующаго, верховнымъ условіемъ «самыхъ возможностей (ибо чего Онъ не допуститъ, то и быть «не можетъ), началомъ и цѣлію, владыкою и судіею, и свѣтомъ «человѣка съ его разумомъ, со всѣми его силами и внутренними «законами; внѣ Христа, все для насъ (какъ все и само въ себѣ «есть) не болѣе, какъ ничтожество и уметы. Барометры, пароходы, «всѣ перешедшіе къ намъ съ Запада плоды цивилизаціи, изобрѣ- «тенія и успѣхи человѣческаго ума—все это отселѣ составляетъ «для насъ дары Бога Слова, которые доселѣ были только тщетно «похищаемы у Него человѣческимъ разумомъ, забывшимъ, что «онъ и самъ есть собственность Его же, и пренебрегшимъ свою «небесную славу—быть сообразнымъ и сообщнымъ съ Нимъ же— «Богомъ Словомъ; отрекаемся во всемъ этомъ только отъ всего того, «что не можетъ быть подчинено духу Христову, что выходитъ изъ «сообразности съ нимъ и, слѣдовательно, упадаетъ до образа, не- «свойственнаго человѣку, созданному по образу Божію,—до ското- «подобія и звѣрообразности,— отрекаемся однако такъ, что, по «Апостолу, *не отметаемъ благодати* (Гал. 2, 21) Агнца Божія, «взявшаго на Себя вину всего такого грѣховнаго. И отселѣ нача- «ломъ и цѣлію всѣхъ наукъ и искусствъ, алфою и омегою всего «для насъ будетъ (какъ и по своему существу есть на вѣки) «Единъ Богъ Слово, Христосъ, вземлющій грѣхи и міра и наши «Агнецъ Божій; и это да будетъ во спасеніе наше и самыхъ на- «шихъ собратій—западнаго христіанства». Видите, какъ чрезъ Христа и Его крестъ, удобно можетъ нашею вѣрою возстановиться сообразность всего нашего со Христомъ, въ которомъ все благо- воленіе Божіе почиваетъ во всѣхъ силахъ Св. Духа. Видите, что всѣ сокровища Египта и Вавилона (кромѣ только ихъ скверны) можно вѣрѣ перенести въ землю обѣтованную въ наслѣдіе Едино-

роднаго и возлюбленнаго Сына Божія, и слѣдовательно, изъ-подъ гнѣва Божія и угрожающаго отверженія—ввести во Христѣ въ отеческое благоволеніе Божіе подъ животворное осѣненіе благодати Св. Духа. Совершится, Богъ дастъ, у насъ это *всемірное воздвиженіе креста Христова;* и—тогда поистинѣ, по слову Божію (Апок. 1, 7), восплачутся колѣна земныя, узрѣвъ, кого они прободали своими грѣхами и заблужденіями,—саму всеобъемлющую истину и любовь, жизнь и славу свою.—Ибо у насъ на землѣ еще нѣтъ такого сатанинства, чтобы ненавидѣть и отвергать истину прямо за то самое, что она истина. Слѣдуетъ намъ православнымъ, содержащимъ Христову истину во всей ея чистотѣ, такъ раскрыть для себя и для міра достоинство и силу Христовой истины, чтобы, какъ день, ясно было,—что поистинѣ нечѣмъ намъ хвалиться, какъ только крестомъ Господа нашего Іисуса Христа: тогда найдутся любители и поклонники чистой истины Христовой или православія—между всѣми колѣнами земными. Подлинно *всемірнымъ* должно быть *воздвиженіе креста Христова*—въ его духѣ и силѣ.

Посмотримъ теперь на самое спасительное заключеніе и вѣнецъ праздниковъ.

Такъ, дошли мы съ вами, наконецъ, и до средоточнаго въ иконѣ изображенія—*сошествія Христова во адъ* для изведенія оттуда Адама съ первосвященниками, царями и пророками, и Евы съ вѣрующими женами, и вообще всѣхъ людей, кто только могъ и хотѣлъ принять такую благодать открывшагося первоначально во адѣ прославленія *и Воскресенія Христова* (1 Петр. 3, 18. 19).

Видите на иконѣ представителей и представительницъ ветхозавѣтнаго человѣчества, освобождаемаго Господомъ изъ области смерти; самъ Господь—съ знаменіемъ побѣды надъ смертію, а окрестъ Его Ангелы, одинъ—съ чашею, другой—съ крестомъ, иной—съ хлѣбомъ, изображающимъ, конечно, новую пасху—хлѣбъ жизни, иной—съ орудіями Христовыхъ страданій—копіемъ, тростію и проч. Благодатная сила всего этого можетъ и должна воображаться и дѣйствовать и въ насъ, если хотимъ, и каждый самъ по себѣ, и вмѣстѣ другъ съ другомъ, болѣе и болѣе освобождаться изъ темницы духовнаго омертвѣнія. Разсуждайте, и увидите, что въ силѣ и духѣ сошествія Христова во адъ сосредоточивается все сказанное выше, такъ какъ и самое сошествіе Христово во адъ изображено въ самомъ средоточіи иконы. Разсуждайте же.

Если мы, христіане, новая тварь, причастники новаго Адама—Христа, духовно помертвѣли или болѣе и болѣе мертвѣемъ, дѣлаясь внутренно, въ духѣ своемъ, чуждыми жизни Христовой: то въ этомъ отношеніи мы становимся опять ветхимъ Адамомъ и, слѣдовательно, находимся на пути къ аду, а перешедшіе въ другую жизнь въ семъ омертвѣніи, дѣйствительно—въ аду. Но мы тѣмъ не менѣе имѣемъ въ себѣ благодатный начатокъ Христовъ, полученный нами еще въ крещеніи; и благодатное Христово тѣло—Церковь неодолима до скончанія вѣка; и Христосъ Самъ въ Себѣ живетъ во вѣки, взявъ однажды навсегда грѣхи міра, слѣдовательно, и омертвѣніе всѣхъ и каждаго изъ насъ, какъ Онъ самъ говоритъ: *быхъ мертвъ и се живъ есмь во вѣки вѣковъ, аминь: и имамъ ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18). Итакъ, будемъ подвизаться вѣрою—принять и усвоить себѣ Христа, взявшаго на Себя омертвѣніе всѣхъ и каждаго изъ насъ;—принимать Его такъ, какъ бы именно наше омертвѣніе задерживало жизнь и въ другихъ, и омертвѣніе другихъ какъ бы было нашимъ (ибо, повторю сказанное прежде, во Христѣ мы члены одного тѣла, одушевляемаго однимъ началомъ жизни, значитъ—и жизнь и омертвѣніе у насъ общія, развѣ кто нибудь такъ омертвѣетъ, что уже совсѣмъ отпадаетъ отъ живаго состава церковнаго); будемъ, по духу общей вѣры и взаимной во Христѣ любви, каждый самого себя считать виновнымъ во всемъ за себя и за другихъ, и со всѣми этими винами будемъ предавать себя и другъ друга Господу, взявшему уже всѣ вины наши на Себя, умершему за всѣхъ насъ, *мертвыхъ прегрѣшеньми*, и въ своемъ человѣчествѣ возведшему всѣхъ насъ въ любовь своего Отца во Св. животворящемъ Духѣ;—будемъ во Св. Духѣ усвоять, во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ нашихъ, Христа и, въ Немъ простертую на всѣхъ насъ, любовь Отца—готовую все даровать, все оживить, все простить, только бы мы принимали это дѣятельною вѣрою для себя и для другихъ. Подвизайтесь въ этомъ своею вѣрою и любовію,—подвизайтесь, сколько бы ветхій человѣкъ, въ васъ и въ другихъ, ни усиливался ослабить и подорвать такую вѣру.—И по вашей вѣрѣ (говорю, въ лицѣ вашемъ—и себѣ и другимъ) будетъ раскрываться животворная, свѣтоносная сила Христова въ самой безднѣ омертвѣнія—какъ въ васъ, такъ и около васъ въ другихъ.—Вотъ вамъ и *сошествіе Христово во адъ*, въ духѣ своемъ открывающееся по отношенію и къ нашему ветхому Адаму!

Угодно ли вамъ живое доказательство на это? Я знаю одного человѣка, который въ такомъ настроеніи духа входилъ въ темныя глубины мысли, извратившей Христову истину въ новѣйшей философіи; и—онъ былъ пораженъ и меня поразилъ обиліемъ Христова свѣта, открывавшагося здѣсь вѣрующей мысли. Не знаю, съумѣю ли съ точностію и вмѣстѣ понятно передать вамъ его слова. Онъ говорилъ мнѣ: «если, по собственнымъ твоимъ совершенно справедливымъ словамъ, задача мудрости и науки есть созерцать и узнавать, что и какъ любовь Отца небеснаго, сіяющая въ Единородномъ всѣми силами Св. Духа, совершила и открыла и не перестаетъ совершать и открывать во всемъ: то слѣдуетъ, что вполнѣ основательно и истинно что-нибудь знать—значитъ разумѣть это что-нибудь, какъ осуществленіе и выраженіе мысли существеннаго Отчаго сіянія—Бога Слова,—мысли или положительной (въ отношеніи къ добру), или только попустительной (въ отношеніи къ злу). Но ты знаешь, что, для открытія намъ этой благодатной удободоступности къ Божіему, да «исполняемся Божіею полнотою» (Ефес. 3, 19) и въ сердцѣ нашемъ и въ мысли,—самъ Богъ Слово Единородный воспріялъ въ единоличное соединеніе съ собою, въ единство своего «Я», наше человѣческое естество съ человѣческимъ сознаніемъ, сердцемъ и мыслію. Приникни же теперь благоговѣйно къ той спасительной для насъ (именно по отношенію къ нашей мысли) тайнѣ, какъ Самъ Онъ въ своемъ Богочеловѣчествѣ мыслилъ и познавалъ какіе бы ни были предметы человѣческимъ разумомъ, воспріятымъ отъ Него въ единство своего «Я». Вѣдь выходитъ, что Господь своимъ человѣческимъ разумомъ, дѣйствовавшимъ всеконечно-основательно и правильно, разумѣлъ собственную свою мысль,—именно мысль, принадлежащую Его всетворческому и вседержительному Божеству, съ которымъ единолично (или въ одномъ «Я») соединено и все Его человѣчество.—А это значитъ то же, что сказать другими (философскими) словами: Христосъ, какъ возраставшій по человѣчеству въ премудрости (Лук. 2, 52), мышленіемъ и познаніемъ своимъ раскрывалъ въ человѣческомъ своемъ сознаніи изъ собственнаго же Богочеловѣческаго «Я» весь міръ мысленный и познаваемый. Не то, чтобы мысль Его отнимала у внѣшняго міра истинную дѣйствительность (объективность). Напротивъ, Онъ Самъ своимъ человѣчествомъ подчинялся условіямъ этой дѣйствительности міра и природы и, слѣдовательно Собою утверждалъ оную. Но дѣло въ томъ, что существенность всего мыслимаго и познаваемаго обоснована въ Немъ же самомъ, *пося-*

щемъ всяческая глаголомъ силы своея (Евр. 1, 3). И потому выходило, что, какъ внутренняя область Его Богочеловѣческаго самосознанія (субъективное Его всеобъемлющее бытіе), такъ и внѣшняя дѣйствительность всего мыслимаго и познаваемаго, взятая въ своемъ основаніи и сущности (объективное бытіе),—сходились у Него, въ Богочеловѣческой мысли, въ нѣкоторое чудное единство или тожество. Ибо каждая вещь, напримѣръ сѣмя, закваска, неводъ и проч., какъ Его же тварь, составляетъ раскрытіе и осуществленіе Божественной мысли Его же вседержавнаго «Я», къ которому одному относилось, вмѣстѣ съ Его Божествомъ, и человѣчество Его съ своею мыслію, разумѣвающею каждую вещь именно въ значеніи выраженія и осуществленія Божественной мысли. Но глубина таинъ Богочеловѣческой Его мысли, проявляющей въ себѣ и всю святую благость Его сердца, неисчерпаема. Вѣдь Господь и по отношенію къ мысли человѣческой такъ же, какъ по отношенію къ другимъ сторонамъ человѣчества, есть Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра; Онъ вполнѣ понесъ на Себѣ и вину всѣхъ заблужденій нашей мысли. Но значеніе вины грѣховныхъ заблужденій—страшное, низвергающее свободно-разумную тварь до ничтожества и даже ниже ничтожества. Ибо самыя, какъ говорятъ, ничтожныя вещи, напримѣръ, ползущій въ нечистотѣ червь или попираемая ногами былинка, безпрекословно осуществляютъ и выражаютъ въ себѣ творческую мысль о нихъ Бога Слова, и безъ Него рѣшительно не могутъ и существовать; *вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 3). Теперь наша мысль, хотящая быть, развиваться и дѣйствовать не на основаніи Бога Слова, очевидно, падаетъ ниже червя, ниже былинки, до нѣкотораго рода ничтожества. Да и ничтожество не противилось Творцу, воззывавшему твари къ бытію изъ ничтожества; а мысль твари, осмѣливающаяся имѣть притязаніе на духовную какую-то самобытность въ независимости отъ начала и основанія всяческихъ, мятежничаетъ и враждуетъ противъ державы Вседержителя Бога Слова. И вотъ такую-то, низвергающую ниже ничтожества вину грѣховъ нашей мысли, какъ и всякихъ грѣховъ, самъ Богъ Слово, вочеловѣчась, взялъ и съ преизбыткомъ вынесъ на самомъ Себѣ;—вынесъ, истощаясь за насъ не только до безсознательности своего бытія по человѣчеству въ утробѣ Богоматери, до подчиненности условіямъ постепеннаго преспѣянія въ премудрости (а Самъ Премудрость), до человѣческаго невѣдѣнія предметовъ, необозрѣнныхъ и неразсмотрѣнныхъ осяза-

тельно *), но до смерти, до сознанія непостижимаго нѣкотораго оставленія Его единосущнымъ Его Отцемъ за наши грѣхи, отвращающіе благоволеніе Отца отъ нашей согрѣшающей мысли и воли и сердца,— до того, что на крестѣ былъ, какъ олицетворенный *грѣхъ* и *проклятіе* (Гал. 3, 13. 2 Кор. 5, 21).... и до такого духовнаго *ничего*, даже глубже и ниже *ничего* истощался Господь съ самосознаніемъ своего вседержавнаго «Я», какъ полноты самосущія, какъ основанія мысли всего духовнаго міра, какъ основанія бытія всемірнаго. Вѣдь это то же, что сказать: въ Немъ, въ Его самоистощаніи за грѣхи нашей мысли и за всѣ наши грѣхи неизслѣдимо сходились духовно *бытіе* и *небытіе*, входя одно въ другое въ тождествѣ или единствѣ Его «Я». — И все это собственно для насъ, — *насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія;* въ этомъ совершилась тайна упраздненія зла и лжи, въ собственной ихъ области, и вѣчнаго торжества благобытія и истины для всего міра. И какъ духъ и сила такого самоистощанія Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, *седмеричными* дарами Св. Духа разносятся *во всю землю* на всѣ времена (Апок. 5, 6): то, примѣтно, слышала такой духъ и силу домостроительства Богочеловѣка и самая мысль философовъ. Но только какъ дѣти, смотря на горизонтъ или на небо, облегающее со всѣхъ сторонъ землю, воображаютъ, что вотъ недалеко небо и земля дѣйствительно сходятся между собою: такъ и философская мысль тайну Богочеловѣка, смутно слышимую, отнесла прямо къ человѣку и такимъ образомъ произвела системы Фихте, Шеллинга, Гегеля о раскрытіи всего изъ «Я», о единствѣ субъективнаго и объективнаго, о тождествѣ самаго бытія и небытія.—Но, съ другой стороны, не будь системъ этихъ философовъ, или не вникай я въ ихъ начала съ мыслію о вземлющемъ и философскіе грѣхи Агнцѣ Божіемъ: мнѣ и на мысль не пришло бы съ благоговѣніемъ приникнуть къ тому, каково для спасенія человѣческой мысли было мышленіе и познаваніе нашего Спасителя Богочеловѣка во время земной Его жизни. А не вникая въ эту тайну Христовой благодати относительно человѣческой мысли, я, разумѣется, не могъ бы и усвоить этой благодати Христовой своему разумѣнію и мысли». Такъ спасительная сила сошествія Христова во адъ воздѣйствовала въ вѣрующей мысли относительно адски-темныхъ заблужденій человѣческаго разума!

*) «Кто коснулся Мнѣ?» разыскивалъ Онъ объ исцѣленіи Имъ же одной жены. Къ безплодной смоковницѣ Онъ шелъ, ища плода.

Принимайте, если угодно, и вы участіе въ этой благодати для себя и для другихъ. Подвизайтесь такъ вѣрою и за отшедшихъ изъ сей жизни; Господу, сшедшему во адъ, удобно вывести и прямо изъ ада ту душу, грѣхи которой вѣра ваша, какъ-бы собственные грѣхи, принесла бы Агницу Божію, вземлющему грѣхи міра,—принесла бы такъ, чтобы себѣ самой усвоить Агнца Божія, какъ взявшаго грѣхи этой души...

Такъ, если бы какой либо, подобный мнѣ, священникъ—служитель новозавѣтной истины и благодати, обращалъ самую Христову истину только въ мертвую букву законную, а порядокъ благодати—въ формы, неживительныя для сердецъ, не дающія мѣста сыновней свободѣ духа, закрывающія живой и всеозаряющій свѣтъ Христовъ для вѣрующихъ умовъ: то въ семъ отношеніи служеніе его становилось бы *по своему направленію*, какъ-бы ветхозавѣтнымъ священствомъ, которое не освобождалось отъ ада. Но если, не смотря на это, или и видя и понимая это, вѣрующія души, подобныя вамъ, подвизаются созерцать своею вѣрою дѣйствующую и *въ такомъ* священствѣ—благодать *Священника во вѣкъ по чину Мелхиседекову*, возведшаго насъ въ Своемъ Богочеловѣчествѣ къ самому (такъ сказать) сердцу любви Отчей, и изливающаго въ насъ сію любовь во Св. Духѣ: то и по вашей вѣрѣ будетъ раскрываться духъ и сила свѣтоносной Христовой истины и животворной благодати—и чрезъ мое омертвѣлое священство; и подзаконный сынъ Аарона изъ своего омертвѣнія понемногу будетъ возводиться въ чинъ Мелхиседековъ, въ свѣтлый и живый сосудъ и образъ Христа. Вотъ вамъ (въ дополненіе говоренному о томъ же и выше) живое отображеніе и дѣйствіе тайны *Сошествія Христова во адъ*—для изведенія изъ него подзаконнаго священства!

Если и политика нѣкоторыхъ христіанскихъ царствъ имѣетъ своимъ началомъ и цѣлію не совсѣмъ Самого Христа, и свитки многихъ мудрецовъ исписываются не по духу и началу Христовой истины, и даже самыя писанія Пророковъ и Апостоловъ часто соблюдаются нами только по книжному: то, съ этой стороны, христіане также переходятъ изъ области благодати и истины Христовой подъ извѣтшавшій ветхозавѣтный порядокъ, изъ-подъ котораго цари и мудрецы и сами пророки шли до времени въ адъ. И надобно сказать правду, что въ такомъ духовномъ омертвѣніи нынѣшняго (христіанскаго) міра много повинна также Ева, которая и первоначально ввела смерть въ нашъ міръ. Ибо у насъ въ Рос-

сіи оно зависитъ наболѣе отъ вліянія Запада, а на Западѣ смертоносное начало утвердилось еще въ *средніе вѣка*, когда въ западномъ христіанствѣ женщина была идоломъ, увѣнчивающимъ подвиги и за Христовъ крестъ, и просто за мірскую честь. Да и нынѣ, въ самомъ источникѣ заградившему и возмутившему живые духовные токи Христовой благодати и истины, поддержка мірскихъ его притязаній дана была особенно женщиною, отдавшею свѣтскія владѣнія въ наслѣдіе папѣ. Нынѣшней женщинѣ надобно расплатиться за новую Еву, какъ за древнюю Еву, виновницу грѣха и смерти человѣческой, уплатила отчасти Марія Магдалина, первая изъ всѣхъ вошедшая въ радость животворнаго для насъ воскресенія Христова, и какъ, даже съ презбыткомъ, уплатила долгъ Евы Пресвятая Богородица, давъ намъ во Христѣ самую правду и жизнь. Есть самыя живыя побужденія для христіанскихъ дѣвъ и женъ входить сердцемъ въ скорбь св. Мироносицъ и даже соскорбѣть произенной мечомъ (по предреченію Симеонову) душѣ Богоматери, во время страданій, смерти и погребенія Спасителя. Смотрите, какъ снова Христосъ распинается въ христіанствѣ чрезъ наше отступничество отъ Его духа,—снова пронзается *копіемъ* нашихъ смертныхъ грѣховъ,—снова напаяется желчью злословія и невоздержанія нашего, и какъ-бы мертвый погребается въ нашей духовной безжизненности. Съ муромъ любви ко Христу, плачь, всякая душа вѣрующая, слезами Маріи Магдалины всякій разъ, гдѣ бы и въ комъ бы (въ родствѣ ли, дружбѣ, въ невѣжественной ли грубости, или въ политикѣ) ни встрѣчался гробъ, въ которомъ Христосъ *погребенъ*... Такая душа будетъ вводима тамъ, гдѣ и не чаяла бы, и въ радость Христова воскресенія, или оживленія въ умахъ и сердцахъ человѣческихъ Христова духа и истины. Болѣе же всего,—когда слышите за литургіей слова Христовы: *пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое, пійте отъ* чаши Моей *вси: сія есть кровь Моя новаго завѣта*, и особенно когда пріобщаетесь этой чаши и хлѣба жизни, то, вѣруя и исповѣдуя, *яко сіе есть истинное тѣло* и *истинная кровь* Господня, молите Его, да пріобщитъ Онъ ваше сердце самаго духа и силы любви своей, взявшей на себя чужіе всемірные грѣхи, какъ бы они были Его собственные; (ибо по этой своей любви Онъ и предалъ за насъ тѣло Свое и пролилъ кровь Свою). Да, еще повторю: пріобщаясь тѣла и крови Христовой, вкушайте во Св. Духѣ самой силы любви Христовой, взявшей на себя чужія, и притомъ всемірныя, вины,—

насыщайтесь самымъ духомъ и сладостію Христова самопожертвованія за чуждые Ему грѣхи всего человѣчества, какъ за собственные. Тогда сладко будетъ вамъ поспѣшествовать спасенію другихъ, даже съ собственною опасностію;—такъ сладко, какъ будто вы сами находились въ смертной или адской опасности, и увидѣли бы Христа снизшедшимъ къ вамъ въ бездну ада. Ибо чужая духовная бѣда, чужіе грѣхи будутъ для васъ, по общенію вашему въ духѣ любви Христовой, по истинѣ какъ-бы ваши собственные. Гдѣ-то я читалъ, что для спасенія одного грѣшника Пресвятая Богородица готова была ступить ногою даже въ геенскій огнь: такова сила и значеніе того, если кто, движимый Богоматернимъ милосердіемъ къ погибающему, бросается спасти его съ готовностію для этого дойти хотя бы до ада. Заключаю: все въ мірѣ христіанскомъ можетъ обновиться и откроется въ насъ сила Христова воскресенія, если тайна *Христова сошествія во адъ* и *воскресенія* будетъ дознаваема духовнымъ опытомъ вѣры избранныхъ, при содѣйствіи сему св. Ангеловъ, которые съ благоговѣйною радостію и любовію взираютъ на воображеніе въ насъ таинъ Христовыхъ. *Молилбыхся*, говоритъ Апостолъ Павелъ (Рим. 9, 3), объятый духомъ Христовой любви къ грѣшнымъ, духомъ Христова самопожертвованія за погибающихъ,—*молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа* (и слѣдовательно, дойти до самой глубины ада) *по братіи моей, сродницѣхъ моихъ*, чтобы только къ нимъ—въ ихъ духовную бездну привлечь Христа.—Въ другой разъ: *не ищу вашихъ, но васъ. Не должна бо суть чада родителемъ снискати имѣнія, но родители чадомъ. Азъ же въ сладость иждиву и иждивенъ буду по душахъ вашихъ*, «въ сладость буду истощать себя самого за души ваши» (2 Кор. 12, 15).

Довольно. Простите меня, ради Бога! И все мое, и добро и худо, что здѣсь видите, поспѣшите отнести поскорѣе ко Христу,—добро, какъ Его собственность, намъ дарованную, а худо, какъ мою собственность, Имъ—Агнцемъ Божіимъ воспріятую на Себя вмѣстѣ съ грѣхами всего міра.

Видите, колицѣми книгами писахъ вамъ моею рукою (Гал. 6, 11). Этими словами Апостола Павла заключу мое къ вамъ письмо. Благодать Господа съ вами!

Вотъ и все письмо!

Въ заключительное дополненіе къ такому, и безъ того длинному, посланію, укажу на свидѣтельство опыта, какъ не трудно

было бы прилагать силу всего сказаннаго здѣсь къ самому дѣлу. Развѣ трудно при встрѣчѣ и какихъ бы ни было сношеніяхъ съ людьми взирать мыслію и чувствомъ къ Богописанному въ нихъ (въ твореніи и возсозданіи) образу Божію, тайно оживляя чрезъ это и въ себѣ, и въ другихъ сообразность и общеніе съ существеннымъ образомъ Божіимъ—Христомъ. А чрезъ это тѣ же наши ласковыя привѣтствія другъ другу измѣняются внутренно на истинныя и цѣломудренныя выраженія духа человѣколюбія Христова. Развѣ тяжело любви, напр., сына или дочери, вспомнивъ слово Христово: *отца не зовите себѣ на земли; единъ бо есть Отецъ вашъ, иже на небесѣхъ* (Мато. 23, 9),—не терять изъ виду въ своемъ родителѣ-старцѣ даннаго Отцемъ небеснымъ отображенія Его Самого—*Ветхаго деньми?* А между тѣмъ чрезъ это все родство земное, связи братьевъ и сестеръ и другихъ родныхъ начинаютъ уже выражать силу и духъ небеснаго родства чадъ Божіихъ. Или, толкуя и заботясь о благахъ, относящихся къ временнымъ нуждамъ, выгодамъ и самымъ удовольствіямъ развѣ нельзя *прежде* всего видѣть своею вѣрою въ этихъ же благахъ даровъ любви Отца небеснаго, который именно своимъ единороднымъ Сыномъ—Христомъ *даетъ намъ вся обильно въ наслажденіе* (1 Тим. 6, 17)? А чрезъ это будетъ уже оказываться въ насъ, среди самыхъ хлопотъ и заботъ, *исканіе прежде* всего благъ вѣчнаго *Божія царства*. Кто мѣшаетъ остерегаться лицемѣрнаго униженія, единственно только въ охраненіе чести нашего вышняго званія во Христѣ Іисусѣ? Съ другой стороны, и самыя черныя работы—что препятствуетъ производить какъ-бы подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ единаго всемірнаго (да позволено будетъ сказать во славу Христову) Хозяина, благоволившаго для этого самаго до тридцати лѣтъ жить въ домѣ простого тектона (плотника)? Самые, по видимому, пустые разговоры и безплодное для духа чтеніе можно слушать не иначе, какъ слѣдя внутреннею мыслію за неостыдившимся взять на Себя вину всей нашей пустоты, всѣхъ человѣческихъ грѣховныхъ страстей, Агнцемъ Божіимъ, *аможе аще пойдетъ* (Апок. 14, 4) на своемъ крестномъ пути; и тогда самъ Духъ Его имѣетъ силу управить нашу мысль къ раскрытію для нея, чрезъ тѣ же разговоры и чтеніе, истинъ и разсужденій объ истинномъ благѣ и усовершеніи человѣка въ многоразличныхъ духовныхъ его положеніяхъ.—Повторю, что сказано это съ живаго свидѣтельства опытовъ.—Вотъ близко относящіяся сюда слова того же мудраго святителя, словами котораго мы и начали настоящую статью:

Да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ (Евр. 10, 24). Симъ указуется на нашу знаемость другъ другу, и чрезъ нее пролагается путь взаимному поощренію къ добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, сколько людей, которыхъ мы знаемъ, съ которыми знакомимся, видимся, проводимъ время, безотчетно предаваясь развлеченію, часто не догадываясь даже спросить себя о пользѣ нашихъ общеній! Для чего бы не сдѣлать сію знаемость болѣе разсудительною? Для чего не дать знакомствамъ болѣе возвышеннаго направленія? *Да разумѣваемъ другъ друга*, не по образу только видимому, но паче по невидимому въ насъ образу Божію, не по ласковымъ привѣтствіямъ, но паче по словесамъ истины и цѣломудрія; не по родству только земному, но и по небесному родству чадъ Божіихъ; не только по связямъ временныхъ нуждъ, выгодъ, удовольствій, но гораздо болѣе по святому союзу въ исканіи благъ вѣчныхъ; не по видамъ любочестія, но по стремленію къ почести вышняго званія о Христѣ Іисусѣ. Такъ разумѣвая другъ друга, сколько времени и дѣятельности, такъ небрежно иногда расточаемыхъ на праздныя бесѣды, на увеселенія, на суеты, могли бы мы сберечь и употребить на употребленіе, сообразное съ достоинствомъ человѣка и сына Церкви и отечества, на разсужденіе о истинномъ благѣ каждаго и всѣхъ, о нашемъ собственномъ и взаимномъ усовершеніи, на чтеніе назидательное и душеполезное, вмѣсто безплоднаго и раздражающаго страсти, наконецъ, на самыя дѣла добрыя и другихъ къ добру поощряющія!»

Но это значило бы измѣнить направленіе господствующихъ въ обществѣ обычаевъ... Кто можетъ сіе сдѣлать?—Да, ты и я сдѣлать сего не можемъ: потому-то мудрость Апостольская и не обращается къ тебѣ или ко мнѣ съ повелѣніемъ поощрять другихъ къ добру, но всѣмъ совокупно заповѣдуетъ: *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ*. О, если бы хотя не всѣ, хотя довольно многіе, возревновали о семъ дѣятельною ревностію, постоянно сіе имѣли въ намѣреніи, не затрудняясь мелочными препятствіями въ немаловажномъ подвигѣ!— Доброе соединеніе добрыхъ волей, безъ сомнѣнія, много возраститъ ихъ силу, въ обиліи привлечетъ благословеніе и силу Божію; и тогда добро рѣшительно превозможетъ; любовь воцарится; благоденствіе царства и Царя будетъ совершенно, царство земное будетъ предградіемъ града небеснаго. И да будетъ!— Аминь». (Окончаніе слова Высокопреосвященнаго Филарета Московскаго на Царскій день, августа 22-го 1842 года).

II.

О СОВРЕМЕННОСТИ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПРАВОСЛАВІЮ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Вопросъ о современности въ отношеніи къ православію въ послѣднее время пришелъ, повидимому, въ нѣкоторое живое движеніе. Появлялись въ нашей литературѣ статьи: «современность и православіе». Затѣмъ еще начался цѣлый рядъ статей: «современныя идеи православны ли?» Были по поводу этихъ статей и журнальныя критическія замѣчанія. Есть у насъ писатели, которые, ратуя подъ знаменемъ ревности за православіе, постоянно указываютъ на «современную цивилизацію» или на «современный прогрессъ».

Говорить ли о томъ, какъ важенъ, какъ достоинъ всего нашего вниманія этотъ вопросъ о современности въ отношеніи къ православію? Довольно сказать, что большая часть преткновеній и даже крушеній, испытываемыхъ нашею мыслію или только угрожающихъ ей, соприкосновенна къ этимъ двумъ важнѣйшимъ пунктамъ—православію и современности. Самъ Господь нашъ сильно упрекалъ не только законниковъ и учителей іудейскихъ, но и весь народъ Божій, за невнимательность къ современнымъ нуждамъ и опасностямъ по отношенію къ вѣрѣ. *Глаголаше же и народомъ* (такъ сказано о Господѣ въ Евангеліи Луки 12 гл., 54—56 ст.), *егда узрите облакъ восходящъ отъ запада, абіе глаголете: туча грядетъ: и бываетъ тако. И егда югъ вьющъ, глаголете: зной будетъ: и бываетъ. Лицемѣри, лице небу и земли вѣсте искушати: времене же сего како не искушаете?*

Во время земной жизни, Господь находилъ нужнымъ съ особенною силою обличать многія превратныя понятія современниковъ, которыя относились къ области вѣры и самыми ревнителями ветхозавѣтнаго православія были признаваемы правыми. Съ этой именно стороны и намъ въ особенности нужно испытывать нашу современность въ отношеніи къ православію. Допущенныя касательно этого недоразумѣнія и тѣмъ болѣе ошибки могутъ привести къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ. Ибо всякое другое преткновеніе или даже паденіе мысли и духа, не относящееся прямо къ вѣрѣ или къ ея направленію, легко можетъ быть примѣчено и исправлено при свѣтѣ чистой вѣры; а напротивъ преткновенія и ошибки, какія вкрались бы въ направленіе и мысль самой вѣры у кого бы то ни было, имъ самимъ уже не примѣчаются, а непримѣченныя не могутъ быть и исправляемы. Итакъ, вопросъ о современности въ отношеніи къ православію опредѣляется для насъ такъ: идеи и стремленія иныхъ нашихъ современниковъ, относящіяся къ самому православію и признаваемыя ими самими за православныя,—всѣ ли и вполнѣ ли, на самомъ дѣлѣ, православны,—если имѣть въ виду истинныя нужды и опасности нашего времени по отношенію къ православію?

Истина Господня пребываетъ во вѣкъ, одна и непреложна; но отношеніе наше къ Господней истинѣ, въ разныя времена бываетъ соотвѣтственно различнымъ ихъ особенностямъ и нуждамъ, и потому оно неизбѣжно разнообразится, хотя сила дѣла въ этомъ отношеніи всегда должна быть одна и та же. Правое, или прямо православное, отношеніе наше къ истинѣ Божіей, по силѣ дѣла, должно быть непремѣнно таково, чтобы въ какое бы ни было время искать и обрѣтать въ Божіей истинѣ полный, чуждый и тѣни какой бы ни было односторонности, свѣтъ и жизнь: ибо въ Господѣ, который единъ и есть самое существо истины (Іоан. 14, 6), содержится свѣтъ и жизнь для всякаго человѣка, отъ самаго его вступленія въ сей міръ (Іоан. 1, 4). Но, чтобы имѣть въ истинѣ Господней свѣтъ и жизнь, первенствующіе христіане должны были проливать кровь свою въ гоненіяхъ отъ Іудеевъ и язычниковъ; православные христіане періода вселенскихъ соборовъ должны были стоять противъ ересей, возмущавшихъ и колебавшихъ весь міръ христіанскій, далѣе, православные Востока должны были, при внѣшнемъ напорѣ на нихъ ислама, устоять противъ заблужденій и притязаній нан-

ства, и такъ далѣе. Понятно, что и въ наше время, которое, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, и не менѣе другихъ временъ отличается рѣзкою особенностію и знаменательностію,— должно вѣрующимъ стоять также въ особомъ, свойственномъ особымъ нуждамъ нашего времени, отношеніи къ истинѣ Христовой, чтобы находить въ ней полный свѣтъ и жизнь для всѣхъ потребностей и противъ всѣхъ опасностей нашего времени.

Хорошо было бы прослѣдить весь рядъ временъ, прожитыхъ уже православіемъ, сличая ихъ съ нашимъ временемъ: тогда бы мы лучше и яснѣе всего увидѣли, что многое, нужное и достаточное для того или другого прежняго времени въ отношеніи къ православію, будетъ для нашего времени уже недостаточно раскрывать (а иногда даже болѣе закрывать) свѣтъ и жизнь православія, если мы потеряемъ изъ виду особенности нашего времени, или современныя потребности и опасности для православія. Въ настоящій разъ мы возьмемъ во вниманіе только самыя первыя времена христіанства.

Въ первые вѣка христіанства, среди гоненій сначала отъ іудеевъ и потомъ отъ языческаго міра, христіанину православному, для соблюденія и раскрытія въ себѣ спасительнаго свѣта Христова, нужно и вполнѣ достаточно было чистосердечнаго и твердаго исповѣданія вѣры во Христа съ рѣшительнымъ отверженіемъ іудейства и язычества; потому что это соединено было съ подвигомъ мученичества, которое вводило въ самое живое общеніе въ *страстяхъ Христовыхъ*, и потому преизобильно и разнообразно раскрывало въ христіанахъ свѣтоносный и животворный духъ Христовъ.—«Чтожъ, и теперь, скажутъ сейчасъ же иные,—развѣ для спасенія не требуется и не достаточно твердаго и прямодушнаго исповѣданія вѣры во Христа, съ рѣшительнымъ и полнымъ отвращеніемъ отъ всего враждебнаго Его истинѣ?» Такъ; но вопросъ въ томъ: достаточно ли этого въ наше время для такого же чуднаго и побѣдоноснаго надъ всѣмъ враждебнымъ раскрытія животворной и свѣтоносной Христовой истины и благодати, какое украсило и прославило православную Церковь въ вѣка гоненій? Святые мученики и мученицы Христовы, терпя изъ любви и вѣрности своему Господу ужасныя кровавыя страданія, чрезъ это, какъ уже сказали мы, глубоко и съ особенною живостію входили въ духъ и силу Христовыхъ страданій и смерти именно — въ общеніе той Господней любви къ намъ, грѣшнымъ и гибнущимъ людямъ, какую проявилъ Онъ въ своихъ

страданіяхъ и крестной смерти. И потому—сладость сей божественной любви, ими вкушаемая, выражалась въ радостныхъ ихъ славословіяхъ среди самыхъ мученій;—расположенія Христовой любви, исполняющія и движущія ихъ сердца, раскрывались въ пламенныхъ молитвахъ не только за Церковь, за присныхъ но вѣрѣ, но и за самихъ гонителей и мучителей;—Божія всемогущая сила любви Господней проявлялась въ чрезвычайномъ могуществѣ слова нѣкоторыхъ изъ св. мучениковъ и мученицъ, въ знаменіяхъ и чудесахъ, творимыхъ страстотерпцами. Въ слѣдствіе всего этого, кровь, ими проливаемая въ страданіяхъ за Господа, оказывалась самымъ живымъ и плодотворнымъ сѣменемъ къ распространенію и возвеличенію Церкви Христовой. Сличи же теперь со всѣмъ этимъ свои расположенія и дѣла и ихъ послѣдствія самъ ты, котораго Богъ помиловалъ и ущедрилъ твердою и искреннею вѣрою во Христа и Его Церковь,—который еще одушевляешься и ревностію противъ всего христовраждебнаго. Сличай однако не поверхностно, и не укрываясь отъ истины ни подъ какими предлогами, подъ предлогомъ напримѣръ сознанія своего личнаго ничтожества и недостоинства предъ св. мучениками; ибо, отчуждаясь отъ истиннаго духа св. мучениковъ, который есть собственно Христовъ духъ, христіанинъ отчуждался бы и отъ самого Христа. Благо тебѣ, если ты уже и стоишь на томъ, чтобы во всемъ слѣдовать и предаваться духу и силѣ крестныхъ страданій и смерти Христовой, именно духу Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, движеніемъ и расположеніемъ той Его любви къ человѣкамъ, какъ-будто Онъ и виноватъ былъ предъ Отцемъ за всѣ человѣческія заблужденія и грѣхи! Тогда недалека и отъ тебя благодать быть мученикомъ любви Господней къ намъ грѣшнымъ; ты на себѣ (не самъ собою, а по общенію въ благодати Божія Агнца, вземлющаго наши грѣхи) будешь выносить многія духовныя бремена своихъ ближнихъ, ихъ преткновеній, недоразумѣній, ошибокъ и даже паденій. Но только Богъ и душа твоя будутъ знать тайну такого твоего мысленнаго и нравственнаго мученичества; по наружности же это, очевидно, будетъ нисколько не похоже на внѣшность мученическаго подвига древнихъ страдальцевъ, по совершенно различному отъ ихъ времени характеру нашего времени. Но, если ты или я вздумаемъ опочить на своей твердой и искренней вѣрѣ въ Христа Бога и даже предадимся ревности противъ всего христовраждебнаго; а напередъ не позаботимся выяснить для себя и принять

въ начало для своей мысли и сердца и воли *общеніе въ силѣ страданій Христа, которымъ собственно и отличались св. мученики*, именно—духа и силы любви Агнца Божія къ намъ грѣшнымъ: то очевидно, мы—не подражатели вѣры св. страстотерпцевъ. Безъ участія въ духѣ и настроеніи Господней любви, по которой Онъ на крестѣ *бысть по насъ*, грѣшныхъ и заблуждающихъ, *клятва* или олицетвореніе проклятіе, по слову Божію (Гал. 3, 13),—наша твердая вѣра, при всей своей ревности, недалека будетъ отъ духовнаго самодовольства, соединяемаго болѣе или менѣе съ осужденіемъ другихъ въ ихъ недостаткахъ и заблужденіяхъ относительно вѣры,—наша ревность противъ всего христовраждебнаго недалека будетъ отъ духа отталкивающей и пугающей нетерпимости,—и, управляемая и одушевляемая такими расположеніями, наша дѣятельность, конечно, совсѣмъ не будетъ плодоноснымъ для христіанства сѣменемъ, а скорѣе всего будетъ изсушать все живое и плодоносное въ христіанствѣ. Да! нынѣ время такое, что иной ратуетъ на словахъ за Христа, а посмотришь внимательнѣе—увидишь, что онъ самоувѣренно и съ самооправданіемъ ратуетъ много, много за мертвую букву той или другой истины, не желая и знать истиннаго Христова духа; а вѣдь это значитъ іудействовать и въ христіанствѣ. Иной думаетъ и говоритъ, что онъ въ вѣрѣ твердъ, а посмотришь—онъ служитъ мерзости своего корыстолюбія или другой страсти, или какой идеѣ, взятой совсѣмъ не отъ вѣры; а вѣдь это идолопоклонство и язычество, хотя и прикрытое личиною христіанства.

Св. мученики, своими страданіями или своимъ на дѣлѣ общеніемъ въ страданіяхъ и смерти Іисуса Христа, одержали побѣду надъ язычествомъ; эту самую побѣду ихъ надъ язычествомъ мы и должны наслѣдовать и удержать тѣмъ, чтобы всѣ области знанія и жизни, гдѣ есть идолы какихъ бы ни было идей не но Христу, всемѣрно усиливаться озарить свѣтомъ Христовой истины и благодати, а вѣрный путь къ сему одинъ и для насъ, какъ для св. мучениковъ: именно—общеніе въ Христовыхъ страстяхъ, участіе въ духѣ и расположеніяхъ той любви Господней къ грѣшнымъ и заблуждающимъ, по которой Онъ душу свою положилъ за нихъ, какъ-будто Онъ одинъ и былъ виноватъ за всѣхъ. Св. мученики одержали побѣду прежде всего надъ іудействомъ; для усвоенія себѣ этой побѣды, намъ всемѣрно надобно стараться, чтобы отнюдь не допускать до себя мертваго и раб-

ского духа іудейства, состоящаго въ ревности только по буквѣ Божіей истины, взятой внѣ своей силы и духа. Подобно св. мученикамъ и исповѣдникамъ, будемъ мужественно и безбоязненно, съ ревностію стоять за истину Христову противъ лжи іудейства и язычества, духовно приражающейся и къ христіанамъ; но вмѣстѣ будемъ, подобно тѣмъ же добронобѣднымъ мученикамъ, одушевляться духомъ любви Христовой къ грѣшному и погибающему человѣку,—будемъ духовно щадить и миловать человѣка и въ іудеѣ, и въ невѣрномъ. Вѣдственное и плачевное дѣло, если съ ревностью настаивая на отвѣтственности іудея за пролитую имъ кровь Спасителя нашего, станемъ своими криками заглушать для себя и для другихъ тихій голосъ той же Христовой крови, *лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. 12, 24), вопіющей не объ отмщеніи, а о помилованіи и прощеніи враговъ: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ* (Лук. 23, 34). Не похвально, и для дѣла спасенія души не безопасно, если, ратуя противъ вторгающагося и въ міръ христіанскій духовнаго язычества, пренебрежемъ духа человѣколюбія Христова и, не задумавшись и не разобравъ дѣла, будемъ словомъ нещаднаго осужденія поражать иногда и служащаго Божію дѣлу *міра*, какъ язычника—Пилата. Тутъ дѣло уже не въ частныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, а въ опасности отчужденія отъ духа истины и благодати Христовой, безъ котораго нельзя и самому спастись и способствовать спасенію другихъ, а пожалуй, еще будешь давать самою своею ревностію, неразумною, только поводъ къ разнымъ хуламъ на православное христіанство, въ которомъ одномъ надежда для всего міра. Страшно, если именно такимъ образомъ будетъ исполняться надъ нами слово Божіе: *вамъ ради присно имя Мое хулится во языцѣхъ* (Ис. 52, 5).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Для дальнѣйшаго раскрытія того, какъ стоять намъ за православіе по духовнымъ потребностямъ нашего времени, посмотримъ, какъ опредѣляли и отстаивали догматы православія въ великій періодъ времени семи вселенскихъ соборовъ, по тогдашнимъ потребностямъ вѣры.

Съ перваго же взгляда бросается, можно сказать, въ глаза различіе между тѣмъ временемъ и нашимъ,—различіе, требующее отъ насъ образа подвиговъ за православіе также различнаго отъ тѣхъ подвиговъ, какіе потребны были въ тогдашнее время. Тогда

требовалось съ точностію опредѣлять самое существо православной вѣры: нынѣ, очевидно, нѣтъ ни малѣйшей уже нужды снова опредѣлять утвержденные навсегда вселенскими соборами догматы вѣры православной. Итакъ, не просто въ буквѣ опредѣленія догматовъ, а видно, главнымъ образомъ въ самой силѣ дѣла вѣры должны мы поучаться у св. отцевъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и подражать ихъ ревности по православію. «Извѣстное дѣло», скажетъ кто либо, «что нынѣ нужно только твердо соблюдать догматы православной вѣры, опредѣленные и утвержденные св. отцами соборовъ, отвергая съ ревностію по вѣрѣ всѣхъ и все, въ комъ и въ чемъ примѣчается отступленіе отъ православія, или невѣрность постановленіямъ вѣры православной»!—Оно такъ, если эта ревность по православію соединяется съ тѣмъ духомъ св. отцевъ, по которому они, подвизаясь за православіе, полагали или имѣли полную готовность положить свои души за спасеніе людей. Въ противномъ же случаѣ, самая твердость въ православіи была бы далека отъ силы православія и совсѣмъ не похожа на ревность по вѣрѣ, одушевлявшую православныхъ въ періодѣ вселенскихъ соборовъ.

Прежде собственнаго развитія этой мысли, сочтемъ привести здѣсь слова великаго современнаго учителя отечественной Церкви *), какъ разъ относящіяся къ разсматриваемому нами предмету.

«Какъ? скажетъ иной,—я вѣрую въ единосущную Троицу, въ «Господа Іисуса Христа Богочеловѣка, въ Его спасительное стра«даніе, крестную смерть и воскресеніе, въ Его вознесеніе на небо «и грядущій судъ, въ благодатныя тайнодѣйствія Св. Духа,—от«вергаю всякое неправославное мудрованіе: не сія ли есть чи«стая вѣра въ Бога, каковы бы ни были отношенія мои къ лю«дямъ? Нѣтъ спора, единовѣрный мой, что сія есть истинная Апо«стольская вѣра въ существѣ своихъ догматовъ: но можетъ быть «сомнѣніе въ томъ, точно ли ты ее имѣешь, и какъ имѣешь. По«колику ты ее имѣешь въ словѣ Божіемъ и въ символѣ вѣры: по«толику она принадлежитъ Богу, Его Пророкамъ, Апостоламъ, От«цамъ Церкви, а еще не тебѣ. Когда имѣешь ее въ твоихъ мыс«ляхъ и въ памяти, тогда начинаешь усвоять ее себѣ; но я еще «боюсь за сію собственность, потому что твоя вѣра въ мысляхъ, «можетъ быть, есть только еще задатокъ, по которому надлежитъ

*) Слово Высокопреосвященнаго Митрополита Филарета по освященіи храма св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго въ домѣ воспитанія бѣдныхъ дѣтей и проч. М. 1844 г. ч. II стр. 261—2.

«получить сокровище, то есть, живую силу вѣры. А какъ полу-«чить ее?—сердцемъ, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *сердцемъ «вѣруется въ правду* (Рим. 10, 10). Но если ты усвоилъ себѣ вѣру «сердцемъ, то есть, въ глубинѣ души почувствовалъ ея достоин-«ство, святость и силу, возлюбилъ ее, прилѣпился къ ней: то, «вслѣдствіе сего, надлежитъ, по слову Апостольскому, *вселитися «Христу вѣрою въ сердце* (Еф. 3, 17) твое, то есть, внести въ «Него свою благодать, свой свѣтъ, силу и жизнь, свое мудрованіе, «любовь и добродѣтель; и—тогда ты возлюбишь всѣхъ человѣ-«ковъ,—иначе и быть не можетъ,—любовію Христовою: изъ любви «и благодарности къ пострадавшему и умершему за тебя, готовъ «будешь и умереть за спасенныхъ Его любовію и искупленныхъ «Его смертію; кратко сказать, по мѣрѣ совершенства въ вѣрѣ, бу-«дешь совершенъ въ человѣколюбіи. Такимъ образомъ одно изъ «двухъ: или ты имѣешь чистую вѣру и купно съ нею человѣко-«любіе или...» и проч.

Имѣя въ виду такую силу вѣры православной, мы легко можемъ выяснить себѣ подвиги за православіе отцевъ и чадъ св. Церкви, въ періодъ вселенскихъ соборовъ, не по внѣшнему образу совершенія этихъ подвиговъ, а въ живой ихъ силѣ, чтобы въ той же силѣ подвизаться и намъ за православіе, по нуждамъ нашего времени.

Послѣ того, какъ св. страстотерпцы своимъ общеніемъ въ Христовыхъ страданіяхъ и, слѣдовательно, въ Христовой любви къ людямъ, выразившейся въ Его страданіи и смерти за людей, побѣдили какъ іудейство, ревнующее за мертвую букву Божія закона, такъ и язычество, обожающее одни пустые призраки божественнаго, вмѣсто признанія истиннаго Бога,—чадамъ св. Церкви открылось ничѣмъ не стѣсняемое совиѣ удобство—къ проявленію въ себѣ той силы вѣры, чтобы Христосъ вселялся въ ихъ души, какъ верховное начало всей ихъ дѣятельности и жизни, какъ Богъ ихъ мысли, чувства, желаній, всякаго ихъ движенія,—къ раскрытію въ нихъ своей святости, премудрости и любви. Между тѣмъ, къ этому внутри самой Церкви открылись немедленно страшныя препятствія и затрудненія. Явилось сначала посягательство лжи на самое значеніе Христа, какъ высочайшаго для насъ начала, какъ истиннаго Бога,—чѣмъ человѣкъ, и при самой вѣрѣ во Христа, поставлялся, очевидно, уже въ независимость отъ Него, какъ отъ верховнаго своего во всемъ начала; и такимъ образомъ все спасительное, истинное, благое, прекрасное,

словомъ—*всяко исполненіе Божіе*, открытое въ Христѣ человѣку,—заграждалось для послѣдняго. Для низложенія этой лжи, взволновавшей Востокъ и Западъ христіанскаго міра, требовалась и проявилась вся сила *вѣры православныхъ*. И она успѣла для себя и для міра раскрыть солнечный свѣтъ той основной для христіанъ истины, что Христосъ Спаситель нашъ есть непреложно верховное для насъ во всемъ начало, истинный въ строжайшемъ смыслѣ Богъ, предвѣчный и единосущный Отцу Сынъ Его, зиждительное и всесодержительное Его Слово упостасное, которымъ и открываются для пріемлющихъ (вѣрою) и держащихся Его, какъ единаго всеуправляющаго своего начала, всѣ сокровища Отчаго благоволенія, премудрости, силы и правды.—Но въ этомъ великомъ и спасительномъ для насъ значеніи—Христосъ пріемлется и усвояется нами вѣрующими не иначе, какъ силою и дѣйствіемъ въ насъ Св. Духа; ибо *никтоже можетъ* даже по надлежащему *рещи Господа* (назвать Господомъ) *Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). Поэтому не замедлило тогда же открыться посягательство лжи и на Божеское достоинство, власть и силу самого Духа Святаго; отъ чего опять полнота Божія, раскрытая для насъ во Христѣ, становилась бы для насъ совершенно недоступною и несообщимою. Новымъ подвигомъ вѣры, соединявшей съ снѣдающею ревностію по истинѣ всевозможную осторожность любви, поставлена въ свѣтѣ и эта жизненная истина, что Св. Духъ, въ силѣ котораго пріемлется и вселяется Христосъ въ вѣрующихъ, есть истинный Богъ, единосущный Отцу, отъ котораго Онъ исходитъ, и Сыну, въ которомъ Онъ почиваетъ всею полнотою своихъ силъ и дѣйственности,—и что, слѣдовательно, для Божественной силы и дѣйствія Св. Духа просто и легко вводить вѣрующихъ въ единеніе со Христомъ, въ общеніе Его святости, любви и премудрости, въ участіе во внутреннихъ расположеніяхъ, мудрствованіи и состояніяхъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра. Только бы человѣкъ самъ вѣрою открывалъ себя, свой умъ и сердце для такой благодати, въ какомъ бы времени, мѣстѣ, положеніи и занятіи онъ ни находился.—Но съ этой стороны ложь сдѣлала новыя отчаянныя посягательства на истину. Она настаивала, что въ самомъ Христѣ, основаніи благодатнаго соединенія человѣка съ Богомъ, человѣческое съ Божественнымъ соединилось только случайно, что Христосъ родился отъ своей Матери будто бы простымъ человѣкомъ, съ которымъ, за Его святость, уже впослѣдствіи соединился Богъ Слово, пребывая въ своей личности всегда

отдѣльнымъ отъ человѣчества Христова;—отъ чего самое основаніе къ союзу людей съ Богомъ распадалось бы внутренно въ самомъ Христѣ. Ибо, если Христосъ какъ человѣкъ святый и непорочный, и могъ бы соединиться съ Богомъ Словомъ, то всѣмъ прочимъ людямъ, какъ естественно грѣшнымъ, все же не оставалось бы надежды войти въ совершенный и постоянный союзъ съ Богомъ. Живое чувство православія и неомраченная мысль вѣры сейчасъ же примѣтили инспроверженіе этою ложью всей тайны нашего спасенія во Христѣ. И новые великіе подвиги нужны были для торжества той истины, что ради спасенія грѣшныхъ людей *самъ* Богъ Слово, *Самъ* единосущный Отцу Сынъ Его, *собственнымъ лицемъ, своимъ вседержавнымъ «Я»* *), низшелъ до воспріятія человѣческой природы, такъ что Матерь Его отъ Духа Святаго зачала и родила для насъ истинно Самого Бога и потому есть истинная Богородица; также и все, совершаемое и претерпѣнное Имъ въ человѣчествѣ, Онъ совершилъ и претерпѣлъ для насъ именно—въ единоличномъ соединеніи своего, сроднаго всѣмъ намъ, человѣчества съ безстрастнымъ своимъ Божествомъ, *носящимъ всяческая глаголомъ силы своея* (Евр. 1, 3) и существенно проявляющимъ въ *Себѣ* безпредѣльнаго Отца. И вотъ, ради Божества Его, ради вѣчно почивающей въ Немъ всею полнотою своею любви Отчей, вся вина грѣховъ нашего міра, любовію Христовою понесенная до крестной смерти, до состоянія неизслѣдимаго нѣкотораго оставленія Отцемъ, была съ преизбыткомъ Имъ заглаждена (ибо, что грѣхи всего міра, сравнительно съ истощаніемъ за нихъ Самого Бога, которымъ міръ существуетъ?), а ради Его человѣчества, естественно сроднаго и сообщнаго намъ, вся Божія во Христѣ полнота, Его истина, правда, любовь, вообще все о Христѣ премудрое, благое и прекрасное, все это—доступно и удобосообщимо намъ человѣкамъ, если только сами хотимъ и подвизаемся воспринимать эти сокровища вѣрою. И есть кому матерински поддерживать, охранять и возращать самые слабые, самые младенческіе начатки такого нашего общенія въ Божіей полнотѣ, открытой намъ во Христѣ: это—сама Пресвятая Богородица, Матерь Того, въ Комъ обитаетъ полнота Божества тѣлеснѣ (Колос. 2, 9). Такимъ образомъ, основаніе въ Христѣ нашего соединенія съ Богомъ непреложно и вѣчно,

*) Такъ выражаюсь, желая ярче выставить на видъ, чѣмъ именно утверждено на вѣки наше личное бытіе или «Я» каждаго изъ насъ. За наше «Я» Христосъ Богъ ручается собственнымъ «Я», вшедшимъ для насъ до вочеловѣченія.

какъ Самъ Богъ Слово, снизшедшій для сего до вочеловѣченія въ собственномъ лицѣ; потому и самое соединеніе наше съ Богомъ, основанное во Христѣ, такъ прочно и глубоко, какъ неразрывно Христово «Я», единое у Его Божества и человѣчества отъ самаго Его зачатія для насъ Богоматерію.

Ложь и тутъ снова извернулась, чтобы только не дать человѣку быть во Христѣ съ Богомъ. Явилось лживое ученіе, будто во Христѣ человѣчество поглотилось Божествомъ, какъ капля моремъ; отъ чего грѣшные люди должны были бы потерять въ Самомъ Спасителѣ Христѣ доступность, или сродный съ ихъ природою способъ къ своему соединенію съ Божествомъ; да и самое это соединеніе съ Богомъ, по Своему основанію во Христѣ, грозило бы имъ неминуемымъ поглощеніемъ ихъ человѣчества, вмѣсто спасенія... И опять требовался тяжкій подвигъ православія для раскрытія и утвержденія истины, что въ нашемъ Спасителѣ, въ единствѣ Его личности, сохранились, при своей нераздѣленности, въ *неслитности* и въ *непреложности* оба естества—Божеское и человѣческое: и все это—для насъ, для упраздненія естественной человѣческой грѣховности, для приведенія человѣка со всею цѣлостію его личности и природы къ Богу; только бы самъ человѣкъ не отнималъ у такой человѣколюбивой Божіей благодати ни личности своей, ни той или другой стороны (души или тѣла) своей природы. Ложь, побѣдоносно низлагаемая и разсѣваемая истиною Христовою, и здѣсь усиливалась подкопать благодатную возможность и удобство для христіанъ жить своею личностію и всѣми сторонами своего существа—и на землѣ, какъ на небѣ, именно—со Христомъ въ Богѣ. Открылось лжеученіе, что во Христѣ была и дѣйствовала, по крайней мѣрѣ, одна воля—Божеская, и что, потому, и дѣятельность Его была также одна Божественная; чѣмъ опять наша человѣческая воля и дѣятельность, чрезъ которую только и возможно для насъ воспріять благодатно Христа, оказывались бы не имѣющими ничего общаго съ Христовою волею и дѣятельностію, и такимъ образомъ мы, и съ вѣрою нашею, все таки оставались бы въ отчужденіи отъ Господа. И православіе мученическими подвигами, подобно какъ при языческихъ гонителяхъ, должно было отстаивать истину, что во Христѣ, при единствѣ Его «Я», сохранились въ полной цѣлости и силѣ не только Божескія воля и дѣйствіе, но вмѣстѣ и человѣческія; и это опять для насъ же, для снятія грѣховъ нашей человѣческой дѣятельности—мысленной, сердечной, тѣлесной,—для того, чтобы вся такая человѣческая дѣятельность, про-

являющаяся ли по разнымъ нашимъ внѣшнимъ отношеніямъ, или только внутри духа совершающаяся, производилась нами въ общеніи вѣры со Христомъ Богочеловѣкомъ, и—чрезъ это, подъ благоволеніемъ небеснаго Отца. Казалось бы чего еще болѣе для нашего жительства во Христѣ? Но эта *догматическая*, такъ сказать, борьба истины съ ложью, сопряженная съ такими опасностями для вѣры, стоившая столькихъ жертвъ, и теперь для св. Церкви не кончилась. Ложь пыталась наконецъ привести христіанство, съ его жительствомъ во Христѣ, къ нѣкоторой отвлеченной и мечтательной идеальности, въ которой испарилась бы вся, простирающаяся на самую наглядную дѣйствительность, сила христіанства, именно: открылось иконоборство, повторившее языческія и іудейскія гоненія на православныхъ христіанъ. Православные подвигами до крови отстояли св. иконы и благоговѣйное ихъ почитаніе, признавая выраженіе въ иконахъ таинъ вѣры самымъ сообразнымъ съ чувственно-духовнымъ бытіемъ человѣка и потому, для всѣхъ самымъ необходимымъ, общедоступнымъ и живо-понятнымъ; въ особенности же они указывали основаніе иконопочитанія въ начертанномъ въ самихъ людяхъ образѣ Божіемъ [1]), признавая, видно, областію для раскрытія духа иконопочитанія всю человѣческую дѣйствительность. (Ибо, чтобы соблюдать вѣрность иконопочитанію въ томъ его основаніи, которое составляетъ самая досточтимость образа въ насъ Божія, по св. Іоанну Дамаскину—выражаемая и въ простыхъ нашихъ поклонахъ другъ другу,—для этого православному необходимо, какъ самому въ себѣ, такъ и въ отношеніи къ другимъ людямъ, имѣть постоянное вниманіе къ напечатлѣнному въ насъ образу Божію, или къ сообразованію нашему съ существеннымъ Образомъ Божіимъ—Христомъ Сыномъ Божіимъ).

Итакъ, подвизавшіеся за православіе, въ періодъ вселенскихъ соборовъ, стояли собственно не за мертвую букву вѣры, а за самую силу союза людей съ Богомъ во Христѣ, простирающуюся отъ ихъ духа и на все внѣшнее,—ту силу, въ отчужденіи отъ которой пропадалъ бы человѣкъ не только для будущей жизни, но и въ настоящей.

И какъ они подвизались за спасеніе человѣка въ своей ревности по православію! *Буди тебѣ яко язычникъ и мытарь*—это

---

[1]) См. «Точное начертаніе вѣры», гл. объ иконопочитаніи. Св. Іоанна Дамаск.

слово Христово (Мато. 18, 17) выдерживали они относительно лжеучителей во всей строгости, но только тогда, когда, по слову Христову, сначала вразумлять заблуждающагося каждый изъ истинныхъ ревнителей православія *межоу собою и тьмъ единьмъ*, какъ именно св. Александръ Арія, а потомъ *при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ*, или даже при цѣломъ частномъ соборѣ, какъ тотъ же Александрійскій архипастырь того же безумнаго Арія, и наконецъ послѣ вразумленія его всею *Церковію*, на вселенскомъ соборѣ. Все это было именно въ томъ духѣ самого Христа, который Имъ же самимъ на тотъ же самый предметъ выраженъ: *пріиде Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго. Что вамъ мнится? аще будетъ нѣкоему человѣку сто овецъ, и заблудитъ едина отъ нихъ: не оставитъ ли девятьдесятъ и девять въ горахъ, и шедъ ищетъ заблудшія? И аще будетъ обрѣсти ю, аминь глаголю вамъ, яко радуется о ней паче, нежє о девятидесяти девяти незаблудшихъ* (Тамъ же, ст. 11—13). Въ частности поборникъ догмата единосущія Сына Божія со Отцемъ, св. Аоанасій великій, въ собственномъ духѣ и умѣ, столько углублялся въ этотъ высочайшій догматъ вѣры, что, по его собственнымъ словамъ многочисленныя его писанія были только самою малою частію стремящихся къ раскрытію тайны размышленій его,—а, по внѣшней жизни, почти постоянно подвергался онъ ссылкамъ и заточеніямъ, отстаивая для человѣка ту благодать и истину, чтобы онъ имѣлъ во Христѣ Спасителѣ истинно верховное на все Начало, истиннаго Бога. Отецъ монашества восточнаго, св. Антоній великій, оставилъ и пустыню, для которой онъ оставилъ самый міръ, и нашелъ непротивнымъ иноческу—явиться въ шумную многолюдствомъ, торговлей и ученостью Александрію, чтобы помочь великому Аоанасію ратоборствовать за спасающее человѣка Божество Спасителя. Преподобный Исаакій Далматскій также счелъ своимъ долгомъ выйти изъ уединенія, чтобы во имя Христа, вводящаго людей въ любовь Отца, именно потому, что Онъ Самъ есть единородный и единосущный Сынъ Божій, —лично противостать самому царю, закрывшему православные храмы. Св. Максимъ исповѣдникъ терпѣлъ отъ церковныхъ и гражданскихъ властей — монооелитовъ мученическія злострадавія за ту, спасительную именно для нашей человѣческой дѣятельности, истину, что во Христѣ есть не одна воля Божеская, но и человѣческая,—и не одно дѣйствіе Божества, но также и дѣйствіе человѣческое. Св. Іоаннъ Дамаскинъ, любимый и чтимый и невѣрнымъ власти-

телемъ (у котораго былъ въ службѣ), за ревностную защиту иконопочитанія подвергся безсовѣстной клеветѣ и убійственнымъ козиямъ отъ христіанскаго императора-иконоборца. И какъ ревность этихъ поборниковъ православія одушевлялась именно человѣколюбіемъ, подвизавшимся за спасеніе человѣка: то она соединялась съ крайней осторожностію, снисходительностію и самоотверженіемъ любви. Великій ревнитель догмата единосущія Пресвятыя Троицы, Аѳанасій, когда нѣкоторые предстоятели Церкви православную мысль о пресвятой Троицѣ выражали словами, по видимому, прямо неправославными *) и были за то строго осуждаемы ревнителями буквы православія,—принялъ сторону первыхъ и тѣмъ остановилъ смущеніе православныхъ, возникшее отъ неразумной ревности изъ-за однихъ словъ; и впослѣдствіи св. Григорій Богословъ, подобный Аѳанасію въ ревности по вѣрѣ, не зналъ, какъ и восхвалить Аѳанасія за это дѣло мудрой любви. Василій Великій, чтобы удержать въ православной Церкви поколебавшихся уже въ вѣрѣ въ Божество Св. Духа и постепенно, незамѣтно, привести ихъ къ этой вѣрѣ,—рѣшался даже нѣкоторое время не говорить въ своихъ поученіяхъ прямо о Божествѣ третьей Ѵпостаси Св. Троицы, хотя чрезъ это и самъ подвергался нареканію въ неправославіи отъ нечеловѣколюбивой ревности нѣкоторыхъ, и даже долженъ былъ принять нѣкоторые упреки въ излишней снисходительности отъ своего великаго друга—Григорія Богослова. И самъ Григорій Богословъ, видя при открытіи втораго вселенскаго собора разногласія и споры епископовъ, возбужденные личными недоброжелателями Богослова, подвигнутъ былъ истинно Христовымъ духомъ, какъ бы виноватый въ этихъ смутахъ, оставить Константинопольскую каѳедру и удалиться въ строгое, тяжкое для его ревниваго духа, уединеніе, чтобы только отцамъ собора дать возможность спокойно и мирно приняться за великое дѣло. Любовь св. Златоуста не усумнилась перенять у самыхъ Аріанъ нѣкоторые виды относящагося къ Богослуженію благолѣпія и стройности, которыми они стали-было обольщать простодушныхъ.

Вотъ какъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ подвизались за самую силу православія.

---

*) Выражались именно, что въ Пресвятой Троицѣ одна Ѵпостась, принимая впрочемъ это слово (съ латинскаго substantia) въ смыслѣ не лица, а сущности.

Разсмотрѣвъ, за что и какъ, въ силѣ дѣла, подвизались въ тѣ времена защитники православія, обратимся къ нашему времени.

Ложь древнихъ ересей, волновавшая весь древній христіанскій міръ, и нынѣ дѣйствуетъ въ той же силѣ и обширности духовнаго человѣкогубительства, но только уже раскрывается въ инаковыхъ видахъ. Есть и прямо, открыто не признающее Христа Богомъ, аріанство; но и такое нынѣшнее аріанство имѣетъ корнемъ своимъ уже не догматическія недоразумѣнія и заблужденія вѣры, но то направленіе, по которому многіе христіане не хотятъ и не думаютъ признавать и имѣть Христа Спасителя верховнымъ живымъ началомъ своей мысли, своей воли, сердца, воображенія, и слѣдовательно, всей области наукъ, искусствъ, жизни общественной и частной. Вѣдь это то же, въ силѣ дѣла, что не признавать Христа истиннымъ Богомъ своимъ, въ которомъ не только все дѣйствительное имѣетъ свое основаніе зиждительное и всесодержительное, но вић котораго, вић Его благоволительной или попустительной воли и мысли, ничего и невозможно. Бываетъ и то, что относящееся прямо къ вѣрѣ и благочестію содержится или исполняется, какъ слѣдуетъ, *по Христу*, а во всемъ прочемъ дается мѣсто разнымъ житейскимъ или идеальнымъ началамъ, уже не возводимымъ подъ небесное главенство Христово, а иногда и прямо Ему враждебнымъ (каковы напр. начала порочныхъ страстей); это есть повтореніе, въ силѣ дѣла, того древняго полуаріанства, по которому иные признавали Христа Богомъ, не воздавая однако Ему всецѣло и рѣшительно Божеской чести, и съ которымъ древнее православіе никакъ не хотѣло имѣть единенія. Весьма еще назидательно и замѣчательно для насъ, что поборники православія противъ аріанъ никакъ не сдавались на громкія ихъ величанія Христа *премудростію и силою Божіею, сіяніемъ славы Божіей, Словомъ единороднымъ* и даже *Богомъ*, и тому подобныя; видно, и съ громкими рѣчами о Богѣ можно еще не уйти отъ силы и духа худшей изъ ересей. Православные для церковнаго общенія съ собою требовали отъ аріанъ одного точнаго слова о Божествѣ Христовомъ,—требовали такого исповѣданія вѣры, что именно *единосущный* Отцу Сынъ, слѣдовательно, по самой сущности Богъ, существенно проявляющій въ Себѣ всю премудрость, всю силу и любовь Отца, истощилъ Себя за міръ, какъ Агнецъ Божій, понесшій на Себѣ отягчающіе и убивающіе міръ грѣхи и проклятіе. Вотъ кто есть нашъ Спаситель Христосъ,—истинный Богъ, высочайшее начало

для всего и для насъ во всемъ! Итакъ, ревнуете ли по православію,—поревнуйте именно о томъ, чтобы ни одна у насъ область жизни общественной и частной, ни одна среда нашей дѣятельности, какъ бы иная изъ нихъ ни была опутана нехристіанскими началами, не оставалась возглавленною подъ эти погибельныя начала, внѣ верховнаго начала—Христа, истиннаго Бога нашего, и такимъ образомъ не была внѣ благоволенія Отца небеснаго, почивающаго всею полнотою своею на *единосущномъ* Его Сынѣ. Если необходимъ для этого великій и разносторонній, мысленный и словесный подвигъ: вспомните труды Аѳанасія великаго, Златоуста, Григорія Богослова, и одушевитесь ихъ духомъ. Если для раскрытія Божественнаго и духовнаго главенства Христова надъ всѣмъ, не только прямо-духовнымъ и церковнымъ но и мірскимъ, земнымъ, неизбѣжно обращаться иногда мыслію и сердцемъ къ разнымъ сторонамъ и видамъ человѣческаго, земнаго: не затруднитесь послѣдовать мыслію и духомъ великому Антонію, который изъ своего пустыннаго въ Богѣ уединенія явился среди шума и суеты городскаго многолюдства, для вразумленія заблуждающихъ и утвержденія вѣрныхъ въ догматѣ единосущія со Отцемъ Христа Сына Божія, слѣдовательно, и Божественнаго Его главенства для всего небеснаго и земного. Если и трудно противостать господствующему направленію—мыслить и дѣлать не по Христу Богу, или не совѣмъ по Христу: но возьмите въ человѣколюбивое ваше вниманіе, что подобное направленіе въ христіанахъ этихъ духовныхъ храмахъ Божіихъ, такъ сказать, прекращаетъ богослуженіе ихъ мысли и сердца, слѣдовательно, закрываетъ эти Божіи храмы, подобно, какъ нѣкогда Валентъ; и, вспомнивъ св. Исаакія Далматскаго, твердо станьте противъ этого аріанствующаго направленія, съ увѣренностію, что изчезнетъ же, Богъ дастъ, его господство на радость мучимаго имъ человѣка.

Да не будетъ у насъ мира съ христовраждебною ложью ни въ чемъ; но опутанныхъ ложью слѣдуетъ наводить на истину всевозможнымъ ея раскрытіемъ, слѣдуетъ возбудить къ ихъ вразумленію и въ частности ревность того или другаго, и самое общественное мнѣніе, и только тогда, какъ на всѣ мѣры и усилія любви вразумить ихъ, они отзывались бы однимъ упорствомъ и враждою,—только тогда, послѣдуя св. Отцамъ, можно примѣнить къ заблуждающимъ слово Христово: *буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь*, и то не въ смыслѣ окончательнаго и рѣшительнаго отвращенія отъ нихъ, а съ преданіемъ ихъ въ волю Божію на ряду съ другими

людьми, чуждыми Церкви Божіей. А пока еще дѣло виолнѣ не разобрано по тому или другому вопросу или предмету, которымъ занимаются, повидимому, не по Христу или не совсѣмъ по Нему: дотолѣ еще нѣтъ основанія для насъ отвергать кого бы ни было, какъ явнаго невѣра или еретика. Св. Отцы Соборовъ такъ не дѣлали даже съ злѣйшими еретиками. И нынѣ, какъ тогда, могутъ быть у неразумныхъ ревнителей разногласія только изъ-за однихъ словъ. И нынѣ какой-нибудь Евтихій, преслѣдуя несторіанство, ратуя противъ направленія вести дѣла человѣческія въ отдѣльности отъ Божественнаго, нерѣдко впадаетъ въ другую столь же лживую и пагубную односторонность или крайность, начинаетъ подавлять человѣческое Божественнымъ, забывая, что во Христѣ, лично соединившемъ въ Себѣ ради насъ человѣчество съ Божествомъ, человѣческое не подавлено и не поглощено Божествомъ. Во все это вникать до тонкости, конечно, трудно. За то, при всѣхъ трудностяхъ и скорбяхъ нужнаго нынѣ подвига за православіе, для боголюбиваго и человѣколюбиваго духа радость и торжество—созерцать и указывать въ Богѣ Словѣ, единосущномъ Отцу, зиждительное и возсоздательное начало для всего, не исключая и всего того, что доселѣ порабощено грѣховной сустѣ (ибо Онъ—Спаситель потерявшаго и погибающаго). Св. Григорій Богословъ, на котораго аріане не только нравственно, но и буквально бросали каменья, тѣмъ не менѣе съ восхищеніемъ духа желалъ, подобно открытому для всего міра свѣтильнику, горѣть и свѣтить для всѣхъ свѣтомъ единосущной Троицы. А изучать и слѣдить во всемъ мысли Отца, зиждительно осуществленныя и міроправительно осуществляемыя единосущнымъ Его Словомъ въ силѣ Св. Духа, и значитъ—взирать вѣрою къ свѣту Пресвятой Троицы или единосущнаго въ трехъ лицахъ Бога, которымъ мы *живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28). И будетъ время, когда мысленныя и нравственныя боренія нашего времени будутъ выясняться и распутываться совершенно на тѣхъ же живыхъ основаніяхъ, на какихъ св. Отцы низлагали древнихъ еретиковъ, и когда многое, мнящееся православное, окажется болѣе сроднымъ съ неправославіемъ. Духъ истины не оставитъ любящихъ истину во тмѣ или сумракѣ.

Да! не допустимъ того, чтобы въ наше время могъ ослабѣть тотъ Духъ, въ силѣ котораго Св. Отцы раскрывали и отстаивали догматъ единосущія Сына Божія со Отцемъ и, слѣдовательно, верховнаго, истинно Божественнаго главенства Христова надъ

всѣмъ земнымъ и небеснымъ, надъ всѣмъ внѣшнимъ міромъ и надъ внутреннимъ міромъ нашей души. Не уступимъ направленію лжи, будто Духъ,—раскрывающій въ Церкви силу и значеніе истощанія нашего Господа до того, что за грѣшный міръ и гибнущаго человѣка сталъ Господь самъ какъ олицетворенный грѣхъ и клятва въ своемъ распятіи за насъ,—такой Духъ будто ужъ не можетъ ввести вѣрующихъ въ расположенія и мысли этой самой Христовой любви къ человѣку и міру; такъ что нынѣ будто, во имя православія, уже надобно только бросить, какъ негодное, то и другое человѣческое, порабощенное въ чемъ либо грѣховной сустѣ,—будто теперь истина Христова уже только осуждаетъ и отвергаетъ, вмѣсто благонаправленія и спасенія грѣшнаго міра. Уступать или допускать это въ томъ Духѣ, который въ своихъ дарахъ и дѣйствіяхъ проявляетъ благодатное значеніе и силу всей Христовой тайны, которымъ только и можно признавать Господа Бога въ Іисусѣ Христѣ, значило бы—допускать въ себѣ еретическій духъ Македонія, невѣрившаго въ Божество Св. Духа, въ Его неизмѣнность, въ Его всемогущую вездѣйственность во всѣхъ временахъ и мѣстахъ. Впрочемъ видно, подобно аріанству, и македоніанство сильно обижаетъ насъ своимъ губительнымъ духомъ, когда о большей части самыхъ служителей благодати, защищая притомъ ихъ, приходилось говорить, какъ о пробивающихся естественными путями и средствами, подобно и прочимъ сынамъ Адама и Евы.

Но гдѣ же,—говорятъ,—намъ грѣшнымъ людямъ до исполненія Св. Духомъ, до разумѣнія и исполненія всего по Христу единородному Сыну Божію, не только въ разныхъ стезяхъ житейскихъ, но и въ болѣе возвышенныхъ путяхъ науки, искусства и проч.!» Но для кого же, если не для насъ грѣшныхъ людей, равно на высокихъ и низкихъ ступеняхъ нашего быта, единосущный Отцу Богъ Слово собственнымъ лицемъ низшелъ до воплощенія, до воспріятія въ единство своего лица всего естества человѣческаго, до страданій и смерти въ этомъ человѣчествѣ? Или мы хотимъ, подобно Несторію, отказаться отъ той благодати, что во Христѣ вся полнота Божія, соединенная ради насъ съ роднымъ намъ человѣческимъ духомъ и тѣломъ въ единое лицо, въ одно «Я», чрезъ это открыта нашему общенію по мѣрѣ вѣры нашей, и что сама Богоматерь, по самому такому достоинству своему, всегда готова своею материнею любовью охранять и поддерживать самые даже слабые начатки Духа Сына своего въ насъ,

въ нашей мысли, чувствѣ и волѣ? Вѣдь дерзнувшее отвергнуть эту истину и благодать несторіанство проклято; остережемся давать мѣсто въ себѣ его духу.

Бросимъ же, говорятъ съ другой стороны,—нашъ слабый человѣческій умъ, воображеніе, особенно эту бренную тѣлесность; будемъ попирать и уничтожать нравственную нашу личность; возносемся духомъ къ небесному и божественному.»—Хорошо; но не надо забывать и того, что во Христѣ и человѣчество, какъ съ душею разумною, такъ и съ тѣлесностію, не поглощено Божествомъ, но ради насъ человѣковъ, ради спасенія нашего ума и другихъ духовныхъ нашихъ силъ, также какъ и нашей тѣлесности, осталось цѣлымъ, какъ и его Божество, въ единой его личности; и это для сохраненія и возвышенія нашей личности въ истинномъ ея достоинствѣ. Подавлять духовнымъ направленіемъ человѣческій умъ или другія душевныя силы, вмѣсто разностороняго раскрытія ихъ во Христѣ—устранять самую тѣлесность нашу отъ всякаго участія въ благодатной духовности, значило бы—мириться съ духомъ евтихіанства, признававшимъ во Христѣ, нашемъ Спасителѣ и первообразѣ, поглощеніе человѣческаго Божескимъ, и съ монофелитами не признавать во Христѣ, вмѣстѣ съ Божескою, и человѣческую волю и дѣятельность, за какую неоцѣненную для человѣка истину св. Максимъ готовъ былъ стоять до смерти, хоть бы одинъ противъ всѣхъ въ мірѣ. Нѣтъ, духовность нашей жизни и дѣятельности состоитъ не въ нареніяхъ—знать нехотящихъ человѣческой дѣйствительности; между тѣмъ, какъ въ среду и подъ условія этой дѣйствительности—подъ условія не только прямо духовныя и церковныя, но и семейныя, народныя, гражданскія—низходилъ къ намъ единосущный Сынъ Божій, воспріявъ и сохранивъ въ единствѣ своего лица, въ соединеніи съ Божествомъ своимъ, и человѣческое естество съ человѣческою волею и дѣйствіемъ человѣческимъ, значитъ—и съ человѣческими мыслями, желаніями, чувствами, воспоминаніемъ, воображеніемъ, и—все это ради насъ человѣковъ... Благодатный духъ, возвышающій насъ надъ грѣховностію плотскою и надъ растлѣнностію мірскою, состоитъ собственно въ томъ, чтобы у насъ все, относящееся и къ духу—до всякаго дѣйствія всякой его силы, и къ тѣлу—даже до вкушенія пищи и до сна, все въ нашей личности было по Христу и со Христомъ и, слѣдовательно, подъ благоволеніемъ небеснаго Отца Его и въ общеніи Святаго Его Духа. И притомъ, такъ какъ Христосъ прихо-

дилъ въ міръ въ значеніи и расположеніяхъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, и эта, на себя принявшая всю отвѣтственность за человѣческіе грѣхи, любовь Его есть духъ всей Его земной жизни, всѣхъ Его состояній и дѣйствій: то именно въ такомъ Его духѣ и должна быть духовность всѣхъ нашихъ, какъ внутреннихъ расположеній и мыслей, такъ и внѣшнихъ отношеній и поступковъ.

Нужны ли еще прямыя опытныя свидѣтельства древнихъ духоносцевъ объ истинности такого нашего понятія относительно духовности, развиваемаго нами изъ самаго существа утвержденныхъ ими догматовъ православія? Одинъ духоносный старецъ внушалъ на тотъ случай,—если бы юный инокъ своими юношескими нареніями сталъ возвышаться надъ землею къ небу,—удержать его за ноги и поставить на землю. Вотъ духовность по образу и духу Христа, снизшедшаго къ намъ на землю! Еще одинъ изъ строгихъ подвижниковъ, узнавъ о беззаконіяхъ чьихъ-то, только вздохнулъ со скорбію, не очищенною отъ осужденія беззаконника, и—самъ Господь, въ ночномъ видѣніи, явился подвижнику съ осужденіемъ его самого и съ готовностію принять второе распятіе за внутренно-осуждаемаго имъ грѣшника. Вотъ какъ фальшива духовность, раскрывающаяся не по образу и духу Агнца Божія! Итакъ, если мы, ревнуя по Богу и Церкви, не внемлемъ, или мало внемлемъ самому же Христу въ разнообразныхъ затрудненіяхъ и нуждахъ меньшихъ Его собратій—въ средѣ ли внѣшне-гражданской и народной, или въ области мысли и чувства: нашу, не совѣмъ по Христу высящуюся къ небу, духовность слѣдуетъ поставить еще на землю, которую Христосъ такъ возлюбилъ и которая во Христѣ становится уже небеснымъ жительствомъ. Если я стану смотрѣть на раскрытіе человѣческой мысли, сердца, фантазіи въ наукахъ и искусствахъ *съ духомъ осужденія* человѣческихъ здѣсь невѣрностей Христу, а *не въ духѣ любви Его*, вземлющей на себя отвѣтственность предъ своимъ Отцемъ въ нашихъ невѣрностяхъ: то при всемъ томъ, что я долженъ выдерживать и раскрывать истину Его предъ собратьями, самъ Господь (не къ оправданію моему, конечно) покажетъ *Себя* Самого воспріявшимъ человѣческую мысль, сердце, фантазію и вообще все человѣческое естество съ волею и дѣйствіемъ человѣческими, притомъ вземлющимъ на себя вины всѣхъ человѣческихъ грѣховъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ или силахъ человѣческихъ...

Впрочемъ, принимая духовность отвлеченной идеальности и мечтательныхъ нареній отринута въ Церкви торжественно дог-

матомъ иконопочитанія, который, кромѣ утвержденія его вселенскимъ Соборомъ, православные отстояли своею кровію. Если слѣдуетъ быть вѣрнымъ этому догмату въ самомъ основаніи его, какое представляется въ свято-отеческомъ защищеніи св. иконъ, именно въ благоговѣйномъ вниманіи къ образу Божію, начертанному въ насъ человѣкахъ (которымъ именно и долженъ усвояться благодатный духъ и сила вообще всей священной церковной внѣшности): то не только въ области прямо духовнаго и церковнаго, но и въ гражданской службѣ, въ земледѣліи, въ занятіяхъ куплии продажи, даже въ обществахъ и увеселеніяхъ, истинно православный будетъ тайно и никому незримо внимать къ отобразившемуся въ насъ существенному образу Божію—Христу, какъ самъ въ себѣ, такъ и въ отношеніяхъ къ другимъ до простыхъ привѣтствій и поклоновъ другъ другу. (Выше мы уже имѣли случай указать прямо относящееся сюда мѣсто изъ св. Іоанна Дамаскина). И такимъ образомъ, истинная духовность православнаго будетъ простираться у него отъ его духа на все внѣшнее и на самое, такъ сказать, житейское; такъ что онъ, исполняясь и воодушевляясь этою духовностію именно предъ св. иконами—въ Божіихъ храмахъ за святою службою, затѣмъ и среди шумнаго многолюдства будетъ во внутренней своей тишинѣ, какъбы во храмѣ предъ св. иконами за священнослуженіемъ. Ибо внимать Христу, приводящему всяческая въ любовь своего Отца силою Духа Святаго, значитъ—присутствовать духомъ за непрестающимъ священнослуженіемъ самого вѣчнаго Іерея и Архіерея.

Заключимъ слово на сей разъ. Мы тогда только будемъ вѣрны какъ духу и силѣ святоотеческаго ревнованія по православію въ періодъ вселенскихъ соборовъ, такъ и воинющимъ требованіямъ православія въ наше время, когда, *во-первыхъ*, будемъ твердо и съ ревностію стоять словомъ и дѣломъ за православіе, по именно въ настроеніи и духѣ любви Господней, вземшей на себя отвѣтственность за грѣхи и заблужденія міра, и когда, *во-вторыхъ*,—сколько самое даже дольнее-земное будетъ у насъ устрояться по началамъ Христовой истины, столько же обратно и самая Христова истина будетъ нами раскрываема и разъясняема въ значеніи начала для всего, и самаго дольняго и мірскаго, то есть, въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ истина явилась намъ въ лицѣ самого Христа, снизшедшаго съ неба на *землю* и даже во *ад*ъ сходившаго для открытія всюду своего животворнаго свѣта...

III.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ВЪ ОБРАЗѢ ВОЗЗРѢНІЯ И ЖИЗНИ ВЕТХОЗАВѢТНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Разогни книгу ветхаго завѣта», писалъ покойный Гоголь одному своему собрату: «ты найдешь тамъ каждое изъ нынѣшнихъ событій, увидишь яснѣе дня, въ чемъ оно *) преступило предъ Богомъ; и такъ очевидно изображенъ надъ нимъ совершившійся страшный судъ Божій, что встрепенется настоящее». И еще: «огни, а не слова, излетятъ отъ тебя, какъ отъ древнихъ пророковъ, если, подобно имъ, сдѣлаешь это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ, если только, подобно имъ, посыпавъ пепломъ главу, раздравши ризу, рыданіемъ вымолишь себѣ у Бога на то силу, и такъ возлюбишь спасеніе земли своей, какъ возлюбили они спасеніе Богоизбраннаго народа». Драгоцѣнныя слова для всѣхъ любителей истины, особенно для людей ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ! Для духовныхъ же эти слова должны быть важны и пріятны потому, что въ нихъ выражена высокая мысль о ветхомъ завѣтѣ свѣтскимъ человѣкомъ; такъ какъ истинной духовности свойственны расположенія такія же, какія выражены св. пророкомъ Моисеемъ по случаю общенія и нѣкоторыхъ другихъ въ его духовномъ дарѣ: *и кто дастъ всѣмъ людемъ Господнимъ быти пророки, егда дастъ Господь Духа своего на нихъ* (Числ. 11, 29)? Только, для приложенія прекрас-

*) Рѣчь, очевидно, о дѣятеляхъ въ каждомъ событіи.

ныхъ словъ о значеніи для насъ ветхаго завѣта къ самому дѣлу, требуется напередъ отъ нашей мысли трудъ—такъ развить книгу ветхаго завѣта, чтобы удобно и просто было читать въ ней нынѣшнія событія.

И это немалый трудъ: потому что въ ветхомъ завѣтѣ, хотя самое существо истины и вѣры одно и то же, какое вполнѣ раскрыто въ новомъ завѣтѣ; но воззрѣніе на истину и самая жизнь по вѣрѣ были во многомъ различны отъ новаго завѣта. Такъ, напр., по новому завѣту требуется, чтобы намъ и мыслію, и волею, и сердцемъ, вообще душою и тѣломъ, жить уже не самимъ себѣ, а чтобы жилъ въ насъ Христосъ съ Его любовію, спасающею все земное—человѣческое: въ ветхомъ завѣтѣ это самое выразилось въ томъ, что Авраамъ, вѣруя обѣтованію о благословеніи, въ его сѣмени—Христѣ, всѣхъ языковъ земныхъ, долженъ былъ всѣмъ домомъ переселиться изъ прежней своей родины въ другую дальнюю и чужую землю, обѣщанную Господомъ его роду. По новому завѣту вѣрующая душа, воспламеняясь любовію къ созерцаемой благодати и борясь съ неизбѣжными искушеніями въ жизни, совершаетъ подвиги внутренняго просвѣщенія и усовершенія, и за то награждается духовными плодами своей вѣры и Божіей благодати: въ ветхомъ завѣтѣ этотъ самый духъ и сила дѣйствовали и раскрывались въ Іаковѣ, который, изъ любви къ избранной имъ соучастницѣ въ осуществленіи обѣтованій Божіихъ о будущемъ своемъ родѣ и всемірномъ Спасителѣ изъ этого рода, семь лѣтъ тяжкаго труда для ея пріобрѣтенія почелъ только за семь дней и потомъ, однако, былъ принужденъ вступить въ супружество съ иною нелюбимою, но зато не разлучился и отъ первой, и награжденъ плодоносіемъ особенно послѣдней. Само по себѣ видно, какъ трудно отчетливое разумѣніе и приложеніе къ нашему времени подобныхъ примѣровъ ветхаго завѣта. По этой самой причинѣ, конечно, и Церковь предлагаетъ чтенія изъ ветхаго завѣта наиболѣе во время особенной духовной сосредоточенности православныхъ, какъ-то, въ великій постъ, въ навечерія на самые великіе праздники.

Чтобы сколько-нибудь поспособствовать отчетливому разумѣнію и вѣрному приложенію къ «нынѣшнимъ событіямъ» ветхаго завѣта, мы предлагаемъ изслѣдованіе главныхъ и существенныхъ особенностей въ образѣ воззрѣній и жизни вѣрующихъ въ ветхомъ завѣтѣ. Здѣсь объяснимъ эти особенности: и въ ихъ корнѣ, и въ историческомъ ихъ развитіи и видоизмѣненіяхъ, и въ при-

ложеніи къ намъ христіанамъ, или къ новозавѣтному образу жизни и воззрѣній.

I.

Чтобы объяснить особенности ветхозавѣтнаго образа воззрѣній и жизни вѣрующихъ въ самомъ ихъ корнѣ, посмотримъ, какъ и изъ чего возникъ ветхозавѣтный образъ воззрѣній и жизни. Начало этого образа воззрѣній и жизни скрывается еще въ Едемѣ—въ раю, гдѣ начался ветхозавѣтный порядокъ вещей.

Едемское или первобытное состояніе человѣка было таково, что онъ, какъ созданный *по образу Божію* (Быт. 1,27), находился во внутренней сообразности и живомъ общеніи съ существеннымъ Образомъ Божіимъ, т. е. единосущнымъ Отцу Сыномъ Его Богомъ Словомъ, и потому одушевлялся и живился, съ первой же минуты своего бытія, *дыханіемъ* изъ устъ Божіихъ, т. е. Св. Духомъ (Быт. 2, 7). Не то, чтобы самой природѣ человѣка принадлежало Божественно-духовное: природу человѣка составляли только *душа живая и перстное тѣло* (см. тамъ же). Но первозданный человѣкъ, по самой своей природѣ, имѣлъ такую живую пріемлемость и удобосообщимость съ Божественнымъ и духовнымъ, что въ надлежащемъ или нормальномъ состояніи онъ не иначе могъ и быть, какъ сообразуясь Единородному и оживляясь Св. Духомъ. И такая благодать простиралась не только на душу, но и на тѣло человѣка: такъ что онъ, можно сказать, и дышалъ въ общеніи Духа Божія *). А такъ какъ и весь міръ, и въ общемъ своемъ составѣ, и въ каждой отдѣльной твари, представлялъ первозданному свѣтлое и живое выраженіе зиждительныхъ мыслей Божіихъ, открытыхъ и осуществленныхъ также Единороднымъ и въ своемъ совершеніи запечатлѣнныхъ тоже Св. Духомъ: то человѣку вся вселенная, и въ своей всеобщности, и въ самомалѣйшей видимой твари, открывала новые разнообразные способы къ полнѣйшему общенію съ Единороднымъ и источники къ обильнѣйшему исполненію Духомъ благодати. И въ тѣлахъ небесныхъ, и въ животныхъ земныхъ, въ деревахъ, въ послѣдней былинкѣ—чистый и

*) Быт. 2, 7: *И созда Богъ человѣка... и вдуну въ лице его дыханіе жизни.* Съ Евр. «вдунулъ въ ноздри его дыханіе жизни». Такое выраженіе показываетъ, что человѣкъ, воззванный изъ небытія въ бытіе, тутъ же сталъ и дышать (дыханіемъ изъ ноздрей) въ общеніи съ Творческимъ духовеніемъ.

Богу сообщный человѣкъ безпрепятственно могъ читать творческую волю и мысли Отца небеснаго, внятно слышать зиждительные глаголы упостаснаго Слова и съ живостію наслаждаться разносящимся всюду вѣяніемъ Духа Святаго *). Рай, какъ особенною благостію Творца ущедренное мѣсто жительства человѣческаго, съ своими водами, деревами и животными представлялъ, по превосходству, обильныя пособія, побужденія и средства человѣку къ той жизни, чтобы во всемъ видимомъ слышать духовное и Божественное, и въ области природы видѣть и вкушать истинныя блага небеснаго царствія. Посему, и самый духовно-благодатный законъ, требовавшій, чтобы человѣкъ у Бога былъ какъ послушное *отроча*, нехотящее безъ вразумленія и воли Отца даже и *разумѣти благое или злое* (Ис. 7, 16), выраженъ былъ въ чувственномъ деревѣ, плоды котораго ему запрещено было вкушать, и которое потому отличено было отъ прочихъ деревъ райской природы знаменательнымъ именемъ *древа познанія добра и зла* (Быт. 2, 9). Равно и та духовная тайна благодатной жизни человѣка, что источникъ этой жизни находится отнюдь не въ немъ самомъ, что такая жизнь есть собственно даръ Божій,—эта благодатная тайна выражена была и проявляла свою силу также въ видимомъ едемскомъ деревѣ, плоды котораго предотвращали ослабленіе и ветшаніе самой физической стороны человѣка: и это дерево, духовно-таинственное по своему смыслу и силѣ, было равнымъ образомъ чувственное по виду и существу, но отличенное отъ прочихъ деревъ едемскаго сада, и называлось особымъ именемъ—*древа жизни посредѣ рая* (см. тамъ-же). Въ особенности же о первозданной человѣческой четѣ должно замѣтить, что мужъ и жена, видя и слыша даже въ чувственныхъ созданіяхъ выраженія мыслей Отца, осуществленныхъ Богомъ Словомъ и запечатлѣнныхъ въ нихъ совершеніи Св. Духомъ, тѣмъ несравненно болѣе ощущали и сознавали подобный (только по превосходству высшій) смыслъ и силу—другъ въ другѣ: именно—будучи оба созданы по образу Божію и тѣмъ поставлены въ живое сообразованіе съ существеннымъ Образомъ Божіимъ, не могли же они не видѣть и не чувствовать взаимно другъ въ другѣ этого живаго и свѣтлаго отображенія упостаснаго сіянія славы Отчей, Сына Божія,—

*) Кстати замѣтить, что первоначальное (нормальное) человѣческое воззрѣніе или именно «путемъ непосредственнаго реальнаго соотношенія съ предметомъ знанія», какъ выражается одинъ русскій мыслитель.

отображенія, одушевляемаго благодатію Духа Святаго. И притомъ, мужъ долженъ былъ созерцать такой небесный отсвѣтъ въ своей женѣ не иначе, какъ (по его выраженію о женѣ)—*въ плоти отъ плоти своея и въ кости отъ костей своихъ* (Быт. 2, 23), т. е. какъ въ своемъ тѣлѣ; а слѣдственно, и жена должна была видѣть живый образъ Сына Божія въ мужѣ не иначе, какъ въ своемъ главѣ. Такъ въ видимой человѣческой четѣ выражалась и дѣйствовала благодатная сила и той великой духовной тайны (протолкованной послѣ апостоломъ Павломъ изъ словъ самого же Адама Ефес. 5, 30—32), что Христосъ Сынъ Божій соединенъ съ своею Церковію, какъ глава съ тѣломъ.

И такъ едемское состояніе первозданныхъ человѣковъ было вообще таково, что все видимое, начиная съ нихъ самихъ до употребляемыхъ въ пищу плодовъ древесныхъ,—вся природа, подлежащая ихъ чувствамъ, съ самою живою внятностію и ощутительностію для нихъ, возвѣщала имъ о творческихъ мысляхъ всеблагаго Отца, приведенныхъ въ исполненіе единосущнымъ Его Словомъ и утвержденныхъ единосущнымъ же Его Духомъ. Поэтому самый, уже успѣвшій возстать противъ Создателя, безплотный искуситель,—когда ему попущено было подступить съ своимъ искушеніемъ къ человѣкамъ,—нашелъ нужнымъ употребить въ свое орудіе также видимую, принадлежащую земной природѣ тварь—змія. И среди раздавшихся предъ живою воспріимчивостію жены гласовъ о Творческой всемудрой любви отъ всѣхъ созданій, на какое бы изъ нихъ ни обратила она своего вниманія,—искусителю удалось, скрывшись въ видимомъ змѣѣ, заговорить съ женою и увлечь ее своей бесѣдой, такъ что она не успѣла и примѣтить неестественность этого новаго, противнаго общему небесному строю, клеветническаго голоса.—И такимъ образомъ всеродное, страшное духовное несчастіе выдти изъ свободной сообразности съ Сыномъ Божіимъ, изъ сыновняго послушанія небесному Отцу, изъ готовой всегда преданности влеченіямъ Духа Святаго,—совершилось съ человѣками (опять вполнѣ соотвѣтственно съ ихъ устроеніемъ и состояніемъ Едемскимъ) чрезъ чувственное вкушеніе видимыхъ плодовъ съ одного изъ деревъ едемскаго сада.

Такъ человѣчество отпало отъ чудной и щедродаровитой благодати *) первобытнаго своего состоянія, какъ прекрасная ви-

*) Называемъ небесныя блага первобытнаго состоянія благодатію, потому что они составляли чисто только даръ творческой благости. Такія выраженія о благахъ первобытнаго состоянія употребительны въ церков-

неградная вѣтвь отъ своей лозы или отъ корня своего (Іоанн. 15, 1—2). Но вѣтвь, оторванная отъ своей лозы или корня, не тотчасъ же совсѣмъ засыхаетъ; особенно же, если она, при отдѣленіи своемъ отъ корня, не подвергалась какому-либо усиленно-изсушающему вліянію и потомъ не брошена, а водружена въ сосудѣ съ свѣжею, живительною водою,—то въ этой вѣтви на значительное время можетъ продолжиться растительная жизненность и даже нѣкоторое прозябаніе. Подобнымъ образомъ и человѣкъ не вдругъ же чрезъ свое грѣхопаденіе утратилъ всѣ остатки первобытной пріемлемости и удобосообщимости къ силѣ и выраженію Божественнаго и духовнаго, слышнаго во всѣхъ созданіяхъ и особенно въ самомъ человѣчествѣ. Такъ долженствовало быть, и на самомъ дѣлѣ такъ было, тѣмъ болѣе, что человѣки вовлечены были въ грѣхопаденіе хитрымъ обманомъ, а не своею мятежностію, и послѣ грѣхопаденія Богомъ не отвержены на погибель, а поставлены въ области обѣтованнаго благодатнаго спасенія. И вотъ начался тотъ порядокъ въ дѣлѣ спасенія человѣческаго, что тайна будущаго благодатнаго спасенія человѣку открывалась отъ Бога и человѣкомъ чрезъ вѣру усвоялась не иначе, какъ на основаніи или на условіяхъ остатковъ первоначальной человѣческой воспріемлемости и сообщимости съ божественнымъ и духовнымъ, слышнымъ въ самомъ видимомъ и мірскомъ.

Отсюда произошло, что благодать обѣтованнаго спасенія ветхозавѣтные вѣрующіе разумѣли въ своихъ воззрѣніяхъ и воспринимали въ жизни не вполнѣ и не прямо въ самомъ существѣ благодати, а болѣе или менѣе въ однихъ только ея образахъ, взятыхъ изъ области видимаго и естественнаго—мірскаго. Вотъ корень ветхозавѣтныхъ *особенностей въ образѣ воззрѣній* и въ жизни вѣрующихъ. Открыть и предоставить вѣрующему благодать Христову прямо и вполнѣ въ ея существѣ и истинѣ было еще не время; ибо въ духѣ человѣческомъ много еще было живыхъ остатковъ первобытной воспріимчивости къ Божественно-духовному, слышному и видному въ мірѣ или вообще въ области видимаго и естественнаго, и потому человѣчество, не испытанное многовѣковыми опытами, еще не могло ни сознавать, ни чувство-

---

номъ словѣ. «Когда не было въ мірѣ грѣха, тогда, говоритъ современный святитель Московскій, не знаю, все ли было удобопроницаемо и прозрачно для сего стихійнаго свѣта, но, безъ сомнѣнія, все прозрачно и проходно было для свѣта благодати. Онъ безпрестанно изливался на природу», и проч.

вать всей крайней нужды въ благодати спасенія. Мало того, была и очевидная, неизбѣжная опасность, что ветхозавѣтный человѣкъ нескудные останки своей естественной (уже возмущенной грѣхомъ) пріемлемости къ Божественному смѣшалъ бы съ дарами и силою самой благодати, если бы послѣдняя тогда же предоставлена была ему прямо въ собственномъ своемъ существѣ *). Поэтому и дано ветхозавѣтному вѣрующему, какъ въ его воззрѣніяхъ, такъ и въ жизни, воспринимать обѣтованную Христову благодать не иначе, какъ въ образахъ, взятыхъ изъ области чувственнаго и естественнаго; и—это дотолѣ, пока совсѣмъ не изсохнетъ самый корень этихъ ветхозавѣтныхъ особенностей въ образѣ воззрѣній и жизни, именно пока не истощится въ человѣкѣ остатокъ первоначальной естественной воспріимчивости къ духовному и Божественному въ самомъ видимомъ мірѣ и природѣ, истощится до невозможности для человѣка достигать этимъ путемъ до благодати спасенія.

Согласно съ такимъ свойствомъ и силою своего корня и проявлялись ветхозавѣтныя особенности въ воззрѣніяхъ и жизни вѣрующихъ, начиная отъ изгнанія праотцевъ изъ Едема до самаго пришествія Христова. Такъ Адамъ, только лишь успѣлъ услышать отъ Бога приговоръ смерти себѣ и своему роду, какъ свою жену называетъ *жизнію, яко та мати всѣхъ живущихъ* (Быт. 3, 20, слич. 19 ст.). Видно, чрезъ вѣру въ обѣтованіе о побѣдоносномъ надъ зміемъ *Сѣмени жены* праотецъ нашъ ощутилъ въ лицѣ жены указаніе на Матерь Божественнаго сѣмени—Христа и, вмѣстѣ съ этимъ и по этому самому, видѣлъ уже въ своей женѣ снова, какъ до грѣхопаденія, свѣтлый образъ матери живущихъ благодатною жизнію—Церкви Христовой (обѣ эти идеи—о Церкви и о Матери Божіей—соединялись въ ветхомъ завѣтѣ подъ однимъ образомъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ 44 псалмѣ). Равнымъ образомъ и сама Ева, раждая дѣтей, принимала одного за *человѣка, стяжаннаго* самимъ *Богомъ*, или почти за человѣка—Бога (Быт. 4, 1), а другаго—за *возстановленное* ей самимъ же Богомъ *сѣмя* (ст. 25); очевидно, что она въ образѣ своихъ дѣтей, прилпкала вѣрою къ обѣтованному ей Божественному сѣмени. Такъ, впослѣдствіи, и Авраамъ оставилъ прежнюю родину и пошелъ въ совершенно неизвѣстную землю, созерцая въ образѣ (чувственной) земли обѣ-

*) Ниже, слѣдя послѣдовательное раскрытіе ветхозавѣтныхъ особенностей въ жизни и вѣрѣ, увидимъ, какія страшныя злоупотребленія и извращенія допускалъ ветхозавѣтный человѣкъ относительно остатковъ въ немъ первобытной пріемлемости къ Божественному.

тованной духовную область благодатнаго спасенія и благословенія въ его сѣмени—Христѣ всѣхъ языковъ земныхъ. Такъ и Іаковъ, избравъ своимъ сердцемъ соучастницу исполненія Божественнаго обѣтованія о многочисленномъ потомствѣ (соединеннаго съ обѣтованіемъ о Христѣ),—вѣрою своею, которую съ особенною силою оживляла любовь его къ Рахили, ощущалъ въ ней, по остаткамъ райскаго воззрѣнія, свѣтлый и прекрасный образъ Церкви—области благодати и спасенія. И такимъ образомъ, безплатно трудясь изъ любви къ Рахили семь лѣтъ, какъ будто не болѣе семи дней, онъ выразилъ въ этомъ, дѣйствительно, ту самую духовную силу жизни созерцательной, по которой, восхищаясь созерцаніемъ благодати, праведникъ не чувствуетъ тягости своихъ подвиговъ и испытаній. Въ послѣдующія времена, видимая красота новорожденнаго младенца возбудила въ Израильскомъ семействѣ особенную къ нему любовь, чрезъ которую оживилась въ томъ же семействѣ и особенная вѣра въ благодать спасенія, обѣтованную Израилю; и вотъ, именно по духовной силѣ *вѣры, Моисей родився сокровенъ бысть три мѣсяцы отъ отецъ своихъ, зане виѣша красно отроча* (Евр. 11, 23). Затѣмъ, странствуя изъ Египта въ землю Обѣтованную по вѣрѣ въ обѣтованное спасеніе, Израильтяне испытывали и проявляли образно духъ и силу того, что относится собственно къ духовному странствованію изъ погибельнаго мірскаго состоянія въ царство небесное. Въ чувственныхъ врагахъ слышались имъ духовные враги нашего спасенія, темныя начала лжи и зла. Чувственный агнецъ пасхальный,—чудесная и чувственная же манна,—естественная, хотя и чудомъ изведенная, вода,—видимый переходъ чрезъ Чермное море—указывали имъ, или, по крайней мѣрѣ, давали чувствовать силу таинственнаго избавленія отъ гибели, силу духовной и Божественной пищи и питія, силу таинственнаго вступленія въ новую спасительную жизнь. *Іерусалимъ, Сіонъ, престолъ Давидовъ* не только въ блестящія времена ветхозавѣтной осократіи, но и въ то время, когда уже прозираемъ былъ и даже когда уже наступилъ исповѣрженій все это Вавилонскій плѣнъ, предуказывали не просто только вѣрѣ, но и Богопросвѣщенному взору пророковъ—царство Христовой благодати и даже вѣчной славы. Тѣ же образы, съ тѣмъ же непосредственно-ощущаемымъ духовнымъ значеніемъ, предносились вѣрѣ и въ самыя позднія времена ветхаго завѣта, когда вѣра съ нѣкоторымъ предначатіемъ духовной отчетливости поучалась въ словесахъ Божіихъ и выражала свое чистое пониманіе слова Бо-

жія въ такъ называемыхъ *неканоническихъ священныхъ книгахъ*. И даже, когда корень ветхозавѣтныхъ особенностей въ жизни и воззрѣніяхъ вѣры совсѣмъ изсыхалъ, такъ что народъ Божій своимъ большинствомъ сталъ, по поводу самой образности ветхозавѣтной, ожидать какого-то чувственнаго и мірскаго царства Христова,—самая благодать новаго завѣта возвѣщалась и являлась вначалѣ, сообразуясь съ ветхозавѣтною пріемлемостію вѣры. Ибо не только рожденіе Предтечи Господня привѣтствовано было такими словами отца его: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе* «народу своему», *и воздвиже рогъ спасенія намъ въ дому Давида... спасеніе отъ враговъ нашихъ*, и проч. (Лук. 1, 68—71), но и Ангельское благовѣщеніе о зачатіи и рожденіи самого Господа выражено пресвятой Дѣвѣ, между прочимъ, такъ: *и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида отца Его и воцарится въ дому Іаковли* и проч. (тамже ст. 32 и 33). Такимъ образомъ ветхозавѣтныя особенности — воспринимать духовно-благодатное въ образахъ, взятыхъ изъ области земнаго и видимаго, оставались въ своемъ дѣйствіи (согласномъ съ едемскимъ кориемъ своимъ), пока самъ Господь не отмѣнилъ ихъ, исторгнувъ самый, уже изсохшій тогда, корень ихъ.—Но вникнемъ и въ самое развитіе или историческій ходъ и видоизмѣненія ветхозавѣтнаго образа воззрѣній и жизни вѣрующихъ, и—намъ еще лучше и полнѣе раскроются особенности этого образа воззрѣній и жизни.

II.

Въ послѣдовательномъ раскрытіи ветхозавѣтныхъ особенностей, относящихся къ образу жизни и воззрѣній вѣры, можно примѣчать двѣ стороны—внѣшнюю и внутреннюю, развивавшіяся впрочемъ въ неразрывной между собою связи.

Внутренняя сторона опредѣлялась тѣмъ, что остатки едемской воспріимчивости къ Божественно-духовному, открывающемуся чрезъ самое видимое и земное, грѣхопаденіемъ были уже подорваны у человѣка въ самомъ своемъ основаніи,—т. е., въ безпрепятственномъ для его природы общеніи съ существеннымъ Образомъ Божіимъ—Богомъ Словомъ (а въ Немъ и съ Отцемъ,—общеніи въ силѣ и дѣйствіи Святаго Духа), а потому, съ раскрытіемъ человѣческой грѣховности, эти едемскіе остатки по необходимости должны были болѣе и болѣе истощаться; а слѣдовательно, соотвѣтственно этому, долженъ былъ видоизмѣняться и самый образъ

воспріятія (при помощи этихъ райскихъ останковъ) обѣтованной и ожидаемой благодати спасенія. Чѣмъ болѣе въ человѣкѣ закрывалась или возмущалась грѣхомъ воспріимчивость къ Божественному въ образахъ, взятыхъ изъ области міра и природы, тѣмъ, очевидно, болѣе точное и положительное требовалось раскрытіе Божественнаго и благодатнаго, выраженнаго въ этихъ образахъ; иначе человѣкъ сталъ бы извращать смыслъ Божественнаго и благодатнаго, смутно или смѣшенно имъ ощущаемаго. А когда та или другая *существенная* *) сторона благодатнаго спасенія, отъ преумноженія грѣховъ, затемнявшихъ духовное знаменованіе чувственныхъ образовъ, готова была въ нихъ совсѣмъ закрыться для вѣры: для спасенія человѣка была неотступная потребность уже въ возможно-полномъ, или евангельскомъ раскрытіи такихъ сторонъ спасенія;—иначе и вѣрующій человѣкъ оставленъ былъ бы на жертву неизбѣжной погибели. Когда же, наконецъ, и вся чувственная образность ветхаго завѣта совсѣмъ затемнялась въ своемъ духовно-знаменательномъ значеніи, и *стихіи міра*, дававшія едемскому духовному слуху и взору ясно слышать и видѣть въ своей области небесную благодать, дѣлались совсѣмъ для этой цѣли *немощными* и *худыми* (по Апостольскому выраженію, Галат. 4, 9): то надлежало или человѣчеству совсѣмъ погибать, или благодати Христовой явиться и быть воспріемлемой уже виолнѣ и прямо въ своемъ духовномъ существѣ и истинѣ,—придти самому Христу съ новымъ завѣтомъ. Таковъ характеръ и самый порядокъ въ развитіи *внутренней* стороны ветхозавѣтныхъ особенностей въ образѣ воспріятія Благодати, или, что то же, въ жизни и воззрѣніяхъ вѣры.—Что касается до *внѣшней* стороны въ томъ же самомъ,—она зависѣла отъ того, какъ раскрывалась и видоизмѣнялась самая среда видимаго и земнаго, изъ которой наибольшею частію взимались и которой всегда соотвѣтствовали видимые и земные образы Божественно-духовнаго или благодатнаго. Эту среду вначалѣ составляла патріархально-семейная жизнь вѣрующихъ; далѣе—жизнь ихъ племенная и народная; еще далѣе, гражданская и государственная; и наконецъ, болѣе и болѣе упадающая подъ игомъ порабощеній и разсѣяній—жизнь Израиля. Соотвѣтственно такому послѣдовательному порядку и видоизмѣненіямъ

*) Т. е. такая, безъ усвоенія которой неизбѣжна для человѣка гибель. Сюда относятся особенно истины о Мессіи и о явленіи Его въ мірѣ для приведенія людей въ любовь Божію.

этой своей среды ветхозавѣтная вѣра и воспринимала грядущую благодать спасенія въ образахъ предметовъ и обстоятельствъ Богоправимой жизни сначала *патріархально-семейной*, потомъ *народной*,—*гражданской*,—*порабощаемой и упадающей*.

Для ясности и въ подтвержденіе сказаннаго, представимъ весь ходъ развитія Ветхо-завѣтныхъ особенностей въ образѣ воззрѣній и жизни,—на одной общей картинѣ.

Первое звено этого развитія мы видѣли уже прежде, когда раскрывали происхожденіе и корень ветхо-завѣтныхъ особенностей въ жизни и воззрѣніяхъ вѣры. Въ оторванной отъ живоноснаго корня, однако еще свѣжей и зеленѣющей вѣтви человѣчества, которая притомъ водружена была въ духовный сосудъ обѣтованій и откровеній о благодати спасенія, такъ свѣжи и обильны были остатки едемской удобосообщимости съ Божественно-духовнымъ, видимымъ и слышнымъ въ самомъ естественномъ и чувственномъ, что, принявъ съ вѣрою обѣтованіе о Спасителѣ, осужденный на смерть праотецъ нашъ видѣлъ и признавалъ въ своей женѣ, какъ въ Церкви, духовное сокровище *жизни для всѣхъ живущихъ:* а праматерь, рождая дѣтей, принимала того или другаго изъ нихъ чуть не за самого Обѣтованнаго или за самые выразительные Его образы и залоги. Это мы уже видѣли выше. Такимъ образомъ Благодать спасенія и стала предъизображаться и вѣрою предъусвояться сначала въ кругу и обстоятельствахъ *семейно-патріархальной жизни*. О томъ, какъ еще едемски-внятно все видимое вѣщало людямъ о Духовно-небесномъ (и тѣмъ, конечно, живѣе и яснѣе давало имъ прозирать обѣтованныя блага спасенія),—нѣтъ нужды и говорить; такъ какъ первые люди и жили *прямо рая сладости*—этого неба первобытной жизни, котораго они лишились, и *херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ* былъ открытымъ для зрѣнія стражемъ *пути къ древу жизни* (Быт. 3, 24).

И не одна тысяча лѣтъ прошла подъ этимъ *патріархально-семейнымъ* порядкомъ, который впрочемъ, съ продолженіемъ времени, *естественно* болѣе и болѣе ветшалъ или утрачивалъ свою первоначальную силу и жизненность.

Въ первыя времена, въ сынахъ и потомкахъ согрѣшившаго Адама такъ свѣжи еще были оживляемые вѣрою въ Божественныя обѣтованія останки первобытной сообразности и сообщности съ Сыномъ Божіимъ—Богомъ Словомъ, или, что то же, такъ свѣтла и открыта была въ вѣрующихъ человѣкахъ печать *сыновъ Божіихъ* (Быт. 6, 2), что для благодатнаго просвѣщенія и спасенія

своего имъ оставалось только не закрывать очей отъ этого, ярко еще для нихъ сіявшаго въ земномъ, небеснаго отсвѣта. Но при семъ и грѣхъ также не останавливался въ своемъ развитіи. И вотъ самые сыны Божіи стали опускать изъ виду горній отсвѣтъ, видный въ земномъ и естественномъ, и привязывались просто уже къ одной лѣпотѣ земнаго: *видѣвше сыны Божіи дщери человѣчи* (уже не болѣе, какъ *человѣчи*), *яко добры суть, пояша себѣ жены отъ всѣхъ, яже избраша* (Быт. 6, 2). Богатое жизненностію сѣмя сыновъ Божіихъ, повергаемое на чисто плотскую почву, могло и приносить только уже плотскій плодъ, поражающій обиліемъ и силою *только плотской* жизни: *егда вхождаху сынове Божіи къ дщеремъ человѣческимъ, и раждаху себѣ: тіи бяху исполини, иже отъ вѣка человѣцы именитіи* (ст. 4). И такимъ образомъ, среди обилія останковъ первобытной жизненности и свѣжести, при яркомъ во всемъ отсвѣтѣ духовно-Божественнаго, все почти человѣчество стало *плотію*, въ которой *Духу Божію* не было уже мѣста (ст. 3). И всемірный потопъ смылъ страшно разросшееся, въ виду еще (можно сказать безъ иносказанія) самаго Едема, нечестіе перваго міра, который не хотѣлъ знать и чтить, такъ близко всѣми и во всемъ ощущаемаго, Божества.

Въ послѣдующія за тѣмъ времена семейно-патріархальный бытъ продолжался еще въ человѣчествѣ, хотя уже болѣе и болѣе переходилъ въ бытъ племенно-родовой и народный по различнымъ племенамъ и языкамъ. Также и воспріимчивость къ видному и слышному въ земномъ и чувственномъ духовно-Божественному и благодатному была еще очень жива и отличалась самою непосредственною или чисто патріархальною простотою; впрочемъ, она была уже столько возмущаема и увлекаема естественною грѣховностію, что человѣкъ, и не теряя изъ виду высшаго Божественнаго отсвѣта въ дольнемъ или чувственномъ, сталъ, безъ управленія правою вѣрою, приписывать ощущаемую имъ Божественность самому видимому и дольнему. Началось, такимъ образомъ, языческое служеніе тварямъ какъ божествамъ, перемѣшавшее и самыя чистыя преданія съ баснями. И вотъ, для предостереженія отъ этого новаго заблужденія, охватившаго почти весь тогдашній міръ, по распоряженію Божію оказалось нужнымъ—вывести или изъять изъ ряда размножающихся племенъ и языковъ истинно-вѣрующаго патріарха и его родъ, которому и даны были Божіи обѣтованія о происхожденіи именно отъ него грядущаго Спасителя всѣхъ племенъ и народовъ земныхъ.

И тайны обѣтованнаго Спасителя и благодатнаго спасенія продолжали, съ едемскою почти простотою, проявляться въ семейно-патріархальной жизни преимущественно (но еще не исключительно) этого избраннаго семейства и рода; а для утвержденія правой вѣры противъ усиливавшагося заблужденія боготворить самыя видимыя отображенія духовно-Божественнаго, умножились чрезвычайныя откровенія и Богоявленія. Такова исторія Авраама, Исаака и Іакова съ ихъ семействами и еще, внѣ избраннаго рода, такова исторія Іова.

Въ послѣдствіи—отдѣленный отъ языковъ родъ Авраамовъ размножился въ народъ; а усиливающаяся грѣховность, извращая въ человѣкѣ духовную чувствительность къ видимой въ твореніяхъ присносущной силѣ Божества (Римл. 1, 20), неудободержимо увлекала человѣка къ обожанію тварей и къ необузданности страстей (какъ это съ чрезвычайною поразительностію открывается въ исторіи обстоятельствъ и поступковъ странствующаго изъ Египта избраннаго народа). Въ такомъ состояніи человѣчества, обѣтованная Христова благодать предъявляла себя въ средѣ и событіяхъ *народной жизни*, поставивъ избранный народъ подъ строгую стражу закона, изобразивъ духовныя свои блага и внушенія въ точно опредѣленныхъ постановленіяхъ, относящихся впрочемъ къ ярко еще отсвѣчивающимъ духовною знаменательностію видимымъ и естественнымъ предметамъ, какъ-то: къ кровавымъ жертвамъ, къ очистительнымъ омовеніямъ, къ чистымъ и нечистымъ животнымъ, къ раздѣлу и благамъ обѣтованной земли, и проч. и проч. Подъ такимъ водительствомъ образно-открывавшейся Христовой благодати, Израиль занялъ завоеванную имъ землю обѣтованную, какъ область обѣтованнаго спасенія. Воздѣлываніе и плодоношеніе этой земли, освященное праздниками, оттѣнялось для вѣрующаго также благодатною знаменательностію. Враждебныя языческія племена, окружавшія Божій народъ и, при умножавшихся невѣріостяхъ послѣдняго Господу, озлоблявшія этотъ народъ, внятно выражали собою силу и значеніе духовныхъ враговъ спасенія. И юный Божій народъ жилъ подъ управленіемъ прямо Божіей десницы, всегда для него ощутительной и особенно проявляющейся въ откровеніяхъ, то смиряющей своеволіе народное общественными бѣдствіями, то милующей и спасающей озлобляемый и исправлявшійся народъ чрезъ Духоносныхъ вождей; народная жизнь Израиля и была духовно-церковною его жизнію въ дому небес-

наго Отца, ограждаемою оттѣняющимъ будущія Христовы блага закономъ.

Вѣкъ Давидовъ и Соломоновъ, до котораго уже мы дошли, представляетъ какъ-бы разцвѣтъ развитія ветхозавѣтнаго образа воззрѣній и жизни вѣрующихъ. Ибо, съ одной стороны, народная жизнь Израиля (хотя наполамъ съ грѣховнымъ самоволіемъ, которое потребовало себѣ царя у Бога съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ Божественнаго управленія (см. 1 Цар. 8, 7), и за то наказано бѣдствіями Саулова царствованія) успѣла развиться въ такое Богоправимое *гражданство*, которое получило себѣ царей по сердцу Божію—Давида, пріявшаго отъ Бога обѣтованіе о происхожденіи Христа Спасителя именно изъ его царственнаго рода, и Соломона, удостоившагося Богоданной премудрости и вмѣстѣ славы воздвигнуть Всевышнему единственный въ мірѣ храмъ. И въ принадлежностяхъ этого Богоправимаго гражданства (каковы въ особенности составляющіе средоточіе его—Сіонъ и Іерусалимъ съ храмомъ), по преимуществу же въ самыхъ лицахъ этихъ великихъ царей—грядущая Христова благодать нашла новые свѣтлые образы, новые выразительные залоги своихъ духовныхъ благъ. Съ другой стороны, духовно-Божественное и благодатное, отражавшееся для вѣры въ чувственномъ и земномъ, нашло для себя (главнымъ образомъ также въ Давидѣ и Соломонѣ) Богодвижные органы къ своему словесному изображенію въ Богодохновенныхъ пѣсняхъ (разумѣемъ *Псалтирь*),—въ высокихъ урокахъ и созерцаніяхъ небесной Премудрости и любви (разумѣемъ *книги Притчей Соломоновыхъ, Екклезіаста, Пѣснь пѣсней*).

Но слишкомъ кратковремененъ былъ этотъ прекрасный разцвѣтъ ветхаго завѣта: потому что видимое и земное, сколь бы свѣтло ни отсвѣчивалось небеснымъ и духовно-благодатнымъ, при отсутствіи самой существенности истины и благодати—естественно должно быть непрочно и при безплодности кончиться суетою (что во всей горечи испытать, сознать и почувствовать и дано было отъ Духа Божія именно Соломону) *). И вотъ, вслѣдъ за Соломоновымъ царствованіемъ осократическое гражданство Израиля распалось на двѣ половины, изъ которыхъ наиболѣе значительная **), потерявъ храмъ и истинное Богослуженіе, не въ

*) См. кн. Екклезіастъ.

**) Царство Израильское, въ которомъ было десять съ половиною колѣнъ.

слишкомъ продолжительное время совсѣмъ почти растлилась язычествомъ и потому была плѣнена и разсѣяна въ языческомъ мірѣ. Но и остальная *) половина, съ своими царями изъ Давидова рода и съ храмомъ истинному Богу, упадала въ вѣрѣ до того, что для нея тускнѣли и померкали не только издревле свѣтившіеся, но и такъ еще недавно данные образы и залоги обѣтованнаго спасенія и Спасителя. Въ такихъ-то обстоятельствахъ обѣтованной благодати Христовой, если она не хотѣла вовсе оставить человѣка, оставалось одно—открывать избранному народу съ евангельскою ясностію тѣ свои стороны, образы которыхъ померкали и затемнялись грѣховностію. Такъ напр. домъ Давидовъ, столь недавно получившій обѣтованіе о происхожденіи изъ него Спасителя, при напорѣ сильныхъ враговъ, уже какъ самъ не сознавалъ, такъ и въ глазахъ другихъ терялъ свою духовную знаменательность, указующую на непреложное спасеніе, и предавался страшному унынію и отчаянію вмѣстѣ съ своимъ народомъ (Ис. 7, 2). Въ этомъ случаѣ, назнаменованную въ домѣ Давидовѣ тайну спасенія, именно происхожденіе изъ сего дома самого Спасителя, предлежало открыть уже съ простотою евангельскою: *се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына* и пр. (ст. 14). Такъ же, когда предъизображающія искупительную смерть Христову кровавыя жертвы, по лицемѣрію и другимъ грѣхамъ приносившихъ оныя, становились мерзостію въ очахъ Божіихъ и тѣмъ совершенно омрачались для вѣры: то искупительная смерть Христова открываема была, по необходимости, уже въ евангельскомъ свѣтѣ не только по своимъ обстоятельствамъ, но и по своему таинственному значенію (см. 53 гл. Исаіи). И вотъ въ пророческихъ книгахъ, и по преимуществу въ кн. пророка Исаіи, наряду и во внутренней связи съ образными откровеніями, встрѣчаются цѣлыя страницы евангельски-ясныхъ предвѣщаній о великой тайнѣ Христовой. Такъ истинной вѣрѣ, и среди сумраковъ неудержимаго увлеченія народа Божія къ языческимъ заблужденіямъ и порокамъ, не переставалъ быть видимымъ путь спасенія.

Для оживленія растлѣваемаго необуздашною грѣховностію ветхозавѣтнаго порядка вещей употреблено, наконецъ, послѣднее рѣшительное средство, сила и значеніе котораго опредѣляются тѣмъ, что сокровище, пренебрегаемое человѣкомъ при его обладаніи, оцѣняется по достоинству тѣмъ же человѣкомъ при его

*) Іудейское царство.

лишенія. Народъ Божій былъ отведенъ въ плѣнъ, и—всѣ образы, всѣ видимые залоги пренебрегаемой и преогорченной Благодати были осквернены или разрушены. И на рѣкахъ Вавилонскихъ избранный Божій народъ вспомнилъ Іерусалимъ, какъ бы утраченное царство небесное... По возвращеніи же въ землю обѣтованную, Іудеи являются въ своемъ большинствѣ уже свободными отъ своего страстнаго увлеченія язычествомъ, подобно какъ иной христіанинъ, испытавъ за упорную измѣну Христу всю горечь и бѣду жизни безблагодатной, по обращеніи своемъ уже самъ съ живостію отвращается отъ своихъ прежнихъ идоловъ. И было въ остаткахъ народной жизни у Божія народа время, хотя самое краткое, когда вечерній и почти уже заходящій свѣтъ отражающагося въ земномъ и чувственномъ горняго и Духовнаго еще разъ блистательно озарилъ этотъ народъ побѣдоносною свободою и славою (при Маккавеяхъ). И вѣра, которой дано, въ этотъ остатокъ ветхозавѣтныхъ временъ, уже самой входить въ свѣтъ данныхъ прежде откровеній безъ нужды въ новыхъ откровеніяхъ, успѣла сдѣлать нѣсколько такихъ духовныхъ опытовъ вѣрнаго и живаго изученія слова Божія, что эти духовные опыты, какъ относящіеся къ урокамъ Божественнаго воспитанія ветхозавѣтной вѣры въ образъ и руководство для вѣры новозавѣтной, христіанскою вселенскою Церковію признаны за священно-поучительные для всѣхъ вѣрующихъ на всѣ времена, вмѣстѣ съ откровеніями Слова Божія. Разумѣемъ здѣсь библейскій отдѣлъ неканоническихъ св. книгъ, какъ-то: книги премудрости Соломоновой, Іисуса сына Сирахова, Товита и другія. Но при всемъ этомъ и грѣховность человѣческая сдѣлала, такъ сказать, тоже послѣднія усилія къ окончательному и рѣшительному извращенію Богоданнаго завѣта тѣхъ временъ. Отвращеніе отъ язычества мало по малу превращалось у Іудеевъ въ самомнительное отвращеніе отъ самихъ язычниковъ и въ духовно-горделивое сознаніе своего достоинства, какъ Богоизбраннаго народа, потомства Авраамова и проч... Ревнивая вѣрность и усердіе къ Божію закону и пророкамъ понемногу превращалась въ неразумное и рабское ревнованіе по одной мертвой буквѣ закона и пророковъ, съ забвеніемъ живительнаго ихъ духа и силы, съ невольническимъ страхомъ казней за невѣрности *). Самое исполненіе Богооткровенныхъ заповѣдей

*) Въ этомъ отношеніи особенно примѣчательно, какъ противно истинному значенію и духу стали тогда понимать ветхозавѣтную строгость. Если судить по буквѣ, эта строгость была подлинно безпощадна къ пре-

незамѣтно такъ настроивалось, что Іудей, исполнявшій то или другое предписаніе Божія закона, признавалъ уже себя въ этомъ отношеніи правымъ предъ Богомъ и людьми; и такимъ образомъ, вмѣсто Божіей правды, которую вѣра и вѣрность Богу должны были, какъ даръ, воспринимать отъ Него, Іудеи въ воззрѣніяхъ и въ жизни начали горделиво поставлять свою правду, какъ заслугу собственныхъ дѣлъ предъ Богомъ и людьми. Самые даже, взятые изъ области чувственнаго и земнаго, образы грядущей Христовой благодати, которые уже давно утратили свой первоначальный живой блескъ, большею частію Іудеевъ соблюдались и разумѣвались въ такомъ смыслѣ, будто Христосъ откроетъ мірское царство, преизобильное довольствомъ, силою и славою міра сего, и чувственно покоритъ себѣ языческій міръ. Такъ, по Апостольскому выраженію, сталъ *по премногу грѣшенъ грѣхъ*,—самымъ *благимъ* (добромъ), и именно Божіимъ закономъ и откровеніями, *содѣвая смерть* духовную человѣку (Рим. 7, 13)! Такъ извѣтшали и стали *немощны и худы*, безполезны и недѣйственны—*стихіи міра*, которыя были средою и главными способами ветхаго завѣта! Оста-

ступленіямъ и слабостямъ людей. Приходитъ напр. къ Иліи посланный отъ царя пятьдесятникъ съ своей полсотней воиновъ и высказываетъ пророку царскую волю, чтобы онъ явился къ царю. Въ чемъ вина этого пятьдесятника, повинующагося царской власти? И однако, по слову пророка, огонь спалъ съ неба на этого несчастнаго и на его полсотню. Та же участь постигла другаго пятьдесятника съ новой полсотней воиновъ. Другой случай: царь и пророкъ Давидъ, возвращаясь въ Іерусалимъ, послѣ усмиреннаго Авессаломова мятежа, въ радости простилъ ругателя Семея, но въ послѣднія минуты своей жизни вспомнилъ обиду со стороны послѣдняго и завѣщалъ Соломону казнить его. Что же это значило? Пока невидимое духовное еще достаточно слышалось въ видимомъ, безъ строгаго разграниченія духа отъ видимости или буквы: дотолѣ безпощадная строгость направлялась собственно не противъ того или другого человѣка, но противъ дѣйствующихъ на него духовныхъ силъ зла, сдерживая въ то же время страстнаго человѣка въ должныхъ границахъ ѳеократіи, служителями которой были св. пророки, а средоточіемъ царственный домъ Давидовъ, изъ котораго долженъ былъ произойти Христосъ. Такимъ образомъ эта строгость святыхъ, Иліи или Давида, была въ духѣ Божіей отеческой любви къ человѣку, держащей его, какъ еще неполновозрастнаго и своевольнаго наслѣдника, подъ строгой опекой Къ концу же ветхозавѣтныхъ временъ стали понимать ее уже въ смыслѣ безпощадности къ самому человѣку. Такъ однажды не дали Господу и Его ученикамъ ночлега: и—лучшіе, наиболѣе мягкосердые изъ учениковъ Его, готовы были низвести огонь на этихъ людей, *якоже Илія сотвори!* До того забыли истинный духъ Божія завѣта. *Не внсте, коего духа есте*, сказалъ тогда Спаситель своимъ ученикамъ.

валось или погибать человѣку, или явиться спасительной Благодати и истинѣ вполнѣ и прямо въ своемъ существѣ: и Богъ *Слово плоть бысть*,—пришелъ Самъ, *исполненный истины и благодати* (Іоан. 1, 14).

Таково развитіе (отъ начала до конца, хотя изложенное въ самыхъ краткихъ чертахъ) ветхозавѣтнаго образа жизни и воззрѣній вѣры и Церкви! Кому угодно сообразить это развитіе съ ходомъ и развитіемъ и прочаго человѣчества, относящагося къ Церкви, какъ къ своей сердцевинѣ или къ жизненному для всего міра зерну: тотъ пусть возьметъ во вниманіе, какъ сильно языческій Востокъ, ранѣе прочаго языческаго міра пробужденный къ общественной жизни, былъ движимъ и, можно сказать, подавляемъ своимъ нелѣпымъ благоговѣніемъ къ природѣ и къ собственнымъ чудовищно-фантастическимъ созданіямъ,—какъ живо Эллины сознавали человѣка по самой его наружности «боговидимымъ» (по выраженію ихъ же книгъ) *),—какъ всюду въ природѣ—въ *зарѣ*, въ *солнцѣ*, въ *землѣ* и проч., они чувствовали (хотя и извращали въ своемъ представленіи) Божественное,—какъ у нихъ боговидные и богоравные, вмѣстѣ и съ самими ихъ божествами, любятъ ѣсть и пить, и—это, при всей своей видимой несообразности съ горнимъ, не представляется однако простою животностію, какою нынѣ показалась бы подобная чувственная жизнь. Изъ этого до очевидности ясно, что вообще древнее человѣчество, даже и при отуманенномъ и возмущенномъ грѣхомъ духовномъ чувствѣ, весьма чутко было къ Божественному въ самомъ земномъ и видимомъ, что оно, по своей грѣховности, неудободержимо увлекалось къ смѣшенію Божественнаго съ отображающими его тварями, и что, потому, крайне опасно и неблаговременно было въ такія времена открывать человѣку вполнѣ Божественную истину и благодать, что, наконецъ, еще удобно было уроки Божественной истины выражать для вѣры въ чувственномъ, въ самомъ даже *яденіи или питіи* (Кол. 2, 16). Или и это трудно понять, что почва ветхозавѣтнаго міра была общая, какъ для пшеницы вѣры, такъ и для плевелъ отпаденія отъ вѣры, и что, слѣдовательно, и отъ прозябенія сихъ послѣднихъ, она можетъ быть уясняема? Такъ духовная почва и нашей современности, если надобно изучать эту почву для болѣе успѣшнаго духовнаго земледѣланія, можетъ и должна быть разъясняема не только тѣмъ, какъ на ней растетъ

*) Иліада и Одиссея Гомера.

пшеница Божіей истины и вѣры, но и тѣмъ, какъ на ней же прозябаетъ и мнящаяся пшеница—пустоколосица и плевелы.

III.

Заключимъ наше изслѣдованіе ветхозавѣтныхъ особенностей въ жизни и воззрѣніяхъ вѣры нужными выводами по отношенію къ новозавѣтнымъ воззрѣніямъ и образу жизни по вѣрѣ.

Мы, вѣрующіе сыны новаго завѣта, вѣрою разумѣемъ и въ жизни усвояемъ себѣ уже прямо самое существо и силу Христовой истины и благодати, которую въ ветхомъ завѣтѣ разумѣли и усвояли болѣе или менѣе образно. Итакъ, не потеряло ли уже для вѣры своего духовнаго значенія видимое, чувственное, земное, и въ особенности жизнь семейная, народная, гражданская—эта среда ветхозавѣтной образности? Никакъ, если только мы сами не захотимъ допустить, чтобы все это было у насъ только *плоть*, отрѣвающая отъ себя Духа Божія. Дѣло въ томъ, что ветхозавѣтная вѣра, какъ возрастающее и воспитываемое дитя (Галат. 4, 1—3), чрезъ образы возводилась къ проразумѣнію и предъусвоенію спасительной благодати и истины: теперь, въ новомъ завѣтѣ, вѣрѣ дано ходить въ открытомъ свѣтѣ Христовой истины и благодати, и этимъ свѣтоноснымъ началомъ съ отчетливымъ сознаніемъ освѣщать для себя все—и внутренній міръ души, и внѣшній міръ природы, исторіи и проч. Что же отсюда слѣдуетъ для нашей вѣры относительно земнаго и чувственнаго? То, что это земное и чувственное, возводившее ветхозавѣтную вѣру къ духовному и божественному чрезъ простыя непосредственныя впечатлѣнія на чувства, теперь новозавѣтною вѣрою можетъ и должно быть уже съ отчетливымъ сознаніемъ, съ сыновнею свободою какъ изучаемо, такъ и употребляемо именно въ томъ своемъ значеніи, что вся эта область земнаго и видимаго, природа и человѣческій міръ, въ цѣломъ и въ частяхъ до подробностей, въ законахъ, въ силахъ и въ ихъ проявленіи, выражаютъ мысли Отца небеснаго, осуществленныя Его единороднымъ и единосущнымъ Сыномъ, совершенныя Св. Духомъ,—и въ томъ же Христѣ Сынѣ Божіемъ по благодати Св. Духа доступныя нашему разумѣнію и усвоенію. Чрезъ это только и могутъ возвышаться до истинной высоты новаго завѣта наши воззрѣнія и наша жизнь; чрезъ это просто, сами собою примиряются нерѣдко борющіяся направле-

нія: ревность по благочестію—въ однихъ, и стремленіе къ живой мыслительности, къ отчетливой дѣятельности—у другихъ. Васъ снѣдаетъ ревность по вѣрѣ? Не давайте же оставаться зарытыми, невыведенными на свѣтъ знанія и употребленія безмѣрнымъ сокровищамъ Божіимъ—въ природѣ, въ человѣчествѣ, во всемъ видимомъ и земномъ. Или вы томитесь жаждою знаній, снѣдаетесь стремленіемъ къ дѣятельности, ревностію о преспѣяніи всего, васъ окружающаго и съ вами связаннаго? Нашъ Господь и Спаситель, усыновившій насъ своему небесному Отцу, самъ того же желаетъ; Онъ даетъ дѣла всѣмъ и требуетъ дѣла у всякаго и на всякомъ поприщѣ. Ибо Онъ сталъ человѣкомъ для того, чтобы *все человѣческое* принадлежало Ему, и чрезъ это очистилось и спаслось отъ всякаго растлѣнія лжи и грѣха. Поэтому будемъ работать мыслію или руками уже не на заднемъ какомъ-либо духовномъ дворѣ, на ряду съ незнающими Христа (или, можетъ быть, и съ безсловесными), а въ дому Отца небеснаго, какъ Его дѣти и наслѣдники Его сокровищъ во Христѣ Сынѣ Божіемъ.

Что касается въ особенности до жизни семейной, народной и гражданской,—въ ветхомъ завѣтѣ все это составляло среду, поднимавшую вѣрующаго къ воззрѣнію издали на грядущую Христову благодать и къ усвоенію ея благъ. А теперь мы, уже знающіе и имѣющіе во Христѣ самое существо благодати и истины, можемъ и должны уже прямо и вполнѣ сознательно созидать и развивать свое, и семейное и народное и гражданское, благоустройство—на основаніи Христовой истины и благодати. Такъ, въ ветхомъ завѣтѣ въ патріархально-семейной жизни, супружество, дѣти давали предощущать вѣрующимъ обѣтованнаго Божественнаго Потомка Христа и союзъ Его съ Церковію: теперь въ новомъ завѣтѣ Божественный союзъ Христа и Церкви благодатно отображенъ въ каждомъ супружествѣ, и—вѣрѣ остается только *не вотще принимать* эту благодать, а напротивъ всегда внимать ей и чрезъ это приводить ее всегда въ живое движеніе. Въ ветхомъ завѣтѣ народъ избранный и земля обѣтованная удерживали свою духовную знаменательность, именно какъ Божій народъ, какъ Божія земля: въ новомъ завѣтѣ уже вполнѣ извѣстно, что самъ *Богъ Слово во плоти* жилъ подъ условіями народной и гражданской жизни на земли, и это для всего человѣчества на всѣ времена; и такимъ образомъ, вѣрѣ нашей въ воззрѣніяхъ и жизни, относительно гражданства и народности, предлежитъ только удерживать за ними и проводить дальше и дальше въ ихъ области

эту великую благодать, дѣлающую и земное наше жительство небеснымъ. Не забудемъ главнаго:

Благодать и истина открыты и даны намъ христіанамъ въ самомъ своемъ существѣ; но надобно намъ въ воззрѣніяхъ и жизни не зарывать, а употреблять въ самое дѣло Божественное сокровище Христовой истины и благодати. Тогда *вся Божественныя силы яже къ животу* будутъ дѣйствовать въ насъ во Св. Духѣ (2 Петр. 1, 3), и *вся сокровища премудрости и разума* будутъ раскрываться для насъ во Христѣ (Колос. 2, 3). Иначе же, само собою разумѣется, что и православные христіане, при всей высотѣ своего новозавѣтнаго призванія, будутъ не только въ семейной или гражданской, но и въ духовно-церковной жизни такіе же плотскіе люди, какъ и прочіе сыны Адама и Евы, пробавляющіеся только естественно-немощными силами и идущіе естественно разбитыми путями;—въ чемъ уже и начали нынѣ гласно признаваться съ благородною откровенностію *). Такъ въ жизни! Такая же несчастная несостоятельность неизбѣжна и въ воззрѣніяхъ христіанъ, коль скоро мысль послѣднихъ или не будетъ достаточно вникать въ Христову истину, какъ-бы въ землю зарывая это небесное сокровище, или не захочетъ Христа признавать своимъ всеуясняющимъ свѣтомъ и верховнымъ началомъ, по-язычески блуждая своими самовольными путями. Въ первомъ случаѣ, воззрѣнія христіанскія окажутся односторонними, узкими и даже мертвыми; доказательствъ на это мы не станемъ приводить. Во второмъ случаѣ, воззрѣнія рано или поздно такъ запутаются, что мысль окажется въ безвыходномъ положеніи. Доказательствомъ этого можетъ уже служить нынѣ и новѣйшая философія. Съ глубокимъ вниманіемъ и совершеннымъ безпристрастіемъ слѣдящіе движенія философіи находятъ, что, въ области философіи, логической способности разума ничего не остается болѣе дѣлать... «Или искомое знаніе (высшаго Всеначала) для насъ вовсе недоступно, или—доступно, но можетъ быть достигнуто только совсѣмъ инымъ путемъ, путемъ непосредственнаго реальнаго соотношенія съ предметомъ знанія» (Рус. Бесѣда 1859 г. III. Раціоналист. движ. философіи). Подобнымъ образомъ запутаться въ воззрѣніяхъ и сбиться въ жизни самый ветхозавѣтный человѣкъ успѣлъ только къ концу ветхозавѣтныхъ временъ.

*) См. Православн. Собесѣдн. Январь 1859 г. «Общество и Духовенство».

Что впрочемъ такой крайней бѣдѣ подвергся христіанскій Западъ, это еще понятно. Какъ скоро Западъ не захотѣлъ держаться одного небеснаго главы—Богочеловѣка Христа такъ, чтобы духомъ своимъ быть въ благодатномъ, по силѣ Св. Духа, единеніи и сообразованіи съ самимъ единороднымъ Сыномъ Божіимъ и въ Немъ съ небеснымъ Отцемъ: то это отпаденіе отъ православія было то же для западнаго христіанства, что вторичное лишеніе рая, возвращеннаго намъ Христомъ. Ибо сила райской жизни человѣка, какъ выше мы видѣли, и состояла именно въ живомъ, всѣмъ видимымъ поддерживаемомъ, общеніи и сообразованіи съ единороднымъ Богомъ Словомъ и въ Немъ со Отцемъ, по благодатному дѣйствію Св. Духа. Утративъ же снова этотъ рай или духовное небо чрезъ признаніе земнаго верховнаго главы и самодержавнаго въ Церкви отца, западный человѣкъ естественно уже потомъ доходилъ до того, что всѣ Божественныя силы, открытыя во Христѣ людямъ, приходили у него въ бездѣйствіе и оскудѣніе (ибо онѣ приводятся въ живое движеніе въ насъ не иначе, какъ чрезъ неуклонное направленіе вѣры нашей къ самому Божественному—главѣ Церкви—Христу), а остатокъ ихъ дѣйственности, съ продолженіемъ времени, сталъ западный человѣкъ приписывать уже самому себѣ, природѣ и проч. (какъ это было, только въ другомъ наружномъ видѣ, въ ветхозавѣтныя времена). Отсюда своего рода обоготвореніе нашего разума, человѣчности, природы. Все это на Западѣ шло, такъ сказать, логическимъ порядкомъ, уже проложеннымъ въ ветхомъ завѣтѣ: только въ новозавѣтныя времена этотъ порядокъ шелъ уже не чувственно-образно, но, по свойству новозавѣтныхъ временъ, уже духовно, въ мысли и нравахъ. Но какъ и у насъ православныхъ во многое вкралась та же самая бѣда? Не допущена ли она (отчасти) и къ намъ собственно для того, чтобы предостеречь насъ отъ духовной гордости предъ другими народами, отъ которой такъ страшно погибъ ветхій Израиль? Но мы, какъ православные, и безъ того должны знать, что православіе или безпримѣсная съ ложью Христова истина, есть сокровище для всего міра, и что слѣдовательно мы, обладатели этого сокровища, оказываемся должниками предъ всѣмъ міромъ,—такими должниками, съ которыми на страшномъ Христовомъ судѣ будутъ судиться всѣ народы, если не стараемся достаточно и доступно для всѣхъ раскрыть истинно-всемірное значеніе этого, обладаемаго нами, сокровища православія. Или, можетъ быть, странное до непонятности, но столь обыкновенное у насъ—невниманіе къ это-

му свѣтоносному сокровищу есть ни болѣе ни менѣе, какъ признакъ нашего духовнаго дѣтства? Въ этомъ случаѣ особенно не мѣшало бы намъ приглядываться къ ветхому завѣту.

Апостолъ Павелъ ветхозавѣтное состояніе спасаемаго человѣка сравниваетъ именно съ дѣтствомъ или неполновозрастіемъ наслѣдника: *въ елико время наслѣдникъ младъ есть, ничимже лучшій есть раба, господь сый всѣхъ: но подъ повелители и приставники есть, даже до нарока отча: такожде и мы...* На этомъ основаніи и обратно: состояніе неполновозрастнаго человѣка, или даже цѣлаго народа, которому вручено всемірное наслѣдіе чистой Христовой истины или православія, но который, въ своемъ большинствѣ, самъ не знаетъ и легкомысленно не заботится узнать свое духовное богатство,—можно приравнять нѣкоторымъ образомъ къ ветхозавѣтному состоянію человѣчества, состоянію сына и наслѣдника какъ бы подъ опекой. И въ самомъ дѣлѣ, то состояніе Россіи, когда большинство въ ней болѣе или менѣе безотчетливо держалось начала православія, нѣкоторые у насъ и представляютъ состояніемъ «подъ опекою религіознаго начала», — такъ именно выразился почтенный писатель исторіи древней Россіи *). Пора бы Русскому народу, достигающему уже тысящелѣтія своей многоиспытанной жизни, понять и содержать свое «религіозное начало», начало православія, это небесное наслѣдіе для всего міра,— уже не какъ состоящему подъ опекой недорослю, но съ свободною преданностію и всесторонней отчетливостію вѣры—достигающаго духовной зрѣлости наслѣдника-сына. Надобно же намъ быть благосознательными предъ нашимъ во Христѣ небеснымъ Отцемъ, и пользоваться, сколько возможно, полнымъ свѣтомъ Его благодати и истины, столь необходимымъ и для насъ, и для всего міра— Западнаго и Восточнаго.

---

*) С. Соловьевъ, въ Атенеѣ. См. первую статью послѣдней книжки.

IV.

О БОЖЕСТВЕННОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ ЧРЕЗЪ СВ. ПРОРОКА И БОГОВИДЦА МОИСЕЯ.

О Божественномъ законодательствѣ, *ходатаемъ* котораго (Гал. 3, 19) былъ Боговидецъ Моисей, намѣрены мы говорить съ тою же мыслію, съ какою говорили вообще о ветхомъ завѣтѣ *): хотѣлось бы помочь любящимъ истину, и особенно подвизающимся на поприщѣ мысли и слова,—находить въ ветхозавѣтныхъ книгахъ слова Божія благопотребныя указанія и руководство по разнымъ вопросамъ и нуждамъ нашего времени. Въ Израилѣ, которому данъ былъ чрезъ Моисея Божій законъ, явился міру народъ, Богоизбранный и Богоправимый въ образецъ для всѣхъ вѣрующихъ народовъ; въ немъ образно открывались духовныя нужды и опасности вообще спасаемаго Богомъ человѣка. Только уже надо намъ слѣдить не изветшавшую форму, а живой духъ и самую силу Богоправленія въ этомъ народѣ. Слѣдуетъ намъ раскрыть, въ живой силѣ дѣла, *во-первыхъ*—то, въ какомъ состояніи найденъ и въ какое состояніе поставленъ Израиль, или вообще спасаемый человѣкъ, Богоданнымъ Моисеевымъ закономъ, *и во-вторыхъ*—то, какимъ для этого орудіемъ и сосудомъ Божественной премудрости и любви оказался и послужилъ Моисей. И тогда, *въ-третьихъ*, Божій законъ, начертанный въ Пятокнижіи Моисеевомъ, легко можетъ открыться намъ въ живомъ значеніи благодатнаго руководства, простираемаго отъ Бога и къ

*) Въ предыдущей статьѣ.

нашему времени, указующаго его опасности и нужды духовныя, съ выходомъ изъ нихъ, и вразумляющаго, какъ каждый изъ насъ, на своемъ мѣстѣ, можетъ споспѣшествовать этому спасительному выходу...

I.

Итакъ, мысленно перенесемся ко временамъ Моисея и вникнемъ въ обстоятельства и потребности тогдашняго человѣка, въ руководство котораго ко спасенію данъ былъ первоначально законъ Божій, содержащійся въ Пятокнижіи. Само собою разумѣется, что этимъ историческимъ дѣломъ мы должны заняться не такъ, чтобы у насъ вскрылось минувшее, какъ гробы съ костями, имѣющіе значеніе уже только археологическое. Въ отношеніи къ дѣлу спасенія въ его существѣ, человѣкъ тогдашній и нынѣшній не имѣютъ существеннаго между собою различія и не допускаютъ взаимнаго разрыва; ибо существенныя нужды и способы спасенія одни и тѣ же для всѣхъ временъ. Итакъ, намѣреваясь раскрыть обстоятельства и потребности человѣка Моисеевыхъ временъ въ отношеніи къ дѣлу спасенія, мы займемся не совсѣмъ чужими намъ обстоятельствами и потребностями, но будемъ какъ-бы припоминать прошлое изъ нашей же человѣческой жизни, относящееся къ самому безцѣнному и важному для всѣхъ насъ дѣлу спасенія нашего. Такую точку зрѣнія, относительно времени Моисеева и вообще прошедшаго въ церковно-духовной жизни человѣчества, утверждаетъ для насъ Апостолъ Павелъ, когда говоритъ о минувшемъ въ родѣ человѣческомъ и Церкви, какъ-бы объ испытанномъ и пережитомъ имъ самимъ: *азъ живяхъ кромѣ закона иногда: пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ* (Рим. 7, 9). Разсмотримъ сначала внутреннее, а потомъ внѣшнее состояніе человѣка спасаемаго, его внутреннія и внѣшнія удобства и затрудненія, опасности и нужды въ дѣлѣ спасенія, при Моисеѣ.

Приведенныя сейчасъ слова Апостола указываютъ на одну изъ самыхъ главныхъ сторонъ внутренняго состоянія человѣка, въ какомъ засталъ еще его законъ Моисеевъ: *азъ живяхъ кромѣ закона иногда* («я былъ живъ нѣкогда безъ закона»). Какую жизнь разумѣетъ здѣсь Апостолъ? Этой *жизни*, какую имѣлъ человѣкъ *кромѣ закона иногда*, Апостолъ далѣе противополагаетъ *смерть* того же человѣка, произведенную грѣхомъ посредствомъ самой заповѣди закона (*грѣхъ бо вину пріемъ заповѣдію, прельсти мя и*

тою умертви мя, ст. 11),—смерть, какъ очевидно, духовную. Отсюда понятно, что и жизнь онъ разумѣетъ духовную же, и слѣдовательно, какъ-бы такъ онъ сказалъ: *живяхъ* духомъ, котораго грѣхъ еще не успѣлъ вовсе убить. Но какъ Апостолъ въ томъ же посланіи (одною главою выше настоящаго мѣста, въ 5 гл.) показалъ, что еще въ Адамѣ *во вся человѣки вниде осужденіе* смерти (18): то ясно, что сказано: *живяхъ*, въ смыслѣ не безотносительномъ, т. е. не въ томъ, чтобъ человѣкъ до закона жилъ вполнѣ первобытною жизнію въ Богѣ, но развѣ въ томъ, что онъ имѣлъ, сравнительно съ послѣдующимъ временемъ, значительнѣйшіе останки первобытной жизни, хоть въ корнѣ поврежденной, останки, уже послѣ законодательства Моисеева истощенные грѣхомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, въ какой еще близости къ Богу, съ какою живою пріемлемостію къ Божественному нашелъ человѣка самый законъ. *И взыде*, такъ повѣствуетъ книга Исходъ (24, 9,—11), *и взыде Моисей, и Аронъ, и Надавъ, и Авіудъ, и семьдесятъ отъ старецъ Израилевыхъ. И видѣша мѣсто, идѣже стояше Богъ Израилевъ: и подъ ногами Его яко дѣло каменс сапфира, яко видѣніе тверди небесныя чистотою* (т. е. подъ ногами Его нѣчто подобно работѣ изъ сапфира, подобное самому ясному небу). *И отъ избранныхъ Израилевыхъ неповредися ни единъ* (собственно: и Онъ не простеръ руки своей на избранныхъ изъ сыновъ Израилевыхъ). *И явишася на мѣсто Божіе и ядоша и пиша* (т. е. они видѣли мѣсто Бога, и ѣли и пили). Очевидны здѣсь свѣтлые слѣды эдемской жизни, когда люди слышали гласъ Господа Бога, ходящаго въ раю (Быт. 3, 8), и предметы чувственнаго вкушенія относились къ открытымъ урокамъ и способамъ Божественнаго откровенія. Но вмѣстѣ съ симъ примѣтимъ, что только, «избранные изъ сыновъ Израилевыхъ» допущены до такой райской свободы и простоты Боговидѣнія. Притомъ, изъ всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ чудесныхъ явленій, при Моисеѣ, не было еще другаго подобнаго случая, когда кромѣ Моисея нѣсколько десятковъ старѣйшинъ израильскихъ такъ удобоприступно и просто видѣли мѣсто стоянія Божія, еще же ѣли и пили при этомъ. Да и въ изображеніи настоящаго случая Боговидецъ Моисей нашелъ нужнымъ замѣтить, какъ видно, нѣчто уже необыкновенное, что Господь Богъ «не простеръ руки своей на сихъ избранныхъ изъ сыновъ Израилевыхъ». При первомъ Боговидѣніи самъ Моисей, какъ сказано въ 3 гл. Исх. (ст. 6), «закрылъ лице свое, потому что боялся воззрѣть на Бога». Во время синайскаго

законодательства, самъ Господь строго подтверждалъ народу чрезъ Моисея «чтобы онъ не порывался ко Господу, чтобы видѣть», *да не когда приступятъ къ Богу уразумѣти и падутъ отъ нихъ мнози* (Исх. 19, 21). Послѣ уже самаго опыта слышанія Божіихъ глаголовъ не только весь народъ говоритъ Моисею: *глаголи ты съ нами, и да не глаголетъ къ намъ Богъ, да не когда умремъ* (20, 19); но и самые избранные изъ сыновъ Израилевыхъ, ихъ старѣйшины, выражали то же, съ обстоятельнымъ объясненіемъ своей неспособности къ открытымъ и непосредственнымъ Богоявленіямъ: *и бысть яко услышасте гласъ изъ среды огня*, говорилъ Моисей, воспоминая синайскія обстоятельства (Втор. 5, 23 - 27), *и пріидосте ко мнѣ вси начальницы племенъ вашихъ, и старѣйшины ваши и рѣсте: се показа намъ Господь Богъ нашъ славу Свою, и гласъ Его слышахомъ... И нынѣ да не измремъ... Аще приложимъ мы слышати гласъ Господа Бога нашего ктому, и умремъ. Кая бо плоть, яже слыша гласъ Бога жива... яко же мы, и жива будетъ? Приступи ты*, и проч. Вотъ уже до какой степени дошелъ тотъ страхъ грѣшныхъ людей предъ лицезрѣніемъ Божіимъ, котораго началомъ было стыдливое движеніе первыхъ преступниковъ скрыть отъ Бога свою наготу (Быт. 3, 8—10)! Мало сего,— до того уже уменьшилась естественная близость и пріемлемость человѣка къ открытому общенію съ Богомъ, что уклоненіе отъ сего могло происходить не только по невольному движенію въ человѣкѣ нечистой и обличающей совѣсти, какъ въ прародителяхъ, или даже по упорству, какъ въ Каинѣ, скрывшемся отъ лица Божія послѣ братоубійства и суда надъ нимъ Божія,—но уже и по свободному и святому движенію благоговѣнія и чистаго страха Божія, какъ бы, столько отдаляясь отъ Бога грѣхомъ, не оскорбить Его открытымъ къ Нему приближеніемъ. Такъ подданные, чѣмъ отдаленнѣе живутъ отъ мѣстопребыванія и лицезрѣнія царя, тѣмъ болѣе по самому благоговѣнію къ священной особѣ царя, признаютъ себя недостойными его лицезрѣнія, тогда какъ намѣренное уклоненіе отъ того же лицезрѣнія, при всегдашней его удобности и доступности, было бы знакомъ вообще недобрыхъ отношеній такихъ подданныхъ къ царю. Сюда же относится и изъ сказаннаго объясняется слѣдующее замѣчательное обстоятельство: нѣкогда уклоненіе Каиново отъ лица Божія было выраженіемъ рѣшительнаго его отпаденія отъ Бога и Его Церкви,—а теперь уклоненіе сыновъ Израилевыхъ отъ слышанія гласа Божія самъ Господь пріемлетъ, какъ изъявленіе съ ихъ стороны достой-

ныхъ и святыхъ чувствъ къ Богу. *И услыша Господь гласъ словесъ вашихъ, глаголющимъ вамъ ко Мнѣ,*—говорилъ Моисей объ отреченіи Израильтянъ открыто предстоять лицу Бога и слышать Его гласъ,—*и рече Господь ко мнѣ: слышахъ гласъ словесъ людей сихъ, елика глаголаша къ тебѣ: право вся, елика глаголаша. Кто дастъ, еже быти тако сердцу ихъ въ нихъ, яко боятися Мене... да благо будетъ имъ и сыномъ ихъ во вѣки. Гряди, рцы имъ: возвратитеся вы въ домы своя. Ты же стани здѣ со Мною и возглаголю къ тебѣ вся заповѣди и оправданія и суды, еликимъ научиши ихъ* (Втор. 5, 28—31).

Итакъ, изъ всѣхъ указанныхъ случаевъ выходитъ такое общее заключеніе *о пріемлемости* человѣка къ Богоявленіямъ и Боговидѣніямъ: съ одной стороны, столько еще она жива была сравнительно съ послѣдующимъ, что можно было по крайней мѣрѣ избраннымъ возноситься даже до райски-свободныхъ и простыхъ видѣній Божественныхъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи быть свидѣтелями, хотя не столь простыхъ, сколько поразительныхъ явленій силы и слова Божія, было доступно и сродно еще всякому вѣрующему; но, съ другой стороны, столько уже оскудѣла она сравнительно съ прежнимъ временемъ, что развѣ избраннѣйшій изъ самыхъ избранныхъ могъ свободно принимать и выносить продолжительныя и частыя Боговидѣнія и Богооткровенія, а всѣ прочіе необходимо, по самому долгу благоговѣнія предъ Богомъ, требовали уже посредника, для принятія отъ Бога откровеній. Это замѣтимъ.

Книга Іова (содержаніе которой показываетъ во внѣшнемъ состояніи человѣка довольно уже развитыя начала жизни *народной*, а во внутреннемъ явные еще слѣды и рѣзкія черты жизни *патріархальной*, и слѣдовательно, относится къ времени переходному или колеблющемуся между патріархальностію отживающею и возникшею народностію,—ко времени, очевидно, отчасти еще застигнутому Моисеемъ *) даетъ намъ удобство глубже вникнуть во внутреннее отношеніе духа человѣческаго къ Духу Божію, въ то время. Первозданная духовная природа человѣка была такова «Іегова Богъ,—говоритъ св. Бытописаніе,—вдунулъ въ ноздри его дыханіе жизни». (Быт. 2, 7). Не только самъ Іовъ еще живо ощущалъ и сознавалъ въ своей душѣ дыханіе Божіе или, то же сказать иначе, сознавалъ свою душу оживляемою и дышащею Богомъ:

*) Ибо Моисей уже рѣшительно поставилъ быть народный вмѣсто патріархальнаго—въ избранномъ родѣ.

«доколѣ есть во мнѣ дыханіе и *Духъ Божій въ ноздряхъ моихъ*», такъ говоритъ страждущій праведникъ (27, 3),—но и юнѣйшій изъ его собесѣдниковъ, осмѣлившійся обратиться къ нему съ своею рѣчью уже послѣ многихъ продолжительныхъ бесѣдъ троихъ друзей Іова,—вотъ еще какъ богатъ и силенъ былъ остаткомъ первобытной духовной жизни, животворимой внутренно самимъ Духомъ Божіимъ:

Я полонъ рѣчами,
Духъ тѣснитъ грудь мою.
Вотъ грудь моя, какъ съ неоткрытымъ виномъ,
Рвется какъ новые мѣхи.
Поговорю, и—мнѣ будетъ легче».

(32, 18—20).

И онъ же такъ изъясняетъ свое состояніе:

«Духъ Божій настроилъ меня,
И дыханіе Вседержителево оживило меня».

(33, 4).

И еще то же, но касательно вообще человѣка:

«Духъ въ человѣкѣ, и дыханіе Вседержителево даетъ ему смыслъ».

Что здѣсь рѣчь точно о естественныхъ останкахъ въ человѣкѣ первобытнаго духовнаго свѣта и жизни, а не о внѣестественномъ Боговдохновеніи, свойственномъ напримѣръ—пророкамъ и Апостоламъ, видно изъ того, что юный Еліусъ, такъ настроенный Духомъ Божіимъ и оживленный «дыханіемъ Вседержителевымъ», столь же несправедливо и даже въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ винилъ и осуждалъ праведнаго Іова, какъ и другіе его собесѣдники. Что сказано Еліусомъ, было отраженіемъ общаго духа того времени, а не просто юности и личности его самого,—въ доказательство сего приведемъ слово другаго и при томъ старѣйшаго изъ друзей Іовлевыхъ (Елифаза). Онъ разсказываетъ, съ какою чрезвычайною живостью онъ ощущалъ своимъ духомъ Духа Божія, углубясь въ уединенныя размышленія:

«Среди размышленій, прежде ночныхъ сновидѣній,
Когда сонъ нападаетъ на человѣковъ,
Объялъ меня страхъ и трепетъ,
И всѣ кости мои потрясъ:
Понесся передо мною Духъ,

Волоса на тѣлѣ моемъ стали дыбомъ;
Онъ остановился, лица его разсмотрѣть не могъ:
Только обликъ стоялъ предъ глазами моими.
Тишина... и слышу потомъ голосъ».

(4, 13—16).

О подобныхъ же случаяхъ духовнаго соприкосновенія души съ Духомъ Божіимъ Еліусъ говоритъ просто, какъ о явленіяхъ обыкновенныхъ.

«Богъ говоритъ—однажды (вразумляя человѣка въ случаѣ какой-либо его погрѣшности);
И, если этого не замѣтятъ,—въ другой разъ,
Во снѣ, въ ночномъ видѣніи,
Когда сонъ находитъ на человѣка,
Во время дремоты на ложѣ.
Тогда онъ открываетъ человѣку ухо,
И не запечатлѣвая, даетъ имъ наставленіе,
Чтобъ отвести человѣка отъ какого-либо дѣла».

(33, 14—17).

Въ такой еще степени духъ человѣка, долженствующій по своей первозданной природѣ дышать и живиться Духомъ Божіимъ, естественно былъ близокъ, сроденъ и привыченъ къ внутреннему соприкосновенію съ Духомъ Божіимъ. Но не опустимъ изъ виду и того, какъ при этомъ, съ другой стороны, былъ близокъ духъ человѣческій уже къ обольщенію собственными мечтами, даже при добромъ и благонамѣренномъ своемъ настроеніи. Такъ, тотъ же Еліусъ желалъ, по его чистосердечнымъ словамъ, воздать достодолжное Создателю своему (36, 3); но столь чистое и высокое намѣреніе не попрепятствовало ему допустить въ своихъ рѣчахъ крайнюю несправедливость противъ величайшаго праведника и закрыть ее для себя сердечнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что онъ говоритъ по вдохновенію Вседержителевымъ дыханіемъ. Слѣдовательно, отличить внутреннія внушенія Духа Святаго отъ собственныхъ воззрѣній души свойственно было уже развѣ чрезвычайному избраннику Божію. Тотъ же собесѣдникъ Іова, ощущавшій дыханіе Божіе въ движеніяхъ своего духа, засвидѣтельствовалъ, что «истинный посолъ, нелживый истолкователь Божій можетъ быть одинъ изъ тысячи, который бы указалъ человѣку долгъ его» (33, 23).

Сдѣлаемъ же общіе выводы изъ сихъ наблюденій надъ внутреннимъ состояніемъ тогдашняго человѣка и подтвердимъ ихъ фактами изъ современности Моисея, описанной имъ самимъ.

Опасность для тогдашняго человѣка смѣшать, при внутреннихъ озареніяхъ, свѣтъ Божій съ собственными движеніями и взглядами,—опасность, отъ которой не избавляло уже и чистое намѣреніе или высокая духовная ревность, какъ оказалось въ Еліусѣ, необходимо требовала великой перемѣны въ домостроительствѣ человѣческаго спасенія. Истинное и чистое просвѣщеніе человѣческаго духа Божественнымъ Духомъ должно быть уже только особеннымъ чрезвычайнымъ призваніемъ тѣснаго круга избранныхъ, а для общаго состава тогдашней Церкви (не исключая и вѣрныхъ ея чадъ) должно составлять только предметъ чаянія и желанія. Особенно яснымъ и поразительнымъ доказательствомъ на это можетъ служить тотъ случай, когда для Моисея оказались нужными помощники въ его служеніи (Числ. 11, 16). По слову Божію, Моисей собралъ семьдесятъ мужей изъ старѣйшинъ народа и поставилъ ихъ около скиніи. «Тогда,—такъ повѣствуетъ книга Чиселъ,—сошелъ Господь въ облакѣ и говорилъ съ нимъ (Моисеемъ), и взялъ отъ Духа, который на немъ, и далъ семидесяти мужамъ старѣйшинамъ; и, когда почилъ на нихъ Духъ, они стали пророчествовать». Стали также пророчествовать двое изъ избранныхъ же мужей, случайно не бывшихъ при скиніи. Но это вдохновеніе послѣднихъ, открывшееся у нихъ не при святилищѣ, а просто въ станѣ народномъ, сейчасъ же показалось ближайшему къ Моисею человѣку и притомъ будущему его преемнику (Іисусу Навину) притязаніемъ на совмѣстничество съ Моисеемъ и, слѣдовательно, увлеченіемъ собственною ихъ мечтательностію, требующимъ строгости запрещенія. *Господи мой Моисею, запрети имъ*, такъ говорилъ Навинъ. И хотя Моисей подтвердилъ истинность Боговдохновенія Элдада и Модада, непринятствующую собственно его достоинству и служенію и даже изъявилъ горячее желаніе и нѣкоторую надежду такого же дара и всей Церкви или всему Израилю *(еда ревнуеши ты мнѣ*, отвѣчалъ онъ Іисусу Навину, *и кто дастъ всѣмъ людемъ Господнимъ быти пророки, егда Господь дастъ Духа своего на нихъ)*; однако, Божественное вдохновеніе и въ получившихъ этотъ даръ семидесяти избранныхъ мужахъ прекратилось: *пророчествоваша и ктому не приложиша*, «стали пророчествовать, и потомъ перестали» (Числ. 11, 24—29). Что же касается всецѣлаго свѣта спасительной истины, какой только тогда могъ

быть доступенъ и нуженъ былъ для вѣры,—такое просвѣщеніе Духомъ Божіимъ могло принадлежать, дѣйствительно, развѣ одному избраннѣйшему изъ самыхъ избранныхъ, пользующемуся полною свободою и открытостію Боговидѣнія. Сіе съ поразительностію открылось въ томъ обстоятельствѣ, когда даже Ааронъ и Маріамъ пророчица Богопросвѣщеніе своего духа смѣшали съ своими мятежными внутренними движеніями: ибо они, въ качествѣ Богопросвѣщаемыхъ людей, стали уничижать самого Моисея: «неужели только *чрезъ Моисея* говоритъ Господь? Неужели Онъ не говоритъ *и чрезъ насъ!*» И Господь о Моисеѣ самъ подтвердилъ, что только ему одному доступно полное озареніе духа благопотребнымъ тогда духовнымъ свѣтомъ: *послушайте словесъ Моихъ: аще будетъ въ васъ пророкъ Господень, въ видѣніи ему познаюся и во снѣ возглаголю ему. Не тако, якоже рабъ Мой Моисей во всемъ дому Моемъ вѣренъ есть. Усты ко устомъ возглаголю ему,* «и даю ему видѣть не въ загадкахъ, но онъ видитъ Образъ Господень» (12, 1—8). И такимъ образомъ, общему составу Церкви спасительная истина должна быть не только преподаваема вообще чрезъ внѣшнее ученіе, но и довѣряема или внушаема вѣрѣ, для храненія и преемственной на будущее время передачи, уже не иначе, какъ во внѣшней строго-положительной формѣ, сколько возможно независимой отъ произвольныхъ дѣйствій самого человѣка; такою положительною формою и для того времени уже служили именно письмена. Въ доказательство потребности въ письменномъ изложеніи Божественной истины довольно сказать того, что послѣ того, какъ самъ Господь Богъ въ слухъ всего народа изглаголалъ десятословіе, во главѣ котораго стоитъ заповѣдь: *Азъ есмь Господь Богъ твой, изведый тя изъ земли египетскія* (Исх. 20, 2),—послѣ того, какъ чрезъ это духъ народа подвигнутъ былъ искреннимъ и чистымъ благоговѣніемъ, одобреннымъ отъ самого Господа,—Израильтяне эту самую Божественную истину, уже духовно-дѣйственную въ нихъ, смѣшали съ своими мечтами и призраками. «Израиль! вотъ Богъ твой, который вывелъ тебя изъ земли египетской», это слово первой заповѣди говорили они вскорѣ уже о самодѣльномъ божествѣ. Самъ Ааронъ увлекся общимъ обольщеніемъ до того, что провозгласилъ: «завтра праздникъ Іеговѣ»; здѣсь употреблено имя Бога, глаголавшаго съ Синая и самому Аарону недавно влагавшаго во уста свое Божественное слово предъ Фараономъ; но праздникъ разумѣлся—освященіе тельца, предъ которымъ Ааронъ и поставилъ жертвен-

никъ (Исх. 32, 1—8). Какъ довѣрить Божественную истину простой вѣрѣ такихъ людей, всегда готовыхъ извратить самую первую заповѣдь и высочайшую истину своими чувственно-мечтательными воззрѣніями? Посему-то самъ Господь даже двукратно начертывалъ десятословіе письменами на скрижаляхъ. Не говоримъ уже о нуждѣ заключить въ письмена столь разнообразныя частности Божественной истины, составляющія законъ.

Но при такомъ оскудѣніи духовной пріемлемости къ внутреннему Богопросвѣщенію, съ другой стороны, мы должны твердо помнить изъ сдѣланныхъ выше наблюденій надъ внутреннимъ состояніемъ тогдашняго человѣка то, какъ еще живо, хотя и съ опасностію обольщеній, ощущалъ въ себѣ человѣкъ дыханіе Вседержителя. Прямо и необходимо отсюда слѣдуетъ такое заключеніе чрезвычайной важности: нужно только на такихъ людей дѣйствовать истиннымъ Богооткровеніемъ и отъ обольщенія ограждать ихъ незатмимымъ Богопросвѣщеніемъ одного, по крайней мѣрѣ, ихъ представителя и вождя, и духовная благодатная сила Божественной истины удобно и внятно можетъ отзываться и дѣйствовать въ ихъ душахъ. Прочно ли, глубоко ли? это—другой вопросъ. Довольно того, что внѣшнее ученіе Божественной истинѣ, наружныя Божественныя учрежденія и разнообразныя вышеестественныя явленія, по роду и значенію своему, удобно могли проникать своимъ духовнымъ свѣтоноснымъ вліяніемъ въ сердце каждаго внимательнаго, какъ естественно весьма еще чувствительное къ вѣянію «Вседержителева дыханія» и даже, при самомъ обольщеніи, мнящееся оживляться и возбуждаться симъ Божественнымъ дыханіемъ. Прямое свидѣтельство о томъ, что вообще предписанія и принадлежности Богоданнаго чрезъ Моисея завѣта не были внѣшнею мертвою буквою, напротивъ, удобно касались своимъ благодатнымъ духомъ сердецъ и безъ затрудненія могли сокровенною во всемъ законѣ благодатію Христовою двигать и проникать послушныя души, даетъ самъ Моисей предъ концемъ своей жизни и служенія: *Заповѣдь сія, юже азъ заповѣдаю тебѣ днесь, не тяжка есть, ниже далече есть отъ тебе. Не на небеси есть,* и пр. *Близъ тебе есть глаголъ зѣло, во устѣхъ твоихъ, и въ сердцы твоемъ, и въ руку твою, творити его* (Второз. 30, 11—14). Когда же самая положительная и внѣшняя буква Божественной истины сіяла вообще для всѣхъ вѣрующихъ столь животворнымъ и дѣйственнымъ въ ихъ душахъ свѣтомъ благодати: то душа, во всей глубинѣ своей открытая Бо-

жественному спасительному свѣту въ той его полнотѣ, какая только была тогда доступна, могла даже отчасти предъявить въ себѣ, хотя уже неудобовыносимо для прочихъ, славу совершеннаго спасенія, простирающуюся до просвѣтлѣнія самаго тѣла. И такое состояніе открытаго духовнаго просвѣтлѣнія, поколику еще упреждало совершеніе благодатнаго возрожденія, могло быть не иначе, какъ еще также на основаніи остатковъ природной сообщимости съ Божественнымъ въ человѣческомъ духѣ и въ естественныхъ его отношеніяхъ къ тѣлу, и, значитъ, должно быть по необходимости временное и преста̀ющее. Такое состояніе, выразительнымъ образомъ обозначающее и обнаруживающее характеръ всего церковнаго домостроительства того времени, открылось именно въ Моисеѣ: «когда сходилъ Моисей съ горы Синая... тогда... лице его издавало лучи отъ того, что Богъ говорилъ съ нимъ. Ааронъ же и всѣ сыны Израилевы, видя, что лице Моисея издавало лучи, боялись подойти къ нему, и пр., такъ что Моисей долженъ былъ положить на себя покрывало» (Исх. 34, 29—30). Итакъ, когда, на основаніи неослабѣвшей еще сообщимости съ Божественнымъ самой природы человѣческой, спасающая любовь Божія столь могущественно и славно могла раскрыться хотя въ одномъ величайшемъ избранникѣ, а для прочихъ по крайней мѣрѣ была внятна, ощутительна и удобоприступна: то понятно, что не было еще потребности явиться самому единому истинному и вѣчному Посреднику между Богомъ и человѣками, или спасительной истинѣ и благодати раскрыться во всей полнотѣ и существенности своей. Напротивъ, для спасенія человѣка достаточно было спасающей во Христѣ любви Божіей продолжать домостроительство спасенія еще на основаніи эдемскихъ остатковъ духовнаго свѣта и жизни,—домостроительства, очевидно, временнаго, которое уже и тогда, при всей своей дѣйственности и свѣтлости, начало уже закрываться покрываломъ съ своей высшей и свѣтозарной стороны...

Все это замѣтимъ и пополнимъ. Между тѣмъ съ сей, такъ сказать, вершины человѣческой природы, гдѣ духъ человѣка сообщается съ Богомъ, низойдемъ вниманіемъ къ тѣмъ духовнымъ силамъ человѣка, которыми онъ дѣйствуетъ въ мірѣ, въ которыхъ особенно усматривается степень или возрастъ естественнаго развитія человѣческаго духа. Посмотримъ на образъ мыслительности тогдашняго человѣка, на его умственныя и нравственныя воззрѣнія, на характеръ внутреннихъ его движеній и внѣшней дѣя-

тельности.—Образъ мыслительности его, равно воззрѣнія умственныя, всего яснѣе можно усмотрѣть опять изъ книги Іова—изъ содержащагося здѣсь продолжительнаго собесѣдованія между Іовомъ и его друзьями. Кто хотя однажды читалъ сію книгу, тотъ знаетъ, что у собесѣдниковъ способъ изслѣдованія и доказыванія состоитъ собственно не въ умозаключеніяхъ разсудка, или не въ нити отвлеченныхъ мыслей, логически развиваемыхъ. Такихъ мыслей здѣсь немного, и онѣ просты. Со стороны друзей Іова:—«страданіе и бѣды—участь грѣшныхъ; праведникъ долженъ быть благополученъ: того требуетъ правда Божія; такъ бывало и бываетъ». Со стороны Іова:—«хотя бы такъ надлежало быть, но бываетъ и противное; не дамъ оспорить чистоты моей совѣсти, хотя и стражду безпримѣрно, не зная за что». Но и не простая наглядность или впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ служатъ основою мысли въ бесѣдахъ: если бы въ нихъ, главнымъ образомъ, внѣшнія впечатлѣнія внушали или доказывали истину, то для изслѣдованія или поученія достаточно было бы просто указать на извѣстные внѣшніе предметы; а здѣсь—сильныя, неудержимыя и обильныя рѣчи. Въ чемъ же состоитъ главный пріемъ и пружина мысли въ сихъ бесѣдахъ? Преимущественно въ пораженіи духа *чрезвычайными* впечатлѣніями, *образами и картинами величественными и разнообразными:* отсюда—и это обиліе, и эта стремительность рѣчи; отсюда, при столь многократномъ повтореніи мыслей, если брать ихъ въ голой отвлеченности, никакъ однакожъ не повторяются здѣсь доказательства или возраженія, въ существѣ дѣла для того времени. Самъ Господь Богъ (какъ это и вообще обычно Его премудрости и благости) снисходитъ къ образу разумѣнія Своихъ земныхъ чадъ, вразумляя Іова симъ же способомъ, т. е. въ Своемъ явленіи (въ бурѣ и вихрѣ) и величественномъ словѣ дѣйствуетъ главнымъ образомъ на его воображеніе и внутреннія чувства поразительностію и разновидностію образовъ и картинъ. Прощальныя рѣчи Моисея, во Второзаконіи, отличаются тѣмъ же самымъ характеромъ. Итакъ простота мысли, вынесенная изъ Едема, гдѣ мысль человѣческая питалась и раскрывалась преимущественно внѣшними простыми впечатлѣніями, уже не мало измѣнилась. Теперь требовалось просвѣщать и назидать вѣру сильно-дѣйствующими на воображеніе и движущими внутреннее чувство представленіями, возбуждались ли они чрезвычайными и величественными явленіями, или поразительными и разнообразными искусственными учрежденіями,

или словомъ сильнымъ, сопровождаемымъ поразительными обстоятельствами и обилующимъ такими же образами.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самыхъ воззрѣній или основныхъ понятій умственныхъ и нравственныхъ, въ Моисеевъ вѣкъ.—Отъ не вовсе еще утратившейся удобоприступности человѣка къ самому Боговидѣнію и особенно отъ внутренней его чуткости къ Божественному, о чемъ прежде была у насъ рѣчь, и отъ познаванія истины чрезъ поразительныя впечатлѣнія и образы, о чемъ сейчасъ мы говорили,—естественно происходило то, что человѣкъ даже высшія духовныя тайны и истины созерцалъ и понималъ болѣе или менѣе чувственно (т. е. чувственно по формѣ, а не по сущности, которая для истинной вѣры оставалась всегда духовная и благодатно дѣйственная); равно и наоборотъ, видимое и чувственное, особенно чрезвычайное и поразительное, человѣкъ ощущалъ въ значеніи и силѣ духовнаго, и въ самыхъ явленіяхъ природы съ восторгомъ видѣлъ или слышалъ Бога. Въ примѣръ этого послѣдняго воззрѣнія къ Божественному и духовному въ видимомъ и чувственномъ довольно указать на то, какъ Еліусъ встрѣчаетъ начинающуюся грозу въ видимой природѣ:

«И отъ сего содрогается сердце мое
И чуть не выпрыгнетъ изъ своего мѣста.
Слышите ли гулъ гласа Его (Бога)
И громъ, исходящій изъ устъ Его?
По всему небу Онъ раскатываетъ его;
И свѣтъ молніи Его на краяхъ земли....
Гремитъ Онъ величественнымъ гласомъ своимъ,
.....И дожди проливные въ Его власти.
На руку всякаго человѣка Онъ кладетъ тогда печать,
Чтобъ вразумлять всѣхъ сотворенныхъ Имъ людей» и пр.

(37, 1—8).

Величественный примѣръ чувственно-образнаго созерцанія высочайше-духовныхъ предметовъ, представляется намъ въ началѣ книги Іова, именно—въ зрѣлищѣ невидимаго міра духовъ и самого Вседержителя, зрѣлищѣ сокровенныхъ духовныхъ пружинъ Божественнаго міроправленія. Обратите вниманіе здѣсь особенно на то, что это, высшее по мысли, но чувственно-образное по изображенію, зрѣлище Бога, предъ Которымъ предстоятъ

небесные Его служители и Котораго мановенія раболѣпно слѣдитъ и выполняетъ самъ мятежный сатана, введено въ исторію не какъ внутреннее видѣніе какого-либо святаго мужа, какъ напримѣръ разсказывается, въ священныхъ дѣяніяхъ о царяхъ народа Божія, подобное видѣніе одного изъ пророковъ (Михея), но какъ самостоятельный фактъ, не отдѣляемый отъ фактовъ, относящихся къ нашему земному міру. Это первоначальное чрезвычайное явленіе изъ невидимаго міра и земныя обстоятельства праведнаго Іова стоятъ на одной общей картинѣ, въ общей послѣдовательной связи видимой дѣйствительности. Такъ близко къ чувственно-земному созерцаемо и представляемо было небесно-духовное! Укажемъ и прямо изъ современности Моисея хоть два-три ясныхъ примѣра какъ чувственно-образнаго созерцанія духовныхъ таинъ, такъ и воззрѣнія на чувственное съ ощущеніемъ въ немъ силы и значенія вышечувственнаго. Примѣръ сего послѣдняго: въ видимомъ избавленіи Израильтянъ отъ египетскаго мірскаго преобладанія, съ наказаніемъ поработителей, самъ Господь, согласно тогдашнимъ человѣческимъ представленіямъ, указывалъ совершеніе суда своего собственно надъ мнимыми богами египетскими; такъ, Онъ сказалъ относительно послѣдней изъ казней египетскихъ, побудившей Египтянъ даже гнать Израильтянъ отъ себя: «надъ всѣми богами египетскими произведу судъ. Я Іегова» (Исх. 12, 12). Равно и сторонній зритель или только слышатель сихъ событій тоже призналъ и исповѣдовалъ: «благословенъ Іегова, избавившій васъ изъ рукъ Египтянъ,—говорилъ Іоѳоръ, тесть Моисеевъ,—нынѣ узналъ я, что Іегова великъ паче всѣхъ боговъ въ томъ самомъ, чѣмъ они превозносились» (Исх. 18, 10—11).

Примѣръ чувственнаго и образнаго представленія духовныхъ таинъ и истинъ: смотрите, какъ Моисей ощущалъ и изображалъ самую любовь Божію, начавшую дѣло избавленія Израильтянъ— «Сыны Израилевы стенали отъ работы и вопіяли, и—вопль ихъ отъ работы взошелъ къ Богу. Богъ услышалъ стенаніе ихъ, и вспомнилъ Богъ завѣтъ свой съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ, и увидѣлъ Богъ сыновъ Израилевыхъ, и сталъ Богъ знать ихъ» (Исх. 2, 23—25). И затѣмъ, въ томъ же послѣдовательномъ ряду фактовъ, повѣствуетъ Моисей о своемъ пребываніи у Іоѳора, о видѣніи несгараемой въ пламени купины, и проч. Историческая простота повѣствованія даетъ представленному изображенію любви Божіей совсѣмъ иной характеръ, нежели какой имѣютъ у насъ подобныя образныя выраженія, составляемыя уже чрезъ подра-

жаніе сему (Исх. 2, 23—25). Примѣръ вмѣстѣ того и другаго, т. е. и чувственно-образнаго воззрѣнія на духовное, и ощущенія духовности въ чувственномъ: Моисей повелѣваетъ покрывать естественныя и видимыя нечистоты землею,—для чего же? «Поелику Іегова Богъ твой,—такъ сказано далѣе у Моисея,—ходитъ среди стана твоего, чтобы избавлять тебя и предавать враговъ твоихъ въ руки твои, а посему станъ твой долженъ быть святъ, чтобы Онъ не увидѣлъ у тебя чего срамнаго и не отступилъ отъ тебя» (Втор. 23, 13 — 14). Такъ внѣшняя естественная нечистота берется въ значеніи скверны, несовмѣстной съ благодатію присутствія Божія,—въ значеніи, слѣдовательно, духовной нечистоты. Но, съ другой стороны, благодатное Божіе присутствіе представляется, какъ чувственное хожденіе Его среди стана и озираніе даже такихъ видимыхъ предметовъ, какова просто естественная нечистота.

Сколько свойственно и сродно было человѣку разумѣть и воспринимать какъ созерцательныя, такъ и нравственныя истины вѣры и благодати—именно въ образахъ видимаго и естественнаго, столько напротивъ еще не удобопріемлема человѣкомъ и не по силамъ ему была чистая духовная истина,—какъ бы высоко онъ ни былъ развитъ естественно или совершенъ духовно. Лучшее и яснѣйшее свидѣтельство о томъ—опять та же книга Іова. И такіе просвѣщенные мужи, каковы эти мудрецы—собесѣдники Іова, и такой необыкновенный праведникъ, каковъ Іовъ, любовь Божію, милующую и спасающую благопокорныхъ и напротивъ отвергающую мятежныхъ, созерцали именно въ земномъ видимомъ благополучіи и злополучіи человѣка. Первые сими воззрѣніями доведены были до жестокой несправедливости винить страдальца и величайшаго праведника въ великихъ беззаконіяхъ; а самъ Іовъ тѣмъ же воззрѣніемъ поставленъ былъ въ такое ужасное противорѣчіе между сознаніемъ своей пламенѣющей любви къ Богу и чувствомъ отверженія отъ Божіей любви, что не радъ былъ своему бытію и проклялъ день своего рожденія. И только чрезвычайнымъ духовнымъ подвигомъ онъ возвысился до того, чтобы воззрѣть и воззвать прямо къ Искупителю изъ мрака своего безотраднаго положенія—противъ клеветы друзей; однако, послѣ сего великаго испытанія, благодатное спасеніе предъявлено было Іову и его современникамъ опять въ образѣ видимаго, только усугубленнаго, благодѣянія сего праведника. Для такого, еще застигнутаго Моисеемъ, времени, очевидно, необходимо было созерцательныя и нравствен-

ныя истины благодатнаго спасенія выражать еще чертами, взятыми съ видимаго и чувственнаго. Таковы и есть постановленія закона Моисеева съ своими прещеніями и обѣщаніями. Съ особенною же силою возбужденное въ человѣкѣ воображеніе не только позволяло, но и требовало даже искусственнаго построенія видимыхъ образовъ духовнаго и благодатнаго. При удобосообщимости духа человѣческаго съ Духомъ Божіимъ, простымъ художникамъ и мастерамъ просто и удобно было при совершеніи дѣла, предначертаннаго спасающею человѣка любовію Божіею, вдохновляться ея Божественнымъ Духомъ. Такъ, не только о главномъ художникѣ, при устроеніи скиніи, самъ Господь засвидѣтельствовалъ: *се нарекохъ именемъ Веселіила... и исполнихъ его Духомъ Божіимъ, премудрости, и смышленія, и вѣдѣнія, во всякомъ дѣлѣ разумѣти,* но и вообще о всѣхъ мастерахъ, работавшихъ надъ тѣми или другими принадлежностями скиніи, сказано также отъ Господа: *и всякому смысленному сердцемъ дахъ смыслъ, и потрудятся и сотворятъ вся, елика заповѣдахъ* (Исх. 31, 1—7). Какъ радъ былъ современный Моисею человѣкъ искусственному построенію образовъ небеснаго въ скиніи, какъ, слѣдовательно, сіе соотвѣтствовало его потребностямъ, видно это изъ неудержимаго усердія Израильтянъ къ пожертвованіямъ для устройства скиніи.

Разсмотримъ теперь характеръ внутреннихъ движеній и внѣшней дѣятельности человѣка. Относительно сего, самая чрезвычайная живость его воображенія уже показываетъ, что тогдашній человѣкъ кипѣлъ страстями, ибо онѣ обыкновенно воспламеняютъ воображеніе, какъ и сами возбуждаются и оживляются его образами. И въ самомъ дѣлѣ, какъ страстенъ былъ человѣкъ, и потому какъ порывистъ и непостояненъ, упрямъ и нетерпѣливъ, своенравенъ и легкомысленъ и т. п.,—многочисленные тому примѣры и доказательства представляются въ книгахъ Моисеевыхъ. Не будемъ говорить уже о Фараонѣ, котораго упорство развивалось и принесло столь страшный плодъ рѣшительнаго ожесточенія, очевидно, на почвѣ духа, неудержимаго и необузданнаго въ своихъ страстныхъ порывахъ, или—о Валакѣ, усиливавшемся самое вдохновеніе Божественное, которому онъ вѣрилъ, покорить своему страстному желанію проклясть и погубить ненавистный ему народъ. Сами Израильтяне сколько разъ или по движенію паническаго страха предъ опасностію, закрывавшаго для нихъ все величіе видимо покрывавшей ихъ Божіей десницы, или просто по прихоти, мятежничали противъ Моисея съ ропотомъ на то, зачѣмъ онъ вывелъ

ихъ изъ Египта! Прослѣдимъ содержаніе съ 14 гл. книги Исход. по 17. Послѣ столь поразительныхъ казней надъ Египтянами, съ такою чудесною торжественностію освобожденные изъ ихъ ига, при первоначальныхъ еще движеніяхъ своего шествія изъ Египта, *воззрѣвше сынове Израилевы очима, видѣша: и се Египтяне ополчишася въ слѣдъ ихъ, и убояшася зѣло.... и рекоша къ Моисею: за еже не бяше гробъ во Египтѣ, извелъ еси насъ умертвити въ пустыни* и пр. Далѣе, столь чудесно и славно вышедшіе изъ сей опасности, воспѣвъ Господу, потребившему ихъ враговъ въ морѣ, а ихъ проведшему чрезъ море сухимъ путемъ, *Израильтяне идяху* еще только *три дни въ пустыни, и не обрѣтаху воды пити. Пріидоша же въ Мерру и не можаху пити воды отъ Мерры, горька бо бѣ.* Какъ приняли они это искушеніе? *И роптаху людіе на Моисея, глаголюще: что піемъ?* Удовлетворенные и притомъ съ избыткомъ противъ того, чего желали, получивъ при этомъ особенное подтвержденіе Божіе о спасеніи всякаго вѣрующаго и покорнаго, не болѣе какъ чрезъ мѣсяцъ отъ дня, въ который они оставили свой Гессемъ, *возропта весь сонмъ сыновъ Израилевыхъ на Моисея и Аарона: и рекоша къ нимъ сынове Израилевы: о дабы бяхомъ измерли мы уязвени отъ Господа въ земли египетстѣй, егда сидяхомъ надъ котлы мясными,* и проч. Удовлетворенные и на сей разъ крастелями и начавшимся ниспосыланіемъ для нихъ манны, Израильтяне получили объ употребленіи послѣдней сію заповѣдь: *никтоже да оставитъ на утріе отъ сего* небеснаго хлѣба, и—что-жъ? *И не послушаша Моисея, но оставиша нѣцыи отъ него на утріе и воскипѣ червьми и возсмердѣся.* Но между тѣмъ, какъ оставленная на день субботы та же самая манна *не возсмердѣся, ниже червь бысть* въ ней, и притомъ Моисей съ усиліемъ подтвердилъ народу касательно сего самаго дня, чтобъ не выходили собирать манну въ сей день: *ядите днесь, есть бо суббота покой Господу: днесь не обрящете на поли.* Что же Израильтяне? *Бысть же въ седьмый день изыдоша нѣцыи отъ людей собирати и не обрѣтоша...* Съ продолженіемъ времени искушеніе отъ недостатка воды повторилось, и народъ повторилъ и даже до крайности усилилъ свое нетерпѣніе, какъ будто доселѣ ничего особеннаго не видали и не принимали отъ Господа. *И хуляху людіе Моисея, глаголюще: даждь намъ воду, да піемъ,* и на успокоительное увѣщаніе Моисея народъ отвѣчалъ почти бѣшенствомъ: *вскую сіе? извелъ еси насъ изъ Египта уморити насъ и чада наша и скоты жаждею...* И при семъ случаѣ крайней нетерпѣливости и

необузданности народа, даже самъ Моисей видя, что *еще мало, и побіютъ его каменіемъ*:—какъ онъ это выразилъ предъ Богомъ,—допустилъ коснуться своего сердца тому же духу нетерпѣнія и жестоковыйнаго пререканія. Получивъ уже повелѣніе отъ Бога объ изведеніи воды изъ камени и съ чудодѣйственнымъ жезломъ въ рукѣ, *созва Моисей и Ааронъ сонмъ предъ камень, и рече къ нимъ... еда изъ камени сего изведемъ вамъ воду? И воздвигъ Моисей руку свою, удари въ камень жезломъ дважды*, и тогда же послѣдовало сіе слово Господне къ Моисею и Аарону: *понеже не вѣроваша освятити мя предъ сынами Израильтескими, сего ради не введете вы сонма сего въ землю, юже дахъ имъ* (Числ. 20). Не упустимъ изъ виду, что человѣку, чувственному и въ самыхъ духовныхъ воззрѣніяхъ, свойственно посему было и увлекаться страстями, особенно плотскими. Такъ, нѣкогда и самая небесная манна до того прискучила прихотливому народу, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ *бяша людіе ропщуще злая предъ Господемъ* и за то наказаны были огнемъ отъ Господа, потребившимъ *часть нѣкую отъ полка*,—въ слѣдъ за тѣмъ *сѣдше плакахуся сынове Израилевы, и рекоша: кто ны напитаетъ мясы? Помянухомъ рыбы, яже ядохомъ въ земли египетской тунь, и огурцы, и дыни, лукъ, и червленый* (рѣпчатый) *лукъ, и чеснокъ. Нынѣ же душа наша изсохла, ничтоже, точію манна предъ очима нашима* (Числ. 11 гл.) Былъ еще случай, что, когда уже возгорѣлся гнѣвъ Божій на Израильтянъ за прелюбодѣйныя связи съ мадіанитянками, «вотъ нѣкто изъ сыновъ Израильтянъ,—какъ сказано въ книгѣ Числъ,—пришелъ и привелъ къ братьямъ своимъ мадіанитянку, въ глазахъ Моисея и въ глазахъ всего общества сыновъ Израилевыхъ, когда они плакали у дверей скиніи собранія» (25 гл.). Тѣмъ же характеромъ стремительныхъ порывовъ запечатлѣны и добрыя движенія современнаго Моисею человѣка. Такъ, при послѣднемъ изъ указанныхъ выше случаевъ, безстыдной страсти Еврея противостала пламенная ревность по Богѣ Финееса, который, въ глазахъ также Моисея и всего общества, пошелъ съ мечемъ вслѣдъ за прелюбодѣемъ и пронзилъ точно, можно сказать, самое дѣйствіе преступленія. Такъ, усердіе всего народа жертвовать для скиніи драгоцѣнностями могло быть остановлено только прямымъ запрещеніемъ сихъ приношеній (Исх. 36, 5. 6).

Что же было дѣлать спасающей Божіей любви съ симъ страстнымъ человѣкомъ, не только увлекающимся къ крайностямъ и открытымъ порокамъ своими страстями, но не знающимъ должной

мѣры и въ добрыхъ своихъ движеніяхъ? Очевидно, что нужно было слѣдить его на всѣхъ путяхъ его жизни и подчинить строгимъ приставникамъ заповѣдей—даже касательно и такихъ предметовъ, каковы— ястіе и питіе. Нужно обуздать его строгостію закона, чтобы онъ не погибъ въ своей безпорядочности и излишествахъ; а въ случаяхъ такого рода, гдѣ не совсѣмъ исключался или извращался духъ спасительнаго добра и истины *), полезно было и снисхожденіе къ жестоковыйности, чтобъ безпощадною строгостію правды совсѣмъ не ожесточить такого человѣка. Таковъ вообще былъ Богоданный чрезъ Моисея законъ; ибо все вышесказанное мы и выслѣдили въ самомъ этомъ законѣ.

Доселѣ мы разсматривали общее состояніе человѣческой природы, отчужденной отъ Бога грѣхомъ, но довольно еще небѣдной остатками прежней пріемлемости и удобосообщимости къ Божественному. Теперь остается намъ указать и объяснить господствующія въ то время проявленія грѣха и заблужденій въ жизни человѣка. И это уже легко намъ раскрыть изъ вышеговореннаго.

Вспомнимъ изъ сказаннаго, что человѣкъ, съ одной стороны, имѣлъ въ своей духовной природѣ столь живую пріемлемость и удобосообщимость съ Божественнымъ, что удобно могъ ощущать и въ обиліи воспринимать въ себя истинныя благодатныя вліянія Духа Вседержителя, и вообще имѣлъ преобладающее духовное направленіе и влеченіе къ Божественному; а съ другой стороны, былъ въ опасности, даже и при добромъ намѣреніи, принять за дыханіе Вседержителево собственное, и притомъ ошибочное, устремленіе къ истинѣ Божественной, собственныя мечтанія о Божественномъ. Вспомнимъ также, что, съ такою же опасностію обольщенія, всюду и въ видимомъ мірѣ, какъ созданномъ словомъ Господнимъ и совершенномъ Духомъ устъ Его, человѣкъ видѣлъ или слышалъ духовное и вышечувственное; и наоборотъ, духовныя и вышеестественныя тайны обыкновенно разумѣвалъ и созерцалъ въ образахъ чувственнаго и естественнаго. Не упустимъ при семъ изъ вниманія и того, что кипѣли въ немъ страсти, едва сдерживаемыя въ границахъ долга въ самыхъ избранныхъ и притомъ

*) Такой напр. случай указанъ въ Евангеліи: мужъ не любитъ своей жены, при жестоковыйной страстности тогдашняго человѣка, нелюбимая жена неминуемо дѣлалась бы жертвою жестокой ненависти мужа; потому съ духомъ правды согласно было снисходительно дозволить нелюбимой женѣ отойдти отъ мужа, при разводномъ отъ него письмѣ или свидѣтельствѣ (Матѳ. 19, 7. 8).

при самыхъ даже похвальныхъ движеніяхъ,—страсти, особенно наклонныя къ плотскому и обыкновенно сопровождаемыя образами фантазіи, управляющія и неразумно играющія всею жизнію, безъ исключенія, впрочемъ, господствующаго тогда духовнаго направленія къ Божественному. Возьмемъ во вниманіе, при всемъ сказанномъ, и самую живость и, такъ называемую, творческую производительность воображенія, въ то время подчиненныя также господствующему въ духовной природѣ направленію къ Божественному. Не забудемъ и того всеобщаго свойства человѣческой жизни, что человѣкъ удобнѣе и охотнѣе служитъ грѣху даже и въ христіанствѣ, и что врагъ истины и добра, введшій въ нашъ міръ грѣхъ и заблужденіе, конечно, не дремалъ съ своими невидимыми человѣкоубійственными кознями; а побѣдоносная надъ нимъ Благодать предъявлялась еще только въ такой мѣрѣ, сколько ей было мѣста въ остаткахъ первозданной благодатной жизни, которые, притомъ, и въ самой свѣтлой своей сторонѣ могли давать пищу грѣху и опору обольщенію для природно-грѣшнаго человѣка. И такимъ образомъ, изъ всего этого становится для насъ вполнѣ понятнымъ, почему господствующимъ духовнымъ зломъ въ мірѣ того времени было именно то охватившее почти весь міръ заблужденіе, что—самообольщаемый столько же, сколько обольщаемый духомъ лжи, человѣкъ игру собственныхъ страстей и воображенія принималъ за Божественныя и небесныя вдохновенія, и потому свои мечты и басни (мнѣы) выдавалъ за откровенія,— что человѣкъ, при тогдашнихъ воззрѣніяхъ на природу, съ усвоеніемъ ей духовнаго религіозно-высшаго значенія, и въ то же время при дѣятельномъ служеніи своемъ грѣховнымъ страстямъ и, слѣдовательно, при духовномъ удаленіи отъ истиннаго Бога, самыя обольстительныя для его страстей или воображенія образы и явленія природы принималъ за божества—что, при сильной производительности своего воображенія, даже самъ для себя искусственно устроялъ мнимыя божества по предначертанію своихъ мечтаній и измышляемыхъ имъ басней. Такъ и дѣйствительно, не было въ природѣ предмета, котораго бы не только въ естественномъ его видѣ, но и въ искусственномъ не обоготворялъ современный Моисею человѣкъ. Это видно изъ слѣдующаго Моисеева изчисленія существовавшихъ тогда видовъ обоготворенія твари, въ предсмертныхъ бесѣдахъ Боговидца съ народомъ: «дабы вы не развратились и не сдѣлали себѣ кумировъ, изображеній какого-либо вида, представляющихъ мужчину или женщину, представляющихъ ка-

кого-либо скота, который на землѣ, представляющихъ какую-либо птицу крылатую, которая летаетъ подъ небесами, представляющихъ какого-либо гада, ползающаго по землѣ, представляющихъ какую-либо рыбу, которая въ водѣ, ниже земли.» И особенно обольстительными, въ семъ отношеніи представляетъ Боговиденъ величественныя явленія природы «и дабы ты,—продолжаетъ онъ свою рѣчь къ Израилю,—взглянувъ на небо и увидѣвъ солнце и луну и звѣзды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился имъ, и не служилъ имъ, которыхъ Іегова Богъ твой раздѣлилъ всѣмъ народамъ подъ всѣмъ небомъ» (Втор. 4, 16—20). Какъ неудержимо поползновенъ былъ къ сему заблужденію тогдашній человѣкъ, видно съ особенною поразительностію изъ того, что при столь славныхъ и непрестанныхъ явленіяхъ силы и славы истиннаго Бога, послѣ слышанія самаго гласа Божія, при самомъ Синаѣ Израильтяне (при увлеченіи общимъ обольщеніемъ и самого первосвященника Аарона), слили золотаго тельца и составили въ честь его, хотя подъ именемъ Іеговы, праздникъ своей мечтательности и чувственности. Итакъ, въ духовной жизни тогдашняго человѣка, при всемъ его (господствующемъ) *религіозномъ* настроеніи, померкла самая основная духовная идея о Божествѣ; ибо внутренній свѣтъ сей идеи наибольшая часть людей смѣшивала съ собственными мечтами, а внѣшніе соотвѣтствующіе ей виды принимала за самый основной и существенный ея предметъ, за самого Бога. Такимъ образомъ, въ силу всеобщаго и кореннаго закона въ Божественномъ водительствѣ человѣка ко спасенію *), потребно было, сколь ни чувственъ былъ человѣкъ въ своихъ, даже и духовныхъ, воззрѣніяхъ, идею о самомъ Божественномъ существѣ отрѣшить совершенно отъ всякихъ образовъ. И дѣйствительно: законодательство Моисеево идею объ истинномъ Богѣ поставляетъ въ открытомъ, строго-духовномъ видѣ, какъ идею Духа единаго, невидимаго, превышаго вещественности, Творца природы, владычествующаго надъ природою; тогда-какъ прочія стороны спасительной истины, при удержаніи духовнаго значенія главной ея стороны—идеи о Божествѣ, могли быть еще безопасно предъявляемы и въ законѣ преимущественно выражены въ образахъ, взятыхъ изъ области видимаго и естественнаго.

*) Этотъ законъ состоитъ въ томъ, чтобы спасительную истину, закрываемую и обезсиливаемую грѣхомъ въ ея образныхъ проявленіяхъ, открывать уже въ существенномъ ея видѣ. См. объ этомъ въ предъидущей статьѣ.

О человѣческой грѣховности того времени скажемъ въ заключеніе вообще: когда грѣхъ извращалъ въ наибольшей части человѣчества господствующую сторону духовной жизни — религію, то, понятно, какой просторъ для себя имѣла его тираннія въ жизни человѣческой. Законъ Моисеевъ самые низкіе и отвратительные виды грѣховности указываетъ, какъ самые обычные языческимъ народамъ и совершающіеся въ самомъ Израилѣ: ибо законъ содержитъ и опредѣляетъ суды надъ сими видами беззаконій. Итакъ, правдѣ Божіей потребно было вооружиться всею грозою своего нетерпѣнія человѣческихъ неправдъ, чтобъ человѣкъ до безнадежности не предался растлѣнію и такимъ образомъ не погибъ прежде удобности и нужды совершеннаго открытія Благодати спасенія, пріемлемой сыновне-послушною вѣрою. Такъ изъясняется апостольское слово о законодательствѣ Моисеевомъ: *Что убо законъ? преступленій ради приложися... Подъ закономъ стрегоми бѣхомъ* (Гал. 3, 19. 23).

Само собою разумѣется, что не все человѣчество въ одинаковой степени увлекалось обольщеніемъ боготворить природу или созданіе собственныхъ рукъ, и не все въ равной степени растлѣвалось грѣхомъ. При всей поползновенности къ тѣмъ паденіямъ, которыя свойственны были духу того времени, Израиль представляетъ, сравнительно съ прочими народами, особенно отрадное явленіе въ нравственномъ отношеніи. Можно примѣтить, что Израильтяне того времени тяжкія свои паденія по большей части заглаждали хотя нѣкоторымъ исправленіемъ, и при всякомъ обольщеніи были у нихъ не увлекшіеся онымъ. Посмотримъ, какъ они приняли Моисея, удостовѣрясь въ его Божественномъ посланничествѣ: *и вѣроваша людіе и возрадовашася: яко посѣти Богъ сыны Израилевы, и яко призрѣ на ихъ скорбьніе: и преклонішеся людіе, поклонишася.* Извѣстно, какою торжественною пѣснію, и доселѣ не исходящею изъ устъ Церкви въ хвалебныхъ славословіяхъ, прославили они Бога Спасителя, по переходѣ чрезъ Черное море. Тяжко согрѣшили они при Синаѣ, такъ тяжко, что Господь готовъ былъ истребить весь народъ: но у нихъ на сію страшную минуту нашелся представитель всего народа—Моисей, который и сталъ, по выраженію одного псалма, «въ проломѣ стѣны» и своимъ ходатайствомъ премѣнилъ гнѣвъ Божій на благодатную милость. И притомъ, послѣ сего самаго грѣха и суда надъ нимъ Божія, Израильтяне доказали свое покаянное чувство тѣмъ чрезмѣрнымъ усердіемъ къ пожертвованіямъ для сооруженія

скиніи, о которомъ уже мы имѣли случай говорить. Когда соглядатаи земли обѣтованной своими разсказами о силѣ Хананеевъ смутили Израильтянъ до того, что они не только прямо отвергнули повелѣніе Божіе идти завоевать сію землю, но и самого Моисея готовы были побить камнями и избрать себѣ вождей для возвращенія въ Египетъ: тогда между самыми соглядатаями нашлись не увлекшіеся общимъ мятежничествомъ и малодушнымъ духомъ, именно Халевъ и Іисусъ Навинъ. И когда Моисей возвѣстилъ народу объ опредѣленіи Божіемъ, чтобы всѣ невѣрующіе умерли въ пустынѣ, не видавъ земли: то *восплакашася людіе зѣло* (Сюда относятся всѣ случаи подобнаго рода: Исход. 19, 3; 20 и сл. 24, 3; 33, 4—6; 35 вся глава; 36; 5). Вообще самъ Моисей при концѣ своего служенія, обличая народъ въ жестоковыйности, по которой Израильтяне и доселѣ *не обрѣзанны сердцемъ*, въ тѣхъ же бесѣдахъ засвидѣтельствовалъ (Втор. 30, 11—14), что заповѣдь закона была въ устахъ и сердцахъ ихъ... Такъ Израильтяне если и не заслуживали по дѣламъ, по крайней мѣрѣ не отвергали общимъ невѣріемъ благодатнаго спасенія или прощенія грѣховъ по милости.

Что же прочіе народы? Египтяне, которыхъ можно назвать первыми извѣстными представителями всего языческаго міра по совершенно-развитой ихъ народности, по нечестію оказали рѣшительное противленіе явной для нихъ по всемогуществу десницѣ Божіей, и по безчеловѣчію не согласившись на столь умѣренное и справедливое прошеніе отпустить (не покоренныхъ притомъ ими) сыновъ Израилевыхъ совершить въ пустынѣ жертвоприношеніе всевластному надъ самимъ Египтомъ Богу. Прочіе *языки*, къ которымъ соприкасались Израильтяне,—не смотря на то, что слава Бога Израилева въ казняхъ надъ Фараономъ и его погибели отозвалась во всемъ извѣстномъ тогда мірѣ, какъ свидѣтельствовали сами иноплеменники—царь Валакъ, а послѣ Раавъ блудница (Числ. 22, 5. Навин. 2, 10), — оказывали только враждебность сему народу и, слѣдовательно, Самому, видимо для сихъ языковъ покрывающему ихъ Богу. Особенно растлѣны были жившіе въ обѣтованной Израилю землѣ потомки Ханаана, которые, по словамъ Моисея, могли только и научить Израиля дѣлать такія же мерзости, какія они сами дѣлали для боговъ своихъ (Втор. 20, 18). Конечно, лучшій человѣкъ изъ языковъ того времени былъ провидецъ Валаамъ; но и онъ столько занятъ былъ льстивыми предложеніями царя моавитскаго Валака и такъ страстно желалъ уго-

дить ему, что не только въ угоду ему переходилъ съ мѣста на мѣсто, для удобности проклять Израиля, но, еще прежде будучи останавливаемъ человѣческимъ гласомъ ослицы, занятый своею страстію, даже не обращалъ вниманія на вышеестественность сего явленія и запросто безъ ужаса разговаривалъ съ ослицею, «обличавшею безуміе пророка», и только предъ явленіемъ ангела палъ на землю. Миѳы языческіе, извѣстные у всѣхъ историческихъ народовъ того времени, показываютъ, что прочіе языки приняли рѣшительное направленіе ходить своимъ самовольнымъ путемъ, передаваемымъ уже отъ предковъ въ свои роды. Безпорядки, открывавшіеся и среди Израиля, возбуждались или начинались иногда прямо иноплеменниками, какіе вышли изъ Египта вмѣстѣ съ Израилемъ. Такъ (Числ. 11, 4), «скопище иноплеменниковъ, которые были въ нихъ, стало обнаруживать прихоти: отъ чего и сыны Израилевы заплакали и говорили: кто накормитъ насъ мясомъ?» Языческіе народы старались открыто развратить Израильтянъ, чтобы возбудить противъ нихъ гнѣвъ покровительствующаго имъ всевластнаго Бога. Такъ, Моавитяне жертвовали честью своихъ женъ и дочерей, чтобы только ихъ красотою обольстить Евреевъ.—Что же было свойственно дѣлать относительно язычниковъ спасающей міръ Божіей любви? Область свою, доселѣ открытую и для языковъ и въ нихъ находившую также избранныхъ, какъ напр. былъ Іовъ и еще прежде Мельхиседекъ, заградить для языковъ, ограничить ее уже однимъ избраннымъ родомъ и за нимъ упрочить завѣты спасенія, теперь и прежде вѣрою полученные, а безнадежныхъ къ исправленію язычниковъ даже открыто отринуть и истребить. Время же, въ которое преобладало воображеніе и кипѣли страсти въ человѣкѣ, требовало, чтобъ сіе совершено было «рукою крѣпкою и мышцею высокою» при множествѣ, разнообразіи и величіи вышеестественныхъ знаменій и чудесъ (что потребно было и по причинамъ иного рода, которыя увидимъ далѣе).

Какимъ именно образомъ и въ какомъ порядкѣ дѣлъ и событій свойственно и благопотребно было совершить все, чего требовало внутреннее состояніе спасаемаго человѣка,—для уясненія сей стороны совершеннаго чрезъ Моисея дѣла спасающей міръ Любви и премудрости Божіей—обратимъ вниманіе на внѣшнее состояніе и внѣшнія обстоятельства спасаемаго человѣчества.

Вообще во внѣшнемъ бытѣ человѣчества, въ вѣкъ Моисея патріархальность рѣшительно смѣнялась уже жизнію народною.

Впрочемъ, самая особность каждаго извѣстнаго народа того времени обозначалась и опредѣлялась тѣмъ, отъ какого родоначальника происходилъ тотъ или другой народъ. Это видно изъ Моисеева описанія племенъ и народовъ, сдѣланнаго въ книгѣ Бытія именно по родословію ихъ патріарховъ или родоначальниковъ (10 гл.). Имена сихъ послѣднихъ становились именами и происшедшихъ отъ нихъ племенъ или цѣлыхъ народовъ, и самыхъ земель, ими занимаемыхъ.

Всеобщее движеніе разсѣявшихся и размножившихся племенъ и народовъ уже окончилось. Но въ частности то или другое племя, случалось, перемѣняло свое мѣсто и для сего изгоняло или истребляло на избранной имя землѣ прежнихъ ея жителей; такъ же поступали съ прежними обитателями той или другой страны вновь возникавшіе или размножившіеся въ сихъ странахъ народы. Примѣръ перваго рода представляютъ упоминаемые во Второзак. (2 гл. 23 ст.)—Кафторяне, которые, пришедши изъ Кафтора и истребивъ Аввеевъ, жившихъ около Газы, поселились на ихъ мѣстѣ. Примѣромъ втораго рода служатъ Идумеи, размножившіеся на горѣ Сеиръ и изгнавшіе или истребившіе здѣсь прежнихъ ея жителей—Хорреевъ (тамъ же, ст. 12),—также Моавитяне, наслѣдовавшіе землю послѣ народа Емимовъ (10 ст.),—и Аммонитяне, занявшіе землю изгнанныхъ ими Рефаимовъ (ст. 20—21).

Всѣ такія перемѣны и судьбы общественной жизни народовъ общими того времени понятіями о народномъ правѣ возводимы были къ распоряженіямъ Божественнымъ, какъ бы ни понимали самое Божество: это извѣстно о всѣхъ народахъ древности. Иначе и быть не могло по господствующему и живому, хотя большею частію извращаемому, направленію духа и мысли тогдашняго человѣка къ Божественному. Само собою разумѣется, что всѣми народными перемѣнами располагала міроправительная десница Всевышняго. Такъ, самъ Господь относительно земель, занятыхъ Аммонитянами и Моавитянами, сказалъ: *сынамъ Лотовымъ дахъ наслѣдити... сынамъ Лотовымъ дахъ въ жребій* (Втор. 2, 9. 19).

Таковы существенныя черты и основанія внѣшняго быта тогдашняго человѣчества вообще!

Чтобы, среди такой народной жизни языковъ, Израиль былъ отдѣльною и огражденною отъ нихъ областію спасающей человѣка Божіей любви,—для этого, очевидно, надобно дать и ему свойственную его назначенію народную самостоятельность. Когда земли, занятыя уже извѣстными племенами, могли поступать, по

распоряженію свыше и по общимъ тогда понятіямъ самихъ народовъ, въ *законное* наслѣдіе другихъ племенъ, имѣвшихъ возможность изгнать первыхъ: то тѣмъ болѣе законнымъ наслѣдіемъ Богоизбраннаго народа свойственно быть Богоизбранной землѣ, хотя бы она была занята уже другими народами. И при такомъ устроеніи народнаго быта избраннаго рода только бы явно для всѣхъ дѣйствовала рука Вседержителя, въ которомъ Единомъ заключается верховная и вѣчная Правда народовъ: это по самымъ понятіямъ того времени о народномъ правѣ, также какъ и по существу или по внутренней правотѣ дѣла, должно было составлять непреложное и неперекаемое право для избраннаго народа—торжественно искать, защищать и утверждать свою народную самостоятельность; а напротивъ, всякія посягательства другихъ народовъ на самостоятельность сего избраннаго народа и вообще враждебныя противъ него дѣйствія должны были получать значеніе вопіющихъ нарушеній народнаго права—въ самыхъ его основаніяхъ и, слѣд., подлежать строжайшему наказанію народными казнями.—Такъ, съ общимъ ходомъ внѣшней жизни тогдашняго человѣчества вполнѣ сообразно было, чтобъ избранный изъ всѣхъ народовъ и племенъ народъ поставленъ былъ въ упроченное народное состояніе, въ наслѣдственной землѣ, и чтобы это сдѣлано было открытою предъ всѣми рукою крѣпкою и мышцею высокою Вседержителя. Такъ просто устраняются дерзкія возраженія, будто Израиль, по народной правдѣ, не имѣлъ права на гражданскую самостоятельность и на занятіе земли обѣтованной. И вмѣстѣ тѣмъ же объясняется общій образъ чрезвычайнаго водительства Божія, чрезъ которое область спасенія благодатнаго ограничена однимъ Израилемъ и заграждена для языковъ.

Обратимъ вниманіе въ особенности на внѣшній бытъ и обстоятельства самого избраннаго рода. Во-первыхъ, онъ теперь, въ вѣкъ Моисеевъ, уже является размноженнымъ въ народѣ и, слѣдовательно, необходимо уже требующимъ народнаго устройства вмѣсто прежняго патріархальнаго. И основаніе къ народной самостоятельности, соотвѣтственной назначенію избраннаго рода, и начатки народной его жизни были положены еще въ жизни и небесномъ водительствѣ избранныхъ патріарховъ: подобно какъ основаніемъ для народности и прочихъ языковъ были ихъ родоначальники и движенія послѣднихъ при разсѣяніи племенъ. Еще въ то время, когда область спасающей любви Божіей была открыта для всѣхъ племенъ и народовъ, и когда, между тѣмъ, уже

началось общее направленіе ихъ «ходить своими путями»,—еще тогда спасающая Божественная любовь избрала изъ всѣхъ родовъ и племенъ собственно Авраама, Исаака и Іакова и усвоила исключительно имъ въ родовое наслѣдіе свои завѣты и обѣтованія о Христѣ, начавшіеся еще при выходѣ прародителей изъ Едема. Тогда же была назначена въ народное наслѣдіе для ихъ потомства земля обѣтованная, которой обитатели, потомки проклятаго въ роды Ханаана, тогда еще не исполнили мѣры долготерпѣнія Божія грѣхами своими (: *не бо исполнишася грѣси Аммореовъ до нынѣ*,—такъ сказано было Аврааму: Быт. 15 гл.). По такому благодатному избранію патріарховъ, долженствующему идти въ родъ ихъ, самыя семейныя ихъ обстоятельства и отношенія имѣли значеніе Церковное: ибо обѣтованіе о Христѣ было управляющимъ началомъ въ ихъ жизни, а въ естественномъ и видимомъ тогда еще удобнѣе было, нежели въ вѣкъ Моисеевъ, прозрѣвать и ощущать духовное и Божественное. Самое происхожденіе отъ корня избранныхъ патріарховъ имѣло значеніе благодатнаго избранія, запечатлѣнное и видимымъ знаменіемъ обрѣзанія; и слѣд. размножившійся родъ ихъ, среди всѣхъ другихъ племенъ и народовъ, уже составлялъ избранное достояніе спасающей Божественной любви. Тогда же обозначились и главные народные отдѣлы сего избраннаго Божія достоянія; двѣнадцать колѣнъ обоихъ родоначальниковъ получили также въ родовое наслѣдіе особыя благословенія, средоточіемъ которыхъ было предреченіе также о Христѣ, какъ грядущемъ «Князѣ отъ Іуды»—чаяніи самыхъ язычниковъ. Итакъ, основанія и начатки самостоятельной народной жизни, свойственной благодатному избранію Израиля (такъ названнаго по имени своего патріарха), уже были готовы. Слѣдовало только (что согласно и съ показанными выше потребностями времени) *положительнымъ образомъ* воспроизвесть и упрочить, какъ основоположеніе народности и законодательства въ Израилѣ, всѣ прежніе завѣты спасающей человѣка любви Божіей, идущіе отъ прародителей и уже усвоенные исключительно Аврааму, Исааку и Іакову въ родовую собственность. Все это и содержится въ первой книгѣ даннаго чрезъ Моисея Божія закона—*книгѣ Бытія*.

Во-вторыхъ, современныя Моисею внѣшнія обстоятельства Израиля были таковы, что, съ одной стороны, сами *языки* давали случай и побужденіе оградить отъ нихъ область благодатнаго спасенія, а съ другой, Израиль могъ вступить въ свою народную жизнь не иначе, какъ пріявъ оную, въ ея самостоятельности и

устройствѣ, отъ самой спасающей во грядущемъ Христѣ любви Божіей. Израильтяне были не только внѣ обѣтованнаго имъ наслѣдства, но и въ самомъ тяжкомъ и губительномъ порабощеніи чуждому народу. Поработители усиливались довести ихъ до невозможности не только достигнуть народной самостоятельности, но и продолжать свое отдѣльно-родовое бытіе: ибо самое основаніе и корень рода—мужскій полъ Израиля присужденъ былъ къ истребленію при самомъ появленіи на свѣтъ, или какъ скоро младенецъ попадется на глаза какому-либо Египтянину. Значеніе сихъ отношеній Израиля къ языческому міру, котораго Египтяне были достойными представителями, опредѣляется тѣмъ, что Израиль, по завѣтамъ Божіимъ съ его патріархами, былъ уже особеннымъ образомъ присвоенъ отъ спасающей во Христѣ любви Божіей, и что, притомъ, современное народное право, по понятіямъ самихъ язычниковъ, перемѣны и судьбы общественной жизни возводило къ распоряженіямъ самого Божества, если не истиннаго, то мнимаго. Если бы теперь язычникамъ удалось достигнуть желаемаго истребленія Израиля: то они, въ силу современнаго народнаго права, мечтали бы, что само Божество Израиля или слабо, или не любитъ своего народа,—какъ это не разъ выражалъ Моисей въ ходатайствѣ за свой народъ предъ Богомъ; и слѣд. напротивъ мнимыя божества самихъ язычниковъ суть истинные властители надъ порядкомъ вещей въ мірѣ и надежные и вѣрные покровители. Египтяне, столь жестоко преобладая надъ Израильтянами, чрезъ это самое превозносились превосходствомъ своихъ боговъ предъ Богомъ Израилевымъ и властію ихъ надъ Израильтянами,—какъ это прямо выразилъ Іоѳоръ послѣ чуднаго избавленія Израиля: «нынѣ узналъ я, что Іегова великъ паче всѣхъ боговъ въ томъ самомъ, чѣмъ они превозносились предъ ними» (Израильтянами). Итакъ, очевидно, что вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ избраннаго народа и языковъ былъ для того времени вопросомъ о силѣ и власти, съ одной стороны, Бога Израилева, завѣты котораго о спасеніи міра перешли къ сему народу отъ патріарховъ, а съ другой—языческихъ мнимыхъ божествъ. «Надъ всѣми богами египетскими произведу судъ»—такъ сказано самимъ Богомъ о наказаніи Египтянъ (Исх. 12, 12).— Вражда народа, стоявшаго во главѣ языческаго міра, противъ Израиля—наслѣдника завѣтовъ спасающей Божественной любви, была, по своему значенію, враждою именно темной области князя міра противъ царства благодати, предъявляемаго въ Из-

раплѣ. Слѣдовало только дать мѣсто раскрыться сей враждѣ во всей богоборной ея силѣ; и—по поводу сей самой вражды, необходимо должно было совершиться и открыться раздѣленію между языческимъ міромъ и Израилемъ, какъ совершенно несовмѣстными и противоположными областями—областію богобориаго міра, гибнущаго подъ державою боготворимыхъ міродержителей тьмы, и областію спасающей человѣка Божественной любви. Такое раздѣленіе между языками и Израилемъ и продолжалось дотолѣ, пока не изветшалъ въ Церкви ветхозавѣтный порядокъ вещей. Съ другой стороны, когда Израиль былъ въ крайнемъ озлобленіи и даже въ не отвратимой человѣческими способами опасности истребленія: то очевидно, что надежда спасенія оставалась ему развѣ въ однихъ завѣтахъ любви Божіей, наслѣдованныхъ отъ патріарховъ. Въ силу завѣтовъ и подвиглась Божественная любовь, дабы извести свой народъ «изъ желѣзной печи» египетскаго порабощенія и даровать ему своеобразное народное устройство. «Вспомнилъ Богъ завѣтъ свой съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ»,—какъ обозначаетъ Моисей основаніе всего дѣла избавленія Евреевъ отъ египетскаго порабощенія (Исх. 2, 24). «Іегова Богъ отцевъ вашихъ, Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ и Богъ Іаковлевъ послалъ меня къ вамъ», съ такимъ уполномочіемъ явился къ Израильтянамъ Моисей (3, 15). И такимъ образомъ, въ самостоятельную народную жизнь Израиль, осужденный къ естественно-неизбѣжной гибели, долженъ былъ, такъ сказать, снова родиться отъ самой спасающей, въ обѣтованномъ Христѣ, любви Божіей, какъ и дѣйствительно Господь говорилъ о немъ: «Израиль есть сынъ Мой, первенецъ мой» (Исх. 4, 22). И сами Израильтяне сознавали и чувствовали это, когда воспѣли по переходѣ чрезъ Чермное море: «Ты ведешь милостію своею народъ сей, Тобою избавленный, провожаешь силою Твоею въ жилище святыни Твоея... проходитъ народъ Твой, Господи... проходитъ народъ, Тобою *пріобрѣтенный*» (Исх. 15, 13—16). При семъ у Израиля всѣ частныя чрезвычайныя обстоятельства и Божественныя установленія должны были относиться къ открытію и устроенію сей общественной жизни, воспринимаемой имъ отъ самой спасающей въ грядущемъ Христѣ Божественной любви. Все, сказанное здѣсь, такъ именно и совершилось, и изложено во второй книгѣ закона—*Исходъ*.

Въ-третьихъ, чтобы упрочить и облагоустроить народную жизнь Израиля въ разныхъ ея отношеніяхъ до подробностей, раскрывая оныя изъ начала и духа самой Божественной любви, при

совершенной противоположности сему началъ и духа языческихъ народностей, столь обольстительныхъ и соблазнительныхъ вообще для тогдашняго человѣка;—слѣдовательно, и для Израиля (какъ выше показано): для этого требовалось уединить Израиля отъ всѣхъ сторонних вліяній. И дѣйствительно, законодательство происходило въ пустынѣ, гдѣ Израиль находился подъ открытымъ охраненіемъ днемъ и ночью самой спасающей Божіей любви и удовлетворяемъ былъ въ жизненныхъ своихъ потребностяхъ чрезвычайными ея же способами и дарами. Такимъ образомъ и разные порядки и законы общественной осократической жизни Израиля были направленными къ его освященію и отдѣленію отъ прочаго міра учрежденіями и требованіями той же спасающей человѣка небесной Любви; стражи сихъ порядковъ и законовъ оказывались ея же священными приставниками и служителями. Эта сторона и характеръ законодательства выражены въ третьей Моисеевой книгѣ—*Левитъ*.

Въ-четвертыхъ, чтобы сколько-нибудь утвердиться и окрѣпнуть Израилю въ новой общественной жизни, требовалось вообще нѣкоторое время для Израиля: не свойственно—тотчасъ по рожденіи въ новую жизнь оказаться взрослымъ и крѣпкимъ. Нужно помнить, притомъ, чрезвычайную неползновенность тогдашняго человѣка къ страстнымъ увлеченіямъ. Сверхъ того, поколѣніе, возросшее въ самомъ тяжкомъ порабощеніи, кромѣ заимствованія у поработителей правовъ и заблужденій ихъ, имѣло и духъ, въ слѣдствіе прежняго жестокаго рабства, особенно неудобовоспріимчивый къ добровольному и охотному послушанію вѣры въ ведущую и спасающую человѣка Любовь небесную. Это открылось при самомъ еще началѣ Моисеева дѣла (Исх. 6 гл.). Господь удостовѣрилъ, что Онъ приметъ Израиля въ свой народъ и введетъ его въ землю обѣтованную и проч. «Моисей, какъ сказано въ кн. Исхода (6, 9,) пересказалъ сіе сынамъ Израилевымъ; но они не послушали Моисея *отъ упадка духа и тяжкаго рабства*». Это поколѣніе Евреевъ, возросшихъ въ рабствѣ египетскомъ, въ послѣдствіи рѣшительно отвергло волю Божію идти прямо въ обѣтованную землю и сражаться съ прежними ея жителями, не смотря на безчисленныя и явныя знаменія того, что самъ Іегова съ Израилемъ. Итакъ, нужно было воспитать и возрастить въ новой народной жизни новое поколѣніе, подъ впечатлѣніями открытаго водительства живѣтной милости и истины Божественной; нужно было дать нѣкоторое время и мѣсто для движеній и отправленій

новой ѳеократической жизни, дабы обозначились всѣ наиболѣе важныя потребности, злоупотребленія и затрудненія сей жизни, для удовлетворенія первыхъ, пресѣченія другихъ и разрѣшенія послѣднихъ новыми законоположеніями. Все это такъ и было, и изложено въ четвертой книгѣ закона—*Числъ*.

И наконецъ, въ-пятыхъ, родъ возмужавшихъ еще подъ египетскимъ порабощеніемъ прешелъ. Мѣсто его занято новымъ поколѣніемъ, которое съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни, не знало другихъ учрежденій, кромѣ ѳеократическихъ, или происходящихъ прямо отъ самого Бога, и возрасло въ столь ощутительномъ и открытомъ для нихъ значеніи избранниковъ Божіихъ, питающихся небеснымъ хлѣбомъ, получавшихъ живую воду изъ камня, въ безплодной пустынѣ ни въ чемъ необходимомъ не терпѣвшихъ нужды, не удовлетворенной самимъ Богомъ, и проч. и проч. ѳеократическіе порядки и законы были въ дѣйствіи не одинъ уже десятокъ лѣтъ, и—каждый Израильтянинъ самымъ сердцемъ могъ ощутить въ нихъ именно духъ жизни и спасенія. Что же оставалось? Развѣ одно—дать сему поколѣнію обозрѣть вѣрующимъ сердцемъ и мыслію поприще водительства Божія, имъ пройденное, и кругъ законодательства, имъ полученнаго.— подтвердить ему всѣ завѣтныя внушенія и оправданія Господни,— закончить изложеніе оныхъ въ положительныхъ письменахъ, и— такимъ образомъ уже открыть Израилю входъ въ обѣтованное наслѣдіе, для торжества надъ боговраждебными ея обитателями и для вседовольнаго жительства подъ державою Божіею, для вѣрнаго и постояннаго наслѣдованія написанному въ книгѣ закона Божія, Все это и содержится въ послѣдней книгѣ закона *Второзаконіи*.

Такъ объяснился и самый внѣшній порядокъ дѣлъ и откровеній оградившей Израиля закономъ Божественной любви, и вмѣстѣ обозначился весь составъ ветхозавѣтнаго законодательства. Само собою разумѣется, что сіи дѣла и откровенія Божіи имѣли соотвѣтственность внутреннему состоянію и нуждамъ человѣка, выше нами раскрытымъ, и такимъ образомъ составляли законъ, строго обуздывающій грѣховныя увлеченія и наказующій страстныя пререканія и упорство,—запечатлѣнный чрезвычайною поразительностію, какъ внутренняго своего содержанія, такъ и внѣшнихъ выше-естественныхъ явленій, бывшихъ при его откровеніи и обнародованіи,—выражающей духовныя тайны и уроки грядущей Благодати въ образахъ видимаго и естественнаго,—исхо-

дящій непосредственно отъ Бога при открытыхъ для всѣхъ знаменіяхъ Его присутствія, впрочемъ чрезъ непосредственное собесѣдованіе съ Богомъ о Его волѣ только одного чрезвычайнаго представителя и вождя Израильскаго. Ибо всего этого требовало какъ показано выше, внутреннее состояніе спасаемаго человѣка *).

Довольно сказано нами для раскрытія, въ какомъ состояніи найденъ и въ какое состояніе поставленъ Израиль, или вообще спасаемый человѣкъ, Богоданнымъ Моисеевымъ закономъ. Израиль, наслѣдникъ завѣтовъ и обѣтованій Божіихъ о спасеніи всего міра, и по внутреннему, и по внѣшнему состоянію былъ въ крайней опасности быть подавленнымъ воспреобладавшимъ язычествомъ; это въ существѣ дѣла было то же, что вообще человѣкъ былъ въ опасности погибнуть со всѣми еще очень нескудными остатками естественной своей пріемлемости къ Божественному и благодатно-спасительному. Божественное законодательство, предъявляя грядущую Христову благодать на основаніи еще этихъ эдемскихъ остатковъ въ природѣ человѣка, поставило Израиля въ твердое, огражденное отъ язычества, положеніе Богоуправляемой державы, назначенной для соблюденія сокровищъ всемірнаго спасенія впредь до раскрытія этихъ духовныхъ сокровищъ во всей ихъ полнотѣ и въ самомъ существѣ благодати, т. е. до пришествія обѣтованнаго Спасителя міру—Мессіи. И такимъ образомъ человѣкъ продолжалъ быть (какъ и всегда, прежде и послѣ) дивно во Христѣ спасаемъ.

II.

Раскроемъ, какимъ для этого великаго и спасительнаго дѣла орудіемъ Божественной премудрости и силы послужилъ Моисей.

Самое происхожденіе Моисея въ извѣстномъ семействѣ и обстоятельства его рожденія и воспитанія были ознаменованы особенными путями Промысла, избравшаго и готовившаго его къ великому служенію. Семейство Амврама, потомка Левіина, отъ котораго произошелъ Моисей, было благословенное въ Израилѣ; оно

*) Это было прежде раскрыто чрезъ вникніе въ самое законодательство, и слѣдовательно чрезъ изученіе совѣта о семъ Божія, а отнюдь не въ томъ духѣ и не тѣмъ путемъ, чтобы своими совѣтами одолжать Господа Бога, что необходимо послѣдовало бы, если бы раскрывать духовныя потребности тогдашняго времени и человѣка независимо отъ слова Божія.

оказалось образцемъ для всего Израиля по благочестію и вообще духовно-нравственному достоинству своихъ членовъ, каковы были, кромѣ Моисея, Ааронъ, сотрудникъ его и первый въ избранномъ народѣ первосвященникъ, и Маріама пророчица. Когда на такомъ прекрасномъ деревѣ суждено было возникнуть этой чудной вѣтви — будущему освободителю и законодателю Израиля: въ то время (если продолжать аллегорическую рѣчь) опустошавшая порабощеннаго Израиля буря усилилась до всегубительности урагана. Ибо *заповѣда фараонъ* не только повивальнымъ бабкамъ, но и *всѣмъ людемъ своимъ, глаголя: всякъ мужескаго пола, иже родится Евреомъ, въ рѣку ввергайте* (Исх. 1, 22). И воля фараонова была исполняема Египтянами со всею безчеловѣчною точностію; наблюденія ихъ, не родился ли у Евреевъ *мужескій полъ*, простирались въ самые домы порабощенныхъ, и — за примѣченное укрывательство младенцевъ грозила опасность самимъ укрывателямъ. Все это можно видѣть изъ того, что, при всѣхъ желаніяхъ и усиліяхъ родительскихъ сберечь новорожденное дитя, нельзя было долго скрыть его и — самая мать принуждена была оторвать отъ себя своего младенца, какъ это случилось именно съ матерію самого Моисея. Въ такихъ обстоятельствахъ, чадамъ Израилевымъ жениться и посягать свойственно было уже не иначе, какъ или прямо и чисто по плотской неразумной похоти, или же по живой вѣрѣ въ наслѣдственные для Израиля завѣты Божіи, по силѣ которыхъ сыны Израилевы, по самому происхожденію своему отъ избранныхъ патріарховъ, были избранники Божіи, наслѣдники обѣтованія о всемірномъ и вѣчномъ [illegible], а [illegible] не [illegible] были и не могли погибнуть. [illegible]

[illegible]

наго, свойственнаго міру духовному *); а въ то время даже слишкомъ живо было ощущеніе въ видимомъ—чувственномъ духовнаго, горняго, равно какъ и образъ представленій о духовномъ былъ довольно чувственный. Отсюда понятно, сколь ощутительно должно быть для сердца и духа родителей Моисея высшее и духовное выраженіе младенческой его красоты. Завѣты же и обѣтованія Божіи, которые усвояли значеніе и права благодатнаго избранія какъ всему вообще роду, такъ и въ частности каждой отрасли Авраама, Исаака и Іакова, направляли и возвышали родительскія воззрѣнія на новорожденнаго Моисея именно къ завѣтной Божественной любви, и такимъ образомъ давали опредѣленный смыслъ выраженію красоты Моисеевой: т. е. вѣрующимъ его родителямъ свойственно было въ прекрасномъ своемъ младенцѣ съ особенною ясностію и силою видѣть именно одного изъ избранниковъ завѣтной Божіей любви, одного изъ наслѣдниковъ ея завѣтовъ и обѣтованій о всемірномъ и вѣчномъ благословеніи въ грядущемъ Христѣ. Отсюда произошло, и простерлось до самоотверженія стремленіе ихъ *вѣры* сохранить такое дитя отъ грозившей ему погибели. Такъ объясняются слова Апостола: *вѣрою*. *Моисей родився сокровенъ бысть три мѣсяцы отъ отецъ своихъ, зане видѣша красно отроча: и не убояшася повелѣнія царева* (Евр. 11, 23).

Эта безстрашная вѣра родителей Моисея не пала ли такимъ образомъ, когда наконецъ, *понеже не можаху его ктому крыти, взя ему мати его ковчежецъ [illegible], и помаза и клеемъ и смолою, и вложи отроча въ него, и положи его въ лучіе при рѣцѣ?* Но чтобы мать своими руками приготовила гробъ для своего младенца и сама положила въ оный его живаго, это само по себѣ [illegible] родительской любви. [illegible] отчаянія въ спасеніи дитяти. Для удостовѣренія въ этомъ при-[illegible]

[illegible]

*) [illegible]

бесъ. Слѣдовательно, и при настоящемъ случаѣ проявлялась и дѣйствовала въ этомъ благодатномъ домѣ также *вѣра:* увидя совершенную невозможность собственными усиліями и средствами сберечь дитя-избранника и залогъ завѣтной Божественной любви, мать его рѣшилась своими же руками вручить его самой Божественной любви, да сохранитъ его *имиже вѣсть судьбами,* а сестра его взялась наблюдать за спасительными относительно его путями Промысла.—Такой вѣрѣ, конечно, наилучшаго во Израилѣ семейства, даруется новое чрезвычайное благодѣяніе Божественной любви: младенецъ не только остается въ цѣлости и безопасности по материнскому участію въ немъ дочери самого Фараона, но и возвращается на воспитаніе въ родной домъ. Понятное дѣло, что чрезъ это вѣра сего семейства, оправдываемая въ отношеніи къ Моисею самыми обстоятельствами, еще болѣе возвысилась и оживилась; воспитаніе же Моисея давало ей новую пищу и предметъ для упражненія. Итакъ, Моисей былъ вскормленъ, можно сказать, самою вѣрою въ Божественное избраніе и храненіе чадъ Израиля ради обѣтованнаго Мессіи, имѣвшаго произойти въ этомъ народѣ. И въ самомъ дѣлѣ, этимъ обстоятельствомъ, что силы Моисеева духа пробуждались и получали первое направленіе къ дѣятельности именно подъ пѣстунствомъ и вліяніями вѣры къ спасительнымъ Божіи обѣтованія и завѣты, наслѣдственные въ Израилѣ, много объясняется дальнѣйшая судьба Моисея. Усыновленіе его царской дочери, придворная жизнь и вся премудрость египетская не только не подавляли въ немъ глубоко всѣянной вѣры въ Бога Израилева, напротивъ сами подчинялись господствующему въ немъ началу вѣры, и такимъ образомъ способствовали къ болѣе обширному ея раскрытію. Такъ еще, при дворѣ фараоновомъ Моисей оказался, по Боговдохновенному свидѣтельству первомученика Стефана, *силенъ въ словесѣхъ и дѣлѣхъ* (Дѣян. 7, 22). Но тогдашнее отношеніе между Египтянами и Израильтянами было таково, какъ уже было говорено о семъ, что тѣ и другіе представляли совершенно несовмѣстныя и взаимнопротивоположныя области: область обѣтованной Христовой благодати и не терпящую оной область міра сего. Чтобы душею принадлежать одной области, надобно рѣшительно пренебречь и отвергнуть другую. Между тѣмъ, для Моисея въ Египтѣ было все, что только могло льстить въ настоящемъ и будущемъ; а Израиль въ настоящемъ подлежалъ крайнему озлобленію, а въ будущемъ видѣлъ грозящую опасность истребленія и только обладалъ обѣ-

тованнымъ вѣрѣ благодатнымъ наслѣдіемъ всеблагословляющаго грядущаго сѣмени Мессіи. Моисей не колебался въ выборѣ: отъ двора фараонова ходилъ онъ къ страждущимъ братьямъ, сынамъ Израилевымъ.—Значеніе сего уже понятно само собою: *вѣрою Моисей* въ душѣ своей *отверженся нарицатися сыномъ дщери фараоновой: паче же изволи страдати съ людьми Божіими, нежели имѣти временную грѣха сладость: большее богатство вмѣнивъ египетскихъ сокровищъ поношеніе* именно *Христово: взираше бо на мздовоздаяніе* (Евр. 11, 24—26).

Симъ-то самоотверженіемъ вѣры Моисей и достигъ того, что, поразясь первымъ же случайно представившимся ему видомъ безчеловѣчнаго преобладанія Египтянъ надъ Израилемъ, онъ внутренно тогда же услышалъ свое призваніе, *яко Богъ рукою его даетъ имъ спасеніе* (Дѣян. 7, 25). Такъ именно первомученикъ Стефанъ изъясняетъ частный случай, когда Моисей, увидѣвъ, что Египтянинъ бьетъ Еврея, вступился за Еврея и убилъ Египтянина. Судя по доказанной уже вѣрѣ Моисея, можно намъ понять, что въ настоящемъ случаѣ Моисей подвигнутъ былъ убить собственноручно Египтянина мыслію о Богѣ Израилевомъ, отмщающемъ чрезъ него за свой народъ; а живая въ то время, еще по самой природѣ, удобосообщимость человѣческаго духа съ Духомъ Божіимъ соединяла сію мысль вѣры Моисеевой съ непосредственнымъ внушеніемъ самого Бога... По той же естественной чувствительности человѣческаго духа къ вліяніямъ и проявленіямъ Духа Вседержителева, не трудно было примѣтить сіе въ Моисеѣ и постороннимъ, при должномъ ихъ вниманіи въ настоящее дѣло... Такимъ образомъ Моисей, какъ говоритъ св. Стефанъ предъ синедріономъ Іерусалимскимъ, *мняше разумѣти и самимъ братіямъ своимъ, яко Богъ рукою его даетъ имъ спасеніе.*

Дѣйствительно, разсмотрѣнное дѣло Моисея столько заняло сыновъ Израилевыхъ, что оно, хотя совершилось только при одномъ свидѣтелѣ изъ ихъ среды, немедленно огласилось между ними. Но призваніе Моисея было не просто освободить Израиля отъ губительнаго порабощенія, но вмѣстѣ ввести его въ правильную еократическую жизнь. Въ слѣдующій же послѣ указаннаго случая день, Господь далъ своему избранному новый случай—самому понять и явить предъ сынами Израилевыми и эту другую сторону *своего призванія. Изшедъ во вторый день, видѣ два мужа Еврейнина біющіяся.* Мысли о Богѣ Израилевомъ, избравшемъ сѣмя Авраамово въ наслѣдника и въ область спасительной любви своей,

имѣвшей распространить свое благословеніе во Христѣ и на вся племена земная,—свойственно было тѣмъ сильнѣе возбуждаться въ вѣрующемъ духѣ Моисеевомъ. Посему удобно было ему и на сей разъ услышать внутренно гласъ самаго Духа Божественнаго завѣтной любви—только уже не объ отмщеніи врагамъ Израиля, а объ обузданіи безпорядочныхъ страстей въ самомъ Израилѣ. И такимъ образомъ, Моисей *глагола обидящему* со властію какъ-бы судіи надъ преступникомъ закона: *чесо ради ты бієши искренняго своего?* Голосъ власти и суда во имя строгаго закона и былъ услышанъ въ сихъ словахъ Моисея, но такъ не понравился страстному человѣку того времени, что на сей разъ Израильтянинъ обвинилъ самого Моисея въ мятежныхъ притязаніяхъ, отрекаясь уже и отъ самой столь вожделѣнной для Израиля защиты отъ преобладанія враговъ: *кто тя постави княземъ и судіею надъ нами? Еда убити ты мя хощеши, имже образомъ убилъ еси вчера Египтянина?...* (Исх. 2, 13—14).

Чтобы, понять, какъ были жестоко обидны и возмутительны для духа Моисеева такія слова, надобно помнить сказанное выше, что Моисей въ душѣ своей уже жертвовалъ для Израиля своимъ усыновленіемъ царской дочери, своимъ высокимъ положеніемъ въ настоящемъ и блестящими видами въ будущемъ. Съ такимъ самоотверженіемъ раздѣлять страданія своего роднаго народа, и за это самое быть открыто и жестоко обвиняему отъ своего же народа въ мятежническихъ замыслахъ—это было чрезвычайно тяжкое испытаніе для Моисея. Въ народѣ своемъ онъ видѣлъ измѣну и предательство; отъ правительства же теперь, при гласности поступковъ его въ пользу своихъ единоплеменниковъ, должно было ему ожидать неминуемаго суда и казни, если будетъ еще продолжать держаться своею душею стороны роднаго народа. Такимъ образомъ, разсматривая свои обстоятельства въ отношеніи къ Египтянамъ и Израильтянамъ, съ той и другой стороны, Моисей находилъ сильнѣйшія и настоятельнѣйшія побужденія отречься отъ неблагодарныхъ соплеменниковъ и перейти на сторону правительства, вооруженнаго противъ Израиля. Немедленною открытою враждою противъ Евреевъ онъ оправдалъ бы и даже отличилъ бы себя предъ правительствомъ, а вмѣстѣ далъ бы и Израильтянамъ жестоко почувствовать въ себѣ самомъ, уже по праву, властительнаго и безпощаднаго судію и отметителя. Искушеніе усиливалось свойственною тогдашнему человѣку кипучею страстностію, по которой и Моисей принадлежалъ и, случалось, платилъ нѣкото-

рую дань своему времени: по этой страстности, не говоря уже о прямомъ побужденіи отмстить предателямъ, самый *страхъ ярости царевой* долженъ былъ занять всю душу беззащитнаго защитника Израильтянъ. Требовалась необыкновенная сила вѣры, чтобы не поколебаться такимъ многосложнымъ искушеніемъ. И Моисей доказалъ, что былъ преданъ своему народу истинно по такой вѣрѣ въ Бога своихъ отцевъ, которая всѣмъ обольщеніямъ Египта и страху ярости царевой противоставила живое чувство и сознаніе присутствія надъ собою Божественнаго покровительства и надзора,—которая искала не человѣческой благодарности или сочувствія своимъ предпріятіямъ, но угожденія и служенія собственно Богу Израилеву. Такимъ образомъ, точно *вѣрою* онъ *остави Египетъ, не убоявся ярости царевы: невидимаго бо яко видя*, былъ твердъ (Евр. 11, 27). Господу Богу не угодно было видимымъ образомъ принять и исполнить духовнаго порыва его—спасти Израиля; и Моисей покоряется сему, заботясь уже только о своей личной безопасности, предоставляя спасеніе Израиля самому Господу, и так. образ. самымъ бѣгствомъ своимъ изъ Египта доказывая новую покорность вѣры.

Моисей поселился въ землѣ Мадіамской, вступилъ въ семейную жизнь и *бяше пасый овцы Іоовра тестя своего*. Вѣра однако же не позволяла ему успокоиться въ семъ состояніи. Онъ жилъ надеждами обѣтованнаго Израилю благодатнаго наслѣдія, и потому признавалъ себя пришельцемъ на землѣ чужой. Это онъ и выразилъ въ имени своего перваго сына: *нарече Моисей имя ему Гирсамъ, глаголя: яко пришлецъ есмь въ земли чуждей*. Утѣшеніе для себя въ своемъ странничествѣ онъ полагалъ въ благодатномъ избраніи своего рода, къ которому относилъ и дѣло своего спасенія отъ Египтянъ, какъ онять выразилъ это въ названіи другаго своего сына: *и нарече ему Елиезеръ, глаголя: Богъ бо отца моего помощникъ мой, и избави мя изъ руки фараоновы*. Слѣдовательно, вѣра въ избравшую Израиля завѣтную Божію любовь по прежнему оставалась началомъ его жизни, возвышаясь до самоотверженія въ отношеніи къ самому призванію, услышанному имъ въ Египтѣ —принять на себя дѣло освобожденія Израиля. Ибо наконецъ онъ уже не думалъ о семъ и даже боялся и считалъ себя недостойнымъ сего жребія,—какъ онъ и выразилъ сіе при торжественномъ призваніи его къ сему дѣлу на Хоривѣ, чрезъ сорокъ лѣтъ своего пришельничества въ Мадіамской землѣ: *кто есмь азъ, яко да пойду къ Фараону царю египетскому, и яко да изведу сыны*

Израилевы изъ земли египетскія? Такого именно расположенія и требуетъ дѣло Божіе для своего совершенія; ибо оно совершается не человѣкомъ самостоятельно, но Богомъ чрезъ человѣка. Такимъ образомъ, странническая и пастушеская жизнь Моисея у Іоѳора была не въ противорѣчіи съ его призваніемъ, но приготовила въ духѣ Моисея совершенно удобное мѣсто и твердое основаніе къ совершенному принятію и усвоенію сего призванія, которое наконецъ и послѣдовало открытымъ и торжественнымъ образомъ. *Буду съ тобою,* говорилъ ему въ видѣніи купины, горящей и неопалимой, Господь (Исх. 3, 12); *Азъ отверзу уста твоя, и устрою тебѣ, еже имаши глаголати* (4, 12), и вооружилъ его Своею силою творить знаменія и чудеса.

Посмотримъ же теперь на духовныя свойства Моисея, какъ избраннаго и совершеннаго орудія Божественнаго Духа.

И каждый человѣкъ носитъ на себѣ печать своего времени; тѣмъ болѣе представители и вожди своего времени, какимъ по превосходству былъ законодатель еврейскій. Моисей носитъ въ своей духовной природѣ черты своего времени, но съ своими личными высокими особенностями и притомъ какъ органъ Св. Духа. Но предварительно замѣтимъ объ общихъ свойствахъ Боговдохновенныхъ мужей ветхаго завѣта: а) тайна спасающей міръ во Христѣ Божіей любви еще не была совершена въ своемъ существѣ и открыта во всей полнотѣ; отсюда и въ чрезвычайномъ служителѣ и сосудѣ духа сей Любви еще могли имѣть мѣсто нѣкоторыя личныя недоумѣнія и нерѣшительность,—какъ именно св. Апостолъ противополагаетъ сему свойству *ходатая ветхаго завѣта* отважность и необыкновенную свободу провозвѣстниковъ новаго завѣта, какъ взирающихъ на славу Господню откровеннымъ лицемъ, т. е. вполнѣ владѣющихъ во Св. Духѣ тайною спасенія благодатнаго (2 Кор. 3, 12 и 13); и б) Духъ Святый вдохновлялъ своего избраннаго въ ветхомъ завѣтѣ, еще не какъ возрожденнаго христіанствомъ, а только имѣющаго въ душѣ естественную удобосообщимость къ Духу Божію. Отсюда въ ветхомъ завѣтѣ могли быть случаи, что и въ сосудѣ Духа Св., по особеннымъ намѣреніямъ Божіимъ, могли быть приведены въ движенія нѣкоторыя силы природы, не очищенной отъ грѣховности, и слѣдоват., могли открыться нѣкоторыя дѣйствія, не только отдѣльныя отъ Божественнаго въ немъ дѣйствія, но и не совсѣмъ согласныя съ симъ послѣднимъ.— Съ этой точки зрѣнія намъ и нужно смотрѣть на главныя черты личности Боговидца.—Мысль Моисея, сообразно съ временемъ

его, запечатлѣна характеромъ непосредственно-нагляднаго и простаго воззрѣнія на предметы. Послушаемъ напр., какъ онъ выражаетъ предъ Богомъ, посылавшимъ его освободить Евреевъ, вотъ эту простую мысль: «отъ чьего же имени я приду къ Евреямъ? Чѣмъ увѣрить мнѣ ихъ въ Божественномъ своемъ посольствѣ?» *Се азъ пойду къ сынамъ Израилевымъ и реку къ нимъ: Богъ отцевъ нашихъ посла мя къ вамъ; и аще вопросятъ мя, что имя Ему, что реку къ нимъ... Аще не увѣруютъ ми, ниже послушаютъ гласа моего, рекутъ бо, яко не явися тебѣ Богъ, что реку къ нимъ?* (Исх. 3, 13; 4, 1). Ясное дѣло, что, говоря такимъ образомъ, Моисей какъ-бы и смотритъ на себя, какъ онъ приходитъ къ Евреямъ и вступаетъ въ объясненіе съ ними. И такая наглядная простота мысли соединяется у него обыкновенно съ живою и свободною игрою внутреннихъ образовъ. Вотъ напр. какъ онъ выражаетъ предъ Богомъ, призвавшимъ его къ многотрудному дѣлу—руководить Евреевъ, жалобу на это: *вскую озлобилъ еси раба Твоего? И почто не обрѣтохъ благодати предъ Тобою, еже возложити устремленіе сихъ людей на мя? Еда азъ во утробѣ зачахъ люди сія, или азъ родихъ я? Яко глаголеши ми: возми ихъ въ нѣдра твоя, якоже доилица носитъ доимыя, въ землю, еюже клялся еси отцемъ ихъ?* Такая рѣчь далека уже отъ простоты не только допотопныхъ, но и послѣпотопныхъ патріарховъ. Но вотъ затѣмъ сейчасъ же представляется самая простая наглядность его мысли: *откуда мнѣ мяса дати всѣмъ людемъ симъ? яко плачутъ на мя, глаголюще: даждь намъ мяса, да ядимъ* (Числ. 11, 11—13). Но эта черта времени, въ лицѣ Моисея, имѣетъ ту великую особенность, что, съ одной стороны, было чрезвычайно ясно и вмѣстѣ глубоко такое простое и вмѣстѣ образное воззрѣніе его на вещи, а съ другой—онъ ни мало не подчинялся живымъ и сильнымъ впечатлѣніямъ и образамъ своимъ, но всегда становился выше ихъ и совершенно овладѣвалъ ими. Доказательствомъ перваго служитъ то, что призваніе отъ Бога: *и нынѣ гряди, да послю тя къ Фараону... и изведеши люди Моя* (Исх. 3, 10)—въ мысли Моисея сейчасъ же отчетливо отразилось со всѣмъ необычайнымъ своимъ величіемъ (11), съ затрудненіями своими и относительно Израильтянъ и относительно его самого (4, 1. 10), и возбудило въ немъ живое и глубокое сознаніе собственнаго недостоинства и немощи для такого призванія (3, 11; 4, 13). Второе видно изъ того, что, поразясь зрѣлищемъ купины горящей и не сгорающей, онъ не отступаетъ и не останавливается въ изумленіи, но говоритъ: *мимошедъ*

увижду видѣніе сіе, яко не сгараетъ купина, и приступаетъ *видѣти*,—что, потомъ услышавъ гласъ Самого Бога изъ купины, и уже боясь *воззрѣти предъ Бога*, онъ однако обстоятельно и спокойно обсуживаетъ призваніе Божественное и со дерзновеніемъ объясняетъ свои недоумѣнія и даже отреченіе отъ призванія, какъ ему непосильнаго. Далѣе, сообразною тому времени чертою Моисея была чрезвычайная живость чувства, простирающаяся иногда до нетерпѣливости и едва умиряемая сильною мѣрою при своемъ сильномъ движеніи. Это открылось въ Моисеѣ при томъ же самомъ обстоятельствѣ призванія его: чтобы Моисея, пораженнаго необыкновеннымъ по величію и трудности призваніемъ, преклонить къ послушанію, *разгнѣвася яростію Господь на Моисея*. Или еще: когда при недостаткѣ воды народъ роптalъ съ крайне-оскорбительнымъ и горькимъ упрекомъ ему, возмущенный духомъ Моисей не удержался даже послѣ словъ Господнихъ: *возьми жезлъ твой... и рцыте ко камени предъ ними... и изведете имъ воды изъ камене*,—не удержался отъ нетерпѣливости, не только не довольно вѣрующей, но даже пререкающей Богу: *послушайте мене, непокоривіи*,—говорилъ онъ народу,— *еда изъ камене сего изведемъ вамъ воду* (Числ. 20 гл.)? И такому нетерпѣливому и сильному движенію его сердца тутъ же противоставленъ былъ отъ Бога гнѣвъ: *не введете вы сонма сего въ землю, юже дахъ имъ*. Но столь живое и неудержимое въ своихъ движеніяхъ сердце—эта столь открытая для уязвленія змія сторона времени—не было въ Моисеѣ заражено сластолюбіемъ, своекорыстіемъ и вообще самолюбивыми прихотями; напротивъ, онъ имѣлъ непреодолимое и готовое на всякую жертву влеченіе любви къ своимъ ближнимъ, ничѣмъ не заглушаемое сочувствіе и состраданіе особенно къ страждущимъ и находящимся въ опасности. Не однажды рука Божія была поднята на истребленіе своенравнаго и жестоковыйнаго народа; Моисею повелѣвалось отступить отъ него и предлагалось произвести отъ чреслъ его самого новый народъ; онъ забывалъ всѣ крайнія и безчисленныя свои прегорченія отъ своего народа, не смотрѣлъ на высокую честь быть родоначальникомъ всего избраннаго народа или новымъ Авраамомъ, всецѣло жертвовалъ собою, и самою славою Божіею умолялъ Бога помиловать непокорныхъ. Что начало такого духовнаго совершенства было отъ юности сродно его сердцу, это видно изъ того, какъ онъ вступился за Еврея, обижаемаго Египтяниномъ, и въ другой разъ—за другаго, Еврея же, обижаемаго отъ своего соплеменника: *чесо ради ты біеши искренняго*;—

извѣстно, какъ защитилъ онъ дочерей Іоора отъ обиды пастуховъ.

Небоязненная рѣшительность и предпріимчивость воли Моисея составляла также всегда отличительное свойство Моисея. Это открывается изъ того, что онъ, не смотря на крайнюю ненависть Египтянъ и ихъ царя къ Евреямъ, выходилъ *къ братіямъ своимъ, сынамъ Израилевымъ*, и мало того, не усумнился убить одного изъ Египтянъ за своего соплеменника. Но въ немъ при семъ была та особенность, что онъ такъ поступалъ не по измѣнчивымъ увлеченіямъ, но обдуманно и осторожно. *Обозрѣвся сѣмо и овамо, никогоже видѣ: и поразивъ Египтянина, скры его въ пескѣ.* Но сей же осторожности, онъ сейчасъ же увидѣлъ свою опасность въ Египтѣ, какъ только услышалъ и притомъ еще отъ Еврея: *убилъ еси вчера Египтянина*, и—заблаговременно избѣжалъ опасности. Такая мудрая осторожность видна въ его медлительности принять Божественное призваніе избавить Евреевъ, хотя оно было столь согласно съ его собственными стремленіями.

Поелику же съ такимъ духовнымъ настроеніемъ и чрезъ такіе великіе подвиги вѣры онъ предавался вполнѣ Духу завѣтной любви Божіей: то и понятно, почему онъ, одинъ изъ всѣхъ соплеменниковъ, бесѣдовалъ съ Богомъ *уста ко устомъ*, какъ другъ, и такимъ образомъ, одинъ изъ всѣхъ современниковъ способенъ былъ къ открытому Боговидѣнію и Богообщенію, потребному для законодательствъ ветхозавѣтной Божіей Церкви. А поверженіе Моисеемъ мірской образованности предъ Богомъ Израилевымъ, или покореніе оной началамъ вѣры въ обѣтованія Божіи, данныя Аврааму, Ною и даже еще Адаму, составляло готовую пріемлемость Моисея къ такимъ откровеніямъ Св. Духа, въ которыхъ, съ одной стороны, воспроизводились спасительныя для человѣка тайны Божія откровенія, начиная отъ сотворенія міра, а съ другой—образно проявлялись тайны грядущей Благодати чрезъ самые разнообразные виды предметовъ природы и искусства (въ устройствѣ скиніи и въ законахъ, касающихся болѣзней, употребленія животныхъ и т. п.).

Вотъ вообще какимъ былъ Моисей орудіемъ и сосудомъ Святаго Духа! И что требовалось для совершенія и начертанія въ письменахъ Божественнаго законодательства ветхаго завѣта,—все это и было совершено имъ или Духомъ Божіимъ чрезъ него именно такъ, какъ показано выше въ первомъ отдѣлѣ.

III.

Поставимъ же теперь, наконецъ, наше время предъ зерцаломъ Божественнаго законодательства, раскрытаго нами въ томъ главномъ и общемъ отношеніи, какъ и въ какомъ смыслѣ оно совершено чрезъ Моисея, и изъ какого погибельнаго состоянія и въ какое спасительное ввело оно Израиля.

Новый Израиль, прообразованный ветхозавѣтнымъ, это— Христіане, которымъ тайны вѣры и благодати, открываемыя и дѣйствующія въ древнемъ Израилѣ чрезъ сѣновные образы, взятые изъ области естественнаго и мірскаго, извѣстны и принадлежатъ прямо въ своемъ духовномъ существѣ. Каково же теперь состояніе этого новаго Израиля? По духу и силѣ дѣла, во многихъ отношеніяхъ, таково, каково было состояніе Израиля, подавляемаго язычествомъ въ Египтѣ. Христіане Запада уже много вѣковъ порабощены египетскому игу неправославія; христіане Востока православнаго, по внѣшнему состоянію, порабощены такому же игу магометанства. Наше отечество—Россію Господь помиловалъ и ущедрилъ какъ православіемъ, такъ и внѣшнею силою и славою. Что-жъ? Выдерживаемъ ли мы нравственно, даже въ большинствѣ нашемъ сознаемъ ли по надлежащему все превосходство нашего положенія, а вмѣстѣ и страшную отвѣтственность нашу равно предъ Западомъ и Востокомъ? Напротивъ, если имѣть въ виду наше большинство: одни изъ насъ и въ мысляхъ, и въ жизни держатся началъ не благодати и истины Христовой, слѣдоват., началъ не Израиля новоблагодатнаго, а скорѣе египетскаго или какого другого язычества; другіе же, мнящіеся быть вѣрными призванію новаго Израиля, своимъ направленіемъ, а иногда и словомъ, только или почти только осуждаютъ и отвергаютъ первыхъ, не разбирая того, что поражаютъ не столько ложь и неправду, сколько людей, и то лежачихъ, и потому не столько привлекаютъ ихъ къ истинѣ, сколько отъ нея отталкиваютъ. Въ такомъ положеніи нравственныхъ нашихъ дѣлъ, если и случается возникать чему-нибудь свѣжему и освѣжающему духъ и мысли, то и это, какъ вначалѣ естественно незрѣлое и слабое, или попадаетъ подъ сѣкиру грозной и почти только убивающей ревности по истинѣ и правдѣ, или увлекается духомъ безблагодатнымъ и пропадаетъ въ зародышѣ. Такъ ужасно мысленный фараонъ распоряжается иногда у насъ новорожденными духовными младенцами! Съ другой же стороны

общее почти недовольство такимъ нравственнымъ положеніемъ вещей, общее стремленіе и желаніе выйти изъ него, а вмѣстѣ и оживляющая общественный духъ надежда лучшаго, основательно разумнаго и слѣдовательно непротиво-христіанскаго, въ будущемъ— все это, кажется, удостовѣряетъ, что наше духовное положеніе еще не безнадежное, что Господь силенъ проявить въ мірѣ торжество Своей истины и благодати, еще прежде раскрытія ихъ въ славу вѣчной жизни или втораго Своего пришествія (хотя къ сему и слѣдуетъ ежеминутно готовиться), и что, слѣдов., еще можно новому Израилю выйти изъ мысленнаго или духовнаго Египта на началахъ благодатно-церковнаго домостроительства.

Что же для этого нужно? То же въ духѣ нужно для новаго Израиля, что образно было нужно для освобожденія отъ египетскаго ига и для благоустроенія закономъ Израиля ветхозавѣтнаго. Мы видѣли, что спасающая человѣка любовь Божія, по отношенію къ ветхому Израилю, глубоко снизошла въ Моисеевомъ законодательствѣ къ духовной пріемлемости и потребности спасаемаго человѣка: по состоянію тогдашняго человѣка требовалось упрочить для него Божію истину письменемъ, и—законъ Божій данъ ему въ письмени; Израиль вышелъ уже изъ родоваго патріархальнаго въ народное состояніе, и—закономъ Божіимъ облагоустроена именно народность Израиля. Такой духъ любви Божіей, сообразующейся всегда съ настоящею, живою пріемлемостію и нуждою человѣка, вѣченъ и, значитъ, имѣетъ всю свою силу для вѣры и въ наше время, для спасенія нынѣшняго человѣка. Человѣкъ нашего времени (говоримъ это относительно самаго большинства)—не то, чтобы уже отвращался прямо отъ истины Божіей; нѣтъ, онъ только съ особою энергіею любитъ земные порядки, заботится о способахъ, удобствахъ и благоустройствѣ земной жизни, хочетъ заниматься дѣйствительностію, какова она есть въ сей жизни, и притомъ еще (надобно отдать ему справедливость) стремится во всемъ этомъ къ основательности и разумности. Что же? Противно ли истинѣ и любви Божіей снизойти (впрочемъ, безъ потачки) къ такому состоянію, стремленію и требованію нынѣшняго человѣка? Или ужъ нельзя для самыхъ земныхъ порядковъ раскрыть и указать разумныя основанія и законы именно въ Христовой истинѣ? Вѣдь Христосъ, для возведенія оземленѣвшаго человѣка на небо, самъ сходилъ съ неба на землю; иначе человѣкъ погналъ бы еще ниже земли, до самой преисподней. Такъ и истинѣ Господней свойственно входить съ

своимъ свѣтомъ и жизнію въ многообразные виды самой земной дѣйствительности для благонаправленія здѣсь человѣка; иначе онъ окончательно увлечется и растлится духомъ мірскимъ, и рано или поздно самую земную дѣйствительность доведетъ до всегубительства. Безъ озаренія свѣтомъ Христовой истины всѣхъ областей земной дѣйствительности, которою такъ крѣпко занятъ нынѣшній человѣкъ, можно ли и добраться до искренней мысли, до господствующаго направленія воли нынѣшняго человѣка, даже у насъ въ православной Россіи, тѣмъ болѣе на Западѣ? Можно ли думать о благожеланной православію свободѣ православнаго Востока, порабощеннаго исламу? (Ибо эта свобода, установленная на началахъ, какихъ бы ни было, внѣ Христа, конечно, не желанна и для самихъ страдальцевъ Востока, и только вредна была бы имъ относительно православія). О прочемъ же человѣчествѣ, о возможности напр. иначе тронуть Евангеліемъ живую струну земледѣльческаго Китая, или тоскующихъ о древней гражданской осократіи Евреевъ, и говорить нечего.—Божественное законодательство, облагоустроившее чрезъ Моисея именно земной народный бытъ Израиля на началахъ обѣтованной и грядущей благодати Христовой, есть великое свидѣтельство самого слова Божія, что тѣмъ паче, по пришествіи и явленіи Христовой благодати, можно и должно свѣтомъ ея уяснять и на ея основаніи устроять, во благо и спасеніе человѣка, все земное. Самъ Господь научилъ насъ молиться Своему небесному Отцу: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.*

Въ частности, во-первыхъ, какъ для благоустроенія Израиля Божіимъ закономъ требовалось поставить на всегдашній видъ Божію народу завѣты и обѣтованія Божіи о спасеніи, данные его отцамъ и праотцамъ, начиная отъ прародителей: такъ для озаренія свѣтомъ Христовымъ всего земнаго, всей дѣйствительности у новаго Израиля необходимо воспроизвесть, или раскрыть въ живой силѣ и духѣ всѣ Божественныя въ Церкви законоположенія и чиноположенія, начиная отъ догматовъ Вѣры до обрядности церковной, начиная отъ первенствующей Церкви и времени вселенскихъ соборовъ до православной старины въ Россіи. Живой же духъ и сила всей истины новозавѣтной, всей православной церковности есть именно духъ и сила самой любви Божіей, явленной въ Христѣ и изливающейся въ вѣрующія души Св. Духомъ,—той любви, по которой единосущный Сынъ Божій воспріялъ, для спасенія человѣка, все человѣческое естество въ единство Своего

лица, и въ этомъ естествѣ явился Агнцемъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхи міра, понесшимъ до смерти бремя всѣхъ нашихъ заблужденій и преступленій, какъ-будто именно Онъ и былъ виноватъ во всемъ этомъ. Въ этомъ самомъ духѣ и силѣ и надобно поставить на видъ новому Израилю Божію истину и благодать въ догматахъ Вѣры и во всей церковности, какъ предали намъ эту истину и благодать Христову отъ самого Христа апостолы Его, а отъ апостоловъ св. отцы Христовой Церкви. *Сія книга бытія человѣка* во Христѣ!

Во-вторыхъ, какъ ветхаго Израиля надобно было сначала извести изъ Египта, и—потомъ уже даны ему въ громахъ и молніяхъ основоположенія всего Божія закона: такъ и чадамъ новаго Израиля необходимо прежде выйти сколько изъ того направленія, чтобы внѣ Христа заниматься земною дѣйствительностію и внѣ же Его поставлять разумность и правду, столько же и изъ того, несроднаго завѣту благодати, духа, чтобы истиною Божіею только поражать и осуждать немощныхъ и заблуждающихъ людей, и особенно чтобы считать недостойнымъ и несвойственнымъ ей снизойти до просвѣщенія и благоустроенія своимъ благодатнымъ свѣтомъ всего дольняго—человѣческаго, какъ бы ни болѣло оно духовно. Если этотъ послѣдній, истинно жидовскій, духъ будетъ держать насъ въ своихъ узахъ: то и первое, положимъ—языческое, направленіе не ослабитъ оковъ на своихъ плѣнникахъ; ибо для освобожденія ихъ необходимо требуется снизойти съ благодатною истиною до самой области ихъ плѣна. Другаго *исхода* изъ современнаго нравственнаго и мысленнаго Египта не представляется во свѣтѣ Слова Божія.

Въ-третьихъ, какъ ветхаго Израиля, для введенія его въ законополагаемое Богомъ состояніе, нужно было уединить, подъ открытымъ Богоправленіемъ, ото всѣхъ сторонніхъ вліяній: такъ мысли и духу христіанъ, если они стали бы подвизаться войти во всеозаряющій и самою тьмою мірскою необъемлемый свѣтъ Христовой истины и благодати, надобно уже во всемъ—и важномъ и мелочномъ неуклонно держаться воззрѣній и правилъ именно по Христу, Богу и Агнцу-Божію, спасающему отъ грѣха и лжи все человѣческое. Пусть бы для этого пришлось проходить духовно какую-либо пустыню каменистой Аравіи, встрѣчаясь постоянно съ внутренними и внѣшними озлобленіями. И даже пусть бы наше шествіе по такой пустынѣ соединялось съ ежеминутными преткновеніями и увлеченіями, какъ это было съ ветхоза-

вѣтнымъ Израилемъ... Во всякомъ случаѣ только бы намъ уже не возвращаться къ Египту льстивыхъ, оковывающихъ ложью, направленій; только бы, при всякомъ претковеніи и паденіи нашего духа и мысли, опять становиться на ноги и идти или влещися во Христѣ впередъ. Господь своею благодатію направитъ всѣ наши шаги и доведетъ или донесетъ нашу мысль и всю душу до земли обѣтованной, до живаго значенія *царственнаго священства*.

И тогда, въ-четвертыхъ, какъ старое поколѣніе возросшихъ въ рабствѣ Евреевъ должно было прейти и уступить свое мѣсто новому поколѣнію, возмужавшему подъ впечатлѣніями ощутительной руководящей Божіей десницы: такъ и въ насъ несчастное, строптивое духовное поколѣніе ветхаго человѣка, развившееся въ нашемъ образѣ мыслей и жизни, связанномъ односторонними и лживыми направленіями, уступитъ же наконецъ мѣсто новому человѣку, мыслящему и живущему по Христу, по истинному Его духу. У Господа исчислены и измѣрены всѣ движенія ветхаго и новаго нашего человѣка.

И так. обр., въ-пятыхъ, настанетъ же наконецъ такое блистательное время, когда столько же радостно, сколько назидательно, будетъ вѣрѣ нашей обозрѣть пройденныя нами и нашими предшественниками трудности и опасности подъ водительствомъ Христовой истины и благодати: подобно, какъ въ виду земли обѣтованной Израилю напомянуты были Богодвижимымъ вождемъ и законодателемъ всѣ пройденные пути Божіи. Ибо должна же наконецъ православная Церковь явиться во всей красотѣ и благолѣпіи какъ въ одержаніи Востока, такъ и въ очахъ западнаго человѣка; и въ этомъ, можетъ быть, Господь дастъ послужить человѣчеству и тѣмъ уплатить свой долгъ предъ Востокомъ и Западомъ—нашей православной Россіи, которой уже пора бы сознательно и дружно взяться за дѣло истины и жизни во Христѣ.— Но да будетъ во всемъ воля Божія!

Мы же посмотримъ теперь на то: кто въ этомъ многосложномъ дѣлѣ будетъ нашимъ Моисеемъ? Новозавѣтный Моисей или, сказать то же, ходатай новаго завѣта есть единъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ. Моисею, ходатаю ветхозавѣтнаго закона, дано самому сознавать и засвидѣтельствовать отображеніе въ себѣ Христа Спасителя: *Пророка возставлю имъ*,—такъ самимъ Богомъ сказано Моисею о Христѣ,—*отъ среды братій ихъ, якоже тебе: и вдамъ слово Мое во уста Его, и возглаголетъ имъ, якоже заповѣдаю Ему: и че-*

ловькъ той, иже не послушаетъ словесъ Его, елика возглаголетъ Пророкъ оный во имя Мое, Азъ отмщу отъ Него (Втор. 18, 18. 19). *Пророка отъ братіи твоея,* — говорилъ Моисей Израилю о Христѣ, — *якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, Того послушайте* (тамъ же ст. 15. слич. Дѣян. 3, 22; 7, 37). И новому Израилю нашего времени всѣми опытами тяжкаго скитальничества мысли и жизни не по Христу, какъ въ частныхъ личностяхъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ, можно бы уже, кажется, вразумиться, чтобы не держать самимъ только собою изыскивать высочайшую истину и благо всеобщее. Это значило бы нечистому бренію устремляться къ обнятію невещественнаго огня Верховнаго блага и истины. Вотъ, и плотскій Израиль умѣлъ почувствовать или только предчувствовать нужду въ единомъ ходатаѣ Бога и человѣковъ, представителемъ котораго былъ для нихъ Моисей: *и нынѣ да не измремъ,* говорили они Моисею, *яко потребитъ насъ огнь великій сей... Приступи ты, и послушай вся, елика речетъ Господь Богъ нашъ къ тебѣ, и ты речеши къ намъ вся, елика речетъ Господь Богъ нашъ къ тебѣ, и услышимъ и сотворимъ* (Втор. 5, 25. 27). Сами же собою *да не приложимъ слышати гласа Господа Бога нашего, и огня великаго сего не увидимъ по семъ, да не измремъ* (18, 16). Какъ же намъ, духовному Израилю, въ дѣлѣ раскрытія истины, правды и порядка на все, устранять Того, Кто, въ тайнѣ единосущія Своего со Отцемъ, слышитъ отъ Него и передаетъ намъ въ своемъ словѣ все благопотребное и просвѣтительное для насъ, и Кто, именно для удобосообщимости этого намъ, воспріялъ наше естество и понесъ на Себѣ вину всего, удаляющаго насъ отъ Бога истины, правды и порядка? Но, съ другой стороны, остережемся и держаться Его только по одной мертвой буквѣ, по одному мертвому и бездѣйственному согласію на то, что конечно Христосъ есть начало и спаситель всего, безъ дѣйствительнаго и живаго устремленія къ Нему нашей мысли и духа во всемъ. Вотъ и въ ветхомъ завѣтѣ, до явленія еще благодати возрожденія, въ Моисеѣ отобразился Христосъ въ самой силѣ и дѣйствіи, такъ что духовный свѣтъ, принадлежащій одному Христу—сіянію славы Отчей, просіявалъ видимо въ самомъ лицѣ Моисея. Намъ ли, въ св. крещеніи уже духовно облеченнымъ всецѣло во Христа для раскрытія Его жизни и свѣта во всемъ нашемъ существѣ и во всей нашей жизни,— намъ ли не стремиться къ тому и не достигать того, чтобы мыслію, волею, сердцемъ, душею и тѣломъ быть *единъ духъ со Господемъ?* И эту благодать, притомъ, слѣдуетъ намъ усвоять

себѣ, въ силѣ Св. Духа, такъ, чтобы вѣрою своею сознавать и ощущать Его, какъ стоящаго, такъ сказать, своимъ Богочеловѣчествомъ за спасеніе всего человѣческаго отъ лжи и грѣха, за всѣхъ людей—Іудеевъ и язычниковъ, за всѣхъ немощныхъ и гибнущихъ. Ибо всецѣло рѣшительный судъ Его послѣдуетъ уже при открытіи вѣчной жизни: и слѣдовательно, дотолѣ еще всячески должно, кого можно, исхищать изъ грѣха и гибели и тѣмъ болѣе и болѣе усвоять самимъ себѣ любовь и правду Спасителя всѣхъ человѣковъ. Повторю: вотъ и изъ сумрака ветхозавѣтнаго Моисей входилъ въ такой свѣтъ и силу любви Христовой и къ грѣшному погибающему человѣку, что, когда уже самимъ Богомъ изреченъ былъ приговоръ суда на истребленіе непокорнаго народа, Моисей въ живомъ образѣ Христа сталъ за этотъ народъ и отстоялъ его отъ поядающаго Божественнаго гнѣва такимъ дивнымъ ходатайствомъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. 32, 32).

И если бы хотя малая росинка или сѣмя такого истинно Христова мудрствованія и расположенія оказались въ нашемъ общественномъ духѣ: то, какъ бы ни поядалъ мысленный фараонъ новорождаемыя мысли и движенія духа, хотя бы духовное дитя благодати самою вѣрою ввергаемо было въ какой-нибудь смоляной корзинѣ въ Нилъ,—этотъ новый Моисей сохранится, отдастся самой вѣрѣ на воспитаніе, будетъ обогащаться плодами самой мірской науки—этой многовѣковой египетской премудрости,—съ незыблемо уже утвержденнымъ въ немъ корнемъ Христовой истины и благодати; а потому, съ привитіемъ къ сему корню всевозможныхъ знаній, чувствуя и давая другимъ чувствовать свое призваніе къ освобожденію новаго Израиля съ его наукой и жизнію отъ мысленнаго порабощенія, это Христово направленіе мысли и сердца пройдетъ всѣ испытанія странничества и раскроетъ же наконецъ предъ міромъ всю безпорочную красоту Христовой невѣсты—Церкви православной на радость всему міру.

И ужели слишкомъ уже трудно направленіе мысли и дѣла по Христовой истинѣ и благодати? Было бы внутреннее противорѣчіе находить слишкомъ тяжелую трудность въ принятіи благодати, мыслію ли, или сердцемъ, или волею. Вотъ Боговидецъ Моисей, и съ чувственно-образнымъ воззрѣніемъ своей мысли, такъ чудно-просто выразилъ ту превыспреннюю тайну творенія всего міра и каждаго созданія, какъ вѣчный Отецъ своимъ ипостаснымъ *Словомъ*—Сыномъ единороднымъ воззывалъ твари изъ

небытія въ бытіе, и бытіе ихъ запечатлѣвалъ и утверждалъ благоволительнымъ *призрѣніемъ* Своего умостастнаго Духа: «и *рече* Богъ: да будетъ... и бысть... и *видѣ* Богъ, яко добро». Что же мѣшаетъ и намъ, послѣ уже полнаго открытія въ христіанствѣ тайны творчества тріединаго Бога, такъ и изучать и употреблять каждое созданіе, чтобы слѣдить въ немъ именно мысли Отца небеснаго, осуществленныя Его Сыномъ и проникнуться животворящимъ Его Духомъ?—Моисей объ устроеніи скиніи, бывшей только сѣнію открытыхъ и дарованныхъ намъ благъ Христовыхъ, написалъ въ книгѣ закона: *се нарече Богъ именемъ Веселіила... и наполни его Духа Божія... архитектонствовати во всѣхъ дѣлесѣхъ древодѣланія, творити злато и сребро и мѣдь, и ваяти камени и дѣлати древо* и проч. (Исх. 35, 30—33). Что же мѣшаетъ нашей вѣрѣ, въ области искусства, открывать нашъ духъ вліянію духа творческой Божіей любви, въ Христѣ уже таинственно запечатлѣвшаго своею благодатію и умъ и сердце и чувства наши съ самыми тѣлесными ихъ органами, и так. образ. изъ различныхъ видовъ искусства дѣлать духовно Божію скинію, вмѣсто языческаго капища?—Боговидецъ Моисей весь народный и гражданскій бытъ Израиля устроилъ на началахъ и по духу обѣтованной въ грядущемъ Христѣ благодати; самое одержаніе земли обѣтованной и освященное праздниками и жертвенными приношеніями земледѣліе, по закону Моисееву, выражаютъ тотъ же духъ. У новаго ли Израиля, послѣ пришествія и жизни нашего Спасителя на землѣ подъ народными и гражданскими условіями, народный и гражданскій бытъ, особенно смиренная рабочая доля земледѣльцевъ, будутъ имѣть порядокъ, не подлежащій Христовой истинѣ и Благодати, и слѣд. только плотской и мірской? Жалко и постыдно было бы для новаго Израиля стать въ этомъ отношеніи ниже ветхаго Израиля; обидно было бы и для самой спасительной Благодати, чтобы, по ея прише- ствіи и раскрытіи въ самой истинѣ, отнять изъ ея одержанія ту область, которая принадлежала ей, когда она проявлялась только въ образахъ.

Если сердца наши слишкомъ огрубѣли и ожестѣли для искренняго и живаго воззрѣнія во всемъ къ Христовой благодати и истинѣ, то вспомнимъ, что и у самого законодателя еврейскаго было неудобосмягчимое въ сильныхъ своихъ движеніяхъ сердце, возбуждавшее противъ него ярость Господню. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ оказался такимъ сосудомъ любви Христовой, что готовъ былъ собою, своею вѣчною участью, жертвовать для спасе-

нія своего народа. Итакъ, только бы не противились, а предавались мы влеченію и дѣйствію духа Христовой истины и благодати, наша огрубѣлость и жестокость не устоятъ предъ Нимъ. Въ особенности пусть отдаются духу и силѣ Господней любви сердца наиболѣе удободвижныя; тогда послужатъ они вѣрнымъ орудіемъ къ смягченію и упорныхъ, ожесточенныхъ. Въ словѣ Божіемъ сказано: *нѣсть мужескій полъ, ни женскій, вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ* (Гал. 3, 28). Это значитъ, что относительно усвоенія намъ Христа, Его благодати и истины, въ чемъ заключается все существенное и спасительное для всѣхъ, и женщина не разнится отъ мужчины, и женщина можетъ входить въ Христовъ духъ, наравнѣ съ мужчиной; все здѣсь зависитъ отъ свободной преданности вѣры, могущей принадлежать одинаково мужскому полу и женскому, безъ уничтоженія особенностей того и другаго. Итакъ, пусть вѣрующая женщина, живя Господомъ, свойственнымъ своему полу мягкосердечіемъ послужитъ къ тому, *да и аще нѣцыи* по жесткости и упорству духа своего *не повинуются слову, женскимъ житіемъ безъ слова пѣнени будутъ* (1 Петр. 3, 1). А съ своей стороны мужчина, просвѣщаясь Христовою истиною, да усвояетъ себѣ Моисееву твердость и обдуманную предпріимчивость, вѣрою своею *яко видя невидимаго* (Евр. 11, 27). Такимъ образомъ Духъ Христовъ и воздѣйствуетъ въ духѣ нашемъ къ изведенію насъ изъ мысленнаго Египта къ живому и полному разумѣнію и употребленію всемірнаго сокровища православія.

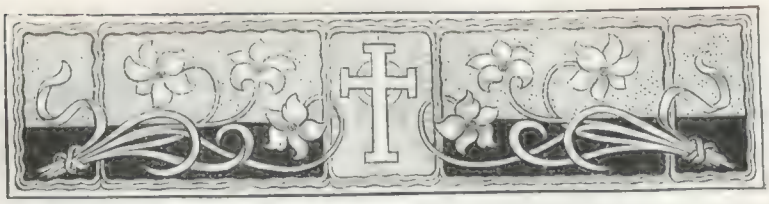
Но главная трудность для насъ въ этомъ отношеніи можетъ быть и состоитъ собственно въ томъ, чтобы намъ съ своими силами, съ своими знаніями или съ своимъ невѣдѣніемъ, предаться вѣрою Христу и Его духу. Вѣдь и Моисей, скажетъ кто-либо, только одинъ въ своемъ родѣ безусловно и всецѣло отдался Духу Божію, и явился свѣтлымъ прообразомъ. Но онъ служитъ образомъ для всѣхъ вѣрующихъ; нужно, чтобы *вообразился Христосъ въ насъ* всѣхъ (Гал. 4, 19). И мы всѣ еще въ крещеніи, погружаясь въ смерть Его, умерли чрезъ это для всего чуждаго Христу, чтобы жить уже въ Немъ и Имъ; мы духовно одѣлись въ Него. Итакъ, не будемъ хромать на обѣ ноги нашими мыслями и правилами. Намъ предлежитъ одно изъ двухъ: или мыслить и жить во Христѣ, или прямо и сознательно обнажаться, совлекая съ своего ума, воли и сердца одѣяніе Его благодати. Не будемъ въ этомъ лицемѣрить предъ собою. Сколько зла и лжи отъ этого лицемѣрія предъ собственною совѣстію. *Тамъ* толкуютъ, что та

или другая область—не Богословская, не духовная, а философская, физическая, гражданская и т. д. Что же? Поэтому выходитъ, что въ нѣкоторыхъ только областяхъ или средахъ христіанину надобно быть одѣтымъ во Христа, а въ другихъ можно ходить безъ стыда въ своей грѣховной наготѣ. *Здѣсь* съ осторожностію внушаютъ, чтобы, мысля или дѣйствуя въ той или другой сферѣ независимо отъ Христовой истины, смотрѣть однако за собою, какъ бы не дойти до открытаго разнорѣчія съ вѣрой и словомъ Божіимъ. Это выходитъ, что душа наша, еще въ крещеніи отдавшись виолиѣ своему Божественному Жениху—Христу, можетъ и любодѣйствовать отъ Него, только бы по внѣшности не отставала отъ Него. Можетъ ли эту измѣну, скрывающуюся за ребяческой личиною, потерпѣть ревность Божественной любви, крѣпкой какъ смерть (Пѣсн. пѣсн. 8, 6). Нужно стремиться вонъ изъ этого Египта.

Другое дѣло, если кто имѣлъ великое несчастіе уже смутиться или потерпѣть колебаніе въ вѣрѣ. Онъ иногда и радъ бы возвратиться къ вѣрѣ, да ужъ какъ узникъ, чувствуетъ себя не въ силахъ освободиться отъ оковъ сомнѣнія или невѣрія. Какъ такому или такимъ возвратить утраченную или возмущенную преданность и успокоеніе во Христѣ? И для этого есть въ Моисеѣ образецъ и руководство. Вѣдь и онъ,—послѣ отверженія его сынами Израилевыми, когда онъ заступался за нихъ и мирилъ ихъ между собою, послѣ сорока лѣтъ пришельничества своего въ домѣ Іоѳора,—подъ конецъ уже оставилъ пламенную мысль и рѣшимость вѣры своей стараться о свободѣ Евреевъ (какъ видно изъ его, можно сказать, упрямаго отреченія отъ Божественнаго призванія при купинѣ). Но вотъ, увидя, *яко купина горитъ огнемъ, купина же не сгараше*, онъ понялъ чрезвычайность этого явленія и не пошелъ отъ него въ сторону, напротивъ сказалъ: *мимошедъ увижду видѣніе великое сіе, яко не сгараетъ купина* (Исх. 3, 2. 3). Подошелъ, и услышалъ Божественное призваніе именно къ тому, во что уже внутренно онъ отказался вѣрить. Такъ и ты, кто бы ни былъ и во что бы ты ни поколебался вѣровать, только не убѣгай прочь отъ Божественной истины, гдѣ бы и какъ бы она ни настигала тебя, но поди, внимательно и осторожно посмотри на дѣло самъ. Положимъ напр., что ты не можешь или не хочешь успокоиться во Христѣ вѣрою, но причинѣ возбужденнаго въ тебѣ неудержимаго стремленія отчетливо сознавать начало вещей и основаніе всякаго знанія и мысли. Смотри же, ужъ на слѣпую

вѣру и не принимай за коренное основаніе мысли о бытіи ту или другую идею или главный законъ разума, что требуетъ еще для тебя оправданія и основанія. Изыскивай до тонкости, что такое въ *своемъ основаніи и существѣ*—самыя высшія наши идеи или самый главный или всеобщій законъ разума и бытія. Посмотри добросовѣстно и на то, чужда ли свѣта должной отчетливости—вѣра въ Христову истину. Эта истина открываетъ вѣрѣ, что самыя врожденныя идеи нашего духа объ истинѣ или добрѣ, о прекрасномъ и о бытіи, самые высшіе законы нашего разума, въ своемъ основаніи и существѣ, суть именно свѣтлыя или мерцающія указанія *Свѣта просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9), Христа Бога Слова, основанія всѣческихъ,—указанія, касающіяся еще нашей духовной природы, и въ настоящемъ ея разстройствѣ или удаленіи отъ Бога. Христова истина и оправдываетъ это—для *вѣры* внутренними опытами вѣрующихъ, обрѣтающихъ въ ея свѣтѣ именно то, къ чему стремится душа по своимъ существеннымъ потребностямъ, а для *невѣрія и испытанія* непрестающими и до нынѣ явленіями того, что мысль и слово, внутренно сообщныя Христу Богу Слову, основанію всѣческихъ, властительно движутъ природу видимую и невидимую въ знаменіяхъ и чудесахъ. Божественная истина готова открыть для осязательнаго испытанія всякаго Ѳомы—свою красоту и жизнь въ своемъ Божественно-высокомъ и вмѣстѣ для дѣтей доступномъ содержаніи, свою всеобщность въ уясненіи свѣтомъ своимъ всего круга знаній, въ руководительствѣ своемъ для всѣхъ и во всемъ. Только приступи къ этой духовной, горящей и несгараемой купинѣ съ добровольнымъ Моисеевымъ испытаніемъ: *имамощедъ увѣжду видѣніе великое сіе, яко не сгараетъ купина.* Доступъ къ ней не закрытъ ни для кого, если свѣтъ отъ Божественнаго Огня этой купины сіяетъ или мерцаетъ въ идеяхъ духу *всякаго человѣка грядущаго въ міръ.* Господь силенъ, и упрямаго мыслителя заставитъ послужить, въ той или другой мѣрѣ, изведенію изъ сгинетскаго рабства христіанской мысли и науки. Только уже не отступать отъ купины Боговидѣнія, т. е. поставить одну задачу для себя—основательно и твердо дознать истинный свѣтъ Христовъ, чтобы войти въ него безусловною и полною вѣрою, безъ лицемѣрнаго двоедушія, безъ хроманія *на обѣ плесни.* Мечта, нельзя ли не расходиться со Христомъ при образѣ мыслей, въ чемъ-либо отъ Него независимомъ,—сама себѣ противорѣчитъ. Довольно для насъ уроковъ и опытовъ нашихъ

предшественниковъ на поприщѣ мысли, куда она безъ Христа можетъ идти и вести въ чемъ бы то ни было. Съ другой стороны, сколько и они были добросовѣстно вѣрны мерцаніямъ истины, въ собственномъ ихъ духѣ свѣтившимся,—это составляетъ несомнѣнную ихъ заслугу для истины; и потому, навѣрно найдутся и у нихъ зерна въ житницу Христа Спасителя—единой всеобъемлющей истины. Нужно намъ восхитить всѣ эти драгоцѣнности у мысленныхъ Египтянъ, держащихъ въ долговременномъ тяжкомъ рабствѣ мысли многихъ, многихъ Христіанъ.



V.

ОБЪ ИСКУШЕНІИ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА ДІАВОЛОМЪ ВЪ ПУСТЫНѢ.

I.

(По Евангелію отъ Матѳея).

Въ изслѣдованіи о значеніи искушенія Христова отъ діавола главная задача—понять, что именно было здѣсь искусительнаго. При семъ необходимо положить, что искусительная сила должна быть не такъ слаба: иначе и побѣда надъ искушеніемъ не была бы великою. Что же было сильно искусительнаго напр. въ первомъ пріемѣ искушенія? Увлекалъ ли сатана къ невоздержанію? *Но постився дній четыредесять и нощій четыредесять, послѣди* вкусить хлѣба, очевидно, не значитъ—допустить чревоугодіе. Или худо то, что хлѣбъ нужно было получить чудомъ? Но извѣстно о прообразѣ Христа—Самсонѣ, что онъ, томимый жаждою, за неимѣніемъ естественнаго способа достать воды, получилъ оную чудомъ: обстоятельства и теперь почти такія же. Израильтянамъ въ странствованіи по пустынѣ Аравійской также ниспосылался чудесный хлѣбъ. Моисей согрѣшилъ, когда сказалъ жаждущему народу: *еда изъ камени сего дамъ воду?* Илія вышесестественнымъ же образомъ получалъ себѣ пропитаніе то отъ врановъ, то отъ Ангела, то отъ неоскудѣвающей горсти муки. Самъ Господь творилъ двукратно извѣстное чудо, чтобы напитать находившихся въ пустынномъ мѣстѣ, *да не ослабютъ*

на пути. Не камни ли, или что-нибудь подобное обратилось въ снѣди, когда Апостолы, цѣлую ночь проведшіе въ безуспѣшной рыбной ловлѣ, *егда изльзоша на землю, видѣша огнь лежащъ и рыбу на немъ лежащу и хлѣбъ* (Іоан. 21, 9)? Или гибельно собственно то, что нужно было принять предложеніе діавола, каково бы оно ни было? Однако Господь попускаетъ искусителю увлекать себя во святый городъ и на гору, какъ хотѣлось того именно искусителю. Въ чемъ же сила настоящаго искушенія?! Удивительно также и неудобопонятно, что Господь отражаетъ лукаваго такимъ словомъ писанія, которое и изрѣчено было о чудесномъ полученіи хлѣба—о ниспосланіи манны, и которое потому, какъ-будто только по внѣшности своего выраженія, противорѣчитъ мысли искусителя, а по предмету своему не таково. *И напита тя*, говорилъ Моисей Израилю о Господѣ Богѣ, *манною, еяже ты не увѣдѣлъ еси, ни отцы твои: да возвѣститъ тебѣ, яко не о хлѣбѣ единѣмъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ словеси, исходящемъ изъ устъ Божіихъ*, и проч. (Второз. 8, 3). Но искушеніе хлѣбомъ по крайней мѣрѣ было къ случаю, шло къ обстоятельствамъ и состоянію Спасителя: *послѣди взалка*. О другихъ видахъ искушенія нельзя и того сказать: они кажутся неожиданными, странными, безцѣльными и безсвязными, какъ между собою, такъ и съ первымъ искушеніемъ. Ни съ того, ни съ другаго, какъ говорятъ,—броситься внизъ съ огромнаго зданія: такое искушеніе, повидимому, едва ли имѣетъ какую силу для кого бы ни было, владѣющаго здравымъ умомъ. Поклоненіе сатанѣ самою уже нелѣпостію и открытымъ нечестіемъ своимъ можетъ, кажется, отразить отъ себя всякую, сколько-нибудь благочестивую, душу. Достаточно сказаннаго въ удостовѣреніе, что нельзя вполнѣ удовлетвориться, сказавъ только одну общую мысль: сатана искушалъ Господа самолюбіемъ, суетностію и гордостію (хотя это и правда). Нужно точнѣе раскрыть искусительную силу каждаго діавольскаго предложенія.

Аще Сынъ еси Божій,—такъ говоритъ искуситель взалкавшему Господу Іисусу,—*рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ. Сынъ Божій*—что это значитъ? *Ты еси Сынъ Божій, ты еси Царь Израилевъ*, говорили Израильтяне Господу, выражая свою вѣру, что Онъ есть Христосъ (Іоан. 1, 49). *Да речеши намъ, аще Ты еси Христосъ Сынъ Божій*, спрашивалъ первосвященникъ Господа (Мат. 26, 63). *Исхождаху же и бѣси отъ многихъ вопіюще и глаголюще, яко Ты еси Христосъ Сынъ Божій* (Лук. 4, 41).

Отсюда видно, что имя *Сына Божія* на языкѣ іудейскомъ употреблялось, и злымъ духамъ было извѣстно, какъ одно изъ названій Мессіи, Христа. Мысль о Сынѣ Божіемъ—Мессіи въ отношеніи къ Іисусу Христу могла родиться въ искусителѣ частію уже отъ открывшагося въ Господѣ Іисусѣ чрезвычайнаго совершенства, особенно же отъ торжественнаго и открытаго свидѣтельства объ Господѣ, какъ о *возлюбленномъ Сынѣ Божіемъ*, во время Его крещенія. Сіе свидѣтельство, слышимое Іоанномъ, конечно, не могло же быть неслышимо для міра духовнаго. Св. Златоустъ, именно на основаніи Іорданскаго Божественнаго свидѣтельства о Христѣ, изъясняетъ въ лукавомъ мысль о Іисусѣ, какъ Сынѣ Божіемъ. Въ-слѣдъ за крещеніемъ Іисуса Христа, послѣ того, какъ Онъ былъ отъ самого своего Отца засвидѣтельствованъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*,—при первой возможности и открылось это искушеніе.

Достоинство *Сына Божія* или Мессіи искуситель поставляетъ въ связи съ «твореніемъ хлѣбовъ изъ камней», какъ условіе съ условливаемымъ: *аще Сынъ еси Божій, рцы*... и пр. Такая связь необходимо предполагаетъ, какъ основаніе для себя, слѣдующую мысль: «Сыну Божію Мессіи свойственно собственно для удовлетворенія плотскихъ потребностей творить какое угодно чудо; чрезъ такое удовлетвореніе плотскому Онъ и долженъ оказаться Сыномъ Божіимъ—Мессіею».—Но именно такъ и мечтало о Мессіи и Его царствѣ іудейство того времени, какъ это явно было выражено Іудеями и обличено Господомъ по случаю напитанія Имъ пятью хлѣбами пяти тысячъ (Іоан. 6, 34. слич. 30, 31). Лукавый успѣлъ проникнуть въ область Церкви и во многихъ извратить главную ея тайну—ожиданіе Мессіи: такъ что іудеи въ чрезвычайныхъ благахъ и способахъ Мессіи мечтали имѣть самое полное удовлетвореніе и успокоеніе для своей плоти; предложенные въ чувственныхъ образахъ залоги грядущей благодати и спасенія души они стали такъ понимать, что какъ будто въ чувственныхъ благахъ и должно было состоять Христово царство. Отсюда и опредѣляется значеніе искушенія. Искуситель какъ-бы такъ говорилъ Господу: «Ты алчешь. Но къ Тебѣ было горнее свидѣтельство, какъ къ Сыну Божію. Не Ты ли и есть тотъ самый Сынъ Божій, которому слѣдуетъ только захотѣть и сказать одно слово, чтобъ земля закипѣла медомъ и молокомъ и самые камни обратились въ хлѣбы къ изобилію и наслажденію какъ Его самого, такъ и покорныхъ Ему? Если, въ самомъ дѣлѣ, Ты и есть этотъ

всемощный, ожидаемый іудеями, царь земнаго преизобилія и довольства во всемъ, виновникъ всякаго житейскаго благословенія: то вотъ эти камни готовы, по Твоему слову, сдѣлаться потребными Тебѣ хлѣбами. *Аще Сынъ еси Божій, рцы каменію сему, да хлѣбы будутъ*».

Итакъ, здѣсь дѣло касается не просто вкушенія пищи или невоздержанія, но сатана, во-первыхъ, стремится совершенно овладѣть и тайною лица Іисусова, пытаетъ, точно ли Онъ тотъ самый Сынъ Божій, Котораго ждутъ Іудеи, почему и искушаетъ Его рѣчью условною. Св. Златоустъ именно это находитъ въ намѣреніи искушенія. Вотъ слова его: «слышавъ, что гласъ сшедшій съ неба и свидѣтельствующій: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*, слышавъ столь же славное свидѣтельство о Немъ Іоанна,—искуситель вдругъ видитъ Его алчущимъ; это приводитъ его въ недоумѣніе: припоминая сказанное объ Іисусѣ, онъ не можетъ подумать, что это простой человѣкъ; съ другой стороны, видя Его алчущимъ, не можетъ повѣрить, что Онъ Сынъ Божій. Находясь въ этомъ недоумѣніи, онъ приступаетъ къ Нему съ словами обоюдными». И, вмѣстѣ съ тѣмъ, во-вторыхъ, искуситель усиливается и самого Мессію, буде это Онъ, покорить своему *вліянію* и направленію. Онъ такъ ведетъ искушеніе, что предлагаетъ Христу или отказаться отъ достоинства Мессіи—Сына Божія, или же признать своимъ назначеніемъ удовлетвореніе плотскихъ потребностей и желаній чрезвычайными способами,—другими словами: предлагаетъ Христу быть не болѣе, какъ чудодѣйственнымъ служителемъ плотскаго успокоенія и наслажденія, внушая уже и начать такое превратно-мессіанское служеніе сначала въ отношеніи къ собственной плоти. Современное іудейство, извѣтшавшее ветхозавѣтное домостроительство до значенія чисто-плотскаго, было на сторонѣ искусителя. Вотъ значеніе и искусительная сила перваго нападенія сатаны!

Теперь должно быть понятно, почему Господь отражаетъ искусителя именно такимъ изреченіемъ Писанія, которое сказано о чудесно-ниспосылаемой манѣ. «Когда и ниспосылается отъ Бога чудеснымъ образомъ что-нибудь, потребное плоти,—какъ бы такъ говорилъ Господь,—то имѣется въ виду собственно не плотское удовлетвореніе и наслажденіе, а напротивъ возвышеніе надъ плотскимъ и утвержденіе духа въ Словѣ Божіемъ, устрояющемъ все благопотребное для человѣка. Такъ ниспосылаема была Моисеемъ манна съ неба въ удостовѣреніе, что жизнь человѣка ни-

тается и поддерживается собственно не хлѣбомъ чувственнымъ, въ которомъ всегда можетъ быть недостатокъ, но самимъ Богомъ, вся дѣйствующимъ чрезъ Свое Слово, и такимъ образомъ, въ видимой манѣ, поддерживающей земную жизнь, преподавалась вѣрѣ незримая пища Слова Божія для поддержанія не просто плотской, но и духовной истинной жизни. *И напита тя Богъ манною*—такъ сказано Израилю,—*да возвѣститъ тебѣ, яко не о хлѣбѣ единѣмъ, но о всякомъ словесѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ, живъ будетъ человѣкъ* (Второз. 8, 3). *Писано есть: не о хлѣбѣ единѣмъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ*». Итакъ, самое основаніе искушенія подорвано—ветхій завѣтъ изощренъ противъ самого искусителя, и—предъ сатаною, успѣвшимъ убить іудейство и обезсилить ветхозавѣтное домостроительство плотскими мечтами, неожиданно открывается вѣчно-живое духовное воззрѣніе и на событія древности, и на жизнь и спасеніе человѣка. Господь не только отразилъ соблазнительное предложеніе быть служителемъ собственно плотскихъ потребностей и стремленій, но даже, не отрекаясь отъ своего достоинства, не далъ искусителю проникнуть и въ тайну Своего лица; а между-тѣмъ въ темныя очи сатаны блеснулъ молніею обличительной и осудительной для него истины, въ которой не устоялъ и отъ которой увлекъ большую часть Іудеевъ этотъ отецъ лжи. Эта истина слѣдующая: источникъ и пища жизни духовной есть животворящее слово, исходящее изъ устъ Божіихъ; въ отпаденіи отъ сего источника жизни, въ увлеченіи отъ онаго какимъ бы ни было призракомъ плоти или духа—смерть и гибель.

Не трудно понять искусительную силу и послѣдующихъ нападеній діавола и внутреннюю связь ихъ съ предыдущимъ; нужно только слѣдить оныя по открытому уже направленію искушенія. Евангелистъ Матоей показываетъ, какъ, уже разъ пораженный въ голову, древній змій устремляетъ жало новой лжи, дабы уязвить пяту Божеств. Сѣмени жены. Онъ измышляетъ такое искусительное предложеніе, въ которомъ уже ничего нѣтъ плотскаго, напротивъ имѣются въ виду самые священные и духовные предметы, приведено и слово Божіе съ самымъ точнымъ повидимому примѣненіемъ, но въ этомъ самомъ предложеніи искусителя направляется противъ Христа новая пружина плотскаго іудейства, понявшагося уже во владѣніе отца лжи. Такъ онъ беретъ Христа въ Іерусалимъ, на кровлю храма іерусалимскаго, на открытое

зрѣлище самыхъ священныхъ для вѣры Израиля предметовъ, и говоритъ: *аще Сынъ еси Божій, верзися низу: писано бо есть, яко Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя, и на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою,—Аще Сынъ еси Божій:* рѣчь опять условная, слѣдовательно и здѣсь предполагающая въ сатанѣ прежде всего нытаніе, точно ли это Сынъ Божій—Мессія, пронареченный низложитель діавола. *Верзися низу:* броситься наземь среди Іерусалима, съ самой высоты храма и остаться цѣлымъ—это, очевидно, есть поразительнѣйшее знаменіе, не только открывающее достоинство и величіе самого чудотворца при счастливой обстановкѣ внѣшними обстоятельствами, но озаряющее нѣкоторою славою самый святый храмъ. И такое знаменіе искуситель связываетъ съ достоинствомъ Божія Сына—Мессіи, какъ условливаемое съ своимъ условіемъ, какъ съ внутреннимъ началомъ внѣшнее проявленіе силы онаго: *аще Сынъ еси Божій, верзися низу.* Въ самомъ дѣлѣ, іудейство мечтало именно о такихъ знаменіяхъ и чудесахъ Мессіи, которыя ему необходимо совершать собственно напоказъ своего достоинства и славы: *знаменіе хощемъ отъ Тебе видѣти,*—настоятельно требовали отъ Христа представители іудейства; *кое Ты твориши знаменіе, да видимъ и вѣру имемъ Тебѣ,*—говорили Іуден Христу, требуя знаменія, какъ существеннаго дѣла Мессіи. Ветхозавѣтныя пророчества о славѣ Божіей, имѣвшей открыться въ царствѣ Мессіи надъ Израилемъ, надъ Сіономъ и храмомъ, понимаемыя въ мертвой буквѣ, могли служить опорою такой требовательности. И такъ образомъ открывается новая, и притомъ внутренняя, сторона искушенія: опять сѣтями самого іудейства думаетъ сатана уловить обѣтованнаго Царя Іудейскаго.

«Не будемъ касаться плотскаго,—какъ-бы такъ говоритъ искуситель по отношенію къ отраженному уже нападенію,—пойдемъ во святый градъ, взойдемъ на высоту іерусалимскаго храма, единственнаго въ мірѣ святилища вѣры. Если въ самомъ дѣлѣ Ты тотъ самый Сынъ Божій, Который долженъ открыться въ знаменіяхъ и чудесахъ, какія только вздумается Ему сотворить, блестящія знаменія Котораго и должны составить и проявить славу Его, долженствующую необходимо отразиться и на народѣ Его—Израилѣ, на царственномъ Его градѣ—Іерусалимѣ, на всемірномъ Его святилищѣ—семъ храмѣ: то вотъ Тебѣ наилучшій случай открыться такимъ въ Іерусалимѣ, съ высоты храма. Испытай самъ, да и другимъ покажи Божію въ Тебѣ силу и славу: *аще*

Сынъ еси Божій, верзися низу. Нуженъ ли Тебѣ на это глаголъ, исходящій изъ устъ Божіихъ? Съ самою строгою точностью идетъ сюда слово Писанія: *Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ... и на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою.* Когда это относится и ко всякому, *живущему въ помощи Вышняго и въ кровѣ Бога небеснаго:* то по превосходству и существенно должно принадлежать это Сыну Вышняго, домостроителю Бога небеснаго—Мессіи».

Искусительная ложь состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы признать существенно свойственными Мессіи блистательныя знаменія и чудеса, совершаемыя не болѣе, какъ на-показъ, или для грубаго опыта Его силы и значенія у Бога; и, слѣдовательно, на мѣсто благопокорности вѣры поставить тщеславное и самоправное истязаніе благодати внѣшнимъ опытомъ. Ветхозавѣтная блистательность знаменій и чудесъ, яркими красками которой предъизображалось въ ветхомъ завѣтѣ и время Мессіи, служила опорою искушенія, бывъ извращена современнымъ іудействомъ. Противъ сей искусительной лжи, направленной опять къ совершенному извращенію самаго служенія Мессіи, Господь даетъ отпоръ опять словомъ Божіимъ: *паки писано есть: не искуси Господа Бога твоего.* Чтобы понять силу сего отраженія, надобно взять во вниманіе, что приведенное изреченіе Писанія взято изъ самой блистательной поразительными знаменіями эпохи ветхаго завѣта. Моисей, оканчивая поприще сорокалѣтняго столько чудеснаго водительства Израиля, внушаетъ послѣднему: *не искуси Господа Бога твоего, якоже искусисте Его въ искушеніи.* Вотъ поразительный видъ искушенія: Исход. 17, 1. 2: *не бяше воды людемъ пити, и хуляху людіе Моисея, глаголюще: даждь намъ воду, да піемъ. И рече имъ Моисей: что хулите мя? и что искушаете Господа?* И далѣе: ст. 7: *Занеже искусиша Господа, глаголюще: аще есть Господь въ насъ, или ни?* Искушеніе Израильтянами Господа состояло, какъ очевидно, въ томъ, что они ребячески сомнѣвались еще, съ ними ли находится Господь, изведшій и ведущій ихъ такъ чудно,—или не вѣровали, что Онъ не погубитъ ихъ жаждою, коль скоро не видѣли своими глазами чувственнаго опыта присутствія съ ними Божія и утоленія ихъ жажды. Въ отраженіе такого невѣрія и въ возбужденіе вѣры и дано было знаменіе—изведеніе воды изъ камня. Противъ такого то невѣрія Богу безъ внѣшнихъ опытовъ, и внушается Израилю чрезъ Моисея: *не искуси Господа Бога твоего.* Посему отвѣтъ

Спасителя лукавому искусителю имѣетъ такой смыслъ: «ты предлагаешь Мнѣ поразительнымъ знаменіемъ и Самому испытать, и тебѣ (а можетъ быть, и другимъ) показать Свою силу и значеніе, какъ силу и значеніе Сына Божія. Но вотъ уже въ самую эпоху поразительныхъ знаменій дано сильное предостереженіе противъ того злоупотребленія знаменій, чтобы ихъ обращать не въ пищу и опору вѣры, а въ грубый чувственный опытъ, требуемый самонравіемъ и невѣріемъ. *Писано есть: не искусиши Господа Бога твоего.* Тогда знаменія давались къ отраженію невѣрія, къ возбужденію и поддержанію вѣры, и—послѣ знаменій внушалось избѣгать того дѣтскаго легкомыслія, чтобы не довѣрять силѣ Божіей безъ чувственныхъ ея опытовъ. А ты предлагаешь знаменіями и оправдать, и утвердить образовавшійся теперь догматъ невѣрія, чтобы силу Божію не благопокорностію вѣры привлекать и воспринимать, а подвергать самонравному искушенію грубыми внѣшними опытами... Итакъ, опять искусительная ложь обнажена,—подорваны самыя ея основанія. Господь и соблазнъ отразилъ, и не открылъ искусителю тайны Своего лица; хотя указалъ съ отрицательной стороны на духовный законъ безусловнаго послушанія и преданности Богу, обличающій и осуждающій какъ самого искусителя, такъ и увлеченное имъ іудейство.

Евангелистъ представляетъ новый, и уже теперь послѣдній, изворотъ поражаемаго искусителя. Лукавый искуситель беретъ Христа на *гору высоку зѣло*, показываетъ Ему всѣ царства міра сего и славу ихъ, и говоритъ: «все сіе дамъ Тебѣ, ежели падши поклонишися мнѣ». Предложеніе сдѣлано Христу (какъ должно заключать изъ общаго, выше прямо выражаемаго, направленія искушенія) съ подразумѣваемымъ условнымъ предположеніемъ: *аще Сынъ еси Божій.* Чрезъ умолчаніе о семъ, можетъ быть, лукавый хотѣлъ скрыть, что ему крайне хочется удостовѣриться въ значеніи лица Христова,—можетъ быть, избѣгалъ того внутренняго противорѣчія въ искусительной рѣчи, что отъ Сына Божія требовалъ поклоненія и предлагалъ Ему отъ себя всемірное владѣніе,—можетъ быть, и всего вѣроятнѣе, что гордость не позволяла князю міра сего признать въ Мессіи всемірнаго полновластнаго Господа и Царя. Какъ бы то ни было, но Сыну Божію—Мессіи издревле обѣтовано и многократно предрекаемо было обладаніе всѣми концами земли, торжество надъ всѣми царствами: это самое и превращено было іудействомъ въ мечту, что Мессія

долженъ быть завоевателемъ и царемъ вселенной въ духѣ и со славою міра сего. Сіе-то и употребляется въ искусительное оружіе противъ Господа. Искуситель открываетъ Христу все темное свое величіе, величіе князя міра сего, самовластно дѣйствующаго въ чадахъ міра, и какъ-бы такъ говоритъ Ему: «Если Ты питаешь желаніе и замыслы получить въ одержаніе свое концы земли, то знаешь, что этого Тебѣ не достигнуть безъ моего соизволенія. Ибо всѣ эти царства, вся эта слава міра сего подлежитъ моей державѣ; я князь міра сего. Тутъ дѣло ни плоти не касается, надъ влеченіями которой Ты столь высокъ, ни даже Бога, котораго опасно и преступно искушать. Поклонись только мнѣ, и—все будетъ Твое—всѣ царства міра, со всею ихъ славою». Искусительная сила здѣсь въ томъ, чтобы Мессіи владѣть міромъ въ духѣ міра сего подъ властительнымъ вліяніемъ князя міра, чтобы царство Мессіи, какъ и все мірское, было не болѣе, какъ царство чисто-мірское, зависящее, слѣдовательно, отъ державы темнаго міродержавца. Ветхозавѣтная гражданская феократія, въ образахъ и видахъ которой представлялось и изображалось царство Мессіи, извращенная въ своемъ значеніи іудействомъ, казалась на сторонѣ искусителя, представлявшаго царство Мессіи не болѣе, какъ царствомъ міра сего.—Чтобы теперь понять значеніе отвѣта Господа, нужно взять приводимое Имъ изреченіе въ связи: *и будетъ егда введетъ тя Господь Богъ твой,*—Говоритъ Моисей Израилю,—*въ землю, ею же клятся отцемъ твоимъ... вонми себѣ... да не забудеши Господа Бога твоего... Господа Бога твоего да убоишися и Тому единому послужиши...* и т. д. (Второз. 6, 10—13). Ясно, что законъ поклоненія и рабства единому Богу положенъ какъ основной законъ гражданской феократіи Израиля, и что, слѣдов., царство Израиля и въ гражданской своей формѣ было, по значенію и духу, царство собственно Божіе, а не отъ міра сего. «Какъ же ты смѣешь присвоить себѣ державу царства Божія?—какъ-бы такъ глаголалъ сатанѣ прогнѣванный хулою его Господь. Прочь, сатана: *писано бо есть,* и это есть коренной законъ царства Израилева въ прообразовательной ли обѣтованной землѣ, или въ обѣтованной духовной области самой благодати: *Господу Богу твоему поклонишися и Тому единому послужиши*». Слѣдовательно, и здѣсь искуситель съ самымъ основаніемъ своего искушенія низложенъ; и царство Божіе, царство Мессіи, открыто въ томъ своемъ духовномъ существѣ и значеніи, что оно есть царство собственно поклоненія и служенія единому Богу, царство, слѣдов., не въ духѣ міра сего,

хоть бы было и въ мірѣ семъ, словомъ—царство такое, отъ котораго отпалъ самъ сатана и отвлекъ большую часть Іудеевъ.

Послѣ послѣдняго вида искушенія, оставалось искусителю вторгнуться съ искусительнымъ оружіемъ развѣ во внутренность царства Мессіи; но эту попытку евангелистъ Матоей представилъ уже выше, какъ сатана предлагалъ Христу броситься внизъ съ храма. Посему искушеніе кончилось. Діаволъ отступилъ отъ Господа, и Ангелы приступили и стали служить Ему.

Итакъ, всѣ виды искушенія, по смыслу своему, находятся во внутренней связи и представляютъ одинъ злохудожный планъ искусителя. Діаволъ, ведя искушеніе, становится въ уровень съ положеніемъ Мессіи и воздвигаетъ противъ Него все, захваченное и растлѣваемое имъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ во всемъ мірѣ и особенно въ самой Церкви, и—однако, Господь низлагаетъ его, при всѣхъ его нападеніяхъ, обращая самыя основанія его искушеній противъ него же самого, а Самъ являясь неколебимымъ въ своемъ положеніи—съ величіемъ и простотою исполнителя слова Божія. Общій смыслъ искушенія тотъ, что іудейство, со всѣми своими мечтами, оказывается на сторонѣ и подъ державою сатаны,—Христосъ же открываетъ основные духовные законы Своего служенія и царства, взятые изъ ветхаго завѣта, но совсѣмъ противоположные извращеннымъ уже воззрѣніямъ іудейства.

Однимъ взглядомъ обнимемъ весь составъ искушенія. Поелику въ ветхомъ завѣтѣ предъизображалась Благодать въ образахъ плотскаго, мірскаго, въ блестящей видимости, а іудейство, подъ вліяніемъ отца лжи, уже самое существо грядущей Благодати стало понимать какъ удовлетвореніе и царство плоти, какъ чрезвычайную своимъ блескомъ и сустную видимость, какъ объемлющую всѣ концы земли державу міра: то искуситель и вооружается противъ Христа самымъ вѣрованіемъ іудейства, самымъ ветхозавѣтнымъ домостроительствомъ, убитымъ отъ него (для большинства іудеевъ) въ своемъ духовномъ значеніи:—«Для Тебя, если Ты Сынъ Божій, по одному Твоему слову, и камни готовы сдѣлаться хлѣбами, потребными къ удовлетворенію плоти; Тебѣ можно и благопотребно, если Ты Сынъ Божій—Мессія, открыто блистать какимъ угодно знаменіемъ, какимъ угодно чрезвычайнымъ явленіемъ и поступкомъ, даже (хоть столь пригоднымъ для Тебя)—такимъ, чтобы броситься съ высоты іерусалимскаго храма въ виду всѣхъ, и быть подъятымъ руками Ангеловъ; предназначенную же Мессіи державу міра, обнимающую всѣ мірскія царства и

славу ихъ, предлагаю я самъ, міродержецъ или князь міра, за одинъ Твой поклонъ». Такъ всѣ существенныя стороны іудейства обращены въ пружины искушенія. И Господь изъ ветхаго же завѣта, изъ основныхъ началъ самого іудейства, обличаетъ и отражаетъ ложь искушенія, подрывая самыя его основанія, а вмѣстѣ назнаменуетъ коренные законы Своего благодатнаго царства:—«Когда Израилю чудесно ниспосылался чувственный хлѣбъ, то не простое удовлетвореніе плоти, но собственно возвышеніе духа къ питающему Слову Божію имѣлось тогда въ виду и навсегда внушается Писаніемъ. Уже среди поразительной видимости ветхозавѣтныхъ знаменій воспрещено пристрастіе къ ней, не признающее внѣ оной благодатнаго присутствія Божія, — воспрещено какъ невѣріе, которое дерзаетъ и невидимую по своему существу силу Божію грубо и прихотливо истязывать чрезъ внѣшніе опыты. Наконецъ, основной законъ самого Израиля и его мірскаго невидимому гражданства взятъ съ чина міра горняго, ангельскаго: это—*законъ* служенія и поклоненія единому Богу». Возвышеніе, въ самомъ удовлетвореніи потребностямъ плоти, къ духовности слова Божія,—вѣра, не терпящая искушать Божественнаго, и порядокъ не отъ міра сего—порядокъ служенія единому Богу по чину жительства небеснаго—вотъ что чрезъ искушеніе открылось свойственнымъ царству Христову. Все это раскрыто прямо изъ ветхаго завѣта, и однако же, съ отрицаніемъ превратныхъ началъ современнаго Христу іудейства. Самый образъ искушенія точнѣе представленъ у другаго Евангелиста: тамъ и нужно будетъ слѣдить его.

II.

(По Евангелію отъ Луки).

Искушеніе Христово сатаною въ Евангеліи Луки изображается съ большею обстоятельностью, нежели въ Евангеліи Матѳея. Ибо св. Евангелисты, будучи одинаково сосудами и органами Св. Духа, въ самой своей Боговдохновенности отличались между собою разными особенностями; и потому, одинъ Евангелистъ, по свойственнымъ ему особенностямъ, излагалъ событія съ нѣкоторымъ различіемъ отъ другаго, выдерживающаго также свои духовныя особенности.

Вотъ черты преимущественной точности и обстоятельности евангельскаго сказанія объ искушеніи у Луки:

1) Ев. Матоей, говоря о *возведеніи Христа Духомъ въ пустыню*, согласно съ общимъ характеромъ своимъ—*соображать* дѣло, замѣчаетъ цѣль возведенія въ пустыню—*искуситися отъ діавола:* св. Лука занимается фактами, и сказуетъ, что Христосъ *днїй четыредесять бысть искушаемъ отъ діавола*. Цѣль, по Евангелію Матоея, достигается, когда бы послѣдовали только одни тѣ искусительныя дѣйствія, какія открылись *послѣди* или по прошествіи *четыредесяти дней*, и какія одни указаны св. Матоесмъ. Между-тѣмъ у св. Луки то же высказано точнѣе и полнѣе: въ продолженіе всѣхъ четыредесяти дней діаволъ искусительнымъ окомъ слѣдилъ за Христомъ, нытаясь и усиливаясь уязвить пяту у Божественнаго Сѣмени жены.

2) Четыредесятидневный постъ, на который такъ обще указано Ев. Матоесмъ *постився*, св. Лука опредѣляетъ со всею точностію: *не ястъ ничесоже во дни тыя*.

3) Евангелистъ Матоей говоритъ о внѣшнихъ дѣйствіяхъ искусителя въ отношеніи ко Христу обще и не совсѣмъ опредѣленно: *поятъ Его*... Какъ это было? Ужели восхищалъ и переносилъ Его сатана съ мѣста на мѣсто? Евангелистъ Лука говоритъ о томъ же точнѣе: *возведя Его... веде Его...*

4) Въ искушеніи, особенно поразительномъ и неудобовъясняемомъ по образу своего совершенія (каково предложеніе Христу всей славы міра), Ев. Матоей просто выражаетъ—въ чемъ дѣло, *показа Ему вся царствія міра и славу ихъ, и глагола Ему: вся сія Тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися*. Святый же Лука обстоятельнѣе и опредѣленнѣе говоритъ и о самомъ показаніи славы міра: *показа Ему вся царствія вселенныя въ чертѣ временнѣ*, «во мгновеніи ока», и объ искусительномъ предложеніи: *Тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ: яко*, прибавляетъ сатана, *мнѣ предана есть, и емуже аще хощу, дамъ ю. Ты убо аще поклонишися предо мною будутъ Тебѣ вся*.

5) Самый порядокъ искушенія представленъ Ев. Матоесмъ, какъ именно свойственно было ему представить съ свойственнымъ ему характеромъ—*соображать* событія. Царство сверхъестественнаго довольства и преизобилія всѣми благами жизни сей,—отсюда блистательность и слава знаменій и чудесъ,—отсюда уже верхъ мечтаній іудейства—самовластное и ничѣмъ не стѣсняемое обладаніе всѣмъ міромъ:—въ такой внутренней связи

развиваются іудейскія мечтательныя представленія и надежды относительно царства Мессіи. Въ соотвѣтственной сему связи и порядкѣ Евангелистъ Матоей и слѣдитъ за искусительными предложеніями: и—искушеніе, по смыслу и внутреннему направленію онаго, дѣйствительно, удобно и вполнѣ раскрывается по Евангелію Матоея, какъ это мы видѣли. Ев. Лука, по свойственному ему воззрѣнію на излагаемые имъ предметы преимущественно съ фактической стороны, изображаетъ ходъ и порядокъ искушенія, переставляя два послѣднія искусительныя дѣйствія; и мы ниже усмотримъ, что этотъ порядокъ искушенія у св. Луки фактически яснѣе, нежели въ Евангеліи Матоея.

По такой-то преимущественной точности и обстоятельности сказанія св. Луки, и надобно именно по его Евангелію раскрывать образъ и ходъ искушенія, какъ это происходило на самомъ дѣлѣ: подобно, какъ смыслъ и внутреннее направленіе искушенія удобнѣе раскрывать по Евангелію Матоея.

По Евангелію Луки, подвигъ искушенія начался у Господа съ подвигомъ сорокадневнаго поста: *дній четыредесять искушаемъ отъ діавола: и не ястъ ничесоже въ тыя дни,* ст. 2.

Искушаемъ отъ діавола: Евангелистъ эти искусительныя усилія діавола противъ Господа отличаетъ отъ трехъ дальнѣйшихъ дѣйствій искушенія, когда первыя относитъ къ продолженію четыредесяти дней, а начало послѣднихъ полагаетъ уже *скончавшимся симъ днямъ.* Въ чемъ состояли нападенія искусителя въ продолженіе четыредесяти дней, можно отчасти усмотрѣть изъ тогдашняго состоянія Спасителя, которому, конечно, и были соотвѣтственны вражескія нападенія. Христосъ *не ястъ ничесоже въ тыя дни,* да и самаго алканія не ощущалъ: ибо уже *послѣди,* по прошествіи сорокадневнаго поста, *взалка.* Чтобы въ продолженіе сорока дней не только не удовлетворить естественнымъ самымъ настоятельнымъ потребностямъ, но и не чувствовать ихъ, необходимо, для сего, всему человѣческому Христову существу быть заняту высшими духовными потребностями и ихъ удовлетвореніемъ. Такъ и говорятъ о семъ св. отцы церковные и учители. Вотъ слова Амвросія Медіоланскаго: «нищею для Христа, какъ (нѣкогда) и для Моисея, была молитва и собесѣдованіе съ Богомъ» (lib. 4 Luc. cap. II). А св. Златоустъ и Иларій говорятъ, что именно Божество Іисуса Христа хранило тѣло Его безъ алканія (см. Caten. Graec. Pat. in. Lucam, pag. 110). Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ по самому человѣчеству своему былъ уже тогда

преисполненъ силъ и даровъ Духа Святаго, существенно почивающаго въ Немъ по Божеству: *Іисусъ исполнь Духа Свята*. Духъ Святый располагалъ и двигалъ всѣмъ Его существомъ: *и ведяшеся Духомъ*. Въ такихъ духовныхъ обстоятельствахъ, съ одной стороны, силамъ и потребностямъ человѣческимъ во Христѣ свойственно было устремляться къ Духу и подчиняться вполнѣ Его вліянію и влеченію, а съ другой—Самому Духу проникать всѣ силы и способности человѣческаго существа и вводить ихъ въ свои тайны. Сему вполнѣ совершиться и навсегда утвердиться, по законамъ человѣческаго естества, можно не иначе, какъ подъ условіемъ потребнаго на это продолженія времени и глубочайшей внутренней сосредоточенности и духовнаго уединенія: и—Христосъ дѣйствительно *ведяшеся Духомъ въ пустыню*, на продолженіе дней четыредесяти. Когда совершалось это неизъяснимое взаимно-дѣйствіе и сраствореніе во Христѣ, съ одной стороны—полноты даровъ и силъ Св. Духа, почившаго въ самомъ человѣчествѣ Христовомъ по крещеніи, а съ другой—силъ и стремленій человѣческаго Его существа, когда, при всецѣломъ углубленіи въ Божественное, не было мѣста ощущенію и естественныхъ земныхъ потребностей: въ это время, что можно дѣлать лукавому?—Съ своими внушеніями приступить ко Христу? Но не было ни одной, удобоприступной для сего точки. Бѣжать отъ Христа? Но таинственность (а не открытая слава) совершавшагося—не отражала, не гнала его въ бездну. Оставалось искусительно наблюдать за состояніемъ чрезвычайнаго подвижника, подстерегать и ловить удобную минуту запнуть Его, и развѣ какими внѣшними дѣйствіями тщетно усиливаться привлечь вниманіе Его и тѣмъ развлечь Его духъ отъ всецѣлой сосредоточенности въ одномъ Божественномъ. Такимъ или подобнымъ сему образомъ дней четыредесять искушаемъ былъ Христосъ *отъ діавола*.

Что точно искуситель неотступно слѣдилъ за Христомъ, сейчасъ же открылось, какъ скоро совершился этотъ чрезвычайный подвигъ уединеннаго и безмолвнаго углубленія Христова въ Божественное, съ возвышеніемъ надъ дольными, хотя и естественными, потребностями. При возвращеніи Христа къ обыкновенному положенію человѣка, носящаго плоть, заговорили въ Немъ естественныя потребности плотской немощи: *взалка*. Діаволъ сейчасъ же тонко замѣчаетъ это и открываетъ для себя удобство приступить наконецъ ко Христу съ своими внушеніями: *послѣди взалка, и рече Ему діаволъ*... и проч.

Какъ понимать вообще этотъ образъ искушенія, что діаволъ бесѣдуетъ съ Господомъ и даже возводитъ Его въ разныя мѣста? Въ изъясненіи сего надобно избѣгать двухъ крайностей. И, во-первыхъ, не вѣрно такое изъясненіе, по которому зрѣлище искушенія представляется въ простомъ чувственномъ видѣ: искуситель является будто-бы какъ простой человѣкъ, и всего вѣроятнѣе будто-бы какъ книжникъ; дѣло искушенія идетъ чрезъ обыкновенную бесѣду одного съ другимъ, чрезъ простое путешествіе на гору, въ Іерусалимъ, и проч. Нѣтъ никакого правдоподобія и естественности въ томъ, чтобы, случайно сойдясь одинъ съ другимъ (какова была бы въ семъ случаѣ первая встрѣча Христа съ искусителемъ), одинъ въ другомъ сейчасъ примѣтилъ алканіе, завелъ съ нимъ рѣчь, не Сынъ ли онъ Божій, и предлагалъ къ утоленію голода камень обратить въ хлѣбъ. Не говоримъ уже о томъ, что *второе* дѣйствіе искушенія (по Евангелію Луки), т. е. предложеніе Христу всѣхъ царствъ міра и славы ихъ, необходимо предполагаетъ въ искусителѣ открытый видъ діавола. И въ самомъ дѣлѣ, даже и простой человѣкъ, подвигами вѣры усиливаясь проторгнуться въ чистую область духа, достигаетъ до благодатнаго открытія очей своего сердца, которыми онъ болѣе или менѣе ясно видитъ духовныя движенія и дѣйствія невидимаго врага; и потому, сей послѣдній ведетъ съ нимъ борьбу, уже болѣе или менѣе открытую. Что же сказать о Христѣ, Который, *исполнь Духа Святаго*, цѣлые сорокъ дней уже провелъ въ подвигѣ такого углубленія въ Божественное и духовное, что все это время даже не слышно было Ему голоса плотской потребности? Ужели область духовнаго міра была еще закрыта для очей человѣческаго Его духа? Сказаніе объ искушеніи Евангелистъ Матоей заключаетъ такъ: *тогда остави Его діаволъ: и се Ангели приступиша и служаху Ему*,—конечно, не въ видѣ простыхъ земнородныхъ прислужниковъ; слѣдовательно, не въ видѣ простаго чувственнаго явленія совершалось искушеніе. Было время (первобытное состояніе человѣка), когда во всемъ земномъ—видимомъ ощущалось первымъ человѣкомъ духовное и небесное; и искуситель подступилъ къ прародительницѣ въ зміѣ, «хитрѣйшемъ всѣхъ звѣрей»: св. бытописатель такъ и изображаетъ образъ искушенія. Теперь другое время: второй Человѣкъ оставляетъ разнообразіе видимаго, уединяется въ пустыню; здѣсь совершенно возвышается надъ плотскимъ къ духовному, такъ-что едва наконецъ ощущаетъ себя обложеннымъ плотію, требующею питанія. Искусителю уже, такъ сказать,

не современно было надѣвать на себя простую чувственную форму. И Евангелистъ, описывая, какъ было дѣло, говоритъ прямо: *и рече Ему діаволъ... возведе Его діаволъ*, и проч. Итакъ, зрѣлище искушенія Христова, и по существу дѣла и по образу сказанія евангельскаго, не должно низводить до вида простыхъ чувственныхъ явленій въ человѣческой жизни.

Но, во-вторыхъ, не справедливо возводить оное къ такой духовности, чтобы все искушеніе представлять совершающимся мысленно, а не во внѣшней дѣйствительности, или чтобы Христосъ возводимъ былъ на гору, и въ Іерусалимъ на кровлю храма, подобно какъ Іезекіиль духовно переносился въ Іерусалимъ и въ храмъ, въ своихъ видѣніяхъ. (Такъ Кипріанъ de jejunio et tentatione Christi. см. Catena Patrum, pag. 110). Невѣрность сего вида также и изъ самаго существа дѣла и изъ образа сказанія евангельскаго. Предложеніе сдѣлать изъ камня хлѣбъ—должно потерять всю искусительную силу для алчущаго, когда хлѣбъ, полученный чрезъ превращеніе камня, былъ бы только въ мысленномъ образѣ. Предложеніе броситься внизъ съ кровли храма въ надеждѣ поддержанія Ангелами, не имѣло бы смысла, еслибъ Іерусалимъ и храмъ были только мыслимы. Что касается до сказанія евангельскаго: *ведяшеся Іисусъ Духомъ въ пустыню*, конечно—дѣйствительную, постился и взалкалъ—на самомъ дѣлѣ, возвратился по искушеніи въ Галилею (ст. 14) не въ мысляхъ только; но со всѣмъ этимъ искушеніе поставлено во внутренней связи и изображено одинаково исторически. Такимъ образомъ, искушеніе, по образу своего совершенія, должно быть таково, что искуситель явился, говорилъ, дѣйствовалъ открыто въ своемъ значеніи духа—князя міра сего; но все это было не мысленно только и по отношенію къ мысленнымъ предметамъ, но въ области внѣшней дѣйствительности и по отношенію къ дѣйствительнымъ предметамъ. Дѣйствія искусителя, поколику были открыты въ своей духовности, являли въ немъ діавола, но поколику входили во внѣшнюю земную дѣйствительность, были сообразны съ ея законами и условіями: діаволъ говоритъ, выслушиваетъ, возводитъ, и проч. Соотвѣтственно сему самъ Господь въ своемъ человѣчествѣ, съ одной стороны—слѣдилъ за искушеніемъ, принималъ это искушеніе и низлагалъ его собственно *духомъ*; ибо духовныя дѣйствія сатаны требовали духовнаго же и воздѣйствія на него; а съ другой—выражалъ духовныя движенія и во внѣшней тѣлесной дѣятельности (отвѣчалъ, шелъ); ибо тѣло, послѣ сорокадневныхъ духовныхъ подвиговъ Христовыхъ, возвы-

шавшихъ оное надъ естественными Его потребностями и немощію, уже не могло не быть совершеннымъ органомъ духа, удобоприемлемымъ и для внѣшнихъ духовныхъ сообщеній.

Итакъ, общій образъ искушенія Христова можно почесть уясненнымъ по крайней мѣрѣ на столько, что нѣтъ мѣста къ нахожденію какихъ-либо несообразностей въ семъ событіи если разсматривать оное по роду и связи его обстоятельствъ. Если разсматривать общій ходъ событія и съ духовно-нравственной стороны, окажется онъ также глубоко сообразнымъ съ порядкомъ нравственной жизни и потому высоко назидательнымъ.

И рече Ему діаволъ... И отвѣща Іисусъ къ нему... И возведъ Его діаволъ... и т. п. Не унизительно ли для высочайшаго Праведника это разглагольствіе съ сатаною и даже нѣкоторое уступленіе влеченію сего послѣдняго, каково Христово допущеніе ему—вести Себя? Съ первообраза святости какъ снимать и усвоять намъ такія черты? Обстоятельное сказаніе Ев. Луки объ искушеніи дастъ удобство удовлетворительно разрѣшить и такой вопросъ.

Въ опытахъ и правилахъ духовной жизни, какіе намъ извѣстны изъ сказаній о духовныхъ подвижникахъ, можно находить одно изъ основныхъ правилъ такое: не утвердившемуся въ духовной жизни опасно и возбраняется—даже мысленно разглагольствовать съ внушеніями грѣха; чѣмъ менѣе вниманія обращено на подобное прираженіе нравственнаго зла и скорѣе отвращена отъ него мысль, тѣмъ лучше это для сохраненія нравственнаго достоинства—чистоты и мира. Но совсѣмъ иное одобряется для твердыхъ и совершенныхъ: такъ, когда нѣкто изъ такихъ спросилъ другого подобнаго же, что присовѣтовалъ бы ему сей послѣдній, какъ себѣ самому—отражать ли внушеніе грѣха, не обращая на него вниманія, съ перваго же разу, или допустить оное до своего духа, чтобъ бороться и уже борьбою низложить искусителя: то подвижникъ отвѣчалъ, что онъ самъ поступаетъ по послѣднему правилу и то же совѣтуетъ спрашивавшему, относя первое къ немощнымъ. Въ образѣ искушенія Христова то и другое оправдано и утверждено Самимъ Господомъ. Когда діаволъ направлялъ искусительныя свои дѣйствія противъ Господа съ самаго начала и во все продолженіе сорокадневнаго подвига углубленія Его въ Божественное, съ возвышеніемъ при томъ надъ всѣмъ плотскимъ,—когда человѣческому естеству Его предлежало, какъ выше это отчасти раскрыто, сознательно и свободно под-

чинится всѣми своими силами движеніямъ пріятаго Духа, и дать каждой силѣ и способности, такъ сказать, обозрѣть и упрочить свойственную ей полноту Божественныхъ силъ Св. Духа, войти въ ихъ духъ и направленіе: тогда искушаемый Господь не допускалъ до Себя никакого внушенія искусителя. И вотъ образецъ и правило для всѣхъ: пока идетъ, или только начинается, или даже еще не начато дѣло утвержденія въ духовной жизни, — уклоняться отъ всего соблазнительнаго. Пока напр. разумѣніе не овладѣло духомъ истины Христовой и не ввело ее, какъ душу, въ свой образъ мыслей и взглядовъ,—опасно и безразсудно останавливаться на сатанинскихъ глубинахъ нѣкоторыхъ ученій, съ самонадѣяннымъ порывомъ отразить ложь и тѣмъ паче съ однимъ неосторожнымъ любопытствомъ. — Когда совершился духовный подвигъ Христова сосредоточенія въ одномъ Божественномъ, и — слѣдовательно, человѣческія Его силы сознательно и свободно вооружили себя силами Св. Духа: то Господь, чрезъ вниманіе къ требованіямъ плотской немощи, открываетъ доступъ искусителю съ его лукавыми внушеніями, бесѣдуетъ съ нимъ и даже нѣкоторымъ образомъ уступаетъ его влеченію, дозволяя ему возвести Себя на гору, на кровлю храма. Такъ сила Св. Духа, облекшая своимъ вооруженіемъ человѣческую немощь, даетъ свободу духу злобы подвигнуть противъ Себя самыя злохудожныя пружины, чтобы тѣмъ рѣшительнѣе и торжественнѣе низложить противника. По сему первообразу, твердо обучившіеся *различенію добра и зла* не обинуются выходить на зрѣлище соблазновъ и лжи, чтобы тѣмъ болѣе раскрыть побѣдоносную силу правды и истины.

Обратимъ теперь вниманіе на частности искушенія Христова, требующія уясненія.

И рече Ему діаволъ: аще Сынъ еси Божій, рцы каменеви сему, да будетъ хлѣбъ. Смыслъ и направленіе искусительнаго предложенія намъ уже извѣстны. Но нужно выставить на видъ соотношеніе его съ оказавшимся Христовымъ состояніемъ *алканія*, дабы яснѣе былъ виденъ и дальнѣйшій ходъ искушенія. Христосъ, засвидѣтельствованный какъ Сынъ Божій и цѣлые сорокъ дней проведшій какъ безплотный, наконецъ ощутилъ требованіе плотскаго естества и внялъ сему требованію: *взалка*. При такомъ выходѣ Его изъ духовной сосредоточенности, и именно по поводу тѣлесной потребности, и удобно было лукавому подступить ко Христу съ своимъ внушеніемъ, относящимся къ мечтамъ о плотскомъ внѣестественномъ довольствѣ царства Мессіи, о готовности

самыхъ камней служить плотскому удовлетворенію сыновъ и тѣмъ паче Главы сего царства.

Господь отвергъ это предложеніе, на основаніи тѣхъ же началъ ветхозавѣтныхъ, какими думалъ воспользоваться искуситель, и именно—указавъ, что въ царствѣ Божіемъ, и въ отношеніи къ потребностямъ тѣла и предметамъ чувственнымъ, сила собственно не въ плотскихъ способахъ жизни и довольства, а въ духовныхъ и Божественныхъ,—что такъ было и въ ветхозавѣтной осократіи, и притомъ, въ такихъ ея явленіяхъ, когда вышесестественно преподавалось Израилю плотское благо—хлѣбъ, манна (ст. 4). Чрезъ это Христосъ отнялъ у сатаны самую возможность дѣйствовать на немощь плоти, хотя болѣе другихъ удобопристунную къ уязвленію: Христосъ, и съ ощущаемою немощію плоти, явился въ духовной борьбѣ съ искусителемъ, какъ принадлежащій къ міру горнему и живущій самою плотію въ Богѣ и для Бога. *Писано есть*, сказалъ Господь діаволу, *яко не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ исходящемъ изъ устъ Божіихъ.*

Въ семъ положеніи Христа врагу, уловившему Его вниманіе, открывалось удобство дѣйствовать прямо на духовную Его сторону: какъ-бы жителю міра горняго, духовнаго, дѣлать онъ Христу такое предложеніе, духомъ котораго отецъ лжи и самъ въ началѣ увлекся, и увлекъ цѣлые сонмы небожителей, теперь своихъ темныхъ клевретовъ и служителей: *Тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ... будутъ Тебѣ вся.* Такая соотвѣтственность второго искусительнаго дѣйствія діавола съ оказавшимся положеніемъ Господа и показываетъ, что порядокъ искушенія Евангелія Луки фактически яснѣе и полнѣе, нежели у Матоея; хотя, по смыслу искушенія, порядокъ сказанія Матоея естественнѣе и цѣлесообразнѣе.

И возведъ Его діаволъ на гору высоку, показа Ему вся царствія вселенныя въ чертѣ временѣ или «во мгновеніи ока». Какъ разумѣть это?—*Мнѣ предана есть, и емуже аще хощу, дамъ ю*, говоритъ искуситель о власти надъ всѣмъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, Самъ Спаситель называетъ его княземъ міра; по Апостолу, всѣ неискупленные *проданы подъ грѣхъ*; по его же словамъ, діаволъ *дѣйствуетъ въ сынахъ противленія*, и по словамъ Христовымъ, противящіеся Богу, *похоти отца* своего *діавола хотятъ творити*. Не существомъ, а дѣйствіемъ мысли и воли надобно же обнимать ему (какъ властительно дѣйствующему похотью своей воли и мысли) всю подвластную область; и это объятіе мыслію, какъ у духа, необложеннаго плотскимъ покровомъ, долж-

но быть не отвлеченное, а созерцательное. «Онъ, какъ есть духъ,—говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ о діаволѣ,—то можетъ озирать все поднебесное» (стр. 12 на обор. въ «Лѣствицѣ» 1842). Чѣмъ болѣе и у человѣка духъ освобождается, хотя бы и насильственно, отъ зависимости плоти: тѣмъ менѣе для него стѣснительны законы и условія разстоянія пространства. Теперь, весь языческій міръ ходилъ по вѣку міра сего, по князю власти воздушныя. Самое іудейство стало оружіемъ и вмѣстилищемъ его лжи, кромѣ немногихъ избранныхъ. *Мнѣ предана есть* (власть и слава міра), говоритъ онъ, и—Господь не опровергаетъ сего. Весь потому міръ и слава его открыты сатанинскому, въ семъ случаѣ какъ-бы всеобъемлющему, взору. Христосъ предшествующимъ чрезвычайнымъ духовнымъ подвигомъ и постомъ и настоящимъ отреченіемъ отъ удовлетворенія тѣлесной потребности восходилъ, какъ мы уже сказали, къ состоянію безплотныхъ; самое тѣло Его было удобнымъ орудіемъ для духовныхъ вліяній и сообщеній.

Нужно было только Христа, какъ, все же, носящаго плоть поставить въ положеніе, которымъ бы и тѣло направлялось, и возвышалось, и духъ возбудился и направился къ высшему своего рода созерцанію, обнимающему разомъ всѣ царства міра и славу ихъ. И вотъ, *возведе Его діаволъ* на гору высоку, и развилъ предъ нимъ во мгновеніи всю область свою: *показа Ему вся царствія вселенныя.*

Христосъ низложилъ врага и съ этимъ льстивымъ его предложеніемъ—власти надъ міромъ, подъ условіемъ покорности самому духу гордыни и лжи. Высочайшій Подвижникъ правды посрамилъ діавола тѣмъ указаніемъ изъ слова Божія, что покорность и поклоненіе подобаетъ собственно единому Господу Богу, и что слѣдовательно область истинной правды, какъ служенія въ мысляхъ, чувствахъ и дѣлахъ единому Богу, рѣшительно отдѣлена отъ области высокомѣрныхъ притязаній и стремленій быть въ какомъ-либо отношеніи кумиромъ для міра, съ подчиненіемъ князю міра—діаволу.

Оставалось теперь искусителю дѣйствовать на Христа развѣ прямо въ области служенія и поклоненія Богу: Господь попускаетъ искусителю и это. И вотъ онъ поемлетъ Христа въ Іерусалимъ и ставитъ на крилѣ церковномъ, съ предложеніемъ броситься внизъ и съ обнадеживаніемъ въ сохраненіи отъ Ангеловъ. Смыслъ же сего искушенія и побѣды надъ нимъ уже знаемъ,

Господь показалъ, что въ области духовно-божественнаго и священнаго должно управлять человѣкомъ благоговѣніе вѣры, упованія и преданности къ Богу, не допускающее никакой тщеславной дерзости и самонадѣянности, такъ же, какъ и малодушнаго недовѣрія и легкомысленной пытливости.

Такъ, чрезъ искушеніе Свое отъ діавола, Господь показалъ человѣку, что, во-1-хъ, въ отношеніи и къ самымъ чувственнымъ его потребностямъ, главное дѣло и сила для него въ словѣ Божіемъ, которое и должно быть началомъ всей жизни человѣческой; во-2-хъ, возвышаясь такимъ образомъ и въ удовлетвореніи чувственныхъ потребностей къ духовному, человѣку надобно возвыситься надъ горделивымъ духомъ и властолюбіемъ діавола, поклоняясь и служа и умомъ и волею и сердцемъ единому Богу; но, въ-3-хъ, и утвердясь въ священной и Божественной духовности, надобно всеблаговѣйно беречься, чтобы не допустить самонадѣяннаго безстрашія предъ Богомъ также, какъ и недовѣрчивой или легкомысленной пытливости, а быть предъ Богомъ въ расположеніи сына, соединяющаго съ свободнымъ доступомъ къ Отцу—осторожность и разсудительность сыновней преданности.

Искушеніе Господа нашего—отъ діавола,—какъ по внутреннему смыслу, такъ и съ фактической стороны этого событія,—достаточно по нашей возможности изъяснили мы, слѣдя сказаніе объ ономъ въ Евангеліи Матѳея и въ Евангеліи Луки. Что же скажемъ мы теперь о значеніи этого Евангельскаго событія собственно для насъ, особенно въ отношеніи къ нашему настоящему или современному духовному состоянію?—Господь нашъ, Который Самъ по Себѣ безконечно-высокъ надъ всякимъ искушеніемъ и однимъ дуновеніемъ силенъ упразднить искусителя, выдержалъ искушеніе отъ діавола собственно для насъ, какъ Агнецъ Божій, вземлющій немощи и грѣхи міра всѣхъ временъ, слѣдовательно, и нашей современности. Онъ—наша правда и истина (1 Кор. 1, 30. Іоан. 14, 6); только Его Духомъ мы можемъ и услѣдить и отразить сатанинскія искушенія, направленныя на членовъ Христова тѣла—Церкви—въ наше время. Искушеніе Его Самого отъ діавола и побѣда Его надъ искусителемъ-діаволомъ есть первообразъ и основаніе для нашей борьбы съ

сатанинскими искушеніями и для побѣды надъ искусительною ложью въ наше время.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ—на чувственное и матеріальное направленіе нашего времени, на положительные, вещественные интересы, почти всѣхъ занимающіе и озабочивающіе едва ли не сильнѣе другихъ интересовъ. Что значитъ это страстное алканіе земныхъ благъ, направляемое къ заглушенію духовныхъ христіанскихъ потребностей? Не открыто ли, не очевидно ли здѣсь страшное искушеніе для духа христіанъ? И что особенно достойно вниманія и размышленія,—не одно легкомысліе или суетность, но и серьезные, многодѣльные умы нашего времени заняты и озабочены особенно матеріальнымъ благоустройствомъ—общественнымъ и частнымъ, какъ самыми человѣческими потребностями и существенными благами. Видно,—какъ іудейство извратило блистательную видимость древней осократіи до значенія чисто-плотскаго; такъ большинство и новаго Израиля—міра христіанскаго успѣло уже ту благодать Господа нашего, что Онъ сталъ для насъ плотію (или человѣкомъ не только съ душею, но и съ тѣломъ человѣческимъ), забыть и обратить только почти въ плотскіе человѣческіе интересы (Іуд. 1, 4). — Какъ же восторжествовать намъ надъ такимъ сатанинскимъ искушеніемъ нашего времени?—Вспомнимъ, какъ Господь отразилъ для насъ первое искусительное нападеніе на Него діавола. Онъ напомнилъ ему изъ слова Божія, что и тогда, какъ удовлетворялись плотскія потребности Израиля чувственною манною, внушалось народу Божію *имѣть въ виду и воспринимать вѣрою именно силу и сладость слова Божія*, по которому ниспадала на землю манна. Такъ и мы матеріальное благоустройство общественное и частное будемъ и разумѣть и устроять именно и единственно по тому основанію и началу, что и самимъ Христомъ Богомъ человѣческая тѣлесность съ ея потребностями не отринута, а напротивъ воспріята вмѣстѣ съ душею въ собственную Его личность; въ земныхъ, искусственныхъ или естественныхъ, удобствахъ и въ чувственныхъ благахъ будемъ имѣть въ виду и усвоять собственно дары любви Отца небеснаго, *дающаго намъ* Своимъ единороднымъ Сыномъ *вся обильно въ наслажденіе*, освящаемое благодатію Св. Духа (1 Тим. 6, 17). Такъ искусительная сила духа времени, въ его злотворности, сама собою исчезнетъ: въ самыхъ заботахъ о земномъ благоустройствѣ будетъ выражаться *прежде* всего *исканіе царствія Божія и правды его*.

Во-вторыхъ, возьмите во вниманіе такое стремленіе современной мыслительности—дать во всемъ отчетъ, уяснить и подчинить человѣку всякія силы природы, воспользоваться уроками всѣхъ прошедшихъ временъ. Кому не извѣстно, что человѣческая мысль возбуждена къ этому стремленію именно христіанствомъ? Но когда такое стремленіе и дѣло современной мысли бываетъ не во Христѣ, или безъ всякаго почти вниманія къ Нему, къ Его истинѣ и духу: то не видно ли вѣрѣ и здѣсь искушенія духа лжи, успѣвшаго извратить и въ самомъ новомъ Израилѣ направленіе мысли большинства, и *показывающаго вся царствія міра и славу ихъ*, и льстящаго обѣщаніемъ *сія вся отдать* человѣку? Это ужасное искушеніе: потому-что уступить этому искушенію значитъ духовно поклониться князю міра сего. Самый вѣрный и удобный способъ къ отраженію и этого искушенія указанъ Господомъ нашимъ: *Господу Богу твоему поклонишися*, сказалъ Онъ діаволу на подобное искушеніе, *и Тому единому послужиши*. Будемъ во всѣхъ областяхъ знанія слѣдить и изучать собственно мысли Отца нашего небеснаго, Сыномъ Его (положительно или попустительно) во всемъ осуществляемыя, и по домостроительству Его вочеловѣченія намъ удободоступныя благодатію самого Св. Духа; будемъ и во врожденныхъ идеяхъ нашего духа прозирать лучи или мерцанія *Свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ*, Бога Слова; будемъ въ добросовѣстно ищущихъ истины, хотя еще и не созерцающихъ ее прямо во Христѣ, съ братскою любовію признавать и своею вѣрою поддерживать стремленіе собственно къ Нему же Самому, хотя только еще какъ къ *невѣдомому Богу* (Дѣян. 17, 23). О если бы такъ было у насъ! Скоро бы исчезло и это страшное искушеніе лжи, къ спасенію и совершенству всего великаго зданія знаній.

Наконецъ, въ-третьихъ, обратите вниманіе и мысль вашу на выродившееся и дѣйствующее именно у насъ православныхъ русскихъ это, такъ выражающееся, начало: «авось, небось», по которому одни съ самонадѣянностію бросаются въ разныя, практическія или умозрительныя, предпріятія съ мечтою о вѣрномъ движеніи впередъ, а другіе напротивъ находятся въ какомъ-то неподвижномъ косненіи, съ увѣренностію однако, что все само собою идетъ не худо или даже къ лучшему. Но вѣдь въ страшноответственномъ положеніи русскаго народа, которому Востокъ передалъ православіе, подпавъ самъ порабощенію отъ магометанъ, а Западъ передаетъ всѣ плоды своихъ страдальческихъ опытовъ

и успѣй, самъ оставаясь внѣ чистой Христовой истины—внѣ православія,—въ такомъ положеніи и ребяческая самонадѣянность, и безпечная лѣнь значитъ то же, что, съ одной стороны, бросаться съ высоты іерусалимскаго храма, а съ другой—разсчитывать на поддержку безпечныхъ Ангелами. *Не искушай*, русскій человѣкъ, *Господа*. Пора тебѣ и узнать и употреблять сокровище православія, какъ данное и нужное всему міру.

VI.

УЧЕНІЕ АПОСТОЛА ПАВЛА ОБЪ АНТИХРИСТѢ.

(Изъясненіе II-й главы второго посланія къ Солунянамъ).

Вторая глава второго посланія къ Солунянамъ, содержащая ученіе апостола Павла объ антихристѣ, имѣетъ особенную важность по отношенію ко всему ученію христіанскому ибо Христова истина, озаряя своимъ свѣтомъ самыя послѣднія времена настоящаго порядка вещей въ мірѣ и человѣчествѣ, эту нощь временъ,—тѣмъ свѣтозарнѣе и сама является и тѣмъ ярче освѣщаетъ для насъ весь ходъ настоящаго порядка вещей. *Оставите расти обое купно до жатвы*, сказалъ Спаситель о духовной пшеницѣ и плевелахъ въ мірѣ (Мат. 13, 30). А 2-я глава второго посланія къ Солунянамъ представляетъ плевелы развившимися до послѣдней крайности, годными и идущими уже только на сожженіе въ геенну. Нужно посмотрѣть на этотъ ужасный плодъ, дабы лучше распознавать и зародыши и обольстительные цвѣтки погибельнаго плода, съ которыми неизбѣжна встрѣча для насъ: ибо пшеница и плевелы растутъ вмѣстѣ.

Для сыновъ нашей отечественной Церкви есть особенное побужденіе глубже вникать въ ученіе объ антихристѣ; потому что у насъ въ Россіи распространены расколомъ самые превратные, самые нелѣпые толки и понятія объ антихристѣ, чрезъ которые и изъ самыхъ православныхъ—простые люди также впадаютъ въ разныя нелѣпыя недоумѣнія объ антихристѣ, а образованные нерѣдко самую мысль объ антихристѣ находятъ странною.

Итакъ, посмотримъ, въ какомъ свѣтѣ поставлена мысль объ антихристѣ въ боговдохновенномъ ученіи св. апостола Павла.

Обратимъ сначала вниманіе на обстоятельства, въ которыхъ преподано отъ апостола ученіе объ антихристѣ, или вообще на то, кому и почему оно преподано.

Но осторожности ли отъ невѣрующихъ жителей Оессалоники, которые, по свидѣтельству языческихъ писателей, любили предаваться развратной нѣгѣ и ничего не хотѣли признавать выше постыдныхъ пріятностей сей жизни *), или отъ того, что готчасъ по основаніи оессалоникійской Церкви, еще въ бытность здѣсь апостола, отяготѣлъ на ней крестъ озлобленій отъ идолопоклонниковъ, по свидѣтельству о семъ I-го посланія (2, 14),— христіане сей Церкви съ особеннымъ желаніемъ вѣры и упованія помышляли о будущей жизни, о второмъ пришествіи Спасителя, объ участіи въ Его славѣ и о страшномъ Его судѣ надъ невѣрными. Ибо изъ сего только можно изъяснить, что, еще находясь у оессалоникійскихъ христіанъ, апостолъ съ обстоятельностію говорилъ имъ о самыхъ частностяхъ послѣднихъ временъ (2 Сол. 2, 5); и въ первомъ посланіи своемъ къ нимъ многократно говоритъ о второмъ пришествіи Спасителя (1, 10; 2, 19; 3, 13; 4, 13—17; 5, 1—4; 23); особенно успокоиваетъ ихъ касательно умершихъ, о которыхъ солунскіе вѣрующіе, какъ видно, скорбѣли, что они не дожили до славнаго пришествія Христова (4, 15). Но въ чемъ особенно преспѣвала ихъ вѣра, на то особенно нападалъ и завистливый врагъ: апостольское ученіе о второмъ пришествіи Христовомъ нѣкоторые изъ Оессалоникійцевъ не доразумѣвали, другіе *безчинно ходящіе* перетолковывали. И именно ту истину, что *день Христовъ придетъ*, какъ *тать въ нощи*, а потому всегда надобно быть готовымъ къ сему дню, нѣкоторые стали изъяснять себѣ и другимъ такъ, что *уже настоитъ* сей день второго пришествія Христова. Слѣдствіемъ сего было то, что въ Церкви, вѣру которой особенно занимало и возвышало будущее пришествіе Спасителя, тѣмъ же самымъ умы были приведены въ сильное и безпокойное движеніе. Отсюда происходили безпорядки и въ жизни: «слышимъ,—говоритъ Апостолъ въ семъ самомъ посланіи (3, 11),—что нѣкоторые у

*) Luciani «Lucius sive Asinus»: «Omnes ibi gaudent de spectaculo turpissimo», такъ отзывается о жителяхъ Оессалоники Лукіанъ.

васъ поступаютъ безпорядочно, ничего не дѣлаютъ, а суетятся. Къ успокоенію и благоустроенію духа вѣрующихъ Оессалоникіянъ и назначалось второе къ нимъ посланіе, и особенно ученіе о послѣднихъ временахъ, содержащееся во второй главѣ сего посланія.

Въ сей главѣ апостолъ сначала представляетъ Оессалоникійцамъ, что смущеніе ихъ отъ того, *яко уже настоитъ день Христовъ*, неосновательно и напрасно (ст. 1 2 и пол. 3); далѣе, показываетъ, при какомъ необычномъ и жалкомъ состояніи міра пріидетъ во второй разъ Господь Іисусъ (пол. 3 и по 8 ст.); потомъ, объясняетъ сіе необычайное и жалкое состояніе міра въ послѣднія времена (9—12); наконецъ, дѣлаетъ приложеніе сего ученія къ христіанамъ солунскимъ, съ наставленіемъ имъ и молитвою о нихъ (13—17).

Молимъ же вы, братіе, о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа и нашемъ собраніи о Немъ, не скоро подвизатися вамъ отъ ума, ни ужасатися, ниже духомъ, ниже словомъ, ни посланіемъ, аки отъ насъ посланнымъ, яко уже настоитъ день Христовъ. Да никтоже васъ прельститъ, ни по единому же образу (2, 1—3). Сперва раскроемъ здѣсь частности не довольно ясныя, а потомъ обратимъ вниманіе на общую мысль апостольскихъ словъ.

О пришествіи Господа нашего Іисуса Христа. Изъ связи рѣчи видно, что здѣсь разумѣется то Христово пришествіе, о которомъ за два стиха выше сказано: *пріидетъ прославитися во святыхъ своихъ* и проч., словомъ—второе пришествіе Христово во славѣ. *Нашемъ собраніи о Немъ* т. е. «собраніи къ Нему». Во второе пришествіе будетъ всемірное собраніе предъ Судіею міра, какъ Онъ Самъ сказалъ: *егда пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей и вси святіи Ангели съ Нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы Своея и соберутся предъ Нимъ вси языцы* (Мат. 25, 31. 32). Что же касается до вѣрующихъ, которые собственно здѣсь имѣются въ виду: *нашемъ собраніи*,—объ ихъ собраніи сказано въ первомъ апостольскомъ посланіи къ Солунянамъ, что всѣ истинно вѣрующіе, какъ возставшіе изъ мертвыхъ, такъ и оставшіеся до того времени въ живыхъ—всѣ вмѣстѣ *восхищены будутъ въ сретеніе Господне на облацѣхъ на воздусѣ* и потомъ неразлучны *съ Нимъ будутъ*.

Не ужасайтеся ниже духомъ, ниже словомъ, ни посланіемъ, аки отъ насъ посланнымъ: въ посланіи къ Коринѳянамъ апостолъ назы-

ваетъ *духомъ* необычайные дары и дѣйствія въ вѣрующихъ Духа Святаго напр. *и духи пророковъ пророкамъ повинуются* (14, 32) и упоминаетъ объ одномъ изъ сихъ даровъ *разсужденіи духовомъ* (12, 10), а въ посланіи къ Тимоѳею говоритъ *о духахъ лестчихъ* (I Тим. 4, 1), такъ же какъ и апостолъ Іоаннъ учитъ *не всякому духу вѣровать, но искушать духи, аще отъ Бога суть* (4, 1). Въ Церкви апостольской въ преизбиліи открывались чрезвычайные дары духовные. Соотвѣтственно сему славному и могущественному дѣйствованію въ вѣрующихъ Духа истины, располагалъ свои козни и духъ лжи, обыкновенно обольщающій людей призракомъ истины. Отъ чего немало, видно, было тогда и *духовъ лестчихъ*,—людей, которые, водясь духомъ лжи, въ самообольщеніи воображали себя сами и другимъ выдавали себя за вдохновенныхъ свыше. Подобные люди, видно, смущали и Церковь солунскую, представляя, будто имъ, по вдохновенію свыше, извѣстно *яко уже настоитъ день Христовъ*, день втораго Его пришествія. Посему Апостолъ проситъ (по духу любви онъ и учитъ, умоляя),—проситъ Ѳессалоникійцевъ не колебаться и не смущаться ни отъ какого подобнаго духа обольстителя. Что точно духа обольстителя означаетъ въ нашемъ мѣстѣ названіе *духъ*, это видно изъ самаго апостольскаго предостереженія; *да никтоже васъ прельститъ*.

Ни словомъ, ни посланіемъ аки отъ насъ посланнымъ: обманщики свою ложь, видно, старались подкрѣплять какъ словеснымъ, измышленнымъ ими, преданіемъ Апостола, такъ и подложнымъ его посланіемъ. Соотвѣтственно сему заблужденію и обману Апостолъ противополагаетъ истинное ученіе о послѣднихъ временахъ, преподаваемое также не только въ посланіи, но и прежде сего въ устномъ словѣ (ст. 5—15).

Общая мысль стиховъ ясна. Могутъ только возникнуть два слѣдующихъ недоумѣнія: во-первыхъ, какъ согласить съ нашимъ мѣстомъ, то, что Спаситель, да и самъ апостолъ Павелъ въ прежнемъ посл. къ Солунянамъ учитъ вѣрующихъ быть всегда на-готовѣ ко второму пришествію Христову, всегда быть въ такомъ расположеніи мыслей и чувствъ, что какъ-бы уже насталъ день Христовъ? *Бдите убо, яко не вѣсте ни дня ни часа, въ оньже Сынъ человѣческій пріидетъ*, говоритъ Господь. *Сами извѣстно вѣсте*, говоритъ Апостолъ, *яко день Господень якоже татъ въ нощи пріидетъ*. Рѣшеніе вопроса слѣдующее: Апостолъ въ первомъ посланіи къ Солунянамъ и Самъ Господь въ бесѣдѣ о кон-

чинѣ міра и всемірномъ судѣ поставляетъ вѣрующаго въ расположеніе вѣры и упованія, чтобы всегда предзрѣть предъ собою всемірнаго Судію, грядущаго прославиться во всѣхъ вѣровавшихъ,—чтобы потому съ бодростію и во свѣтѣ истины и благодати проходить свое поприще на землѣ, и чтобы, чѣмъ болѣе было бы признаковъ близкаго пришествія Христова, тѣмъ болѣе восклонять голову оттого, что близко время рѣшительнаго торжества истины и добра, совершеннаго избавленія и блаженства вѣрующихъ. Но совсѣмъ другое дѣло, при неизвѣстности дня и часа второго пришествія Господня, возвѣщать съ увѣренностію, что уже наступаетъ день Христовъ, и потому колебаться умомъ и смущать умы другихъ: это уже значитъ ходить не въ свѣтѣ Христовомъ, а во мглѣ, распространяемой духомъ лжи и унынія. Господь говоритъ: *Бдите*, будьте бодры, а не унылы, *яко не вѣсте ни дня ни часа*; а здѣсь смущаются и колеблются, представляя день и часъ пришествія Христова опредѣленно извѣстнымъ. Противъ сего-то настроенія мыслей и чувствъ, совершенно противорѣчущаго внушеніямъ Христовой истины, Апостолъ и направляетъ свое убѣдительное, а для лжецовъ обличительное, увѣщаніе: *молимъ не скоро подвизатися вамъ отъ ума, ни ужасатися яко настоитъ день Христовъ. Да никтоже васъ прельститъ ни по единому же образу*. Итакъ вопросъ рѣшенъ!

Но отъ самаго рѣшенія сего вопроса естественно возникнуть другому недоумѣнію: какъ совмѣстить всегдашнюю готовность вѣрующаго къ пришествію Судіи міра съ почти прямымъ успокоеніемъ апостольскимъ, что еще не настаетъ день Христовъ, что многія и великія событія должны до того времени совершиться?—Очень просто. Апостолъ говоритъ, что напередъ должно произойти *отступленіе*, и тѣмъ всякаго вѣрующаго наставляетъ входить во внутреннее самоиспытаніе, твердъ ли онъ въ вѣрѣ, все ли въ немъ покорено Христу, и умъ и сердце и воля; не началось ли уже въ немъ нѣкоторое *отступленіе* отъ Христа внутренно, хотя наружно и держится онъ Христа? При такомъ самоиспытаніи себя, своего народа, вѣка, всякій вѣрующій во всякомъ народѣ и вѣкѣ скорѣе будетъ приходить въ покаянный трепетъ предъ Судіею грядущимъ и ближе, живѣе предзрѣвать страшный судъ, нежели успокоиваться и говорить въ самообольщеніи о себѣ и своемъ времени: *миръ и утвержденіе!* Самъ Духъ Святый со временъ апостольскихъ всегда гласитъ вѣ-

рующимъ: *дѣти, послѣдняя година есть... нынѣ антихристи мнози быша* (1 Іоан. 2, 18).

Такимъ образомъ успокоеніе апостольское: *молимъ не скоро подвизатися отъ ума* и проч. достаточно уяснено.

Далѣе показывается, въ какомъ необычайномъ и жалкомъ состояніи міра пріидетъ Господь.

Яко аще не пріидетъ отступленіе прежде, и откроется человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога, или чтилища, якоже ему сѣсти въ церкви Божіей аки богу, показующе себе, яко богъ есть. Не помните ли, яко, еще живый у васъ, сія глаголахъ вамъ; и нынѣ удерживающее вѣсте, во еже явитися ему въ свое ему время. Тайна бо уже дѣется беззаконія, точію держай нынѣ дондеже отъ среды будетъ.

Яко аще не пріидетъ: изъ связи мыслей видно, что должно при семъ подразумѣвать такую мысль: «день Христовъ не пріидетъ, пока не придетъ отступленіе» и т. д.

Отступленіе, ἀποστασία—это означаетъ отступленіе отъ вѣры и благодати Христовой, какъ, въ другомъ мѣстѣ, полнѣе раскрываетъ сію мысль Апостолъ: *отступятъ отъ вѣры* (1 Тим. 4, 1). Принимаютъ сіе слово и за синонимическое выраженію: *человѣкъ беззаконія, сынъ погибели* т. е. какъ-бы было сказано такъ: пріидетъ отступникъ. –Но, во-первыхъ, почему же не такъ и сказано прямо: пріидетъ отступникъ, человѣкъ беззаконія, сынъ погибели и проч.? Почему представлена въ отдѣльныхъ и разныхъ выраженіяхъ одна и та-же мысль: *пріидетъ отступленіе, и откроется человѣкъ беззаконія*? Безъ достаточной причины отъ прямого значенія слова отступать не слѣдуетъ въ изъясненіи; а здѣсь самый уже составъ рѣчи не благопріятствуетъ непрямому изъясненію апостольскихъ словъ. Во-вторыхъ, Апостолъ говоритъ ниже (ст. 10 и 11), что оный *сынъ гибели* увлечетъ за собою всѣхъ невѣровавшихъ истинѣ,—всѣхъ, которые *любве истины не пріяша, во еже спастися имъ,* и что за сіе-то невѣріе и нелюбовь ихъ къ спасительной истинѣ Господь и предастъ ихъ духу обольщенія. Итакъ, невѣріе ихъ истинѣ Христовой или, что то же, отступленіе отъ Христа явно предполагается еще предшествующимъ явленію и обольщеніямъ сына беззаконія, этого послѣдняго въ человѣчествѣ врага Божія. Такимъ образомъ связь рѣчи апостольской представляетъ сильную причину къ тому, чтобы понимать отступленіе не объ одномъ противникѣ, превозносящемся паче

всего священнаго, но разумѣть еще предшествующее явленію его *отступленіе* отъ вѣры нелюбящихъ истины и погибающихъ.— Наконецъ въ-третьихъ, подобныя мѣста у Апостола и въ Евангеліи совершенно опредѣляютъ значеніе сихъ словъ: *пріидетъ отступленіе. Сіе же вѣждь*, пишетъ Апостолъ къ Тимоѳею, *яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта, будутъ бо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, величави, горди, хульницы, родителемъ противящіися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни... сластолюбцы паче нежели Боголюбцы, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися*, (2 Тим. 3, 1—5) и даже, какъ онъ дополняетъ въ другомъ посланіи къ тому же Тимоѳею, прямо *отступятъ нѣціи отъ вѣры внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіямъ бѣсовскимъ* (1 Тим. 4, 1). Подобно и Спаситель говоритъ: *за преумноженіе беззаконій изсякнетъ любы многихъ... и пришедъ Сынъ Человѣческій еда вѣру обрящетъ на земли.* Соображая разсматриваемое мѣсто съ сими мѣстами (*еда и вѣру обрящетъ на земли*, и проч. указанныя мѣста), мысль нашего мѣста такъ можемъ опредѣлить и изъяснить: прежде пришествія Христова христіане всѣхъ мѣстъ и народовъ наибольшею своею частію отступятъ отъ духа любви Христовой, отъ силы благочестія, и даже многіе совсѣмъ отпадутъ отъ вѣры во Христа и Его благодати. *Пріидетъ отступленіе первѣе.*—Изъ сказаннаго уже впрочемъ само собою видно, что останокъ избранныхъ все же сохранится, и церковь будетъ цѣла и непоколебима на земли въ истинныхъ своихъ чадахъ.

И откроется человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносяйся и проч. По общему ходу рѣчи ясно, что рѣчь идетъ объ какомъ-то одномъ человѣкѣ, и притомъ рѣчь простая, опредѣленная, какъ-бы историческая, хотя она относится къ будущему. Тѣ изъяснители, которые разумѣютъ въ семъ мѣстѣ олицетвореніе направленія и духа антихристіанскаго, одушевляющаго многихъ, опровергаются уже прямо тѣмъ, что Апостолъ говоритъ о семъ человѣкѣ, врагѣ Христовомъ, какъ имѣющемъ явиться; а духъ антихристіанскій уже дѣйствовалъ и во времена апостольскія, какъ напр. тотъ же Апостолъ въ посланіи къ Филиппійцамъ говоритъ о нѣкоторыхъ людяхъ, какъ о *врагахъ креста Христова* (3, 18), а апостолъ Іоаннъ прямо сказалъ: *и нынѣ антихристи мнози быша* (1 Іоан. 2, 18). Притомъ въ разсматриваемомъ же мѣстѣ далѣе, Апостолъ ясно отличаетъ противника, человѣка беззаконія, отъ обольщаемыхъ имъ и отъ дѣйствія въ нихъ обольщенія (ст. 9, 10, 11). У Апостола въ семъ мѣстѣ и рѣчь вообще

такая, что отвлеченныя понятія какъ-то: *отступленіе, дѣйство льсти*, апостолъ прямо и представляетъ такими понятіями, и отдѣляетъ отъ сихъ понятій личность обольстителя и обольщаемыхъ (ст. 8, 12). И наконецъ, самое то мѣсто писанія, на которое они хотѣли бы опереться, идетъ противъ нихъ. Это мѣсто (1 Іоан. 2, 18) слѣдующее: *дѣти, послѣдняя година есть: и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ и нынѣ антихристи мнози быша*. Изъ сего же мѣста ясно, что въ составѣ истинъ, преподанныхъ вѣрующимъ, была и та истина, *яко антихристъ грядетъ* и именно какъ лицо; ибо Апостолъ Іоаннъ конечно о лицахъ говоритъ: *и нынѣ антихристи мнози быша*.

Человѣкъ беззаконія: т. е. какъ видно отчасти и изъ сего самаго выраженія и особенно изъ дальнѣйшаго изображенія сего человѣка, это не только беззаконный человѣкъ, но и такой, въ которомъ беззаконіе со всею силою и полнотою выразится. Это представитель беззаконія или всякой неправды въ отношеніи къ Богу и людямъ,—истинно *человѣкъ беззаконія!*—Не требуетъ и повторенія та ясная сама по себѣ и прямо выраженная Апостоломъ мысль, что это будетъ *человѣкъ*, а не діаволъ въ образѣ человѣка, какъ нѣкоторымъ казалось. Нѣтъ нужды останавливаться и на такомъ изъясненіи, что этотъ человѣкъ будетъ воплощенный сатана. Для сего потребно было бы чудо, невозможное никому, кромѣ Владыки природы и міра, который своей твари, принадлежащей Творцу уже по самой ея природѣ, никакъ не отдастъ Самъ своему врагу, на вѣчную пагубу. Это очевидно. Апостолъ прямо сказалъ, что это будетъ именно *человѣкъ* беззаконія.

Сынъ погибели: выраженіе объ антихристѣ, свойственное языку еврейскому. Происхожденіе и живое знаменованіе всѣхъ подобныхъ выраженій въ ветхомъ завѣтѣ изъясняется изъ того общаго свойства ветхозавѣтнаго времени, что тогда человѣкъ обыкновенно разумѣлъ живую духовную истину въ образахъ естественнаго и чувственнаго. Духовное состояніе такого человѣка, въ которомъ дѣйствуетъ грѣхъ, все живое въ немъ растлѣвая и убивая, и такимъ образомъ зачиная и возращая этого человѣка къ страшной вѣчной смерти или погибели,—такое духовное состояніе слѣдуетъ примѣнить къ обыкновенному и видимому порядку природы и жизни; и—тогда само собою составится представленіе и слово ветхозавѣтнаго языка: *сынъ погибели*. Изъ ветхозавѣтнаго образа рѣчи подобному выраженію естественно перейти и въ новый завѣтъ: ибо оно живѣе и глубже выражаетъ истину, нежели простое

отвлеченное слово: человѣкъ, дѣлающій себя достойнымъ вѣчной гибели...

Противникъ (ὁ ἀντικείμενος), противящійся. Кому? Послѣдующее показываетъ, что антихристъ будетъ противиться *Богу и всему священному*. Впрочемъ, какъ Богъ есть любовь и миръ, и предающіеся Ему имѣютъ своимъ характеромъ дружелюбіе и миролюбіе: такъ врагу Христа Бога свойственно настроеніе вражды противъ себя и противъ другихъ, внутреннее нестроеніе, мятежъ противъ всего, и такимъ образомъ, онъ есть *противникъ* вообще всему.

Превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища.— Чтилище: (σέβασμα): вообще священный предметъ, мѣсто, вещь, предъ которыми благоговѣютъ. Мысль всего мѣста ясна: для сего врага Христова не будетъ ничего Божественнаго и священнаго; онъ самъ себя будетъ поставлять выше всего, что когда-либо истинно или ложно признавали люди Божественнымъ и священнымъ. Далѣе то же яснѣе раскрывается.

Якоже ему сѣсти въ Церкви Божіей аки богу, показующу себе яко богъ есть. Здѣсь нужно объяснить, что это за храмъ и какъ понимать сѣденіе въ немъ противника Божія. Храмъ Божій (ὁ ναὸς τοῦ Θεοῦ) есть, по самому такому имени, храмъ не глаголемаго какого-либо бога, но истиннаго Бога. Такимъ храмомъ назывался храмъ іерусалимскій, храмомъ же Божіимъ называетъ Апостолъ и вѣрующихъ во Христа: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій* (ναὸς Θεοῦ) *есте* во Христѣ (1 Кор. 3, 16). Посему изъясняютъ значеніе храма такъ, во-первыхъ, что разумѣютъ подъ нимъ іудейскій или іерусалимскій храмъ. Но храмъ іудейскій разрушенъ, такъ-что и камня на камнѣ не осталось; если бы антихристъ воздвигъ новый храмъ въ Іерусалимѣ для себя, то это былъ бы храмъ антихристовъ, а не прежній іудейскій храмъ истиннаго Бога. Изъясняютъ, во-вторыхъ, храмъ и въ духовномъ или нравственномъ смыслѣ, т. е. такъ, что противникъ заставитъ или убѣдитъ мнимыхъ христіанъ признавать себя богомъ, и поклоняться себѣ. Но если бы только такой смыслъ былъ сихъ словъ: *яко сѣсти ему въ храмѣ Божіемъ;* то уже излишнее и напрасное тождесловіе было бы въ краткой рѣчи Апостола слѣдующее прибавленіе: *показуя себя, яко богъ есть.* Которое-нибудь одно изъ сихъ выраженій достаточно было бы. Сверхъ того, сіе изъясненіе противорѣчитъ точно какъ-бы *исторической* простотѣ рѣчи Апостола. Наконецъ, собраніе такихъ поклонниковъ антихриста уже не могло бы быть духовнымъ храмомъ Божіимъ, а было бы только *сонмище сатанино.* Когда же подъ

храмомъ Божіимъ нельзя разумѣть, въ разсматриваемомъ мѣстѣ, ни совокупности вѣрующихъ въ антихриста, которые въ семъ случаѣ составляли бы церковь противниковъ Божіихъ, ни іудейскаго храма: то основательно полагать, что разумѣется у Апостола вообще храмъ христіанскій, какъ единственный теперь храмъ истиннаго Бога. Святыня храма можетъ быть оскорблена; храмъ можетъ быть осквернетъ мерзостію запустѣнія; но если онъ запечатлѣнъ благодатію освященія, все же онъ есть *храмъ Божій*.

Такое изъясненіе понятія храма Божія согласно и съ связію рѣчи. Выраженіе: *показать себе бога*, соотвѣтствуетъ словамъ: *превозносится паче всякаго глаголемаго бога;* а выраженіе: *сѣсти въ храмѣ Божіемъ*, соотвѣтствуетъ мысли: *превозносится паче чтилища*. Если не находятъ въ другихъ мѣстахъ новаго завѣта названія *храма*, ναός, отнесеннаго просто къ христіанскому храму, то это не препятствіе въ семъ значеніи принимать слово ναός въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Тѣмъ замѣчательнѣе будетъ это мѣсто. Домъ христіанской общественной молитвы и таинствъ, въ отличіе отъ простыхъ домовъ, называется же, и также въ одномъ мѣстѣ новаго завѣта, *церковію Божіею* въ смыслѣ собранія вѣрныхъ ἡ ἐκκλησία τοῦ Θεοῦ (1 Кор. 11, 22), а собраніе или совокупность вѣрующихъ самъ же Апостолъ Павелъ называетъ храмомъ Божіимъ (ὁ ναὸς τοῦ Θεοῦ) (1 Кор. 3, 16). Потому, если дому молитвенному усвоено имя ἐκκλησία—«собраніе» вѣрующихъ, то симъ самымъ усвоялось ему имя ὁ ναὸς τοῦ Θεοῦ—храма Божія и притомъ въ болѣе духовномъ и знаменательномъ значеніи, нежели въ какомъ сіе имя носилъ храмъ іудейскій. То правда, что во время появленія христіанства названіе ὁ ναὸς τοῦ Θεοῦ, въ собственномъ смыслѣ своемъ, прилагалось именно къ іерусалимскому храму, и притомъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ Апостолъ имѣетъ въ виду какъ-будто одинъ опредѣленный храмъ—ὁ ναὸς τοῦ Θεοῦ. Но апостолъ же Павелъ открываетъ ту истину, когда и весь *Израиль спасется*, въ совокупности и общей сосредоточенности, и относитъ это уже къ послѣдней эпохѣ христіанства (см. 11 гл. послан. къ Римл.). Итакъ, не только ничто не препятствуетъ, но еще есть и нѣкоторое основаніе того мнѣнія, что Апостолъ разумѣлъ христіанскій храмъ по преимуществу въ св. градѣ, хотя и не исключительно одинъ здѣшній храмъ. Св. Златоустъ говоритъ въ изъясненіи сего мѣста объ антихристѣ: «будетъ садиться въ храмѣ Божіемъ, не въ одномъ іерусалимскомъ, но и повсюду въ

церквахъ» (καθεσθήσεται εἰς τὸν ναὸν τοῦ Θεοῦ, οὐ τὸν ἐν ἱεροσωλήμοις μόνον, ἀλλα καὶ εἰς τὰς πανταχοῦ ἐκκλησίας).

Антихристъ будетъ «садиться въ храмѣ Божіемъ, какъ богъ», очевидно, требуя и принимая отъ другихъ поклоненіе, подобающее Богу.

Итакъ, смыслъ 4-го стиха таковъ: противникъ послѣднихъ лютыхъ временъ, въ своей непомѣрной горделивости и нечестіи, будетъ выдавать себя за высочайшее существо, за владыку всего міра—за бога, и будетъ открыто садиться въ храмѣ Божіемъ, какъ богъ, съ требованіемъ и принятіемъ отъ людей божескихъ чествованій и поклоненія.

Но если ясно такую мысль выражаютъ слова апостольскія: то самая эта мысль представляется съ перваго взгляда весьма и весьма не ясною. Конечно, бывали опыты, что нѣкоторые безумцы изъ властителей земли объявляли себя богами и требовали себѣ божескаго поклоненія: такая безумная горделивость особенно поразительна въ нѣкоторыхъ римскихъ языческихъ императорахъ. Но кто же и въ то время не сознавалъ безумія Калигулы или Коммода даже изъ тѣхъ, которые раболѣпно потворствовали сему безумію!—И если нѣчто подобное будетъ говорить о себѣ противникъ Христовъ въ послѣднія времена: то трудно понять, какъ онъ успѣетъ найти въ людяхъ тѣхъ временъ согласіе на такую безумную и грубую ложь. Будетъ садиться въ храмѣ Божіемъ, какъ богъ, и обольщенные имъ, слѣдовательно, будутъ покланяться ему, какъ богу,... это можетъ сдѣлать, какъ съ перваго взгляда кажется, развѣ безумный невѣжда съ безумными же невѣждами. Между тѣмъ обольщеніе антихриста будетъ такъ велико, что подпадутъ сему обольщенію *вси не вѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ;* а такихъ будетъ столь много, что едва и вѣру можно будетъ найти на землѣ, по слову Христову о состояніи міра, въ какомъ застанетъ его второе пришествіе Христово. И притомъ, обольщеніе будетъ состоять изъ *всякой льсти неправды*, и будетъ такъ сильно, *яко прельстити, аще возможно, и избранныя*, которые тогда *найдутся* (по евангельскому слову). Какъ согласить съ этимъ осязаемую грубость обольщенія? Уже не говорю о томъ, какъ согласить такое дикое невѣжество, что человѣкъ будетъ сидѣть въ храмѣ Божіемъ, какъ богъ, и люди будутъ покланяться ему, какъ богу,—какъ согласить съ тѣмъ, что міръ послѣднихъ временъ будетъ имѣть предъ собою опыты всѣхъ предъидущихъ временъ, будетъ, слѣдова-

тельно, хвалиться утонченностію и благоустройствомъ предъ всѣми предыдущими временами, какъ и Апостолъ въ другомъ посланіи возвѣщаетъ, что тогда рекутъ: наступили *миръ и утвержденіе* рѣшительное! (1 Сол. 5, 3).

Итакъ, слѣдуетъ остановиться вниманію и размышленію на мысли Апостола, содержащейся въ разсматриваемомъ мѣстѣ, чтобы она не казалась и противорѣчущею другимъ мѣстамъ писанія, и сама по себѣ несбыточною. Мысль Апостола даетъ цѣну и буквѣ апостольскихъ писаній: послѣдняя дорога ради спасительной мысли, въ ней выраженной. Потому, по уясненіи буквы, тѣмъ паче должно устранять темное и запутанное въ самой мысли.

Въ сей же второй главѣ второго посланія къ Солунянамъ Апостолъ говоритъ объ антихристѣ, что его пришествіе будетъ *по дѣйству сатанину, во всякой силѣ и знаменіяхъ и чудесахъ ложныхъ*. Не симъ ли и объясняется все дѣло? Напротивъ, исторія свидѣтельствуетъ о мірѣ, что, съ продолженіемъ времени, онъ все хотѣлъ бы и мечталъ бы объяснить изъ естественныхъ причинъ, и—поэтому уже недовольно поражается и истинными чудесами, а надъ суевѣріемъ настоящимъ или ему кажущимся смѣется болѣе, нежели надъ чѣмъ-либо другимъ. Затрудненіе, посему, касательно нашего мѣста не разрѣшается, а еще болѣе завязывается. Впрочемъ, изъ сказаннаго замѣтимъ, что сатана, который и всегда, будучи княземъ міра, возбуждаетъ, двигаетъ и направляетъ людей, преданныхъ похотямъ и грѣху, или, что то же, его человѣкоубійственной волѣ,—найдетъ въ послѣднемъ врагѣ Божіемъ въ человѣчествѣ самый готовый и удобный органъ къ проявленію въ нашемъ мірѣ именно всякой своей смертоносной силы и всякой льсти неправды...

Можетъ также показаться, что противнику Христову удобно будетъ распоряжаться людьми и дѣлать надъ ними, что угодно, даже самыя нелѣпыя и грубыя вещи, какъ безпримѣрно могущественному и властительному человѣку, какъ владыкѣ всѣхъ отступниковъ, изъ числа которыхъ исключается только остатокъ избранныхъ въ мірѣ. То безспорно, что сей горделивый противникъ будетъ имѣть безпримѣрно обширную и неограниченную мірскую власть, когда, за исключеніемъ избранныхъ, люди до того покорятся ему, что признаютъ его богомъ. Но Апостолъ далѣе (10 и 11 ст.) съ особенною ясностію представляетъ, что не насиліемъ, а свободно, по внутреннему убѣжденію, увлекутся антихристомъ

погибающіе: *любве истины не пріяша во еже спастися имъ, и сего ради пошлетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ вси не вѣровавшіи истинѣ и благоволившіи въ неправдѣ.* Слѣдовательно, справедливѣе мірскую власть и могущество антихриста надъ міромъ объяснять изъ его обольщенія, нежели обширность и успѣхи обольщенія изъ обширной и неограниченной внѣшней власти и силы антихриста. Но замѣтимъ и отсюда то, что погибающіе будутъ поклоняться въ храмѣ Божіемъ сему горделивцу именно по внутреннему убѣжденію—по *вѣрѣ* лжи, по *благоволенію въ неправдѣ*,—хотя симъ не исключается насиліе для тѣхъ, которые не будутъ благоволить неправдѣ, т. е. для избранныхъ.

Итакъ, все еще требуетъ объясненія мысль Апостола, что духомъ послѣднихъ временъ, у самыхъ отступниковъ отъ вѣры, будетъ какой-то духъ религіозный, признающій и внѣшнее Богопочтеніе, но страшно и крайне-грубо извращенный, что однако онъ увлечетъ почти всѣхъ, и—для самихъ избранныхъ будетъ крайняя опасность обольщенія, какъ сіе извѣстно изъ другого мѣста писанія, относящагося къ тому же предмету (Марк. 13, 22).

Еще приступая къ изъясненію сего отдѣленія, мы сказали, что Апостолъ здѣсь изображаетъ плевелы зла въ полномъ ихъ развитіи въ человѣчествѣ; но свойство плода изъясняется не иначе, какъ изъ свойствъ зерна, изъ котораго онъ наконецъ изникъ, и изъ образа его развитія. Такъ, мысль апостольская раскроется во всей глубинѣ своей и съ другими мѣстами писанія сойдется самымъ внутреннимъ образомъ: если, во-первыхъ, возьмемъ во вниманіе естественное состояніе мірского человѣка и, во-вторыхъ, обратимся къ исторіи человѣчества.

1) Естественное состояніе человѣка таково, что онъ, созданный для успокоенія въ Богѣ, отпалъ отъ Бога и получилъ направленіе мятежное противъ Него, сохранивъ однако потребность и стремленіе къ своему назначенію. Симъ условливается весь естественный порядокъ вещей въ мірѣ и опредѣляется все настоящее состояніе рода человѣческаго. По такому свойству порядка вещей или естественнаго состоянія человѣчества, должно быть и бываетъ такъ, что человѣкъ, желая достигнуть себѣ покоя, уже и въ томъ случаѣ, какъ бѣжитъ отъ любви Божіей, ищущей успокоить его въ Себѣ,—по необходимости вертится около безконечнаго же, въ чемъ бы онъ ни полагалъ это безконечное, воздвигаетъ для себя такіе или другіе идолы и призраки все того же безконечнаго.

Но призраки не могутъ удовлетворить и успокоить дѣйствительныхъ безконечныхъ потребностей человѣка, и потому,—необходима постоянная смѣна ихъ. Стремленіе къ безконечному человѣка, не хотящаго успокоиться въ Истинномъ-безконечномъ, должно постоянно увлекать его отъ однихъ идоловъ безконечнаго къ другимъ, должно постоянно измѣнять свои направленія; такъ-что, отступая отъ истинной вѣры, человѣкъ нерѣдко впадаетъ въ самое нелѣпое суевѣріе. Естественный конецъ сихъ заблуждающихъ путей человѣческихъ долженъ быть тотъ, что, послѣ всѣхъ возможныхъ и неудачныхъ опытовъ найти такой призракъ безконечнаго, въ которомъ можно бы успокоиться, человѣкъ останется все съ тѣмъ же живымъ стремленіемъ къ Безконечному, которое само по себѣ или въ своемъ основаніи есть религіозное; и ему, если не измѣнится его враждебность истинному безконечному — Богу, будетъ оставаться одна возможность всецѣло, и внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ, извратить это стремленіе въ самомъ его основаніи—въ религіозности: онъ открыто обоготворитъ себя самого. Апостолъ это и возвѣщаетъ о человѣкѣ послѣднихъ временъ съ положительностью слова Божія и, притомъ, въ опредѣленномъ видѣ будущей дѣйствительности,—что и свойственно вдохновенному отъ Св. Духа, вѣдающаго вся дѣла и событія въ будущемъ во всей ихъ опредѣленности. И если въ другія, можетъ быть, не послѣднія времена, заблуждающій человѣкъ всѣ опыты и результаты предыдущихъ временъ умѣетъ обращать въ оправданіе своего заблужденія, въ доказательство дѣйствительности своихъ призраковъ: то и въ послѣднія времена *человѣкъ беззаконія* съумѣетъ же все, собранное предыдущими вѣками, повергнуть предъ своимъ послѣднимъ страшнымъ идоломъ, какимъ будетъ уже онъ самъ. Это будетъ современно въ тѣ времена. И такимъ образомъ страшная увлекательность послѣдняго крайне-нелѣпаго обольщенія понятна.

2) Боговдохновенная апостольская мысль,—которая собственно не столько сама объясняется изъ существа настоящаго порядка, сколько своимъ Богооткровеннымъ свѣтомъ для разумѣнія вѣры освѣщаетъ сущность сего порядка до послѣднихъ глубинъ,—еще болѣе можетъ быть объяснена изъ исторіи рода человѣческаго.

Первое движеніе человѣка, стремящагося къ Безконечному—къ Богоподобію, но воздвигающаго мятежъ противъ истиннаго Безконечнаго,—противящагося Богу, было увлеченіе этою меч-

тою, которую возбудилъ въ человѣкѣ сатана: *будете, яко бози.* Человѣкъ, и дышащій Духомъ Божіимъ и вокругъ себя во всемъ слышащій Бога, наведенъ былъ горделивымъ человѣкоубійцею на ту мысль, что слѣдуетъ только ему сдѣлать шагъ, и онъ будетъ богъ: и человѣкъ еще въ Едемѣ сдѣлалъ шагъ къ тому, чтобы показать себя, *яко богъ есть*... Будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ движеніемъ человѣка по этому направленію. Въ томъ состояніи отпадшаго отъ Бога человѣчества, въ которомъ оно имѣло еще въ своей природѣ довольные остатки первоначальной жизни, только оторванной отъ своего Источника и получившей превратное направленіе,—мятежный противъ Бога человѣкъ сначала не только, слыша Самого Бога, горделиво возражалъ Ему самому въ лицо: «развѣ я стражъ своему брату» (это—слова Каина), но даже усвоялъ себѣ самоуправство въ мірѣ болѣе неограниченное, нежели какимъ предъ его очами являлось управленіе Божіе: «за Каина отмстится седмижды, говорилъ нечестивый Ламехъ, а за Ламеха семьдесятъ седмицею». Далѣе, въ томъ же еще состояніи человѣчества, когда все естественное и чувственное съ особенною силою говорило ему о духовномъ и Божественномъ, враждующій противъ Бога человѣкъ обоготворилъ свои мечты, свои страсти—въ язычествѣ. И наконецъ, дѣло кончилось тѣмъ, что человѣкъ, идущій все впередъ по своему блуждающему пути, провозгласилъ открыто и лично о себѣ, что онъ есть Dominus Deus; явилъ себя за такого (за «Господа Бога»), правда, грубо-чувственнымъ образомъ—по праву своей мірской, почти всемірной, власти *): по сіе именно и свойственно было тому состоянію человѣчества, въ которомъ оно доживало послѣдніе останки первобытной въ себѣ жизни и въ чувственномъ видѣло образы духовнаго. Съ пришествіемъ Христовымъ, съ благовѣстіемъ всему міру новаго завѣта, наступило другое время, другое состояніе человѣчества, въ которомъ человѣкъ уже первоначально въ духъ свой долженъ принимать вѣру и потомъ уже выражать и запечатлѣвать оную наружнымъ чувственнымъ образомъ. Соотвѣтственно сему видоизмѣнилось и движеніе человѣка, поколику онъ удержалъ это сатанинское направленіе: *будете, яко бози.* Сначала, при обиліи даровъ и поразительности явленій

*) Здѣсь рѣчь о нѣкоторыхъ римскихъ императорахъ, которые въ буквально-строгомъ смыслѣ усвояли себѣ этотъ титулъ—«Dominus Deus» «Господь Богъ».

Духа Св., уклонившійся отъ смиреннаго послушанія вѣры человѣкъ измышлялъ божественныя духовныя откровенія, по которымъ и внѣшнимъ образомъ видоизмѣнялъ религію. Такъ, еще во времена апостольскія являлись *духи лестчіе*, выдающіе себя за посланниковъ Божіихъ; вспомнимъ потомъ, гностицизмъ, хвалящійся какимъ-то высшимъ знаніемъ,—манихейство, самообольщенное какими-то внутренними Божественными озареніями, наконецъ—магометанство, въ которомъ человѣкъ уже опредѣленно и лично превознесся выше Христа, и въ изобрѣтателѣ котораго христіане единогласно признали предтечу антихриста. Далѣе—когда истины вѣры Духомъ, открывшимъ оныя и одушевляющимъ Церковь, были чрезъ церковную іерархію опредѣлены точно и ясно для духовнаго разумѣнія вѣры и для внѣшняго выраженія сихъ истинъ,—отпадающій отъ благодатной жизни человѣкъ сталъ усвоять божественную самоуправную важность одному іерарху (именно папѣ), а затѣмъ особенно разумѣнію человѣческому, сначала—въ отношеніи къ пониманію собственно откровенія Божія (вспомнимъ всѣ преобразованія христіанства въ Запад. Европѣ), потомъ—вообще въ мыслительности; сталъ воздвигать храмы разуму человѣческому, и такъ далѣе. Еще мало или много впередъ, то есть, еще слѣдуетъ только вѣрѣ открыться для міра, какъ единственному созерцанію истины и пріятію добра, внутреннему началу для всей должной человѣческой дѣятельности, и потерпѣть отъ міра извращеніе и въ этомъ своемъ значеніи (чрезъ тысячелѣтіе или завтра совершится этотъ шагъ идущаго отъ Христа человѣка,—невѣдомо никому, кромѣ Бога): тогда человѣку, отпадшему отъ вѣры въ истину, благоволившему въ неправдѣ, свойственно измыслить ту вѣру лжи и обольщенія, въ которой сатанинская лесть: *будете, яко бози*, откроется во всей сатанинской силѣ и дѣйствіи,—въ которой онъ вообразитъ и объявитъ лично себя богомъ, посвятитъ себѣ всѣ храмы Божіи, и невѣрующіе въ истину увѣруютъ въ ложь—по внутреннему своему убѣжденію, и поклонятся противнику Божію, какъ богу. И вѣрующему, отъ котораго во всѣ времена требуется самая неусыпная и бодрая бдительность къ избѣжанію этой первоначальной лести самообожанія, необходимо будетъ въ тѣ лютыя времена выстоять противъ всѣхъ возможныхъ напоровъ и обольщеній лжи.

Мысль Апостола совершенно объяснилась; и другія мѣста писанія, по-видимому несогласныя ей, являются только дополняю-

щими и поясняющими ее; и еще строже удерживается и получаетъ значеніе каждая, можно сказать, буква и черта изъясняемаго нами 4-го стиха.

Не скажетъ ли кто: такое пророчество объ антихристѣ не есть собственно пророчество, но выводъ умозаключающаго разума? Но мы дѣлали умозаключенія на основаніяхъ не разума человѣческаго, а Божественнаго откровенія. Итакъ, не Апостолъ представляетъ выводъ умозаключающаго разума, а разумѣніе вѣры нашей можетъ отчасти входить во внутренній свѣтъ Богооткровенной чрезъ Апостола тайны послѣднихъ временъ, можетъ видѣть внутреннюю ея сообразность съ человѣческой природой и исторіей, и—тѣмъ побуждается еще болѣе и охотнѣе плѣняться въ послушаніе вѣры Христу, *въ Немже вся сокровища премудрости сокровена*. Что же касается до св. Апостола, то при соображеніи всего его ученія, пожалуй, можно приписать ему выводы и заключенія ума, но *ума Христова*, владѣющаго тайною и природы человѣческой и исторіи человѣчества, т. е. тайною совѣта Божія о человѣчествѣ. Продолжимъ изъясненіе послѣдующихъ стиховъ.

Не помните ли, яко еще живый у васъ, сія глаголахъ вамъ? И нынѣ удерживающее вѣсте, во еже явитися ему въ свое ему время. Тайна бо уже дѣется беззаконія, точію держай нынѣ дондеже отъ среды будетъ. Сіи стихи толкователи находятъ болѣе затруднительными изо всей главы, и даже нѣкоторые—особенно таинственными. Нужно прежде всего разсмотрѣть, точно ли въ духѣ мистическомъ говоритъ здѣсь Апостолъ; ибо симъ опредѣляется для насъ точка зрѣнія на это мѣсто—или какъ на духовно-таинственное, или какъ простое, обыкновенное въ его апостольской рѣчи, хотя и не все прямо здѣсь объяснено. Главное основаніе тѣхъ толкователей, которые видятъ въ семъ мѣстѣ нѣчто намѣренно-скрытое, состоитъ въ томъ, что Апостолъ не опредѣлилъ, что такое это—*удерживающее противника* Божія, или кто такое сей—*держай*. Основаніе несостоятельное, если вникнуть въ ходъ рѣчи Апостола! Показавъ, каковъ будетъ антихристъ, имѣющій явиться въ-слѣдъ за отступленіемъ большинства отъ вѣры, Апостолъ просто продолжаетъ свою рѣчь: «я вамъ уже лично говорилъ обо всемъ этомъ. Ужели не помните? Вамъ уже извѣстно, что или кто препятствуетъ ему открыться въ наше время. Не будетъ сего препятствія, и—онъ откроется». Спрашивается: что же таинственнаго въ такомъ простомъ обычно-собесѣдовательномъ ходѣ рѣчи апостольской? Изъ чего видно, что онъ хотѣлъ нѣчто скрыть отъ

Солунянъ, или покрять для вѣры завѣсою таинственности?! Но онъ лично, видно вскорѣ по обращеніи ихъ, уже говорилъ имъ обо всемъ этомъ. Можетъ быть скажетъ кто-либо: почему же апостолъ въ посланіи снова не говоритъ опредѣленно обо всемъ? На это отвѣчаетъ самъ Апостолъ: *не помните ли, яко еще живый у васъ сія глаголахъ вамъ? и нынѣ удерживающее вѣсте.* Не потому Апостолъ не называетъ прямо *удерживающаго*, что хотѣлъ запечатлѣть сіе для вѣры тайною, но потому, что это было уже хорошо извѣстно отъ него Солунянамъ. Во II-й главѣ второго посланія къ Тимоѳею Апостолъ, давая наставленіе своему возлюбленному ученику собственно о злостраданіи, предлежащемъ доброму воину Христову, который не обязуется кознями житейскими (см. ст. 3. 4. 5—8 и д.), высказалъ одну наставительную мысль, что *труждающемуся дѣлателю прежде подобаетъ отъ плода вкусити.* Мысль выражена, очевидно, не прямо; къ контексту (къ наставленіямъ о злостраданіи) эта мысль, повидимому, не столько вяжется, чтобы ясна была она сама сэбою изъ контекста; между-тѣмъ Апостолъ ничего не прибавляетъ въ объясненіе своихъ словъ, а говоритъ только Тимоѳею: *разумный, яже глаголю, да дастъ убо тебѣ Господь разумъ о всемъ.* Не искать ли и здѣсь таинственнаго смысла, тогдакакъ дѣло просто изъясняется тѣмъ, что Апостолъ предоставляетъ понять слова свои разумѣнію своего ученика, а намъ можно понять слова Апостола, или внимательнѣе вникая въ контекстъ, или изъясняя ихъ изъ другихъ подобныхъ мѣстъ у Апостола?!— Такой же прямой и простой ходъ рѣчи и въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ. Недосказанное Апостоломъ ѳессалоникійскіе христіане вѣдали изъ устныхъ его наставленій, а мы можемъ изъяснить, отчасти вникая лучше въ самое то мѣсто, и отчасти изъ соображенія съ тѣми мѣстами писанія, гдѣ ясно обозначается сила, сдерживающая антихристіанское направленіе. То самое замѣчаніе, что у Апостола рѣчь въ нашемъ мѣстѣ простая, и притомъ, истина, прямо имъ здѣсь не высказанная, проповѣдовалась цѣлой новонасажденной Церкви безъ неключительнаго преимущества для кого-нибудь, — уже должно насъ удержать въ простотѣ изъясненія и предостеречь отъ изысканности. Что Апостолъ не захотѣлъ повторить въ письменахъ того, о чемъ ясно и всѣмъ говорилъ устно, изъ этого можно заключить то одно, что письменное изложеніе сего было бы почему-нибудь затруднительно или не безопасно, какъ именно такое заключеніе дѣлаетъ св. Златоустъ (слова его приведены ниже).

Объяснимъ напередъ, что значитъ — *тайна беззаконія уже дѣющаяся*. Ибо, не зная опредѣленно, въ чемъ состоитъ дѣйствіе сей тайны, не удобно понять то, что не дозволяетъ сей тайнѣ открыться со всею силою. *Тайна беззаконія*—это значитъ, говорятъ нѣкоторые, просто тайное беззаконіе. Такое слововыраженіе употребительно въ Писаніи, особенно въ ветхомъ завѣтѣ, по свойству священнаго языка. Но, не говоря о томъ, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ объяснить происхожденіе и значеніе такого свойства священнаго языка, а иначе ничего не объяснитъ это слово «по свойству священнаго языка»,—остановимся только на томъ, что само по себѣ совершенно неясно и неопредѣленно это выраженіе—*тайное беззаконіе дѣется*. Что же это за беззаконіе, и въ какомъ отношеніи оно тайное? Изъ контекста можно видѣть, что беззаконіе сіе есть противленіе Христу; но противленіе Христу въ апостольскія же времена и во всѣ времена нѣкоторые люди открыто выражали и выражаютъ, каковы всѣ хулители имени Христова, и потому—непонятно, что значитъ такое беззаконіе *въ дѣйствіи*—ἐνεργεῖται.

Основательно поступаютъ тѣ истолкователи сего мѣста, которые названіе—*тайна беззаконія*, μυστήριον τῆς ἀνομίας, сопоставляютъ съ выраженіемъ—*тайна благочестія*, τὸ τῆς εὐσεβείας μυστήριον. Ибо, выраженія, очевидно, соотвѣтствуютъ одно другому по своему составу, и встрѣчаются у одного и того же свящ. писателя апостола Павла. Изъ сего сопоставленія разсматриваемому нами выраженію выраженія μυστήριον τῆς εὐσεβείας, *тайна благочестія*, и можно будетъ точнѣе опредѣлить значеніе перваго; ибо, хотя нѣтъ ничего общаго у Христа съ веліаромъ,—царство веліара и состоитъ въ отрицаніи царства Христова, но потому-то между тѣмъ и другимъ царствомъ и есть соотвѣтствіе: только въ одномъ—свѣтъ и истина, а въ другомъ—тьма и ложь. Въ царствѣ свѣта и истины Христовой и Божественная тайна благочестія та, что, по домостроительству воплощенія Бога Слова, сила Божія соединяется съ немощію человѣческою, дѣйствуетъ и открывается въ человѣчествѣ и мірѣ и благодатно властвуетъ надъ умами и сердцами. Своего рода сатанинская тайна беззаконія будетъ та, что человѣкоубійца искони преданныхъ ему людей, чрезъ свои темныя вліянія, болѣе и болѣе исполняетъ своею духовною горделивостію, своимъ сатанинскимъ противленіемъ Христу, и такимъ образомъ движетъ подвластный ему міръ своею смертоносной державою и болѣе и болѣе покоряетъ оный себѣ,—ищетъ болѣе и болѣе удобныя ору-

дія для проявленія всей своей лести, низведенія непокорныхъ до сатанинства. Ясно, что въ семъ есть своего рода тайна, тайна лжи, нечестія, смерти, вдыхаемыхъ въ человѣчество міродержцемъ зла, этою первоначальною гордынею, отцемъ лжи, не устоявшимъ въ истинѣ отъ начала. Чрезъ это изъясненіе получается опредѣленный и ясный смыслъ апостольскихъ словъ: *тайна уже дѣется беззаконія*. Сіе изъясненіе подтверждается и другими подобными мѣстами у того же Апостола. Такъ объ отступникахъ послѣднихъ временъ Апостолъ говоритъ, что они будутъ внимать ученіямъ бѣсовскимъ (1 Тим. 4, 1). А начатки движимыхъ духомъ лжи отступниковъ сихъ лютыхъ временъ Апостолъ видѣлъ уже въ свое время (2 Тим. 3, 1—5). Въ другомъ же мѣстѣ онъ и ясно называетъ лжеучителей своего времени, выдававшихъ себя за апостоловъ, служителями сатаны (см. 2 Кор. 11, 13—15). Такимъ образомъ, изъ словъ того же Апостола видно, что тайна беззаконія дѣйствовала уже въ апостольскія времена, и именно въ изъясненномъ выше смыслѣ сихъ словъ. (Совершенно подобныя нами разбираемому мѣсту мѣста: 1 посл. Іоан. 2, 18. 19; 4, 2. 3. 4).

Итакъ, смыслъ словъ—*тайна уже дѣется беззаконія*, есть тотъ: духъ лжи и нечестія, сатана, въ начинающемся христіанскомъ мірѣ уже сталъ отторгать отъ Христа преданныхъ себѣ людей, началъ своими темными вліяніями производить отступленіе отъ Спасителя, и вдыхать въ человѣческую душу горделивость и противленіе противъ Христа.—Вражда змія противъ Сѣмени жены была и въ ветхомъ завѣтѣ и успѣла наконецъ увлечь весь почти міръ; но тогда самъ сатана еще не зналъ съ точностію тайны Христовой, какъ это ясно обнаружилось въ извѣстномъ искушеніи Христа сатаною. Теперь онъ дѣйствуетъ противъ Христа, возбуждая и міръ противъ Него, съ совершеннымъ сознаніемъ дѣла; и слѣдовательно—тайна беззаконія, которая прежде только предначинательно и гадательно дѣялась, теперь, въ христіанствѣ, дѣется со всею опредѣленностію и полнотою адской свирѣпости и лжи. «За сатанинскою злобою и ложью,—какъ бы такъ говоритъ Апостолъ,—дѣло не станетъ; только нѣтъ еще въ человѣчествѣ удобнаго и безпрепятственнаго мѣста и простора явленію антихриста».

Удерживающее вѣсте. Нужно теперь объяснить и сіе *удерживающее*.

Сначала сказано о немъ у Апостола не совершенно опредѣ-

ленно и общо—въ среднемъ родѣ: «вы знаете, что препятствуетъ антихристу открыться теперь». Далѣе онъ говоритъ о томъ же опредѣленіе, называя препятствующее открыться антихристу—*держай*, ὁ κατέχων, и тѣмъ давая основаніе полагать, что это есть личность *). Далѣе о семъ держащемъ сказано, что онъ *отъ среды будетъ*, ἐκ μέσου γένηται, «перестанетъ, не будетъ», т. е. или вовсе перестанетъ существовать, или утратитъ сдерживающую беззаконіе силу. Подобное выраженіе: *да изметься отъ среды* (ἐκ μέσου) *васъ содѣявый сіе*, значитъ такое внушеніе Апостола, чтобы въ области Церкви вовсе не было открыто и упорно предающихся беззаконію. Напротивъ, выраженіе: *изыдите изъ среды ихъ* (ἐκ μέσου), значитъ не то, чтобы христіанамъ вовсе не входить въ сношеніе съ людьми, преданными міру, ибо тогда, по слову Апостола же, надобно было бы христіанамъ выйдти изъ самаго сего міра,—но чтобы живя и въ мірѣ, быть мертвыми для міра, для его духа и скверны, быть бездѣйственными во всемъ мірскомъ—растлѣнномъ **).

Кто же это—не допускающій явиться антихристу, съ удаленіемъ или только рѣшительнымъ обезсиленіемъ котораго для противоборства тайнѣ беззаконія придетъ антихристъ?

Изъ сего самаго апостольскаго мѣста уже дознали мы о немъ, что это есть нѣчто или нѣкто, имѣющій силу сдерживать тайну беззаконія отъ ея ужаснаго раскрытія, нѣкто такой, о которомъ, или о рѣшительномъ паденіи и ослабленіи котораго могло быть не благовременно или не безопасно для самой истины упоминать въ письменахъ, назначенныхъ для распространенія въ Церкви и мірѣ. По симъ чертамъ будемъ искать *удерживающаго*—чрезъ соображеніе другихъ апостольскихъ мѣстъ.

Безъ сомнѣнія, единому Вседержителю и Главѣ Церкви свойственно и возможно Своею силою низлагать всѣ проявленія сѣмени змія до послѣдняго антихристіанства. Но Онъ Своею силою, усвояемою Церкви внутренно по ея вѣрѣ, пребываетъ съ Церковію до скончанія вѣка, какъ Онъ Самъ сказалъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*, и побѣжденъ быть не можетъ, хо-

*) Ибо существительнаго здѣсь также нѣтъ—ὁ κατέχων, какъ и въ предыдущемъ стихѣ—τὸ κατέχον; а въ такихъ случаяхъ, при мужескомъ родѣ прилагательнаго имени или причастія подразумѣвается обыкновенно человѣкъ, Богъ или подоби.

**) Изъ свѣтскихъ писателей у Ксенофонта (Lib. I. cap. V, 14. Anabas.) ἐκ μέσου γίγνεσθαι значитъ сходить съ дороги, не препятствовать!

тя бы всѣ силы адскія устремлялись противъ Его устроенія. *Созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ю.* Итакъ, внутреннюю Божественную же силу Церкви, обладаемую по вѣрѣ, какъ-то, Божественную истину и благодать—и въ ихъ служителяхъ, и въ откровеніяхъ и въ дарахъ и пр.—разумѣть подъ *удерживающимъ*, который наконецъ потеряетъ свою силу, невозможно. Да и самый порядокъ, устроенный во внутренней области Божественной истины и благодати, таковъ, что, если послѣдователи сей истины и участники благодати окажутся среди враговъ истины и благодати, то должны, по слову Божію (2 Кор. 6, 17), сами *изыти изъ среды* (ἐκ μέσου) *ихъ, и не прикасаться ихъ нечистотѣ* и злобѣ,—а если примѣтятъ во внутренней своей области оказавшагося кого-либо съ злобою и нечистотою, то должны изъять его изъ своей среды, по сему слову: *измите злаго отъ васъ... да изметься отъ среды* (ἐκ μέσου) *васъ содѣявый дѣло сіе* (1 Кор. 5, 2). По такому порядку внутренней области Божественной истины и благодати, очевидно—тайна беззаконія только отрицается и отвергается оною, но сама по себѣ не сдерживается отъ нея: на изъятаго изъ среды своей Церковь уже не простираетъ своей духовной власти, оставивъ его собственной пагубѣ; равно и вышедшіе изъ среды беззаконнаго общества оставляютъ это общество собственному его произволу и необузданности. Истина и благодать Господня свою внутреннюю или духовную власть и силу простираетъ на человѣка, доколѣ онъ признаетъ ее и повинуется ей; но, какъ скоро человѣкъ знать не хочетъ власти и силы Христовой благодати и истины, то духовной области благодати и истины дѣлать съ нимъ нечего. Итакъ, надобно искать собственно внѣшнихъ орудій и служителей силы и владычества вездержавнаго Главы Церкви;—*удерживающій* долженъ быть вооруженъ отъ Господа собственно не внутреннею или духовною силою и властію истины и благодати, но внѣшнимъ мечомъ, грознымъ для беззаконія, долженъ сдерживать убійственный и необузданный произволъ беззаконныхъ, поражать и искоренять нечистоту и злобу въ ихъ внѣшнемъ раскрытіи. Такимъ мечомъ вооружена отъ Господа именно гражданская власть, какъ очевидно изъ сихъ словъ апостола Павла: *Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется; нѣсть бо власть, аще не отъ Бога... Божій бо слуга есть, тебѣ во благое. Аще ли злое творишн, бойся: не бо всуе мечь носитъ: Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое творящему* (Рим. 13, 1—4).

Такимъ орудіемъ къ сохраненію, для вѣры и Церкви по преимуществу вожделѣнной, тишины отъ безпорядковъ и ужасовъ беззаконія есть порядокъ гражданскаго права съ его главою и посредствующими опорами, какъ очевидно изъ сихъ словъ апостола Павла: *Молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки*, т. е. не за однихъ только вѣрующихъ или за внутреннюю область Церкви, но и за всѣхъ людей или вообще за общественную жизнь, *за Царя*, представителя и вождя сей жизни, *и за вся, иже во власти суть*, за ея опоры и связи: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ* (1 Тим. 2, 1. 2). Итакъ, вопросъ объ *удерживающемъ* рѣшенъ: *удерживающее* или препятствующее раскрытію тайны беззаконія (τὸ κατέχον) есть вообще твердый и законный порядокъ гражданскій; *держай* (ὁ κατέχων) есть верховный представитель и глава всего гражданскаго порядка. «Не будетъ твердаго и на законныхъ основаніяхъ утвержденнаго гражданскаго порядка,—не будетъ законнаго обладателя верховной власти въ той внѣшней области, гдѣ водворена Церковь,—или достанется сія власть въ руки самого беззаконія: тогда тайна беззаконія раскроется во всей силѣ и развитіи, тогда явится послѣдній, самый злый беззаконникъ».

Вотъ изъясненіе главной мысли сего мѣста. Говорить о такомъ обезсиленіи и паденіи гражданства и верховной власти, не устно излагая это вѣрующимъ, которые не могутъ перетолковать словъ Учителя въ его присутствіи, а въ письменахъ, назначаемыхъ для распространенія, могущихъ попасть въ руки личныхъ враговъ апостола Павла, какихъ у него было много даже и изъ братіи или лучше лжебратіи—христіанъ іудействующихъ, и даже въ руки язычника или властителя, не могущаго войти въ истинное значеніе словъ Апостола,—конечно, было не благовременно и не безопасно для самой Христовой истины. Ибо она съ этой своей стороны могла быть невѣдущими изъяснена, какъ мятежная мысль, и притомъ такъ изъяснялась бы не потому, что упорно не хотѣли бы знать эту сторону Христовой истины, какъ и вообще всю спасительную истину, но потому, что невѣрующему гражданскому властелину она естественно показалась бы неблагопріятною гражданскому порядку, стражемъ котораго онъ поставленъ. Такъ слово Божіе самымъ умолчаніемъ о какой-либо тайнѣ или частной истинѣ, впрочемъ изъ него же удобно или дознаваемой или оправдываемой, поучаетъ и вразумляетъ:

Христову истину должно не обинуясь исповѣдовать предъ міромъ, что ни угрожало бы за это; но могутъ быть и есть въ ней стороны, умолчаніе о которыхъ не закрываетъ спасительнаго свѣта Христова, а между тѣмъ раскрытіе которыхъ не предъ искренними только послѣдователями вѣры, но безразлично предъ всѣми, можетъ быть обращено во вредъ и въ предубѣжденіе противъ самой спасительной истины. Апостолъ своимъ примѣромъ учитъ о такихъ сторонахъ истины говорить преданнымъ Христовой истинѣ, какъ онъ, живя у Оессалоникійцевъ, *глаголалъ* и объ *удерживающемъ*, именно говорилъ просто и ясно, такъ что нѣтъ нужды и повторять; но безразлично для всѣхъ—не излагать прямо, щадя невѣдѣніе или легкомысліе, какъ Апостолъ въ посланіи, назначаемомъ во всеобщее руководство, нашелъ нужнымъ во время языческаго владычества не говорить прямо объ *держащемъ*. Св. Златоустъ, по отношенію къ времени своему и апостольскому подъ *удерживающимъ* разумѣетъ именно римскую имперію. Онъ говоритъ: «удерживающее т. е. не допускающее (τὸ κωλύον). Иные говорятъ, что это благодать Духа; а иные разумѣютъ римскую имперію (τὴν ῥωμαϊκὴν ἀρχήν), съ которыми и я совершенно согласенъ (οἷς ἔγωγε μάλιστα τίθεμαι). Ибо, если бы онъ говорилъ о Духѣ, то говорилъ бы не обинуясь, но ясно.... Поелику же говоритъ о римской имперіи, то, какъ и слѣдуетъ, не все открыто выражаетъ (εἰκότως ἠνίξατο) и говоритъ прикровенно: ибо не хотѣлъ подвергаться напрасной враждѣ и безразсудной опасности. Ибо, если бы онъ сказалъ, что наконецъ будетъ разрушена римская имперія, то его тотчасъ бы казнили, какъ бунтовщика (κατώρυξαν ὡς λυμέωνα), и вѣрныхъ всѣхъ, какъ его сообщниковъ и мятежниковъ». И далѣе: «когда римское владычество *будетъ изъ среды взято*, т. е. погибнетъ, тогда и придетъ онъ (антихристъ). И дѣйствительно такъ. Ибо, пока будетъ страхъ этого владычества, не скоро онъ откроется; а когда будетъ оно разрушено, то къ безначалію присоединится и то, что онъ попытается восхитить власть и человѣческую и Божескую». Ясно, что св. толковникъ не саму по себѣ римскую имперію имѣетъ въ виду, а твердость и законность гражданскаго порядка и власти, что и у насъ показано. Пусть же устыдятся истины тѣ раскольники, которые антихристовымъ признаютъ то, что собственно препятствуетъ полному раскрытію тайны антихристовой по ученію слова Божія,—какую силу св. Златоустъ признавалъ и въ языческомъ гражданскомъ правительствѣ. Въ наше

время, когда, случается, открыто выражаютъ сатанинское противленіе или безчеловѣчіе, достойное только послѣдняго противника,—въ такое время, когда только твердою рукою гражданской власти сдерживаются скопища беззаконія, возстающія уже противъ Христа, особенно понятно и оправдывается апостольское слово: *тайна бо беззаконія дѣется, точію держай нынѣ, дондеже отъ среды будетъ.*

По изъясненіи главной мысли, все мѣсто, и въ частностяхъ и въ общемъ составѣ, удобно изъясняется. «Не помните ли,—какъ бы такъ говоритъ Апостолъ,—что я, будучи у васъ, говорилъ обстоятельно о печальныхъ временахъ отступленія и явленія антихристова, долженствующихъ предварить второе пришествіе Христово. *И нынѣ* (т. е. прямо ли: «и теперь», или по употребленію сей частицы на священномъ языкѣ, «и такимъ образомъ») вы знаете и то, что удерживаетъ сего врага Божія, *во еже явитися ему въ свое ему время*, ἐν τῷ ἑαυτοῦ καιρῷ, т. е. время, опредѣленное не другимъ чѣмъ или кѣмъ, а самимъ антихристомъ, а до личнаго его явленія, очевидно, духомъ антихристовымъ, ἐν τῷ ἑαυτοῦ καιρῷ. «Вы знаете, что не допускаетъ раскрыться духу антихристову въ опредѣленной личности человѣка беззаконія,—раскрыться, какъ или когда бы хотѣлось того самой лжи и злобѣ антихристіанской. Ибо, по совершеніи и открытіи тайны благочестія, тайны Христа Бога, по человѣколюбію вознотившагося и истощившагося въ плоти до крестной смерти и потомъ воскресшаго, превознесеннаго (и во плоти) въ славу Божества своего, окончательно образовалась, опредѣлилась и такимъ образомъ уже дѣйствуетъ тайна беззаконія—тайна сатаны, воздвигающаго въ человѣчествѣ вражду противъ Христа, противленіе всему и превознощеніе паче всего священнаго, имѣющаго водворить такую свою мерзость въ качествѣ самаго божества на самомъ *мѣстѣ святѣ* храма истиннаго Бога, и для того устрояющаго въ самомъ христіанскомъ мірѣ отступленіе отъ Христа. Только раскрытія сей тайны во всей силѣ въ дѣйствительномъ явленіи такого *человѣка беззаконія*, который бы столь ужасно наругался надъ истинною вѣрою, обольстивъ отступниковъ отъ нея вѣровать въ себя самого,—не допускаетъ тотъ, кто вооруженъ отъ Бога мечемъ противу беззаконія и поставленъ стражемъ общественной тишины и порядка. Не будетъ этого представителя и средоточія гражданской власти, сущей отъ Бога и служащей Его же царству только внѣшнимъ образомъ: тогда откроется и

полный представитель и осуществитель тайны беззаконія — во всемъ извращенномъ величіи лжи и зла, до котораго можетъ только созрѣть въ человѣчествѣ беззаконіе. Тогда-то для ниспроверженія зла во всемъ его развитіи въ человѣчествѣ, а не прежде того, —какъ-бы такъ продолжаетъ Апостолъ,—и послѣдуетъ второе пришествіе Спасителя. *Егоже Господь Іисусъ убіетъ Духомъ устъ Своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествія Своего». Убіетъ* (ἀναλώσει)—поразитъ, погубитъ. *Убіетъ Духомъ устъ Своихъ:* это предсказалъ о Божественной отрасли Іессеевой еще пророкъ Исаія, провидя потребленіе всего царства нечестія, нѣкогда имѣющаго объять почти всю землю: *поразитъ землю Словомъ устъ Своихъ и Духомъ устенъ убіетъ нечестиваго* (11, 4). Пораженіе на смерть Духомъ устъ можно понимать и не въ собственномъ смыслѣ: «Господь въ явленіи пришествія своего Самъ собою одинъ разсѣетъ и упразднитъ взимающееся до самыхъ небесъ и до престола Божія владычество нечестія такъ же, какъ напр. паутина уничтожается дыханіемъ вѣтра, или ничтожныя насѣкомыя разсѣваются дыханіемъ устъ». Есть основанія понимать Духъ устъ Господнихъ и въ собственномъ смыслѣ, о Св. Духѣ, такъ-какъ по воскресеніи своемъ Спаситель предначинательно сообщилъ ученикамъ Св. Духа именно дуновеніемъ устъ Своихъ: *Пріимите Духъ Святъ,* сказалъ Онъ, *и сія рекъ, дуну.* Въ семъ смыслѣ, Духъ устъ Христовыхъ есть самый Божественный Духъ благодати, безмѣрною полнотою которой исполненъ Христосъ въ самомъ Своемъ человѣчествѣ (Іоан. 1, 14; 3, 34), и которая во всей полнотѣ своей раскроется въ пришествіе Христово въ славу, какъ сказано: *да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣльное богатство благодати Своея,* въ чемъ и состоитъ рѣшительное торжество Христовой истины надъ ложью и нечестіемъ. Впрочемъ, оба изъясненія удобно совмѣщаются. Если понимать пораженіе Духомъ устъ Христовыхъ и не въ собственномъ смыслѣ, т. е. какъ мгновенное, не требующее отъ Господа усилія, погубленіе врага Божія съ его царствомъ: то вникая въ основанія сего, дойдемъ до мысли, что это произойдетъ отъ Божественной славы, въ которой пріидетъ Христосъ и которая есть не что иное, какъ раскрытіе презѣльнаго богатства любви Божіей, почивающей во Христѣ, какъ Единородномъ, и открытой для насъ въ Немъ, какъ Богочеловѣкѣ, той любви Божіей, которая содержитъ вся сокровища и силы Св. Духа. Если будемъ понимать разсматриваемыя слова и прямо о пораженіи врага

Духомъ любви Божіей, которая, въ своей ревности противъ ожесточенныхъ и упорныхъ враговъ на Ея долготерпѣніе и безконечныя, такъ сказать, усилія вразумить вражду, и откроетъ для нихъ адъ *(крѣпка бо яко смерть любовь и яко адъ ревность*, такъ сказано было о самой Христовой любви, изливающейся въ сердца Духомъ Святымъ): то само собою должна подразумѣваться мысль, что низложеніе сего послѣдняго Вавилона отъ Духа Христова есть не болѣе, какъ разсѣяніе паутины и насѣкомыхъ. «Какъ огонь, говоритъ св. Златоустъ, просто отнимаетъ силу у насѣкомыхъ и губитъ ихъ, какъ бы ни далеко они простирались: такъ и Христосъ однимъ Своимъ повелѣніемъ и присутствіемъ (или пришествіемъ) погубитъ антихриста. Довольно Ему придти, и—это все погибло; однимъ явленіемъ своимъ Онъ прекратитъ обольщеніе».

И упразднитъ (καταργήσει, отсюда καταργήσις окончательное истребленіе или погибель) *явленіемъ пришествія Своего:* пришествіе (παρουσία) то же слово, которое употребляется въ первомъ стихѣ о второмъ Христовомъ пришествіи (ὑπὲρ παρουσιας). *Послѣдній же врагъ*, говоритъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ, *упразднится* (καταργεῖται) *смерть. И упразднится*, какъ то показано въ Апокалипсисѣ такимъ образомъ, что *смерть и адъ ввержены будутъ въ озеро огненное или въ геенну, и се есть вторая смерть* (20, 14). По соображенію съ симъ мѣстомъ, можно понять, что истребленіе антихриста, въ которомъ смертоносное зло раскроется со всею силою и зрѣлостію, есть вообще отъятіе всякой силы и значенія у державы смерти,—отъятіе у смерти самой державы, дабы злу, со всѣми его орудіями и служителями, съ первыми его виновниками и послѣдними проявителями, быть въ геенѣ жертвою вѣчной смерти. Гибель послѣдняго врага съ раскрытіемъ геенны соединяетъ и пророкъ Даніилъ (7 гл.). Такимъ образомъ, какъ вѣрные, оставшіеся до пришествія Христова въ живыхъ, вмѣстѣ съ воскресшими пріобщатся Его славы, восхищенные въ срѣтеніе Его (1 Сол. 4, 17): такъ антихристъ съ своими служителями, во второе Христово пришествіе, вступитъ во дверь второй или вѣчной смерти. Само собою разумѣется, что вѣчная участь антихриста, какъ и всѣхъ, должна рѣшиться и опредѣлиться на страшномъ Христовомъ судѣ, для произведенія котораго и послѣдуетъ второе Его пришествіе.

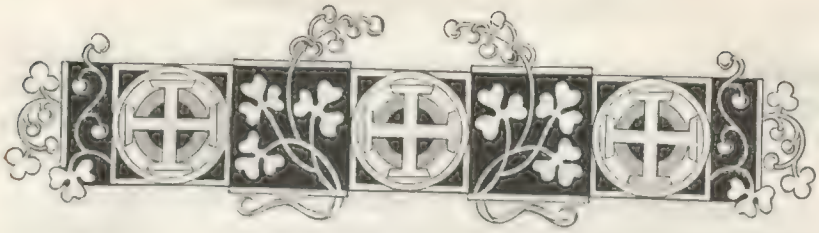
Погибельное состояніе міра, въ послѣднія времена, и именно то, почему такой ужасный успѣхъ въ мірѣ будетъ имѣть антихристъ

съ своимъ обольщеніемъ, апостолъ такъ изъясняетъ: *егоже есть пришествіе по дѣйству сатанину, во всякой силѣ, и знаменіяхъ и чудесѣхъ ложныхъ, и во всякой льсти неправды въ погибающихъ: зане любве истины не пріяша, во еже спастися имъ; и сего ради пошлетъ имъ Богъ дѣйство льсти во еже вѣровати имъ лжи. Да судъ пріимутъ вси не вѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ* (ст. 9—12). *По дѣйству сатанину:* вообще *въ сынѣхъ противленія*, какъ говоритъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ, дѣйствуетъ сатана, движа и располагая ими по своимъ похотямъ (Ефес. 2, 2). Въ противникѣ, превозносящемся до гордости, достойной одного сатаны, для сатаны уготованъ и сосудъ, помѣстительный для всѣхъ сатанинскихъ похотей и лжи. *Во всякой силѣ, знаменіяхъ и чудесѣхъ ложныхъ:* слова эти синонимическія, хотя и есть различіе между понятіями. Вообще, *чудо* истинное есть такое явленіе, которое произведено не по законамъ, положеннымъ отъ Творца при созданіи вселенной и хранимымъ Его промышленіемъ, но по непосредственному дѣйствію Его Самого, какъ располагающаго всевластно и самыми законами природы и міра. *Знаменіе*—или болѣе поразительное и предъ всѣми открытое чудо: *хощемъ знаменія отъ Тебя видѣти*, говорили Іудеи, тогда какъ обыкновенныя чудеса творилъ Іисусъ въ безчисленномъ множествѣ. *Сила* есть дѣйствующее начало чудесъ и знаменій, въ нихъ проявляющихся: «сила Божія великая», говорили обольщаемые Симономъ волхвомъ — о семъ самомъ обманщикѣ. *Чудо ложное* будетъ, когда явленіе, производимое по законамъ природы или призрачное, антихристъ будетъ выдавать, какъ совершаемое имъ по власти надъ самыми законами и порядкомъ природы. Наиболѣе поразительныя изъ такихъ явленій это ложныя *знаменія* антихриста. И начало ихъ, проявляющееся лично въ антихристѣ какимъ бы ни было образомъ, начало льстивой и призрачной всевластности—вотъ *сила* антихриста. *Во всякой силѣ и знаменіяхъ, и чудесѣхъ ложныхъ, и во всякомъ обольщеніи неправды.* Словомъ: все, сколько только есть въ сатанинскихъ глубинахъ лжи обольстительныхъ призраковъ, злаго знанія и вліянія на міръ и природу,—все это будетъ орудіемъ или силами антихриста. Чтобы сколько-нибудь приблизить къ уразумѣнію эту силу зла, имѣющую открыться въ антихристѣ, вспомнимъ, что собственно похотями своими движетъ міръ и дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія міродержецъ тьмы, что, поэтому самому Христу онъ явилъ свою область всемірнаго владычества грѣха «во мгно-

вепіи ока», и готовъ былъ или обѣщалъ за-разъ уступить эту власть двигать послушными ему душами по своимъ прихотямъ, хотя и не всегда замѣтно. Если *во всякой льсти неправды и во всякихъ чудесахъ ложныхъ* откроется антихристъ: то онъ будетъ обладать и этою державою сатанинскою, которая, безъ стѣсненія пространствомъ, владѣетъ внутренними пружинами преданныхъ ему сердецъ. Удивительно ли, что будутъ покланяться ему какъ богу, и храмы христіанскіе будутъ посвящать этому врагу Христову? Избраннымъ нужно отрѣшаться отъ послѣдней примѣси въ себѣ зла, какое есть въ человѣческомъ естествѣ, чтобы отразить обольщеніе; удивительно ли, что такой пшеницы найдется не много, и что за то они, мимо дверей смерти, войдутъ въ вѣчную жизнь чрезъ мгновенное измѣненіе?

Изъ предложеннаго изъясненія видно уже, что эта власть зла раскроется собственно надъ преданными злу и потому оставленными благодатію. Въ наказаніе за это они и дойдутъ до того, что будутъ вѣровать въ антихриста, какъ и говоритъ далѣе Апостолъ (ст. 11): *И сего ради пошлетъ имъ Богъ дѣйство льсти во еже вѣровати имъ лжи; пошлетъ дѣйство льсти:* самое движеніе зла не выходитъ изъ-подъ державы Божіей: люди возлюбятъ ложь, Господь Богъ оставитъ ихъ безъ своей защиты и просвѣщенія, и — тогда для лести откроется полный просторъ. И такимъ образомъ, Богъ *пошлетъ дѣйство льсти*, наказуя непокорныхъ, отъ вѣчности провидя это и опредѣливъ ихъ, какъ упорно преданныхъ злу, на такую погибель.

Заключеніе апостольскаго ученія объ антихристѣ понятно само собою изъ общихъ началъ Христовой истины (ст. 13—17). *Вы же, братіе, не стужайте доброе творяще. Аще же кто не послушаетъ словесе нашего, посланіемъ сего назнаменуйте: и не примышайтеся ему, да посрамится: и не яко врага имѣйте его, но наказуйте якоже брата. Самъ же Господь мира да дастъ вамъ миръ всегда во всякомъ образѣ. Господь со всѣми вами* (3, 13—16).



VII.

О ПРИНЦИПАХЪ ИЛИ НАЧАЛАХЪ ВЪ ДѢЛАХЪ ЖИТЕЙСКИХЪ ИЛИ ГРАЖДАНСКИХЪ.

Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ (Еф. 6, 12). Эти слова Апостола Павла напоминаютъ намъ, что было время, или даже былъ длинный рядъ временъ, когда человѣкъ, не разумѣя вполнѣ самаго существа Божіей истины, а воспринимая ее болѣе или менѣе въ гаданіяхъ и образахъ чувственныхъ предметовъ, не вполнѣ понималъ и то, что для него было поистинѣ опасно и враждебно. Тогдашній, именно ветхозавѣтный человѣкъ въ чувственныхъ своихъ врагахъ и въ чувственныхъ видахъ зла большею частью видѣлъ то, противъ чего ему надлежало вести брань для своего истиннаго блага и счастія. Такъ было во времена ветхозавѣтныя. Но у новаго Божія Израиля—христіанъ, знающихъ и имѣющихъ во Христѣ самое существо истины и благодати Божіей, существенное дѣло всякаго противоборства уже не противъ чувственныхъ личностей, но противъ самыхъ дѣйствующихъ началъ зла и лжи, противъ этихъ живыхъ міродержителей тьмы, духовъ злобы. *Нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ....* и проч.

Такая истина слышится иногда въ наше время по отношенію не только къ дѣламъ духовнымъ, но и къ простымъ житейскимъ, какъ-будто въ прямое оправданіе того, что именно благо-

честію принадлежитъ обѣтованіе настоящей и будущей жизни (1 Тим. 4, 8). Случается, что, хотя на словахъ, разсуждаютъ о судебномъ разборѣ дѣлъ самыхъ житейскихъ такимъ образомъ: «Пора бросить бѣдную мысль, что можно сдѣлать серьезныя улучшенія, выгоняя Ивана и сажая Петра! Пора оставить въ покоѣ людей и заняться принципами» (началами)! Услѣдить, въ чемъ именно кроется разрушительная сила зла, и поставить живое и дѣйственное начало истины и добра—это всего нужнѣе для благоустроенія дѣлъ малыхъ и великихъ, нравственно-духовныхъ и житейскихъ. Но это требуетъ отъ насъ дружнаго содѣйствія другъ-другу въ дѣлѣ истины и добра; потому-что темныя начала лжи и зла всевозможно усиливаются путать насъ и вмѣстѣ укрываться отъ насъ. Въ раскрытіи лживости однихъ и спасительной вѣрности другихъ началъ едва ли не болѣе, нежели въ чемъ-либо другомъ, требуется исполненіе апостольскаго внушенія: *другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2).

Поэтому, единственно изъ желанія раздѣлить съ собратьями общую тяготу, дозволяемъ себѣ коснуться того, что не только почти не видно у насъ прямого и сознательнаго стремленія привести и житейскія дѣла къ началамъ христіанскимъ, но даже кое-гдѣ, по временамъ, высказывается стремленіе устроивать житейскія и гражданскія дѣла въ совершенной отдѣльности отъ христіанскихъ началъ. «Интересъ христіанства (такъ писали у насъ по вопросу допущенія Евреевъ въ англійскій парламентъ) будетъ возвышаться вслѣдствіе большаго и большаго раздѣленія между тѣмъ, что принадлежитъ кесарю, и тѣмъ, что слѣдуетъ Богу. Это завѣтъ Христовъ, это истинно-христіанское начало»! Здѣсь, не смотря на букву, благопріятную христіанству, въ силѣ дѣла проглядываютъ уже несовсѣмъ вѣрныя, несовсѣмъ христіанскія начала.

Но прежде всего проснмъ читателей не подумать, что мы хотимъ ратовать собственно противъ допущенія Евреевъ въ англійскій парламентъ.—Нѣтъ; наша брань не противъ чувственныхъ личностей, кто бы они ни были—Евреи или Англичане; намъ слѣдуетъ лучше тѣмъ озаботиться, чтобы въ судилищѣ самой мысли нашей не засѣли жидовскія или языческія христовраждебныя начала. *Что ми внѣшнихъ судити? Внѣшнихъ Богъ судитъ.* Намъ нужно изгнать ложь и зло отъ насъ самихъ (1 Кор. 5, 12—13). Тогда мы скорѣе и рѣшительнѣе вступимся за человѣка,

за котораго Христосъ умеръ, каковъ бы ни былъ этотъ человѣкъ; и притомъ, будемъ заботиться не просто о внѣшнихъ, а о существенныхъ, истинно-человѣческихъ его правахъ.—Будемъ разсуждать о самомъ дѣлѣ.

То правда, что истина и благодать Божія, принадлежащія Церкви Божіей, не смѣшиваются ни съ чѣмъ кесаревымъ или гражданскимъ; истина Божія, область благодати Христовой, сама-по-себѣ ничего существеннаго не потеряла бы, еслибъ гражданство и не захотѣло принимать ея начала. Но не трудно любящему правду усмотрѣть, есть ли правда въ такомъ разсужденіи, будто тѣмъ болѣе «интересъ христіанства» будетъ возвышаться, чѣмъ болѣе будетъ раздѣленія между тѣмъ, что принадлежитъ кесарю, и тѣмъ, что слѣдуетъ Богу. Существенный «интересъ христіанства» состоитъ въ томъ, чтобы всѣ и все въ человѣчествѣ приведено было подъ благодатное осѣненіе и въ общеніе любви Отца небеснаго, простертой къ человѣкамъ въ Его единородномъ Сынѣ, Господѣ Іисусѣ Христѣ. Но гдѣ или въ чемъ не пріемлютъ Сына, какъ единое существенное начало всего истинно-добраго, полезнаго и прекраснаго, тамъ нѣтъ мѣста и для любви Отца: потому что вся полнота и самое существо Отчей любви—въ Сынѣ, въ Которомъ Единомъ она простирается на созданія. Итакъ отдѣлите принадлежащее кесарю отъ слѣдующаго Богу, устроивайте и обсуждайте все гражданское въ совершенной раздѣльности отъ духовнаго и церковнаго, имѣющаго всю свою силу во Христѣ, единородномъ Сынѣ Божіемъ: тогда въ чемъ же, въ области государственной, почіетъ любовь Божія?!... *Всякъ, отметаяйся Сына* въ какомъ бы ни было отношеніи, *ни Отца имать* въ этомъ отношеніи (1 Іоан. 2, 24). Въ какой бы ни было области не хотѣть пріять Сына въ верховное начало—значитъ отчуждать эту область и отъ любви Отца, которая вся почиваетъ въ Сынѣ. Этой истины нельзя ослабить ни на-волосъ: такъ-какъ она имѣетъ свое основаніе въ томъ вѣчномъ отношеніи Отца къ Сыну, по которому вся полнота Отчаго благоволенія существенно почиваетъ и сіяетъ въ единородномъ Сынѣ. На этомъ самомъ основана и христіанская истина о вѣчномъ проклятіи и отверженіи непріемлющихъ Сына—прямо ли въ Его истинѣ и благодати, или въ меньшей Его же братіи (см. Мат. 25, 41—46). Какой же «интересъ» для христіанства оставлять гражданство въ отчужденіи отъ любви Отца небеснаго, готовящемъ и для здѣшней жизни ранее или позднее всегубительство, сколько бы ни кричали о

мирѣ и утвержденіи, и кромѣ того, не оставляющемъ служащимъ государству никакой надежды на доброе воздаяніе жизни вѣчной за это служеніе? Всякій христіанинъ на себѣ самомъ можетъ дознать и почувствовать, есть ли какой «интересъ» для него, христіанина, пребывать въ гражданскомъ быту—внѣ благодатнаго осѣненія любви Отца небеснаго.

Но вѣдь Самъ Спаситель сказалъ: «*воздадите кесарева кесареви и Божія Богови* (Мат. 22, 21). Это изреченіе Христово, примѣтно, и послужило основаніемъ утверждать, что «завѣтъ Христовъ» требуетъ рѣшительнаго раздѣленія между тѣмъ, что принадлежитъ кесарю, и тѣмъ, что слѣдуетъ Богу». Буква слова Христова, повидимому, благопріятствуетъ такому разсужденію. Но надобно вникнуть въ силу дѣла; ибо буква Писанія безъ силы есть начало жидовское, по которому былъ осужденъ и распятъ Христосъ.

Евреи недоумѣвали, законное ли дѣло, чтобы народъ *Божій* платилъ дань *языческому* правительству; не отрекаются ли они отъ своего истиннаго Царя Іеговы чрезъ приношеніе податей римскому императору? Враги Господа и воспользовались этими народными недоумѣніями, чтобы поставить Его въ необходимость—или признать законность платимой кесарю подати, и тѣмъ въ глазахъ народа оскорбить владычество Іеговы надъ Израилемъ, или, въ противномъ случаѣ, оказаться противникомъ кесаря, запрещающимъ платить ему подать. Господь столько же просто, какъ и премудро, рѣшилъ, какъ можно и должно всецѣло служить Богу, отправляя и гражданскія повинности,—другими словами: *какъ оставаться вѣрнымъ рабомъ Божіимъ, истиннымъ чадомъ Церкви Божіей—и на самомъ поприщѣ гражданскомъ*, даже въ томъ случаѣ, если бы гражданское правительство было иновѣрное или невѣрное? Вотъ какой вопросъ рѣшался!

Посмотримъ, какъ Господь рѣшилъ все затрудненіе. Пристрастныхъ къ видимости и къ внѣшности ветхозаконниковъ, Онъ чрезъ видимые предметы возводитъ къ разумѣнію духовной истины: *Чій образъ сей и надписаніе?* спросилъ Онъ своихъ совопросниковъ, смотря и указывая на монету, которою платили подать. Господь обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на *образъ и надписаніе*, начертанные на монетѣ, чтобъ именно въ этомъ и указать простой ключъ къ разрѣшенію всего дѣла. Какъ скоро Онъ получилъ отвѣтъ отъ своихъ совопросниковъ, что образъ и надписаніе на монетѣ *кесаревы*, то съ ихъ же словомъ и поста-

повилъ этотъ Свой законъ: *воздадите кесарева кесареви и Божія Богови. Кесарева*—такъ названо то, что запечатлѣно образомъ и надписаніемъ кесаря; *Божія*—подъ симъ, по соотвѣтствію съ предыдущимъ, должно разумѣть также то, что запечатлѣно образомъ и надписаніемъ Божіимъ. А на первой же страницѣ Божія закона сказано, что *по образу Божію сотвори Богъ* именно самого человѣка (Быт. 1, 27). Итакъ, Господь какъ-бы такъ говорилъ: «чтобы не путаться въ томъ, какъ, платя подать кесарю, соблюсти вѣрность Всевышнему Царю Израилеву, смотрите сами, *чій* на чемъ *образъ и надписаніе*. Монету, запечатлѣнную образомъ кесаря, нечего затрудняться платить кесарю, какъ законную подать кесареву; только при этомъ и запечатлѣнную образомъ и начертаніемъ Божіимъ монету, которую составляетъ самъ человѣкъ и по уму и по сердцу и волѣ и пр., не забывайте воздавать *Богови*, какъ слѣдующую Ему одному подать». Изъ такого смысла словъ Христовыхъ самъ собою слѣдуетъ тотъ выводъ, который Господь оставилъ на совѣсть самихъ слушателей: «Если все, носящее печать земнаго гражданства, вы исполняете, не теряя изъ вида и не нарушая ничѣмъ печати Божія гражданства, запечатлѣвающей именно васъ самихъ, вашу мысль, волю и сердце, то вы, и платя дань кесарю, составляете истинный Божій народъ, преданный и вѣрный своему Богу даже самымъ исполненіемъ гражданскихъ повинностей». Слушавшіе Господа, видно, поняли или почувствовали это, и удивились, какъ просто и удовлетворительно разрѣшено запутывавшее ихъ затрудненіе.

Но если такой смыслъ Христова изреченія о воздаяніи кесаревыхъ кесареви и Божіихъ Богови былъ болѣе или менѣе понятенъ даже и ветхому Израилю, слушавшему Господа: то намъ, новому Израилю, надо еще лучше ветхаго разумѣть слова Господа. Мы знаемъ, что Самъ Господь и есть существенный образъ Божій, существенно проявляющій Своего Отца, какъ единосущный Его Сынъ; потому намъ точнѣе можно опредѣлить, въ чемъ существо образа и надписанія Божія *), начертаннаго въ насъ, какъ въ живой духовной монетѣ, а оттого смыслъ словъ Христовыхъ является въ большемъ свѣтѣ. Если существенный образъ Божій

*) Опредѣляя, въ чемъ *существо* образа Божія, по которому человѣкъ созданъ, мы нимало не касаемся и, слѣдовательно, не колеблемъ тѣхъ изъясненій этого предмета, которыя раскрываютъ собственно *проявленія* въ человѣкѣ образа Божія—чистоту ума, святость воли и тому подобныя.

есть Одинъ, и именно Самъ Единородный (Евр. 1, 3), то *быть созданнымъ человѣку по образу Божію* значитъ быть поставленнымъ по самой своей природѣ, какъ она вышла изъ рукъ Создателя, въ живой сообразности именно съ единороднымъ Сыномъ Божіимъ, такъ-что для первозданнаго свѣтомъ, жизнію, «всѣмъ былъ Богъ Слово» (по выраженію св. Макарія Великаго) *). Вотъ именно что *Божія* въ насъ! Это и слѣдуетъ воздавать Богови, воздавая кесарево кесареви; именно, слѣдуетъ намъ всею мыслію, чувствомъ, желаніями, всѣми своими дѣйствіями сообразоваться, какъ съ своимъ первообразомъ или верховнымъ началомъ для насъ—съ Сыномъ Божіимъ Господомъ нашимъ. Правда, грѣхопаденіемъ мы потеряли вѣрность своему первообразу; но единородный Сынъ Божій, для возстановленія насъ, падшихъ, въ живую и всецѣлую сообразность съ Собою, благоволилъ, будучи вѣчно Богомъ, содѣлаться и полнымъ человѣкомъ, и съ душею и съ тѣломъ, со всѣми силами и съ самыми дѣйствіями человѣческими. Во всемъ этомъ мы и должны сообразоваться, какъ съ своимъ первообразомъ и началомъ, съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, чтобы воздать Божія Богови. Что касается въ особенности до области гражданства, Господь нашъ для насъ благоволилъ родиться, жить и умереть подъ условіями гражданства; еще въ колыбели какъ бы нарочно для того (и дѣйствительно съ этимъ прямымъ намѣреніемъ), чтобы мы и въ гражданской части не разлучались съ Нимъ, какъ съ своимъ первообразомъ и началомъ, и для этой части, еще въ колыбели Онъ былъ записанъ въ подданствѣ кесарю; для насъ и оставался въ подданствѣ кесарю вѣрнымъ и послушливымъ въ семъ самому Отцу Своему до самой смерти, ибо и умеръ безпрекословно по приговору римскаго прокуратора. Явленіе во Христѣ такой благодати, бывшее по отношенію къ гражданству, составляетъ также *Божія*, что мы также должны воздавать *Богови*, т. е. отъ колыбели до гроба должны мы, и въ отношеніи къ гражданству, имѣть самого же Христа своимъ первообразомъ и началомъ. Какъ же послѣ этого говорить, что «интересъ христіанства», самый завѣтъ Христовъ, требуетъ совершеннаго раздѣленія между духовнымъ и гражданскимъ? Напротивъ, исполняя слѣдующее кесарю въ отдѣльности отъ того, что подобаетъ Богу, мы очевидно презримъ и отринемъ ту благодать Божію къ намъ, что ради насъ самъ *Богъ Слово во*

*) Св. Макарія Егип. творенія, стр. 127 и 128.

плоти былъ отъ колыбели до гроба самымъ вѣрнымъ подданнымъ кесаря. Посему мы не стали бы воздавать Божія Богови, если бы вздумали воздавать кесарево кесарю въ отдѣльности отъ подобающаго Богу. Воздавая кесарево кесарю въ отдѣльности отъ того, что подобаетъ Богу, мы христіане не возвышались бы надъ язычниками и невѣрами, которые могутъ воздавать кесарево кесарю, въ отдѣльности отъ Божіяго, не хуже христіанъ. Такъ, по силѣ словъ Христовыхъ: *воздадите кесарева кесареви и Божія Богови!*

Еще въ ветхомъ завѣтѣ истинная мудрость говорила о Господѣ: *Тѣмъ царіе царствуютъ*; нынѣ же, послѣ того, какъ истощился до подданства кесарю и до самой присужденной отъ кесарева представителя позорной смерти Тотъ Самый, Кѣмъ царіе царствуютъ, все гражданство, отъ главы до самаго послѣдняго подданнаго, составляетъ уже *царство Господа нашего и Христа Его во вѣки вѣковъ* (Апок. 11, 15), если только сами не захотимъ восхитить у Его благодати эту Его собственность, которая такъ дорого Ему стоила, и повергнуть гражданство въ примрачную область испорченнаго грѣхомъ нашего естества.

Господь сказалъ: *аще любите любящія вы, кая вамъ благодать есть?* (Лук. 6, 32). *Не и мытари ли тожде творятъ? И аще цѣлуете други ваша токмо, что лишше творите? и ни язычницы ли такожде творятъ?* (Мат. 5, 46. 47). Такъ точно, если въ области гражданства поставимъ себя въ совершенномъ раздѣленіи отъ области *Божіяго*, если потому гражданскій бытъ пошелъ бы такимъ порядкомъ, который не имѣетъ своимъ верховнымъ началомъ Спасителя міра, то какая же *благодать* осталась бы у насъ по отношенію къ гражданству? *Не и язычницы ли такожде творятъ?* Не обидно ли будетъ это для христіанскаго государства? «Если бы не Твой былъ я, Христе», говоритъ св. Григорій Богословъ, «мнѣ это было бы обидою» *). Такъ по праву сказало бы и гражданство, если бы не дано было ему признавать своимъ началомъ Христа. И какъ важна и страшна эта обида (которую мы же сами сдѣлали бы себѣ) была бы для насъ особенно нынѣ! Вотъ, православный Царь, *помолясь Богу*, поднялъ великій вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго быта. Если бы, въ противность такому благочестивому начатію Царемъ великаго дѣла, стали мы смотрѣть на это дѣло по началу «раздѣленія между тѣмъ, что

*) Твор. св. Григорія Богосл. Ч. V, стр. 13.

принадлежитъ кесарю, и тѣмъ, что слѣдуетъ Богу»: то все это дѣло, принадлежа къ области кесаря и, слѣдовательно, по сказанному началу, выходя изъ круга слѣдующихъ Богу воздаяній и дѣйствій, получило бы значеніе только заботы о земномъ общественномъ благоустройствѣ, заботы общей всякому, не только христіанскому, но и магометанскому или языческому народу. Не обидно ли, не низко ли, даже не бѣдственно ли было бы это для православнаго народа? Если же, напротивъ, мы не захотимъ презрѣть и забыть той благодати, что Самъ Сынъ Божій благоволилъ родиться и быть записаннымъ въ подданствѣ кесарю, жить и умереть подъ условіями этого подданства, и это для каждаго человѣка и народа на всѣ времена, только бы самъ человѣкъ или народъ державъ такую благодать своею вѣрою: то какія отсюда прекрасныя послѣдствія! Тотъ же самый вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ получаетъ уже значеніе слѣдующаго благодатнаго вопроса: какъ бы не преобидѣть, а успокоить самого Христа въ благоустройствѣ меньшихъ Его братій *), какъ бы поставить ихъ въ положеніе, наиболѣе соотвѣтствующее и благопріятствующее такому призванію ихъ во Христѣ, какъ бы и самому господственному классу воспріять или благонадежнѣе удержать Господа Человѣколюбца въ своихъ отношеніяхъ къ подвластнымъ. При такомъ значеніи сего вопроса, тѣ же самыя заботы, движенія и распоряженія по этому вопросу, которыя безъ того не возвышались бы надъ общимъ уровнемъ міра, во злѣ лежащаго, освѣняются уже *Духомъ не отъ міра сего* и получаютъ такую жизненную силу, которая, безъ воспященія и задержки раскрываясь въ дѣятеляхъ по сему вопросу, можетъ обновить всю жизнь народную, помирить въ ней новые элементы (безъ всякаго неестественнаго возвращенія назадъ) съ древними и вѣковѣчными нашими стихіями, и подвигнуть къ истинному просвѣщенію не одинъ верхній слой, но и весь составъ православнаго народа. Такимъ образомъ дѣло гражданства, разематриваемое съ истинной точки зрѣнія, становится дѣломъ нашей жизни по вѣрѣ, требующимъ отъ самой Церкви и вполнѣ стоющимъ са-

*) Съ человѣколюбіемъ, не на Христѣ основанномъ, называемъ крестьянъ *меньшими нашими* братіями, очевидно возвышая себя самихъ; человѣколюбіе христіанское смотритъ на нихъ (по слову Божію о благодѣтельствуемыхъ въ разныхъ нуждахъ, Матѳ. 25, 40), какъ на *меньшихъ братій Христа*, въ которыхъ Ему Самому воздается или не воздается тотъ или другой даръ, или благодѣяніе.

мыхъ пламенныхъ Ея молитвъ и воздыханій къ единственному Ея Главѣ—Господу Іисусу Христу, въ которомъ назначено *возглавити всяческая яже на небесьхъ и яже на земли* (Еф. 1, 10), требующимъ и стоющимъ заботливаго и глубокаго (пусть и безмолвнаго), духовнаго вниманія служителей Христовой истины и благодати.

«Все государственное (такъ говорятъ въ оправданіе начала раздѣленія между слѣдующимъ Богу и принадлежащимъ кесарю), все государственное должно отойти къ государству и освободить совѣсть во всей чистотѣ отношеній ея къ Богу». Въ этихъ словахъ есть часть великой правды, которая взята только односторонне и потому привела къ ложному заключенію. Правда заключается здѣсь по отношенію къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ въ христіанствѣ. Въ христіанскомъ мірѣ есть многовѣковое зло, папизмъ (говоримъ не о людяхъ, а о лживомъ направленіи латинства): это такое лжехристіанское начало, по которому во имя Божіе связывается совѣсть людей и народовъ подчиненіемъ, вмѣсто Самого Бога, человѣку. Связывается совѣсть еще и другимъ неправильнымъ направленіемъ какого-то прозелитизма; это такое ложное начало, по которому древній іудей обращалъ язычниковъ съ подавленіемъ своимъ іудействомъ всякой ихъ національности, по которому готовы гнуть и ломать каждаго подъ одну заученую духовную мѣрку, не обращая или слишкомъ мало обращая вниманія на особую мѣру и положеніе каждаго, какъ его поставилъ Господь въ извѣстномъ народѣ, званіи, съ извѣстнымъ настроеніемъ духовнымъ. Очевидно, что то и другое направленіе, запутывая и даже извращая отношеніе совѣсти къ Богу, своею притязательностью дѣлали бы насиліе и стѣсненіе и для отправленій гражданства. Въ отношеніи къ тому и другому злоупотребленію, и можно по всей правдѣ сказать, что «все государственное должно отойти къ государству и освободить совѣсть въ ея отношеніи къ Богу». Но это самое совсѣмъ не имѣетъ мѣста по отношенію къ православію, или къ чистой Христовой истинѣ, которыя сами-по-себѣ никогда не принимали никакихъ лживыхъ направленій. Христова истина или православіе, не только не препятствуетъ, но и требуетъ, чтобы каждый былъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ званіи, съ своимъ особеннымъ духовнымъ настроеніемъ и даромъ, только чтобы верховнымъ и всегда дѣйствующимъ началомъ у каждаго былъ Христосъ, и это опять по собственной, свободной преданности вѣры каждаго. И, внушая

это человѣку, служитель Христовой истины всемѣрно остерегается усвоять себѣ самому власть надъ его совѣстію и мыслію вѣры; это значило бы уничтожать въ вѣрѣ существенную ея стихію—свободную преданность Самому Господу. Даже въ томъ случаѣ, если бы вы сами, по собственному вашему желанію, или по особенному вашему званію (напр. иноческому), предавались духовному распоряженію православнаго служителя Христовой благодати и истины, и въ такомъ случаѣ вашего безпрекословнаго и полнаго послушанія служитель Божій поставляетъ задачею своею держать вашу совѣсть, вашу мысль и чувство вѣры всегда обращенными и свободно-преданными прямо къ самому Господу; онъ только будетъ служить такому жертвоприношенію вашей вѣры, упованія и любви прямо предъ самимъ Богомъ; онъ только съ самоотверженіемъ и иногда, можетъ быть, даже съ опасностію для себя, будетъ нести вашу тяготу, держать васъ въ Господѣ, и притомъ такъ и столько, сколько и какъ дано это и ему отъ Господа. Нужны ли кому доказательства, что это дѣйствительно такъ въ отношеніи Христовой истины къ гражданству? Доказательство этого можемъ видѣть въ самомъ Христѣ.

Одинъ человѣкъ пришелъ къ Нему съ такой просьбой: *Учителю, рцы брату моему раздѣлити со мною достояніе* (Лук. 12, 13 и слѣд.). Вопросъ, очевидно, житейскій, одинъ изъ тѣхъ, которыми занимается гражданство. Что же Господь? пользуется ли настоящимъ случаемъ (какъ это отъ имени Его дѣлаютъ въ Римѣ величающіе себя Его намѣстниками) чтобъ властительно вмѣшиваться въ дѣла гражданства, или, чтобы (подобно Іудеямъ) найти новыхъ прозелитовъ своего ученія? Нѣтъ; Господь знаетъ, что Отецъ Его Имъ же Самимъ устроилъ особое мѣсто для распоряженія житейскими дѣлами, и особыхъ людей поставилъ на это мѣсто (*ибо нѣсть власть, аще не отъ Бога*), и потому, Христосъ, ради насъ же, повинуясь такому Отчему устроенію, отвѣчалъ просителю: *Человѣче! кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами?* Видите, что въ Христовой истинѣ нѣтъ ни тѣни папизма, захватывающаго и подавляющаго во имя Божіе права, Богомъ же данныя,—ни духовно-іудейскаго прозелитизма, усиливающагося всѣ званія и всѣхъ людей скрутить нравственно въ одну какую-либо частную мѣрку, какъ іуден, обращая язычниковъ, скручивали ихъ въ мѣрку своего іудаизма. Напротивъ, по истинѣ Господней, всякій будь на своемъ мѣстѣ; для всякаго нужнаго дѣла есть свои Богопоставленные дѣльцы. Значитъ, нечего обороняться

отъ Христовой истины тѣмъ, что все государственное должно отходить къ государству: сама Христова истина, Самъ Христосъ—истина, Которому неотъемлемо принадлежитъ всякая власть, Самъ собою утверждаетъ, что государственное и должно принадлежать государству: *человѣче! кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами?* Впрочемъ, торопливый уметвователь по буквѣ, а не по силѣ словъ Христовыхъ, пожалуй, заключитъ, что Самъ Господь, видно совѣмъ раздѣляетъ подобающее Богу отъ гражданскаго и житейскаго порядка, когда такъ говорилъ... Напротивъ! Когда Тотъ, Кѣмъ и царіе царствуютъ, въ послушаніи за насъ, человѣковъ, Отцу Своему истощилъ Себя въ гражданствѣ до такого самоумаленія за человѣческіе грѣхи: *кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами:* то Онъ чрезъ это уже взялъ подъ Свою искупительную благодать и земное гражданство, грѣшное тогда сугубыми грѣхами—жидовства, держащагося одной мертвой буквы закона, и язычества, обожающаго свои самоизмышленныя божества (или высшія начала) вмѣсто Единаго, истиннаго. И потому Господь, отсылая къ гражданскому порядку за рѣшеніемъ дѣла о раздѣлѣ имѣнія, тотчасъ же даетъ свой законъ или начало, которое бы направляло людей къ вѣрному и спасительному устроенію этого житейскаго дѣла: *рече же къ нимъ: блюдите и хранитеся отъ лихоимства, яко не отъ избытка кому животъ его есть отъ имѣнія его*, т. е. «жизнь человѣка, при всемъ избыткѣ его, не зависитъ отъ имѣнія его». Замѣтимъ, что въ послѣднихъ словахъ Христовыхъ выражается истина именно опытности и предусмотрительности—этихъ началъ житейскаго благоразумія. Изъ этого видно, что Христосъ Господь въ кругу своей благодатной истины даетъ мѣсто и, требуемой въ дѣлахъ житейскихъ и для гражданскаго благоустройства, опытности и предусмотрительности; только бы сами мы не похищали ихъ, къ ихъ же извращенію и къ нашему несчастію, у Его благодати и истины. Такимъ образомъ, Господь въ то самое время, когда и все житейское и гражданское предоставляетъ государству, въ то же самое время даетъ свою истину въ начало для области дѣлъ житейскихъ и гражданскихъ; потому что безъ этого гражданству нѣтъ спасенія, разумѣя подъ симъ благо не только вѣчное, но и потребное для здѣшней жизни.

А что все государственное, признавая высшимъ началомъ для себя Христову истину, не стѣснитъ ничьей совѣсти въ ея отношеніи къ Богу, порукою въ этомъ опять Самъ Христосъ.

Гражданство, подчиняя себя Самому Христу Сыну Божію и въ Немъ осѣняясь любовію Отца небеснаго, сколько чрезъ это всю свою область будетъ подчинять влеченію сей любви Божіей, столько же должно проникаться духомъ сей любви, вся терпящей и милующей, особенно блюдущей нравственную свободу своихъ возлюбленныхъ. Оправданіе этого мы, русскіе, можемъ видѣть въ нашемъ отечествѣ. Но, поставивъ себя въ отдѣльности отъ слѣдующаго Богу, гражданство неизбѣжно стѣснитъ нашу совѣсть; ибо въ области его, какъ скоро не стали бы признавать Христа верховнымъ для нея началомъ, были бы постоянныя искушенія и поводы для христіанъ—стыдиться Сына человѣческаго, какъ чуждаго въ этой области. И это уже извѣстно изъ многочисленныхъ опытовъ міра христіанскаго.

Въ заключеніе повторимъ сказанное вначалѣ, что сколько важны поднимающіеся у насъ вопросы о принципахъ или началахъ, столько же необходимо сообща и дружно нести тяготу выясненія ихъ съ разныхъ сторонъ; съ этою именно мыслію, а отнюдь не съ мыслію пререкословить, писано, что написано. Если ужъ пора оставить личности въ покоѣ, а взяться за самыя начала, то начинать надобно сверху—съ самаго перваго Начала для всего.

VIII.

ЕВАНГЕЛІЕ, ЧИТАЕМОЕ НА БЛАГОДАРСТВЕННЫХЪ ЦАРСКИХЪ МОЛЕБНАХЪ.

Не десять ли очистишася? да девять гдѣ? како не обрѣтошася возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменникъ сей (Лук. 17. 17, 18)?

Въ высокоторжественные дни рожденія Августѣйшихъ Членовъ царствующаго въ нашемъ отечествѣ Дома, св. Церковь обыкновенно предлагаетъ благоговѣйному вниманію нашему евангельское чтеніе о десяти прокаженныхъ, которые всѣ получили отъ Господа чудесное исцѣленіе, но изъ которыхъ только одинъ, и то Самарянинъ, оказался благодарнымъ предъ Господомъ за свое исцѣленіе. Почему въ такіе дни предлагается именно это евангельское чтеніе? Въ такіе дни мы собираемся въ храмѣ Божіемъ благодарить Господа за дарованіе нашему отечеству той или другой благословенной отрасли или самого главы Царственнаго семейства;—и св. Церковь словомъ Божіимъ подтверждаетъ, что такое благодареніе наше благопріятно Господу, такъ какъ, напротивъ, Онъ самъ упрекалъ за неблагодарность: *Не десять ли очистишася, да девять гдѣ? како не обрѣтошася возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменникъ сей?* Притомъ, и все сполна это евангельское сказаніе объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ можетъ имѣть весьма назидательное приложеніе къ намъ, и именно назидательное въ церковно-гражданскомъ отношеніи. Слѣдуетъ только поглубже вникнуть въ это сказаніе.

Израиль, въ области котораго происходило евангельское событіе—исцѣленіе десяти прокаженныхъ, былъ такой народъ и получилъ отъ самого Бога такое устройство, что у него видимое и земное—порядки и видоизмѣненія жизни общественной, семейной, даже физической были образомъ и залогомъ или будущихъ благъ духовныхъ, т. е. благодати Христовой, или отчужденія отъ ея благъ,—судя по тому, что было благопріятно и радостно или скорбно и зловредно. Такимъ образомъ у этого народа физическая злокачественная болѣзнь — проказа означала, по самому Божію закону, такое глубокое осквернѣніе, подвергшіеся которому отлучались отъ общества Израилева, какъ отъ общества, освященнаго присутствіемъ Самого Бога, люди нетерпимо-нечистые (Числ. 5, 1—3). Такое, не просто тѣлесное, но церковно-духовное значеніе проказы Израильтяне тѣмъ живѣе должны были чувствовать и сознавать, что Самъ Господь Богъ повелѣлъ собственно священникамъ свидѣтельствовать зараженныхъ проказою и, объявивъ ихъ нечистыми, отдѣлять отъ общества народа Божія; священники же должны были, и по выздоровленіи прокаженныхъ, свидѣтельствовать ихъ и потомъ всенародно объявить чистыми. Итакъ, прокаженный для ветхаго Израиля, привязаннаго къ видимости земной, значилъ то же, что для духовныхъ понятій новаго Израиля—христіанъ значитъ человѣкъ, отъявленно-чуждый чистоты и правды. Поелику же чистота и правда наша въ самомъ Христѣ (1 Кор. 1, 30): то духовно-прокаженными въ христіанствѣ оказываются вообще такіе люди, которые, на какомъ бы ни было поприщѣ, не по Христу мыслятъ, не по Христу располагаютъ свою дѣятельность, не во Христѣ ищутъ истины и правды, и даже обязанными къ сему почти совѣмъ не признаютъ себя. А когда таково церковно-духовное значеніе проказы, если перевести это значеніе съ ветхозавѣтнаго языка на новозавѣтный: то очевидно, что евангельское сказаніе о десяти прокаженныхъ можетъ имѣть самое близкое приложеніе къ намъ во всѣхъ своихъ частяхъ,—начиная съ того, какъ десять прокаженныхъ мужей, при встрѣчѣ съ Господомъ, стали издали съ громогласною мольбою: *Іисусе наставниче, помилуй ны!*

Такъ, эта духовная проказа—не во Христѣ полагать начало своей мысли и жизни, своей общественной служебной или частной дѣятельности—составляетъ для христіанина, уже въ крещеніи облекшагося во Христа, такую страшную болѣзнь, такое несчастіе и разстройство, что всячески надобно умолять Господа о помило-

ваніи насъ отъ такой великой бѣды, отъ этой ужасной духовной проказы. Ибо что не по Христу, въ томъ нѣтъ мѣста (и въ этомъ корень всей бѣды) и для любви Отца небеснаго, почивающей вполнѣ въ Единородномъ—въ Іисусѣ Христѣ; слѣд., тамъ мѣсто—отверженію и проклятію, хотя бы долготерпѣніе Божіе и медлило раскрыть вполнѣ всѣ ужасы этого отверженія и проклятія. Что не по Христу, въ томъ нѣтъ мѣста и Духу Христову, Духу истины, утѣшенія, святости, Сокровищу всего истинно-добраго, жизненнаго и высокаго, чистаго и прекраснаго; слѣд. тамъ открывается мѣсто для всего злаго, лживаго, нечистаго, хотя бы это и прикрывалось для обольщенныхъ глазъ обольстительною личиною мнимыхъ высокихъ истинъ, мнимыхъ нужныхъ или пріятныхъ благъ. Не по Христу проходить намъ какое бы ни было земное поприще—начиная съ самаго низшаго, чернорабочаго или земледѣльческаго, до высшихъ—властительныхъ, начиная съ такого, гдѣ требуется почти одна физическая сила, до такого, гдѣ работаетъ мысль, чувство, слово,—не по Христу устроять и располагать свое, общественное или частное, дѣло—значитъ для христіанъ, уподобляемыхъ въ словѣ Божіемъ небеснымъ *свѣтиламъ въ мірѣ* (Филип. 2, 15), низвергать свое гражданское жительство несравненно ниже того, нежели какъ гражданство поставлено было и у плотскаго Израиля, подъ ветхимъ завѣтомъ. Ибо въ ветхомъ завѣтѣ гражданство Божіяго народа, начиная отъ одержанія и воздѣлыванія земли по колѣнамъ или племенамъ, освѣщено было высшимъ духовнымъ значеніемъ,—служило сѣнію духовныхъ Христовыхъ благъ. Горько, но надобно сказать правду, которая уже сама собою слѣдуетъ изъ сказаннаго: не по Христу намъ—христіанамъ вести хотя бы и земные наши распорядки и дѣла, не во Христѣ основывать нашу мысль хотя бы и о земныхъ вещахъ — значитъ то же для насъ христіанъ, что было бы для ветхозавѣтнаго Израиля—дать у себя свободное, открытое мѣсто проказѣ и прокаженнымъ, вмѣсто заботливаго предостереженія отъ этой проказы, какъ зловреднаго нетерпимаго осквернения,—вмѣсто удаленія прокаженныхъ отъ богоизбраннаго и святаго общества, какъ людей нечистыхъ. Всѣ язвы и струпы общественные, обнаженіе которыхъ составляетъ нынѣ у насъ обычный и любимый предметъ слова и письменности, въ сущности своей суть язвы и струпы той духовной проказы, въ которой самые христіане—или прямо не хотятъ имѣть Господа своимъ высшимъ и единственнымъ началомъ мысли и жизни, или держатся Его

только фарисейски, почти по одной формѣ — безъ силы дѣла. Итакъ, всякій изъ насъ, кому по истинѣ дорого общественное благо, за благословенные залоги котораго мы нерѣдко собираемся благодарить Господа,—всякій такой пусть заботливо и искренно подумаетъ: точно ли, охотно ли и во всемъ ли во Христѣ зиждемъ и утверждаемъ мы наше благо на томъ или другомъ поприщѣ жизни своей, ко Христу ли направляется и Христомъ ли управляется у насъ движеніе общественной мысли или господствующій образъ мыслей; по Христу ли опредѣляются нами задача и правила практической жизни... (Вѣдь безъ нашей доброй воли утвердить насъ во Христѣ никто не можетъ,—ни св. Церковь, ни благочестивое правительство, ни самъ Господь всемогущій...) И если въ этомъ самоиспытательномъ размышленіи совѣсть станетъ зазирать болѣе или менѣе и земледѣльца, и купца дѣющаго, и украшеннаго отличіемъ рода, званія, заслугъ, и даже служителя вѣры: то безъ сомнѣнія, лучшее, что мы можемъ сдѣлать предъ Богомъ для утвержденія общественнаго блага, для привлеченія милости и благословенія Божія на живые и безцѣнные залоги сего блага—на членовъ Августѣйшаго Дома,—должно состоять въ слѣдующемъ: нужно намъ глубоко сознать, какъ рѣшительно отчуждено отъ любви Отчей все чуждое Духу Христову, какъ дѣйствительно, въ корнѣ оскверняется и растлѣвается все, дѣлаемое не по Христу, и съ живымъ сознаніемъ этого стать въ духѣ своемъ поближе къ десяти прокаженнымъ мужамъ, и умолять человѣколюбца Господа—ихъ мольбою: «*Іисусе Наставниче, помилуй ны!*» Прежде, нежели допущенное нами растлѣніе духовной проказы созрѣетъ до того, что и скрывать этого нельзя будетъ никому ни отъ себя, ни отъ другихъ, — уврачуй насъ, направивъ все наше къ Твоей свѣтоносной истинѣ и прикрѣпивъ всѣ отрасли нашей общественной и частной жизни къ Твоей животворящей благодати. Особенно нынѣ, когда у насъ, въ общественной жизни, пересматриваются вѣковые земные порядки во благо смиренныхъ земли, нужны намъ духовное здоровье, чистота мысли и воли; такъ же какъ, напротивъ, особенно нынѣ опасна и зловредна для насъ духовная проказа. *Іисусе Наставниче, помилуй ны!*

Если мы станемъ входить именно въ такое расположеніе и въ такой образъ разсужденія о своемъ состояніи: то въ продолженіи того же евангельскаго сказанія о десяти прокаженныхъ, найдемъ и открытый уже Господомъ для насъ выходъ изъ со-

стоянія хотя бы самой застарѣлой духовной проказы, на какомъ бы то ни было мірскомъ или духовномъ поприщѣ.

Увидѣвъ прокаженныхъ, умоляющихъ о помилованіи, милосердый Господь тотчасъ же даетъ имъ такое повелѣніе, которое прежде, нежели они успѣютъ его исполнить, должно привести ихъ къ нечаянной радости чудеснаго исцѣленія отъ проказы. *Шедше покажитеся священникомъ*, сказалъ имъ Господь. Объяснимъ это повелѣніе Христово. Мы уже выше имѣли случай замѣтить, что въ законѣ Божіемъ, данномъ чрезъ Моисея, есть буквальное предписаніе, чтобы прокаженные подвергались осмотру и свидѣтельствованію отъ священниковъ. Посему, какъ пришедшій не разорить, а исполнить законъ и пророки (Мато. 5, 17), Господь и повелѣлъ десяти прокаженнымъ явиться для осмотра къ священникамъ. Но при семъ не подлежитъ сомнѣнію, что Господь, отсылая ихъ къ священникамъ, имѣлъ въ виду не просто одну мертвую букву Божія закона, за которую въ то время такъ слѣпо ревновали книжники и фарисеи. Ибо самъ же Господь прямо говорилъ, что съ такимъ разумѣніемъ и исполненіемъ правды, какое было у книжниковъ и фарисеевъ, никому нельзя войти въ царствіе небесное (Мато. 5, 20). Итакъ, Господь посылаетъ прокаженныхъ къ священникамъ не просто по одной буквѣ закона, а по самой благодатной силѣ и духу этого закона. По какому же духу и силѣ? Самъ Господь чрезъ апостола Павла раскрылъ (см. посл. къ Евр.), что священство ветхозавѣтное было образомъ и тѣнію новозавѣтнаго непрестающаго священства,— именно вѣчнаго священства Самого Христа Сына Божія, по которому Онъ Единъ приводитъ насъ въ милость и любовь Своего Отца и намъ низводитъ отъ Него всякія благословенія и дары духовные. И какъ сила и значеніе образа или тѣни зависитъ отъ того предмета, который отображается или оттѣняется: то понятно, что дѣйствующею силою и ветхозавѣтнаго священства было прообразованное имъ священство Христово, вводящее вѣрующихъ въ любовь Отца небеснаго. Въ этомъ смыслѣ и значеніи, безъ сомнѣнія, и разумѣлъ Господь священниковъ, отсылая къ нимъ десять прокаженныхъ. Онъ какъ бы такъ говорилъ этимъ отверженцамъ общества Израилева: «подите, покажитесь священникамъ, именно — откройте свою ужасную болѣзнь предъ самою любовію Моего Отца, которая ради Меня простирается на васъ въ служеніи священническомъ, — подите къ Моему Отцу, пріемлющему во Мнѣ и васъ, жалкихъ отверженцевъ, пріемлющему

даже чрезъ такихъ служителей сѣновнаго домостроительства, которые большею частію не хотятъ знать и Меня Самого, въ Комъ Единомъ существенная сила ихъ священства» (ибо священники іудейскіе, дѣйствительно большею частію не приняли Христа вѣрою). Въ такой силѣ и духѣ Господь повелѣлъ прокаженнымъ исполнить законное предписаніе—показаться священникамъ! Не сказалъ Онъ имъ этого прямо: потому-что они совсѣмъ не могли бы того вмѣстить, такъ какъ и избранные ученики Господни многаго изъ истины Христовой не могли еще тогда носить или понять, какъ слѣдуетъ (Іоан. 16, 12). Но тѣмъ не менѣе эта благодатная сила дѣйственно выразилась въ словахъ Христовыхъ: *шедше покажитеся священникомъ;* и потому она тотчасъ же начала благодатно дѣйствовать на прокаженныхъ, такъ что они, повинуясь повелѣнію Христову идти къ священникамъ, слѣдовали уже влеченію животворной во Христѣ любви Божіей, которая и не замедлила раскрыть надъ ними свою животворность въ чудесномъ ихъ исцѣленіи. *И бысть,* говоритъ Евангеліе, *идущимъ имъ очистишася.*

Не указанъ ли въ этомъ самомъ вѣрный путь и для насъ христіанъ къ уврачеванію той духовной проказы, въ которой мысль и вся жизнь человѣческая поставляется, устроется и развивается въ отдѣльности и независимости отъ Христа Спасителя или только почти въ одной наружной чисто-формальной подчиненности Ему и потому глубоко, хотя и не такъ замѣтно, заражается и оскверняется духомъ нестроенія, нечистоты, безобразія и растлѣнія? Относительно язвъ и струповъ жизни общественной и частной въ наше время усилилось мнѣніе, что слѣдуетъ только безпощадно обнажать ихъ въ книгахъ, или гласностью, и — они будутъ очищаться. Не совсѣмъ такое врачеваніе Спаситель указуетъ страждущимъ язвами и струпами. *Шедше покажитеся священникомъ.* Силу сихъ словъ Христовыхъ мы уже знаемъ. Язвы и струпы, которыми мы такъ страдаемъ, обнажайте въ духѣ своемъ—въ мысляхъ и чувствахъ своихъ (выражая или не выражая того открыто для другихъ), обнажайте предъ самою любовію Отца небеснаго, которая только одна, во Христѣ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра, недуги наши пріявшемъ и болѣзни понесшемъ (Матѳ. 8, 17), животворитъ духовно-омертвѣлое; а область любви Божіей, дѣйствующей животворящимъ Св. Духомъ, всегда съ своимъ свѣтомъ и жизнію всѣмъ открыта въ Церкви Христовой. Или, на пути въ эту область, задерживаютъ

васъ, духовные или наружные, дѣйствительные или мнимые недостатки, замѣчаемые въ насъ—служителяхъ Церкви Божіей? Но всѣ мы видѣли, что силою даже и ветхозавѣтнаго священства было прообразуемое имъ вѣчное священство самого Христа, который одинъ, чрезъ свое искупительное священнодѣйствіе, приводитъ насъ къ Своему небесному Отцу: тѣмъ яснѣе и несомнѣннѣе для нашей вѣры то, что въ новомъ завѣтѣ, въ которомъ благодать открыта уже не въ образахъ, а въ самой истинѣ, сила церковной іерархіи заключается въ Единомъ вѣчномъ Іереѣ и Архіереѣ—въ самомъ Господѣ. Мы не латины, которымъ понадобились намѣстники Христа Бога, а православные, у которыхъ Глава Церкви, всегда Самъ дѣйствующій въ ней своею благодатію, есть Господь Іисусъ, пребывающій въ Своей Церкви до скончанія вѣка и неотступно держащій ее, какъ благодатное Свое тѣло, въ любви Своего Отца, въ Немъ почивающей. Итакъ, идите, съ своими струнами и язвами, собственно не къ намъ, которые—только служебныя орудія въ рукахъ Главы Церкви—Господа, но къ Нему Самому, который Самъ дѣйствуетъ Св. Духомъ чрезъ эти орудія. Къ Нему Самому, Господу нашему, взирайте въ вашихъ отношеніяхъ къ намъ, служителямъ Его благодати; Ему Самому вѣрою, во Св. Духѣ, внимайте въ Церкви и церковномъ священствѣ. Подорожите этимъ безцѣннымъ преимуществомъ православія—взирать мыслію и сердцемъ къ Самому небесному Главѣ Церкви, въ вашихъ отношеніяхъ къ намъ; это именно и дѣлаетъ жительство православныхъ небеснымъ (Филип. 3, 20). Ей, если ваша вѣра устремлена къ Нему Самому, избравшему насъ въ свои орудія, если вы благодати Его не пренебидите и не презрите въ насъ ради нашего недостоинства: то Онъ, и въ недостойныхъ орудіяхъ, не обманетъ вашей вѣры, Самъ дѣйствующій чрезъ служебныя орудія. Угодно ли вамъ удостовѣреніе въ этомъ? Изъ евангельскаго сказанія о исцѣленіи десяти прокаженныхъ всякому видно, что, пока Господь окончательно не отмѣнилъ и ветхозавѣтнаго священства, совсѣмъ почти вывѣтрившагося въ то время у Іудеевъ, Онъ послалъ прокаженныхъ даже къ ветхозавѣтнымъ священникамъ, какъ служителямъ любви Отчей, какъ своимъ орудіямъ, не бездѣйственнымъ ко благу и спасенію людей Божіихъ; и когда прокаженные послушались Господа, Онъ не замедлилъ исцѣлить ихъ Самъ...

Но, соучастники служенія благодати и Церкви Божіей изъ предосторожности, которой не считали излишнею для себя даже св. Апостолы, чтобы, служа спасенію и очищенію другихъ, и

самимъ намъ не быть неключимыми (1 Кор. 9, 27), изъ того же евангельскаго сказанія мы и для себя самихъ усмотримъ, какого направленія, по преимуществу, намъ должно держаться для благоуспѣшности нашего служенія. Мы должны возбуждать и изощрять въ себѣ самое заботливое вниманіе къ недугамъ и язвамъ человѣческой жизни, къ нуждамъ и затрудненіямъ нашихъ собратій на всѣхъ путяхъ жизни. Не легко для духа такое вниманіе къ темной сторонѣ человѣка,—даже и въ то время, какъ слышимъ отъ самого человѣка исповѣдь его язвъ и паденій: не труднѣе ли имѣть постоянно такое направленіе? Такъ. Однако подумаемъ, что и отъ ветхозавѣтныхъ священниковъ требовалось изученіе даже такой отвратительной болѣзни, какова проказа: требовалось, чтобы они дѣлали обстоятельный осмотръ одержимыхъ этою жестокою болѣзнію. Въ новомъ же завѣтѣ, Господь самъ сошелъ на землю, эту область недуговъ больнаго человѣчества, и понесъ на себѣ эти недуги. Если сила нашего священства въ самомъ Господѣ, вѣчномъ Іереѣ и Архіереѣ: то наше служеніе и должно быть въ духѣ той Его любви, чтобы и знать и нести во Христѣ тяготы и недуги людей. Для любви это, можетъ быть, и не тяжело. Иначе же судъ Божій грозитъ намъ. Сослужители церкви Божіей! о, если бы намъ расположить и настроить себя такъ, какъ мы будемъ судимы отъ Господа! По откровенію Божественному, *Ангеловъ* или пастырей *Церкви* Господь судитъ такъ, что имъ вмѣняетъ какъ добродѣтели, такъ и грѣхи самыхъ ихъ церквей (Апок. гл. 2 и 3). Если таковъ судъ надъ пастырями, то, очевидно намъ, призваннымъ къ той или другой степени пастырскаго служенія, и надобно такъ брать къ сердцу недуги и паденія прочихъ братій нашихъ, какъ-бы они были собственные наши недуги и паденія. Въ такомъ случаѣ и исцѣленіе сихъ недуговъ было бы, можетъ быть, не далеко: ибо войти въ такое расположеніе, чтобы чужіе, даже тяжкіе, недуги были для нашего сердца какъ собственные наши, — можно не иначе, какъ по благодатному общенію въ любви всеисцѣляющаго Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра. Кромѣ сего, при вниманіи къ словамъ Христовымъ, сказаннымъ къ недугующимъ: *шедше покажитеся священникомъ*, — полезно и нужно намъ взять еще предосторожность противъ прираженія къ намъ самовозносливаго духа, свойственнаго западному священству, которое болѣе всего заботится о неноколебимости и возвышеніи своихъ преимуществъ предъ мірянами, Мы, православное священство, изъ слова Божія

знаемъ, что церковное *пастырство и учительство* необходимы и *даны* отъ самого *Бога* собственно на то, чтобы служить *къ совершенію святыхъ* (т. е. всѣхъ православныхъ христіанъ) *въ дѣло служенія* (Ефес. 4, 11. 12). Въ какое именно дѣло служенія? Въ то, чтобы и всѣмъ православнымъ христіанамъ быть «царственнымъ священствомъ» (1 Петр. 2, 9), именно содѣлаться во Христѣ *царями и іереями Богу и Отцу* (Апок. 1, 6). Вотъ чему мы назначены послужить благодатію своего священства! Итакъ, когда слышимъ слова Христовы къ прокаженнымъ: *шедше покажитеся священникомъ*, и когда хотимъ этимъ же путемъ достигнуть уврачеванія и духовной нашей проказы: то своимъ служеніемъ, ученіемъ, совершеніемъ таинствъ, своею неотступною мольбою къ Агнцу Божію будемъ стараться достигнуть того, чтобы всѣ православные были, какъ имъ и слѣдуетъ быть, царственнымъ священствомъ, т. е. чтобы въ нихъ всегда приводилась въ живое движеніе благодать Царя истины и вѣчнаго Іерея—Христа, въ Котораго они всѣ облеклись въ самомъ крещеніи. Будемъ подвизаться своею вѣрою и пользоваться благодатію своего священства—къ тому, чтобы и въ простыхъ православныхъ жилъ благодатію Своею Христосъ, вводя въ любовь Отца весь кругъ ихъ занятій и даруя имъ отъ сокровищъ Отчей любви все по ихъ нуждамъ. Вотъ одно изъ простыхъ средствъ для насъ къ возбужденію духа Христова въ собратіяхъ нашихъ: въ какихъ бы ни было нашихъ сношеніяхъ съ ними, особенно по дѣламъ и нуждамъ прямо-духовнымъ, будемъ вѣрою, въ тайнѣ своего духа, неуклонно внимать и взирать къ Господу, какъ присущему благодатно въ томъ или другомъ Своемъ членѣ—въ нашемъ собратѣ. И безмолвный даже голосъ вѣры Господь тонко слышитъ. Духъ Его изъ душевной глубины нашего собрата отзовется на благовѣйное устремленіе духа нашего къ Нему, и—собратъ нашъ, тайно и для себя самого, будетъ оживляться во Христѣ. Будемъ стараться объ этомъ оживленіи во Христѣ всѣхъ нашихъ братій, потому что именно въ этомъ заключается успѣхъ нашего служенія и достойное прохожденіе сего служенія. Съ другой стороны, именно въ этомъ самомъ и состоитъ рѣшительное исцѣленіе духовной проказы, которою такъ глубоко заражена наша жизнь.

Продолжимъ теперь слѣдить дальнѣйшій ходъ евангельскаго сказанія о десяти прокаженныхъ, которые, послушавъ повелѣнія Господня идти показаться священникамъ, еще на пути получили исцѣленіе отъ своей болѣзни.—Какія оказались по-

слѣдствія этого чуда? *Единъ отъ нихъ, видѣвъ, яко исцѣлѣ, возвратися, со гласомъ велiимъ славя Бога: и паде ницъ при ногу* Господа, *хвалу Ему воздая: и той бѣ Самарянинъ.* Чѣмъ живѣе и понятнѣе благодарная предъ Господомъ радость этого Самарянина о томъ, что вдругъ освободился отъ болѣзни отвратительной, мучительной и притомъ дѣлающей больнаго отверженцемъ отъ общества: тѣмъ непонятнѣе и неожиданнѣе та черствость сердечная, по которой прочіе девять, удостоясь такой же великой милости Божіей, не хотѣли изъявить Спасителю никакой благодарности за чудесное его благодѣяніе. Чѣмъ объяснить это послѣднее? Не объяснивъ такого, необычайнаго по обстоятельствамъ, безчувствія не одного, не двухъ, а почти цѣлой толпы исцѣленныхъ, мы едва ли вполнѣ поймемъ и достоподражаемое значеніе благодарнаго поступка иноплеменника. Самъ Господь, при видѣ изъявляющаго самую живую благодарность Самарянина, тотчасъ обратилъ вниманіе на девятерыхъ неблагодарныхъ, съ вопросомъ объ ихъ дурномъ расположеніи и поступкѣ. *Не десять ли очистишася, да девять гдѣ? Како не обрѣтошася возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменникъ сей?* Итакъ, какой источникъ этой ихъ душевной жесткости и безчувственной непризнательности? Рѣшеніе этого вопроса, какъ основаннаго на словахъ Самого нашего Господа, и само по себѣ можетъ дать намъ важное и нужное для насъ назиданіе.

Усиленное, двукратное въ Евангеліи замѣчаніе о благодарномъ, что онъ былъ Самарянинъ, иноплеменникъ,—замѣчаніе, высказываемое при противоположеніи его прочимъ неблагодарнымъ, открываетъ, что эти послѣдніе были не изъ иноплеменныхъ или Самарянъ — раскольниковъ ветхозавѣтной церкви, а природные, православные Іуден. У Іудеевъ же, современныхъ земной жизни Спасителя, усилилось особенно направленіе ревновать по буквѣ вѣры и Божія закона, не заботясь или слишкомъ мало заботясь о живой духовной ихъ силѣ. Это несчастное направленіе, проникшее именно набожность іудейскую, до того изсушило и извратило духовное чувство и мысль вѣры въ избранномъ народѣ, что наибольшая его часть не узнала и не приняла самого Господа и даже наконецъ заставила языческое правительство распять Его. Сему черствому и очерствляющему душу направленію, видно, и преданы были девять прокаженныхъ. Пока еще болѣзнь держала ихъ въ своихъ оковахъ, то ощущеніемъ ея духовная жестоковыйность ихъ столько умягча-

лась, что слова Христовы: *шедше покажитеся священникомъ*, могли еще дѣйствовать на нихъ своею благодатною силою, и—они, повинуясь Господу, послѣдовали духовному влеченію отеческой Божіей любви; почему *и бысть*, что, *идущимъ имъ*, всѣ они очистились отъ проказы вмѣстѣ съ Самаряниномъ. Но какъ скоро эти девятеро Іудеевъ освободились отъ ощущенія жестокой болѣзни, то ничѣмъ не сдерживаемое направленіе слѣдовать главнымъ образомъ мертвой буквѣ Божія закона—не замедлило взять надъ ними свою очерствляющую силу. И эти исцѣленные бѣдняки, вмѣсто движенія благодарности къ самому Господу за полученную ими отъ Него чрезвычайную милость Божію, предались, по всей вѣроятности, рабской мелочной заботѣ поскорѣе исполнить уже одну мертвую букву закона, которая предписывала очистившимся отъ проказы являться къ священникамъ для освидѣтельствованія.

Изъ этого примѣра жалкой и постыдной черствости сердечной, который Евангеліе представляетъ намъ въ исцѣленныхъ Іудеяхъ, намъ надобно хорошенько вразумиться, какъ опасно и гибельно направленіе—довольствоваться болѣе или менѣе точнымъ разумѣніемъ и исполненіемъ одной буквы догматовъ и церковныхъ правилъ, одной мертвой формы церковной христіанской жизни. Мы, православные русскіе, имѣемъ уже домашній горькій опытъ, что подобное направленіе породило у насъ самый упорный, грубый и жестоковыйный расколъ. Но это несчастное направленіе можетъ приражаться и къ православнымъ; и если въ этомъ случаѣ не будетъ рѣшительно отражаемо, то изсушеніе живаго духа вѣры—прямое и неминуемое послѣдствіе подобнаго направленія. Іота едина или черта православія не прейдетъ,—такъ какъ православіе есть не что иное, какъ чистая отъ лживыхъ примѣсовъ истина Божія; но іота и черта православія не прейдетъ—въ своей силѣ и истинѣ, какъ живое выраженіе духа благодати. Общая сила и духъ православія, выражающіеся во всѣхъ частныхъ его принадлежностяхъ, постановленіяхъ, служителяхъ и служеніи, есть любовь Отца небеснаго, въ единосущномъ Его Сынѣ сіяющая благодатію Св. Духа для человѣковъ, и пріемлющимъ изъ нихъ, т. е. истинно и право вѣрующимъ дарующая свои сокровища истины, святости и утѣшенія; и притомъ такая любовь, что самъ Единородный, вочеловѣчась ради насъ, сталъ въ своемъ Богочеловѣчествѣ Агнцемъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхи міра, грѣхи и мысли, и воли, и чувствъ, и внѣш-

нихъ дѣлъ, привычекъ, обычаевъ и настроеній нашихъ,—вземлющимъ и понесшимъ эти страшныя тяготы наши до крестной смерти, какъ-будто Онъ Самъ, и одинъ Онъ, былъ въ нихъ виновенъ предъ Отцемъ... Вотъ что въ томъ или другомъ отношеніи, съ такой или другой своей стороны, выражается и благодатно дѣйствуетъ во всей области православія,—во всей Церкви православной, какъ *исполненіи Исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Еф. 1, 23). Будемъ же внимать духомъ своимъ такой любви къ намъ Отца, такой благодати Сына, такому, открытому для нашего общенія, дѣйствію Св. Духа,—будемъ внимать во всемъ, что относится къ области православія,—будемъ внимать сколько возможно неуклоннѣе и вмѣстѣ проще, съ дерзновеніемъ и открытымъ сердцемъ приступая своею вѣрою къ престолу неизреченно-многодаровитой благодати. Если же не такъ, если будемъ болѣе и болѣе склоняться къ тому, чтобы соблюдать только форму долга православныхъ, быть вѣрными почти только одной буквѣ православія: то, и удостоясь какихъ бы ни было даровъ и благодѣяній свыше, и по буквѣ или формѣ долга, даже собравшись въ храмъ Божій для благодаренія, сердцемъ своимъ будемъ не съ благодарнымъ Самарянином, падшимъ ницъ къ ногамъ Господа съ благодарною хвалою отъ всего сердца... Напротивъ, скорѣе будемъ сердцемъ съ жесткими душею девятью исцѣленными Іудеями, которые не захотѣвъ возблагодарить Самого Господа, тѣмъ не менѣе, вѣроятно, исполнили законную букву—пошли къ іудейскимъ священникамъ для освидѣтельствованія своего очищенія отъ проказы.

Обратимся къ разсмотрѣнію благодарнаго поступка Самарянина, который можетъ быть уже болѣе понятенъ чрезъ самую противоположность его неблагодарнымъ.

Прежде всего примѣчательно въ благодарномъ изъ исцѣленныхъ прокаженныхъ, что онъ былъ Самарянинъ. Самарянство—это былъ, какъ уже замѣчено было нами, расколъ въ ветхозавѣтной Церкви. Итакъ, открывается (но горько это открытіе), что даже раскольникъ тогдашняго времени могъ скорѣе отозваться живымъ движеніемъ вѣры на чудесное благодатное дѣйствіе Спасителя, нежели люди Божіи — Іудеи, ревнующіе главнымъ образомъ по мертвой буквѣ Божія закона, но невнимательные къ его духу и силѣ. Самаряне были такіе раскольники, которые какъ сами произошли изъ смѣшенія Іудеевъ и язычниковъ, такъ и держались смѣшенія вѣры въ Божій законъ съ

языческимъ самоволіемъ. Если самарянскому расколу, съ такимъ его происхожденіемъ и значеніемъ, есть что соотвѣтствующее въ наше время, то это — именно та умственная и нравственная область (относящаяся отчасти къ нравамъ и обычаямъ, отчасти особенно къ образованію и мірской письменности), гдѣ видны съ одной стороны, понятія и начала долга, благородства, стремленія къ истинѣ, къ человѣколюбію, почерпнутыя именно изъ христіанства, а съ другой почти ни одно изъ такихъ понятій и началъ не доводится прямо до Самого Христа, и слѣд. не возвышается надъ утонченнымъ язычествомъ. Нѣтъ нужды объяснять, какъ плачевно и бѣдственно такое явленіе самарянства въ христіанствѣ. Но все же нельзя согласиться съ тѣмъ ревнованіемъ нѣкоторыхъ по вѣрѣ, при которомъ не довольно понять, что Христосъ пришелъ къ намъ въ міръ потребить собственно грѣхъ, а грѣшниковъ спасать, испорченное возстановлять, что для этого именно Онъ пострадалъ и умеръ... Не помнятъ или не вникаютъ въ силу этого,—и открыто, рѣшительно произносятъ приговоръ безпощаднаго осужденія и отверженія—какъ на самые предметы, которые подвергаются самарянскому смѣшенію истинно высокихъ понятій съ какимъ-то духовнымъ язычествомъ и тѣмъ, конечно, портятся, — такъ и на людей, увлеченныхъ и опутанныхъ такимъ смѣшеніемъ воззрѣній! Вооружайтесь, ревнители вѣры, противъ самаго зла, лжи и грѣха, — противъ того, что именно и подлежитъ отверженію и проклятію, но остерегитесь побивать каменьями людей, хотя бы схваченныхъ въ самомъ дѣйствіи заблужденія. Остерегитесь отъ рѣшительнаго присужденія къ отверженію — и самыхъ тѣхъ предметовъ, которые подверглись (во взглядахъ на нихъ, или въ ихъ употребленіи) самарянскому смѣшенію возвышенныхъ понятій съ духомъ язычества. Напротивъ, подѣйствуйте на эти предметы и на этихъ людей духомъ истинно-Христовымъ, духомъ той любви и самопожертвованія Христова, по которымъ чужія тяготы и бѣды духовныя подъемлются и выносятся, какъ собственныя. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ тѣ же самые люди и предметы, которые подпали духовно-самарянскому расколу, еще полнѣе и глубже проникнутся всеочищающимъ и всеблагоустрояющимъ Христовымъ духомъ, нежели люди и предметы, кажущіеся несравненно болѣе близкими ко Христу. Вотъ Самарянинъ прокаженный не былъ отринутъ человѣколюбцемъ Господомъ, какъ чуждый Божія народа, напротивъ вмѣстѣ съ прокаженными Іудеями, посланъ къ священникамъ,

какъ одинъ изъ наслѣдниковъ любви Отца небеснаго, во Христѣ дѣйствовавшей и чрезъ ветхозавѣтное священство. И онъ послѣдовалъ этому столь милосердому указанію Господней благодати; и такимъ образомъ этотъ Самарянинъ внутренно уже обращался отъ раскола и входилъ въ живое общеніе влекущей его любви Божіей. И какъ скоро, найдя въ Самарянинѣ такую живую и дѣятельную пріемлемость къ своимъ дарамъ, благодать Христова исцѣлила его вмѣстѣ съ прочими: то онъ, не предзанятый ложнымъ и очерствляющимъ душу направленіемъ ревнованія іудейскаго по мертвой буквѣ Божія закона, отъ всего сердца и предался ощущенію и сознанію помиловавшей его любви Божіей. И, объятый этимъ движеніемъ духовнымъ, уже только одинъ изъ десяти исцѣленныхъ устремился къ Господу и бросился къ ногамъ Его съ благодареніемъ отъ всей души. Видите, какъ Господь силенъ всецѣло очищать всѣхъ и все, кто и что ни были бы оскверняемы нечистыми примѣсями грубаго или духовнаго раскола и самаго язычества! Примѣръ благодарнаго Самарянина заставляетъ повторить сказанное выше: негодный въ глазахъ нашихъ человѣкъ, пустой и недостойный для взгляда, вооруженнаго безпощадною строгостію, предметъ, — какъ скоро Самъ Господь возмется за нихъ, — могутъ въ Его рукахъ измѣниться въ благопотребные для Него и честные сосуды; тогда какъ другіе, казалось бы, болѣе близкіе и подручные къ духовному дѣлу и употребленію, люди и предметы окажутся, можетъ быть, какъ девять огрубѣлыхъ Іудеевъ, неблагодарныхъ предъ Господомъ.

Востав иди, — такъ наконецъ рекъ Господь благомысленному Самарянину—послѣ упрека прочимъ девяти за нечувствительность ихъ къ чудесному благодѣянію—*востав иди, вѣра твоя спасе тя.* «Вѣра твоя спасла тебя»... Милосердый Господи! Вѣра только принимаетъ спасеніе, а спасающая, дѣйствующая и совершительная во спасеніе сила есть Твоя животворящая Божественная благодать. Нищему дается сокровище, и причиною его обогащенія представляется не сокровище, ни Самъ щедродатель сего сокровища, а только то, что этотъ нищій не отвергъ безумно, а благомысленно принялъ сокровище. Подивимся, какъ чрезвычайно-велико милосердіе и человѣколюбіе Господа! Что ужь и говорить Ему о Своей спасающей благодати, когда Онъ отдалъ намъ всего Себя чрезъ самое Свое воплощеніе и особенно чрезъ крестную смерть за насъ,—когда полнота Божества, живущая въ Немъ уже

тѣлесно по его вочеловѣченію (Кол. 2, 9), открыта собственно для насъ, чтобы мы исполнились всякою полнотою Божіею (Еф. 3, 19)? Что говорить Ему о Своей благодати, когда Онъ, единородный и единосущный Отцу Сынъ, принялъ все человѣческое естество въ единство Своего Лица именно затѣмъ, чтобы у насъ все наше человѣческое было съ Нимъ,—когда Онъ принялъ Себѣ мысль человѣческую, чтобы мы мыслили съ Нимъ и чтобы Божественная Его мысль была удобосообщима намъ,—взялъ слово человѣческое, чтобы наше слово было въ общеніи съ Нимъ, Богомъ Словомъ,—принялъ тѣло человѣческое, чтобы и тѣлесные наши члены и дѣйствія были не одна плоть и кровь, но осѣнялись духомъ общенія со Христомъ? Можно ли изречь спасительную его благодать, когда Онъ вошелъ для насъ въ земной Своей жизни подъ условія жизни народной, не выходя изъ земли обѣтованной всю свою жизнь,—подъ условія жизни домашней, въ уединеніи которой Онъ провелъ около тридцати лѣтъ,—подъ условія жизни гражданской, подъ которыми и родился на землѣ и жилъ и умеръ,—и все это для того, чтобы наша и народная, и домашняя, и государственная жизнь была съ Нимъ—единственнымъ нашимъ Спасителемъ на всѣхъ нашихъ путяхъ? Можно ли изречь Его благодать, когда и отвѣтственность за всѣ наши непречислимыя неправоты и долги предъ Богомъ, и тяготу нашихъ нуждъ, болѣзней и недуговъ, взялъ и понесъ Онъ на Себѣ, какъ-бы это было собственною Его тяготою? Итакъ, что и говорить о самой спасающей благодати Христовой? О томъ должна быть главная забота, въ томъ—крайняя нужда, чтобы мы сами не отринули такой благодати, чтобы мы приняли ее не вотще, чтобы сколько можно болѣе черпали мы своею вѣрою отъ полноты Христовой всеисцѣляющей благодати и могущей все разъяснить и разрѣшить Христовой истины. И если мы точно принимаемъ и благонадежно усвояемъ тотъ или другой благодатный даръ спасенія: то это для всемилостиваго Спаса нашего такъ драгоцѣнно и вожделѣнно, что Онъ уже не поставляетъ на видъ славы спасенія, принадлежащей собственно и неотъемлемо Его благодати, а только благоволительно утѣшается пріемлющею отъ Него спасеніе вѣрою. *Вѣра твоя спасе тя!* Поймемъ отсюда, что и благодарности требуетъ Господь—собственно какъ такого со стороны человѣка соотвѣтствія благодати Господней, чрезъ которое упрочивается за человѣкомъ даръ благодати. Поймемъ, что и неблагодарность девяти исцѣленныхъ Іудеевъ огорчила Господа соб-

ственно потому, что, хотя въ нихъ возбудилась Господомъ пріемлемость къ дару исцѣленія, но, и получивъ даръ, они остались чуждыми благодатному духу сего дара, остались въ своемъ жестоковыйномъ іудействѣ. Поставимъ же правиломъ для себя—усвоять себѣ живый, благодарный духъ вѣры Самарянина и остерегаться отъ мертваго, безплоднаго формализма Іудеевъ въ дѣлѣ вѣры.

IX.

ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА МІРУ.

(Картина Иванова).

Іисусъ Христосъ вчера и днесь, и во вѣки Тойже.

Мнѣ нужно сказать прежде всего о томъ, какой взглядъ вообще на созданія искусства желаю передать вамъ. Вы уже хорошо знаете, что все, что ни есть и можетъ быть въ мірѣ, до послѣдняго волоса на нашей головѣ, до воробья на улицѣ, все находится подъ рукою Отца небеснаго, осуществляя Его мысли или попущенія, проявляя Его силу и волю; а Отецъ небесный есть всезиждительная и вседержительная, вѣчная и уностасная (лично существующая) всемудрая Любовь, открывающаяся въ своемъ единосущномъ Сынѣ — Словѣ уностасномъ и дышащая единосущнымъ и уностаснымъ Св. Духомъ животворящимъ. Задача мудрости, науки — созерцать и узнавать, что и какъ любовь Отчая, сіяющая въ Единородномъ со всѣми силами Св. Духа, открываетъ и совершаетъ — и во внутренней области Божественнаго и духовнаго, и въ законахъ нашей мысли, и во внѣшней природѣ—во всѣхъ ея частяхъ, въ исторіи, и проч. и проч. Задача искусства—въ томъ, чтобы художникъ въ чемъ бы то ни было, дѣйствительномъ или возможномъ, своимъ, такъ называемымъ, творческимъ дарованіемъ сколько-нибудь ощутилъ силу и державу любви Отца, на все въ Сынѣ простирающейся и всему пріемлющему во Св. Духѣ удобосооб-

щимой, и чтобы отобразилъ это въ своемъ созданіи, хотя бы совсѣмъ безсознательно, хотя бы такъ, какъ солнце отражается въ капелькѣ воды. Такая задача относится къ художникамъ даже невѣрующимъ и язычникамъ, только бы они имѣли истинный талантъ художниковъ: потому что въ самой природѣ человѣка творческія силы и идеи въ своемъ существѣ, составляютъ не иное что, какъ отсвѣтъ того же Бога Слова, въ Которомъ существенно и вѣчно открыта вся любовь Отчая, такъ какъ Онъ есть единъ истинный *Свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ*. Все истинно свѣтлое, что еще сколько-нибудь теплится въ духовной природѣ человѣка, принадлежитъ именно этому, а не иному источнику свѣта.

Вотъ прямой взглядъ на искусство, если только мы будемъ судить о немъ, какъ христіане, а не какъ невѣрные или язычники! Это впрочемъ еще слишкомъ обще и повидимому слишкомъ недоступно-высоко; потому вы можете сказать: «такая задача искусства, если поставить ее на видъ прямо и въ полномъ ея свѣтѣ, скорѣе можетъ испугать грѣшныхъ людей, къ ряду которыхъ принадлежатъ (иногда еще, можетъ быть, болѣе многихъ другихъ людей) и художники». Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ такъ! Но всмотримся {въ дѣло попристальнѣе, и — оно окажется доступнымъ и привлекательнымъ особенно для грѣшныхъ.

Да, недостойная и даже прямо грѣховная пугливость предъ Божественнымъ происходитъ только отъ того, что мы слишкомъ ужъ забыли, что самъ Богъ Слово, существенное Сіяніе Отчей любви, не ради Себя, а именно ради насъ грѣшныхъ принялъ нашу человѣческую природу и съ умомъ человѣческимъ, и съ сердцемъ и волею и воображеніемъ, и самымъ тѣломъ человѣческимъ, и — этимъ Своимъ человѣчествомъ, опять только ради доступности къ намъ, вошелъ въ нашъ земной порядокъ вещей, подъ условія жизни и семейной и національной и церковной, чтобы все у насъ было съ Нимъ и по Нему. Мало этого, Онъ самую вину грѣховъ нашей мысли, воли, всей нашей и внутренней и внѣшней дѣятельности понесъ на Себѣ, такъ-что далъ истощиться на самомъ Себѣ всей ярости грѣховной лжи и злобы, а вмѣстѣ и всему гнѣву Божію на ложь и злобу грѣха, и такимъ образомъ, будучи свѣтомъ и жизнію, Онъ входилъ за насъ во мракъ страданій и самой смерти, будучи самою правдою и имѣя почивающее въ себѣ все благоволеніе Отца, сталъ за насъ, по Апостолу

(2 Кор. 5, 21. Гал. 3, 13), какъ самый грѣхъ и проклятіе. Вотъ какъ не въ отвлеченномъ мышленіи, а въ самой дѣйствительности, самъ *Сый* (Исх. 3, 14) и живое Основаніе бытія и мысли, истощился за грѣхи міра по истинѣ до *ничего*, даже глубже или ниже *ничего;* потому что враждебный Богу грѣхъ, вину котораго Онъ виолнѣ и съ преизбыткомъ понесъ на Себѣ, ниже ничтожества, какъ не противящагося Божеству. И такое свое значеніе Агнца Божія, вземлющаго грѣхи всего міра, Господь удерживаетъ за собою на всю вѣчность, раскрывая чрезъ это для насъ грѣшныхъ всю полноту любви Отчей; только сами мы не отказывались бы принять участіе въ ея свѣтѣ и жизни, умомъ ли нашимъ, или сердцемъ и воображеніемъ, или дѣятельностію воли и употребленіемъ самыхъ членовъ тѣла нашего. Богъ Слово—Агнецъ Божій, въ предопредѣленіи Отца закланный уже отъ сложенія міра, и есть основаніе всѣхъ судебъ и всего состава міра, такое Основаніе, что, въ силу его, истина и добро побѣдоносны и въ самомъ угнетеніи и распятіи, а ложь и зло посрамляются и низлагаются въ самомъ своемъ превозможеніи и торжествѣ, что въ Немъ изъ самой смерти изникаетъ жизнь, и жизнь путемъ Его креста идетъ къ преспѣянію и высшему свѣту. Что же мудренаго для мудреца и страшнаго для художника—приникать, каждому въ своемъ дѣлѣ и по своему, въ это зиждительное и вседержительное Основаніе всяческихъ? Взятое въ Немъ, самое мелкое и повидимому пустое уже перестаетъ быть такимъ, ядовитое и смертоносное не вредитъ, ложь и недоумѣнія не запутаютъ; только бы всякому самому въ своемъ дѣлѣ не сдвинуться съ своего и всеобщаго основанія, каковъ бы ни былъ мракъ и мгла той или другой среды. Положимъ, моя мысль или, такъ называемая, творческая фантазія (говорю, въ лицѣ ученаго или художника) была и блудницею, и всѣ книжники и фарисеи обличали бы и готовы были бы побить эту блудницу камнями. Но если я уже пришелъ, или со стыдѣніемъ лица и вмѣстѣ съ упованіемъ только еще иду къ Тому, Кто человѣческую и мысль и фантазію, какъ и всю природу человѣческую, взялъ ради меня въ неразрывный союзъ съ своимъ всеблагостнымъ, вседержавнымъ Божествомъ: то Онъ Самъ заступится за мою мысль и фантазію, не дастъ связывать и забить камнями грѣшницу, а напротивъ, и связанную развяжетъ, и обличенную не осудитъ и другимъ не дастъ осудить—*Вземляй грѣхи міра.* Слышу, что Онъ говоритъ: *ни Азъ тебе осуждаю. Иди, и отселѣ ктому не согрѣшай... Азъ*

есмь свѣтъ міру. Ходяй по Мнѣ, не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ жизни (Іоан. 8, 11. 12).

Установивъ такимъ образомъ свой взглядъ, будемъ же смотрѣть теперь на самую картину Иванова, къ которой мы уже прямо и подошли. Ибо на ней и изображено именно Явленіе предъ людьми Агнца Божія, *вземлющаго грѣхи міра*. Обратимъ вниманіе сначала на общій характеръ, а потомъ и на частности этой великой картины; но прежде того и другаго надобно намъ выслѣдить главную мысль этого созданія.

Васъ съ перваго же взгляда на картину останавливаетъ то, что на первомъ ея планѣ видна толпа народная съ Іоанномъ Крестителемъ, и особенно самъ Креститель, а не Господь, Который представляется еще въ нѣкоторомъ отдаленіи тихо идущимъ къ народу, спускаясь съ возвышенной мѣстности. Вы недоумѣваете, что же именно составляетъ главный предметъ картины, не проповѣдь ли Іоанна Крестителя? Но вематриваясь, видите, что господствующее вниманіе толпы, по указанію Предтечи Господня, уже обращено къ Самому подходящему Господу. И что еще несравненно важнѣе, вы духовнымъ своимъ чувствомъ или просто только чутьемъ эстетическимъ примѣчаете и то, что любовь Отчая, въ Сынѣ—Агнцѣ Божіемъ почивающая и открывающаяся (которая и въ томъ случаѣ, если бы Его самого и во-все не видно было, осуществляла бы и выражала свои мысли въ каждомъ предметѣ созданія), уже начала свои благодатныя дѣйствія въ изображенныхъ здѣсь людяхъ, съ силою привлекая однихъ, успокоительно дѣйствуя на другихъ, простирая живительное вліяніе на самыхъ еще не успѣвшихъ взглянуть на Господа, и направляясь именно къ тѣмъ, на лицѣ которыхъ видно и тѣмъ ярче выступаетъ на видъ, при свѣтѣ явленія Господня, самое черствое упорство *). Итакъ вы убѣждаетесь, что здѣсь изображается собственно *явленіе Господа людямъ*, а не проповѣдь Іоанна Крестителя, хотя послѣдній и всѣхъ видиѣе на картинѣ. Но при этомъ еще не умѣете объяснить себѣ той мысли художника, почему онъ изобразилъ Господа далеко не на первомъ планѣ картины. Желая разъяснить себѣ это, вы мысленно представляете себѣ лице Господа на самомъ видномъ мѣстѣ картины, и дога-

*) Господь идетъ не туда, гдѣ стоитъ указующій на Него Креститель, но на перерѣзъ Крестителеву указанію, направляется къ тому мѣсту, гдѣ видиѣются Фарисеи.

дываетесь, что тогда Божественный Его ликъ, изображенный въ соотвѣтственномъ прочимъ фигурамъ совершенствѣ, увлекалъ бы и поглощалъ бы все ваше вниманіе помимо прочихъ лицъ. Но въ такомъ случаѣ для васъ уже не раскрывалась бы въ картинѣ та *идея явленія Господа міру*, что Онъ сталъ и явился человѣкомъ, подъ нашимъ порядкомъ вещей, *не для Себя Самого, а насъ ради человѣковъ*. Покойный Ивановъ геніальнымъ инстинктомъ художника, въ которомъ, вѣроятно, и самъ не давалъ себѣ полнаго отчета, угадалъ, что изображать такимъ образомъ явленіе Господа міру то же значило бы для искусства, что для науки—изучать лице Господа, соединяющее въ Себѣ съ Божествомъ и человѣчество, съ Божескимъ дѣйствіемъ и волею сохранившее и человѣческую дѣятельность и волю, изучать безъ всякаго живаго вниманія къ тому, что все это ради насъ человѣковъ, ради того, чтобы не пропала, а спаслась наша свободная дѣятельность мысленная, сердечная, тѣлесная, какъ введенная въ Отеческую Божію любовь и благоволеніе въ самомъ лицѣ Господа нашего... только бы намъ усвоить и удержать такую благодать. Потому художникъ, видно, рѣшилъ и справедливо рѣшилъ, что идея явленія Господа Агнца Божія людямъ не для Себя, а единственно для нихъ, для ихъ помилованія и спасенія, вѣрнѣе и полнѣе выдержана будетъ, если благодать сего явленія слѣдить и выражать главнымъ образомъ въ самыхъ людяхъ, если съумѣть представить Господа невидимо присущимъ уже каждому въ народной толпѣ, хотя бы Онъ видимымъ-то являлся еще въ нѣкоторой дали и потому въ уменьшенномъ видѣ. Я чрезвычайно радъ и за искусство и за самый предметъ, выбранный художникомъ, что такъ, а не иначе онъ задумалъ и выполнилъ свое дѣло.

Смотрите же, какъ онъ успѣлъ выполнить свою задачу. Но замѣтьте: то, о чемъ я буду или долженъ говорить съ отчетливою и возможно точною мыслію, то дѣлалось у художника главнымъ образомъ по вдохновенію и, такъ сказать, инстинкту творческому, т. е. по особенно живой, природной (образованіемъ только развитой) воспріимчивости къ ощущенію и воспроизведенію явленій и дѣлъ Творческой любви, хотя бы и безъ яснаго о томъ сознанія *).

*) Кстати здѣсь привесть прекрасныя слова Н. В. Станкевича: «разумѣется, поэтъ не говоритъ себѣ: разовьемъ мысль такую-то,—ибо въ семъ случаѣ онъ развилъ бы логически. Нѣтъ, онъ часто повѣствуетъ фактъ жизни, въ чудномъ свѣтѣ явившійся душѣ его, безъ сознанія, что сей

Общее всей картины, что и поражаетъ и услаждаетъ ваши взоры, это—свобода и непринужденность лицъ, ихъ выраженія и положенія; не видно ни въ комъ и ни въ чемъ ни внѣшняго, ни духовнаго стѣсненія; всякій является вамъ просто, такимъ, какимъ онъ есть, какимъ его Господь засталъ и нашелъ благодатію Своего явленія. Тутъ бросается вамъ въ глаза, можетъ быть, прежде всѣхъ рабъ съ зеленымъ лицомъ: чему онъ радъ? Видно, почувствовалъ грядущаго Освободителя, Котораго, разумѣется, не только не понимаетъ, но еще и не видитъ, смотря во всѣ глаза въ противоположную отъ Него сторону, и однако знать не хочетъ, что собственную его фигуру иные сочтутъ за пятно картины. Тамъ обнаженный юноша—едва не въ самыхъ водахъ Іордана; онъ по гласу и указанію Крестителя: *се Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра*, взглянулъ на Спасителя, являющагося просто во плоти человѣческой, и въ открытомъ лицѣ и глазахъ юнаго еврея уже сіяетъ живая радость и любовь. Какъ-будто духомъ своимъ онъ ощутилъ уже на себѣ осѣненіе благодати, прикрывающей наготу и срамоту человѣческую плотію Богочеловѣка, (чего только тѣнію были Богосодѣланныя для падшихъ Адама и Евы кожаныя ризы); и—онъ уже не стыдится, не чувствуетъ своей наготы. На другомъ концѣ картины видны два воина, которые приближаются къ толпѣ на прекрасныхъ коняхъ и смотрятъ на подходящаго Господа съ такимъ вниманіемъ, что одинъ изъ нихъ вовсе не думаетъ сдержать свою бойкую лошадь, испугавшую женщинъ. И дѣйствительно, одна изъ этихъ женщинъ, съ убранной, но непокрытою головою (какъ-бы для вразумленія, что она безчеститъ (1 Кор. 11, 5) этимъ свою голову), такъ, кажется, перепугалась, что съ живымъ движеніемъ обернулась къ всаднику, сильно опираясь (сама того не замѣчая) на плечо самаго сановитаго и почтеннаго старца книжника, тѣмъ однако нимало не развлекаемаго въ своемъ глубокомъ вниманіи къ словамъ Крестителя; а другая съ младенцемъ—виднѣется за поднятою вверхъ рукою первой женщины, какъ-бы спѣша укрыться съ своимъ ребенкомъ отъ угрожающаго напора лошади. Все это въ лицахъ то же, что выразить словами: благодать явленія въ мірѣ Христа Сына Божія такова, что все, случающееся съ человѣкомъ, всякое

фактъ развиваетъ великую идею. Не вѣрю, чтобы Шекспиръ имѣлъ ясное (логически-ясное) понятіе о смыслѣ своихъ драмъ; онъ творилъ *такъ* потому, что *такъ* являлась ему жизнь и возбуждала его геній» (41 и 42 стр. Перепис. Станкев.). Таковъ и живописецъ-поэтъ.

даже изъ животныхъ, назначенныхъ на служеніе человѣку, конь или воробей, чрезъ явленіе въ плоти Сына Божія, незримо становится въ благоволительномъ вниманіи всезиждительной Любви, а у самаго человѣка не только дитя, но и волосы на головѣ уже на особенномъ счету Отчей любви. Вотъ тамъ вдали, съ лѣвой стороны картины между деревьями, едва видѣются мужчины и женщины, и еще въ сторонѣ старцы іудейскіе; въ нихъ всѣхъ примѣтно глубокое и живое сокрушеніе духа,—иные въ покаянной скорби поникли къ землѣ взорами и головой, другіе простираютъ руки къ небу, кто съ умиленіемъ смотритъ на небо, а кто какъ-будто и очей не смѣетъ поднять къ небу. Казалось бы, что всѣмъ имъ мѣсто—не въ отдаленности, а около самого проповѣдника покаянія Іоанна. Но вблизи къ Крестителю скорѣе другихъ бросаются вамъ въ глаза люди раздѣтые или одѣвающіеся, нагота которыхъ такъ непріятно поражаетъ нѣкоторыхъ зрителей. Казалось бы, что лучше бы дать имъ мѣсто гдѣ-нибудь вдали, въ тѣни. Казалось бы... Но была ли бы выдержана тогда правда? Духъ сокрушенія, скорбь о грѣхахъ естественно уединяютъ человѣка, влекутъ его далѣе отъ многолюдной толпы; и вотъ тѣ, въ комъ проповѣдь Іоанна возбудила живое чувство собственной грѣховности и страхъ суда Божія, вдали уклонились отъ главной толпы. Столько же просто и естественно—вблизи Крестителя, на самомъ берегу Іордана, быть именно людямъ, раздѣтымъ для крещенія. Такъ и изображено на картинѣ Иванова. И въ такомъ изображеніи явленія Христова міру вы можете точно читать, что Господь пришелъ въ міръ не разорить, а исполнить законъ правды и порядка во всѣхъ отношеніяхъ. Все здѣсь просто и естественно, какъ сама правда,—какъ эта прекрасная южная природа съ своими горами и виднѣющимся вдали Іерусалимомъ. Такова и должна быть общая печать всего зрѣлища явленія среди людей Того, Кто льна курящагося не угаситъ, трости надломленной не сокрушитъ, Кто въ собственномъ человѣчествѣ представляетъ человѣковъ въ любовь и благоволеніе Своего Отца, снимая съ нихъ все, оскорбительное для Отца, на Себя самого. Такимъ Его и видите здѣсь кроткаго, смиреннаго, исполненнаго мирнаго величія... Общій характеръ картины можно опредѣлить такъ, что художникъ писалъ ее, какъ-будто слыша сосредоточенный на лицѣ Господа и благодатно разносящійся надъ всѣми этотъ гласъ Божій: *се Отрокъ Мой, Егоже изволихъ: возлюбленный Мой, на-Немъ благоволи душа Моя: положу Духъ Мой на Немъ, и правду языкамъ возвѣститъ:*

не пречетъ, ни возопіетъ... «нока правда Его не одержитъ побѣды». *И на имя Его языцы уповати имутъ* (Мат. 12, 18—21).

Будемъ теперь ближе и подробнѣе разсматривать самыя частности картины. Озаренное благодатію явленія Христова, каждое лицо въ отдѣльности выступаетъ на видъ съ рѣзкою своеобразностію.

Наружный центръ картины занимаетъ св. Іоаннъ Креститель, заключившій собою рядъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, снѣдаемыхъ ревностію противъ умножающихся въ мірѣ грѣховъ, но безсильныхъ и грѣхи загладить и грѣшниковъ исправить,—Іоаннъ, по преимуществу горѣвшій пламеннымъ Иліинымъ духомъ, но въ самыхъ вождяхъ современнаго общества нашедшій порожденія эхидны. Судя по тому, что видно здѣсь нѣсколько человѣкъ, выходящихъ изъ воды или начинающихъ одѣваться, можете примѣтить, что Іоаннъ только-что совершилъ надъ ними *крещеніе покаянія*, предуготовительное къ достойному принятію Христа, какъ увидѣлъ Его Самого—Агнца Божія, идущаго къ толпѣ. Любовь Божія, являющаяся въ лицѣ Агнца Божія прямо для грѣшниковъ, объяла Крестителя, съ одной стороны—такимъ торжественнымъ движеніемъ духа, въ которомъ какъ-будто совокупилось торжество всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ о явленіи Того, Кто такъ вѣрно и просто потребляетъ грѣхи мірскіе, снимая ихъ на Себя и на Себѣ вынося всю ихъ виновность, а съ другой—исполнила Предтечу трепетомъ, какъ бы не отринули и Самого Спасителя блюстители завѣта Божія въ народѣ—священники и книжники, и вмѣстѣ пламеннымъ желаніемъ внушить всѣмъ, чтобы скорѣе Его узнали и приняли. Самое энергичное выраженіе этихъ движеній вы и можете видѣть въ Іоаннѣ, который указуетъ рукою на идущаго Агнца Божія и устремляетъ пламенѣющіе взоры и рѣчь свою въ сторону законниковъ и книжниковъ, блѣднѣя самъ отъ встрѣчи съ сердечною ихъ черствостію.

За Крестителемъ Господнимъ, съ лѣвой отъ него стороны *), видите прекраснаго юношу съ свѣтлозолотистыми волосами. По восторженному выраженію его лица и невольному отъ одушевленія движенію его руки, можно примѣтить, что въ его открытую и глубокую душу сразу проникло (хотя, конечно, не

*) Разумѣемъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, правую и лѣвую сторону въ отношеніи не къ самому Іоанну, а къ зрителю.

было и имъ сознано) сіяніе любви Отчей, въ Сынѣ Агнцѣ Божіемъ распростираемое Св. Духомъ на все, и на самыхъ грѣшниковъ. Въ этомъ юношѣ всѣ узнаютъ св. Іоанна Богослова, который съ перваго взгляда на Господа пріялъ въ свою душу и первыя благодатныя сѣмена своихъ Богословскихъ созерцаній Бога Слова во плоти.

Далѣе, по тому же направленію къ лѣвой сторонѣ, виденъ человѣкъ, стоящій на переходѣ отъ зрѣлаго мужества къ старости, уже сѣдѣющій, но крѣпкій и съ рѣзкими чертами. Онъ внимаетъ словамъ Іоанновымъ о явившемся Агнцѣ Божіемъ съ такою напряженностію, что какъ-будто не довѣряетъ исправности и вѣрности своего слуха, и еще съ такою отличительною особенностію, что примѣтно сосредоточивается на самомъ смыслѣ слышаннаго, безъ уразумѣнія не поспѣшая къ чувственному видѣнію того, на Кого указывалъ Іоаннъ Креститель *). Это тоже кто-либо изъ *будущихъ* св. апостоловъ, предначинательно уже устрояемый благодатію явленія Господня въ сосудъ Христовъ, не скороподвижный, но твердый и глубокій; вѣроятно, это Ѳома, которому столько же свойственно не торопиться видѣніемъ Господа безъ уясненнаго понятія о томъ, кто именно Онъ, сколько въ послѣдствіи медлить вѣрою въ Его воскресеніе безъ видѣнія самого Воскреснаго.

Рядомъ съ нимъ стоитъ еще такихъ же зрѣлыхъ лѣтъ мужъ, съ выраженіемъ, почти грубоватой на видъ, твердости, а вмѣстѣ и добродушія и простосердечнаго сочувствія къ людямъ. Съ участіемъ и съ какимъ-то утѣшеніемъ любви онъ смотритъ на толпу, въ которой иной одѣвается послѣ крещенія, другіе еще въ наготѣ, молодой поддерживаетъ старика, тѣ смотрятъ прямо на Господа, эти еще на Іоанна и проч. Онъ также не обратилъ еще своихъ чувственныхъ взоровъ на Господа, но въ его добродушномъ сочувствіи и участіи къ своимъ ближнимъ уже видно тайное благодатное вліяніе на него явленія единаго Человѣколюбца. И въ немъ не трудно узнать будущаго Христова апостола, не отличающагося стремительными порывами любви къ Господу, но расположеннаго раздѣлять любовь самого Господа къ людямъ. Это, можетъ быть, св. Андрей, Первозванный, но не вы-

*) Въ журналѣ «Іучи», по намекамъ, слышаннымъ лично отъ покойнаго Иванова, такъ изъясняются внутреннія думы этого почти-старичка съ энергическимъ выраженіемъ, что онъ, предавшись духомъ своимъ Іоанну ученію, затрудняется идти еще къ другому учителю—Агнцу Божію.

дающійся изъ ряда другихъ апостоловъ, кромѣ случаевъ заботливаго участія его относительно напитанія пяти тысячъ пятью хлѣбами и еще представленія Господу Еллиновъ, желавшихъ Его видѣть (Іоан. 6, 8—9; 12. 22), также относительно плачевной судьбы, ожидающей Іудеевъ и Іерусалимъ (Мар. 13, 3—4). Андрей въ Евангеліи именно указанъ, какъ одинъ отъ учениковъ Крестителя, пошедшихъ за Іисусомъ послѣ того, какъ слышалъ о Немъ—Агнцѣ Божіемъ отъ Крестителя Іоанна (Іоан. 1, 40).

Около этого видите, въ свѣтлозеленой одеждѣ, кроткаго и съ мягкими чертами человѣка, находящагося на переходѣ отъ юности къ зрѣлому мужеству. На его кроткомъ и умиленномъ лицѣ съ поникшими взорами какъ-будто читаешь такія мысли и чувства, глубоко проникающія его душу: «какая эта бѣда, какая горькая доля постигла насъ—людей, что мы и души своей не жалѣемъ, не заботясь о красотѣ и истинѣ нашихъ помысловъ, о святости и чистотѣ нашихъ чувствъ и желаній; и всю дѣйствительность нашей жизни и міра, забывая Творца и Вседержителя, обращаемъ для себя въ какую-то сусту! Боже мой! будетъ ли когда конецъ такому погибельному нашему несчастію? будетъ ли покой намъ?» Онъ, чистый самъ въ душѣ, какъ ясно всякому съ перваго взгляда на него, не отдѣляетъ себя въ своемъ сердцѣ отъ беззаконниковъ *). Такъ занятъ онъ сокрушенными своими думами (возбужденными, конечно, Іоанновою проповѣдію), что и не слыхалъ послѣднихъ словъ Крестителя съ указаніемъ на идущаго Спасителя міру: *се Агнецъ Божій вземляй* всѣ *грѣхи міра!* Какъ онъ встрепенется, какъ устремится и привяжется къ Господу, когда, Богъ-дастъ, или Его самого услышитъ, или разслушаетъ и пойметъ благовѣстіе о Немъ Предтечи! Ибо онъ своими думами уже жалобно молится къ идущему Агнцу Божію и зоветъ благодать Его помочь бѣдному, гибнущему человѣку, хотя обращенъ лицомъ совсѣмъ въ другую отъ Господа сторону. Это—непремѣнно также *будущій* апостолъ, съ которымъ, въ его сердцѣ, являющійся міру Господь уже предначалъ бесѣду своей благодати. Не Филиппъ ли это, воздыхающій объ одномъ — объ

*) Въ томъ же мѣстѣ журнала «Лучи» со словъ самого Иванова говорится объ этомъ человѣкѣ, что онъ собственно не кается, но только внутренно, въ глубочайшей сосредоточенности бесѣдуетъ съ своимъ духомъ, настроеннымъ на тонъ Предтечевой проповѣди, и—едва ли даже можно, въ настоящемъ его состояніи, проникнуть въ его душу другому благовѣстію.

успокоеніи въ любви Отчей: *Господи! покажи намъ Отца и довлѣетъ намъ* (Іоан. 14, 8), Филиппъ, который съ такою радостію и убѣжденіемъ, только еще призванный Господомъ, говорилъ Наѳанаилу: «мы нашли Того, о Которомъ писали Моисей и пророки», а на возраженіе Наѳанаила сказалъ просто: «поди и посмотри!»... Видно, для тосковавшей о спасеніи человѣческомъ и нашедшей Спасителя человѣковъ души Филиппа спорить противъ его вѣры было уже то же, что днемъ спорить противъ дневнаго солнечнаго свѣта: «поди и посмотри!» Для того, чтобы понять состояніе такого Апостола прежде, нежели онъ сознательно увѣровалъ, надобно посмотрѣть, на лѣвой сторонѣ картины Иванова, размышляющаго съ глубокимъ умиленіемъ и грустію человѣка, въ зеленой одеждѣ, стоящаго съ поникшими взорами около самыхъ водъ Іордана.

Около самаго, какъ кажется мнѣ, Филиппа, и находится тотъ обнаженный юноша, о которомъ я уже упоминалъ. Онъ взятъ на картину собственно въ томъ мгновеніи, когда онъ нагой, выходя изъ Іордана, застигнутъ былъ словами: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра,* и въ томъ самомъ положеніи остановился, устремивъ къ Господу свой взоръ съ радостію и живѣйшею любовію, не чувствуя уже своей наготы. Весь смыслъ изображенія его состоитъ въ томъ, съ какою юношескою живостію (но, конечно, безъ всякаго отчетливаго сознанія) ощутилъ онъ на себѣ благодатное, прикрывающее плотскую его наготу, осѣненіе всемилующей любви Отца небеснаго, явившейся міру въ воплощенномъ Сынѣ Божіемъ. Конечно, кто-нибудь можетъ соблазниться обнаженіемъ этого молодаго еврея, простертымъ до нѣкотораго (впрочемъ самаго ничтожнаго) излишества; но любящіе твердую пищу истины, можетъ быть, подивятся духовному инстинкту покойнаго Иванова, вѣрно угадавшаго, какъ нужна подобная фигура на картинѣ, раскрывающей смыслъ явленія міру Агнца Божія Богочеловѣка. Забыли мы съ своею фарисейскою правдою, что постыденъ собственно грѣхъ, или то, что дѣлаемъ не по Господу, а напротивъ все, что—по Господу, или на что простирается и чему сообщается благодать явленія Его во плоти,—все такое, относится ли оно къ нашей душѣ или къ самому тѣлу, получаетъ уже печать и начатокъ Духа, которому стыдиться нечего. Забыли мы, что Господь для того и взялъ на Себя наше полное естество, т. е. не только душу, но тѣло человѣческое, чтобы не погубить, а спасти человѣка и по отношенію

къ самому его тѣлу. А по такому забвенію нашему, сколько человѣческаго, что еще такъ легко было бы возводить на степень духовнаго и спасаемаго, трактуется за безнадежно погибающее и осужденное! Безъ сомнѣнія, больно это сердцу нашего Господа, пришедшаго взыскать и спасти именно погибшаго. Искусство, въ лицѣ Иванова, угадало это духовнымъ чутьемъ и, для полнаго раскрытія истины явленія міру Агнца Божія, отчасти не пощадило стыдливости *).

Вблизи къ этому юношѣ еврею виденъ еще въ самыхъ водахъ Іордана (которыя и виднѣются только въ этомъ лѣвомъ углу картины) старецъ согбенный, уже почти безъ волосъ на головѣ, поднимающійся изъ Іордана съ опорою шеста. Съ старчески-умнымъ и отъ старости же и вмѣстѣ, можетъ быть, отъ холодной воды болѣзненнымъ, страдальческимъ выраженіемъ лица, онъ смотритъ не на Господа и не на Крестителя, а на находящуюся предъ послѣднимъ толпу народную. Зачѣмъ же онъ на великомъ зрѣлищѣ явленія міру Спасителя? Затѣмъ же по отношенію къ ветхости и немощи старческой, зачѣмъ и юноша по отношенію къ юношеской своей свѣжести, красотѣ и даже наготѣ тѣлесной. Агнецъ Божій такъ же точно самые тѣлесные *недуги наши пріятъ и болѣзни понесе* (Мат. 8, 17 **), какъ пріялъ нашу человѣческую плоть для прикрытія Самимъ Собою нашей грѣховной наготы, для благодатнаго сообразованія съ самимъ Собою и всего того въ насъ, что относится не къ одной только нашей душѣ, но и къ тѣлу. Поэтому, несущій бремя многонедужной старости, плѣшивый еврей (по тайному дѣйствію благодати явленія Господня міру), и не замѣчая Господа, безотчетно чувствуетъ, что старческія его немощи никакъ не отчуждаютъ и его отъ прочей, усыновляемой во Христѣ небесному Отцу, семьи человѣческой, что бремя недуговъ и болѣзней старческихъ, сообща съ бременами всѣхъ, духовно вземлетъ на Себя

*) «Однако же (слышалъ я такое возраженіе:) Самъ Богъ устроилъ для прикрытія наготы нашихъ прародителей ризы кожаны». Но Богосотворенныя кожаныя ризы и были, сообразно ветхому завѣту, выраженіемъ мысли именно о прикрытіи грѣховной нашей наготы Самимъ Христомъ, облаченіе въ Котораго, при открытомъ явленіи Его Самого, такъ живо и предощутилъ юный Израильтянинъ.

**) У евангелиста въ семъ мѣстѣ разумѣются именно тѣлесные недуги, объ исцѣленіи которыхъ онъ говоритъ: *вся болящія исцѣли, да сбудется реченное... Той недуги наши пріятъ* и проч.

Агнецъ Божій, и что, потому, самая болѣзненность его духовно уже сближаетъ и сродняетъ его ко спасенію со всѣми другими *). На нихъ проникнутый думой взоръ его и останавливается...

Перейдемъ на другую, именно на правую сторону отъ Крестителя.

Вотъ у самыхъ почти ногъ его сидящій старецъ смотритъ, по Крестителеву указанію, на Господа съ выраженіемъ такой зрѣлой и возвышенной мысли, что, кажется, въ являющемся Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра, онъ уже прозираетъ незыблемое основаніе всякаго истиннаго блага и стройнаго порядка для всего міра, лежащаго во злѣ и нестроеніяхъ всякаго рода. Благословенна старость, такъ прекрасно изъ ветхозавѣтнаго міра срѣтающая Того, Кто идетъ открыть и совершить новый міръ. Около такого старца видимъ отрока, такъ же внимательно глядящаго на Спасителя, и притомъ съ выраженіемъ начинающей уже раскрываться такой проницательной и спокойной мысли, которая обѣщаетъ усмотрѣть въ Господѣ тихій свѣтъ истины, уясняющей для человѣка и горнее и дольнее; невольно только боишься, чтобы какъ не увялъ этотъ слабый и нѣжный, едва распускающійся, цвѣтокъ тихой мысли. Тутъ же представляется вамъ, также смотрящій на Господа, мужчина, съ открытою физіономіей и свѣтлымъ взглядомъ, должно быть (судя по покрову его головы) воинъ; въ немъ заранѣе виденъ надежный, преданный безъ тѣни фанатизма, разсудительный но вѣрѣ и бодрый духомъ,—послѣдователь являющагося Христа, который будетъ служить Ему только потому, что прекрасно Ему служить; можетъ быть, онъ впослѣдствіи говорилъ Спасителю: *рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой.* И около этихъ же утѣшающихъ ваши взоры лицъ, между этимъ бодрымъ человѣкомъ и упомянутымъ выше благомысленнымъ старцемъ, видите вы сидящаго въ скорби человѣка; онъ смотритъ въ противоположную отъ грядущаго Спасителя сторону, смотритъ съ такимъ тоскливымъ выраженіемъ, съ такимъ томительнымъ умыслемъ, которое, занимая все его сердце, не дало ему, кажется, и разслушать Іоанновой рѣчи о явившейся *Утѣхѣ Израилевой* (Лук. 2, 25). Душа, въ подобно-

*) Ивановъ (сказано въ «Лучахъ») этого старца съ побѣлѣвшими отъ холодной воды руками относилъ къ Христовымъ апостоламъ на ряду съ Іоанномъ Богословомъ. Старецъ дѣйствительно въ настоящую минуту представляется болѣе близкимъ къ духу Христову, нежели всѣ трое, слѣдующіе въ нашемъ описаніи за Іоанномъ Богословомъ. Но рѣшительно не знаю, кого изъ апостоловъ можно признать въ немъ.

номъ настроеніи, пожалуй, и приметъ слово спасенія, но останется не подвигнутою въ своей внутренности, которую грызетъ какой-то червь безнадежной скорби. Потому этотъ человѣкъ и смотритъ въ сторону отъ окружающихъ его людей, смотритъ прямо вамъ, стороннему зрителю, въ глаза, какъ бы съ ожиданіемъ и моленіемъ, чтобы и всеисцѣляющее врачевство пришедшаго небеснаго Врача потрудились вы размягчить, разжевать и подать самому его сердцу: такъ-какъ онъ самъ, безъ стороннаго пособія, не можетъ и принять этого врачевства. Всѣ эти лица какъ бы присѣдятъ у самыхъ ногъ Іоанна Крестителя. И вы по этимъ лицамъ видите, что благодать явленія Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, сейчасъ же возбудила и самую открытую разнообразную пріемлемость къ Его истинѣ и благодати, и вмѣстѣ самую вопіющую потребность въ разъясненіи и приложеніи ихъ къ болѣющему сердцу человѣческому.

Правѣе отъ этихъ фигуръ, которыя сейчасъ нами разсмотрѣны, изображены такія лица. Вышедшій изъ воды, но не успѣвшій еще одѣться, широко сложенный и уже престарѣлый, должно быть—богачъ и господинъ, вѣроятно изъ прозелитовъ, сидитъ съ обращеннымъ къ грядущему Господу лицемъ, спиною къ зрителямъ. Не видя лица величаваго по сложенію старца, трудно распознать, чѣмъ именно осѣнила его благодать явленія Христова. Не знаю, почему нѣкоторымъ несовсѣмъ нравится эта личность; съ своей стороны я думаю, что, можетъ быть, этотъ старецъ, сообразно своему возрасту, предощущаетъ проявляющагося въ Сынѣ Самого *Ветхаго деньми* — небеснаго Отца. (Ибо при открытости души, не только сознательно, но и безсознательно съ ея стороны, можетъ надъ нею исполниться слово Христово: *видѣвый Мене, видѣ Отца*). По крайней мѣрѣ, какъ-будто ощутивъ въ самомъ старцѣ отсвѣтъ и отображеніе *Ветхаго деньми*, проявляемаго Христомъ, еврей среднихъ лѣтъ, и кажется, изъ книжниковъ, съ самымъ живымъ движеніемъ обратился къ этому старцу всѣмъ корпусомъ съ распростертыми руками, устремляя при этомъ взглядъ къ идущему Господу. Съ праваго боку отъ этихъ двоихъ, виденъ съ веревкой на шеѣ и зеленѣющимъ лицемъ рабъ улыбающійся, о которомъ мы уже упоминали. И его, въ свою очередь, коснулось благодатное движеніе; точно онъ почувствовалъ простотою своего духа, что являющійся, хотя имъ еще не примѣчаемый, Творецъ и Владыка тварей принялъ именно рабскій образъ Своего созданія человѣка; и неволь-

никъ, самъ не понимая—отъ чего, улыбается столько ущедряющей самое рабство благодати...

Дивное созданіе—эта картина Иванова, хотя (повторимъ) само собою разумѣется, что художникъ творилъ по вдохновенію, въ которомъ самъ себѣ не давалъ полнаго отчета. Но нужно было ему возвышаться до совершенно чистаго и святаго вдохновенія, чтобы выдерживать въ своемъ созданіи такую высокую истину, какова благодать явленія Господа міру.

Около разсмотрѣнной нами группы видите еще иного, дряхлѣющаго уже, старика, влекущагося къ Іордану почти на колѣнахъ и поддерживаемаго однимъ крѣпкимъ евреемъ. Этотъ послѣдній съ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ на указуемаго Іоанномъ Господа, обратясь лицомъ въ сторону отъ своего старика, но не переставая поддерживать его дряхлость. Можно подумать, что въ награду за поддержку старческихъ немощей, ему дано отчасти войти сердцемъ своимъ въ духъ несущаго на себѣ всеобщія немощи Агнца Божія. И въ потухающихъ глазахъ дряхлаго старичка, хотя и обращеннаго лицемъ въ другую отъ Господа сторону, виднѣются слезы;—онъ, должно быть, за вѣру поддерживающаго дряхлость его, также услышалъ сердцемъ, что старческіе его недуги вземлются и поддерживаются Кѣмъ-то еще кромѣ находящагося при немъ человѣка. Тутъ же поражаетесь вы видомъ самой свѣжей и нѣжной юности, открытой предъ вами столько, сколько можно безъ оскорбленія скромности. Это молодой, едва впрочемъ выходящій изъ отрочества, человѣкъ, съ золотистыми волосами, стоящій спиною къ зрителямъ. Онъ по выходѣ изъ Іордана, готовъ былъ сейчасъ же одѣться, но торжественное указаніе Іоанново на Спасителя остановило юношу и обратило всего его во вниманіе, устремленное къ Господу. Послѣ Іоанна Богослова, кажется, никто съ такимъ одушевленіемъ не устремляется къ идущему Агнцу Божію. Видно, обнаженная юность безсознательно, но живо чувствуетъ, что Божественный Человѣколюбецъ не осудитъ и не отринетъ ея за развивающіяся стройныя формы тѣла,—что Онъ, возвышая человѣка къ благодатной духовности, не дозволитъ смотрѣть, какъ на злое начало, и на тѣлесность или на чувственную сторону человѣка .... Да, юность чувствуетъ, что Господь, явясь во плоти, чрезъ это простираетъ уже благодатно-духовное освѣщеніе и на тѣлесный составъ человѣка; но тѣмъ не менѣе она, какъ будто въ страхѣ отъ людской строгости, стремится къ Самому Господу подъ защиту.

Далѣе видимъ одѣвающагося въ красноватую одежду, зрѣлыхъ лѣтъ здороваго мужчину, и около него нагого, съ алымъ препоясаніемъ, мальчика. Оба съ свѣтлымъ, сіяющимъ радостію, лицемъ смотрятъ на Крестителя, тогда-какъ онъ указуетъ на Христа. Души ихъ словно радуются, что другъ жениховъ (какъ себя назвалъ Креститель) приводитъ ихъ къ Божественному Жениху, который отроку и мужу одинаково дастъ облекаться въ Себя Самого, въ Свою небесную правду, любовь и чистоту.

Выше ихъ на гористой, поднимающейся съ самаго Іорданскаго берега мѣстности, на которой расположено все это великое зрѣлище—первой открытой встрѣчи Господа съ человѣчествомъ, или вступленія Его въ общественное служеніе, видимъ нѣсколько книжниковъ или фарисеевъ, духовныхъ вождей Божія народа.—Боже мой! У одного съ самыми крупными и рѣзкими чертами, обнаруживающими силу и вмѣстѣ грубость внутреннихъ его движеній,—уже выступаетъ краскою на лицѣ такое чувство, что онъ, кажется, ставитъ себѣ въ жестокую обиду—могущественное слово Крестителя и указаніе имъ, учителямъ невѣдущихъ, на Кого-то, дотолѣ неизвѣстнаго между народными наставниками. Это, очевидно, такая духовная натура, которая, подъ личиною вывѣтрившихся уже тогда религіозныхъ формъ іудейства, развила широкій внутренній міръ самолюбія и самомнѣнія, происковъ и корысти;—можетъ быть, онъ бѣдный уже и самъ того не замѣчаетъ за собою, обманываясь соблюденіемъ однѣхъ, для мертваго его сердца уже пустыхъ, формъ и обрядностей вѣры. Рядомъ съ этимъ типомъ фарисейскимъ стоитъ другой книжникъ, съ кроткою и мирною физіономіею, но съ такимъ выраженіемъ нравственнаго самодовольствія, что едва ли, кажется, возможно подвигнуть его къ какому-нибудь живому, крѣпкому подвигу во славу Бога Израилева и во истинное благо ближнихъ. Это—такой типъ іудейскаго книжничества, который, выполняя относящійся къ его служенію извѣстный кругъ законныхъ предписаній, полагаетъ въ этомъ всю свою правду предъ Богомъ и людьми, и ужъ ничего болѣе ему не нужно. Услышавъ о сильномъ гласѣ, вопіющемъ гдѣ-либо въ пустынѣ, онъ придетъ послушать его, но собственно затѣмъ, чтобы услышать подтвержденіе и одобреніе того образа Богоугожденія, какого онъ самъ держится. Услышавъ совсѣмъ другое, онъ какъ-будто и понять того не можетъ и отвернется (впрочемъ тихо, безъ гнѣва или чувства обиды) въ сторону отъ говорящаго, какъ это вы и можете видѣть

въ нашемъ почтенномъ книжникѣ.—Около стоитъ еще подобный типъ законника іудейскаго, почивающаго на законѣ и, дѣйствительно, едва ли не буквально дремлющаго на картинѣ Иванова. Это такой представитель и руководитель отжившаго іудейства, который далѣе мертвой законной буквы, вполнѣ его успокоивающей, ничего уже не видитъ и знать не хочетъ; вся истина Божія для него не болѣе, какъ одна неподвижная, вѣчная буква; если вы будете вводить его въ силу этой буквы, то имъ будетъ овладѣвать духовный сонъ, который выразится, пожалуй, и въ видимой дремотѣ, — какъ изволите видѣть въ этомъ поникшемъ законникѣ. Сзади этихъ трехъ типовъ фарисейскихъ виденъ еще одинъ книжникъ или законникъ. Онъ, кажется, углубился мыслію во что-то,—можетъ быть—въ рѣчь Іоаннову объ Агнцѣ Божіемъ; но на лицѣ и челѣ его не отсвѣчивается разумѣніе, а только выступаетъ краска напраснаго усилія подвести высокій предметъ подъ узкій взглядъ. Это такой типъ іудейскаго книжничества, которому низкія и плотскія понятія извѣстнаго іудейства не давали возвыситься до живыхъ и высокихъ понятій, при всемъ желаніи выразумѣть и усвоить послѣдія; превратныя начала путали мысль относительно самыхъ простыхъ для вѣры вещей.

Начавъ говорить объ изображенныхъ Ивановымъ іудейскихъ наставникахъ, для большаго удобства въ изученіи этихъ типовъ, послѣдуемъ порядку однородности предметовъ; и потому теперь же взглянемъ и на остальныхъ у Иванова духовныхъ вождей іудейства. И уже послѣ сдѣлаемъ общее заключеніе о томъ, что такое всѣ они — на картинѣ явленія міру Спасителя, который предетавляетъ всѣхъ въ Своемъ лицѣ въ любовь своего Отца, со взятіемъ отвѣтственности за ихъ вины на Себя Самого, и идетъ свидѣтельствовать эту самую правду Божію предъ всѣми до смерти крестной...

Вотъ еще далѣе отъ Іорданскаго берега, въ самомъ почти верху картины, стоитъ съ накрытой головой, какъ будто въ какомъ кукулѣ, уже старѣющій подвижникъ іудейской праведности. По одну руку его —одинъ пѣшій воинъ съ копіемъ, и еще два воина всадника; всѣ они очень внимательно смотрятъ на идущаго Господа. По другую руку—какой-то человѣкъ, съ выразительнымъ лицемъ, съ орлинымъ носомъ, стоящій всѣхъ ближе къ подходящему Агнцу Божію,—едва ли не римлянинъ, обвернувшійся во что-то вродѣ знамени; этотъ человѣкъ смотритъ на Господа съ глубокимъ, кажется, предчувствіемъ, что Онъ и язычни-

ковъ содѣлаетъ Божіимъ народомъ—царственнымъ священствомъ. Среди такихъ-то, многое обѣщающихъ, предначатковъ Церкви изъ языковъ стоитъ старый благочестивый фарисей, истомленный борьбою съ природною грѣховностію, въ напрасныхъ успѣхахъ достигнуть правды исполненіемъ закона безъ благодати Божіей. Онъ поникъ взорами и духомъ, какъ будто говоря въ себѣ отъ лица подзаконнаго человѣка: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* Въ такомъ настроеніи онъ какъ будто чуждъ всему окружающему; строгая Предтечева проповѣдь о покаяніи не могла утѣшить его духа, ревнующаго о праведности, но ея не достигающаго, и это чувствующаго;—а Господа Іисуса онъ еще не видитъ...

Виденъ еще маститый старѣйшина іудейскій на правой сторонѣ картины, тотъ самый, на плечо котораго съ успѣхомъ оперлась женщина, испугавшаяся лошади одного изъ всадниковъ. Это степенный сановитый и кротбій по виду книжникъ, нимало, кажется, не развлекаемый въ разсудительномъ и благоговѣйномъ вниманіи къ Крестителю сильнымъ и, конечно, шумнымъ движеніемъ вдругъ опершейся на него женщины. Не трудно узнать въ немъ такого іудейскаго учителя, въ духѣ котораго извращенное іудейство не успѣло убить сочувствія самой силѣ Божественной истины; этотъ типъ напоминаетъ Никодима, ночью приходившаго учиться у Господа, или благоразумнаго Гамаліила, извѣстнаго впрочемъ уже въ исторіи Апостольскихъ дѣяній своимъ мудрымъ опасеніемъ, чтобы, идя противъ новозавѣтнаго ученія и его проповѣдниковъ, не вступить во враждебную борьбу съ Самимъ Богомъ. Но никакъ не чуется въ немъ твердости и рѣшительности открыто постоять за истину, хотя бы даже до смерти; вмѣстѣ съ благоговѣйною внимательностію замѣтно въ немъ какое-то выжиданіе, уклончивость. Слушая Іоанна, онъ не спѣшитъ отвести отъ него взоровъ и обратить ихъ къ Господу, на котораго съ такимъ вдохновеннымъ одушевленіемъ указываетъ Іоаннъ; онъ ждетъ отъ Крестителя поясненія идеи о провозглашаемомъ имъ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра,—уклоняясь отъ самого Агнца Божія. Такой старѣйшина можетъ поудержать вражду противъ истины Божіей, но самой истинѣ Божіей, для своего раскрытія и утвержденія, ждать отъ него нечего: онъ съ своею разсудительностію будетъ выжидать торжественнаго ея оправданія и уклоняться дотолѣ, пока ее рѣшительно отвергнутъ и растерзаютъ. Изъ-за этого представителя наилучшаго остатка

іудейскаго учительства виднѣется на самомъ концѣ картины одною только частью своего лица съ лѣвымъ глазомъ также какой-нибудь раввинъ. Въ выставляющемся на видъ только однимъ его глазѣ можно примѣнить разсуждающую наблюдательность, со вниманіемъ впрочемъ также одному Іоанну; какъ-будто онъ, имѣя очи видѣти, не видитъ, Кого такъ горячо показываетъ Іоаннъ всѣмъ. Это типъ любознательности раввинской, ищущей истины, какая ей нравится, а не какова она есть и является сама по себѣ, и потому большею частію останавливающейся и косящей только въ преддверіи истины.

Какое же значеніе имѣютъ всѣ эти представители и вожди извѣтшалаго іудейства на картинѣ, раскрывающей смыслъ явленія міру Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра? Зачѣмъ въ этомъ созданіи дано имъ мѣсто творческою мыслію? Не хотѣлъ ли художникъ показать изъ перваго же открытаго явленія Господня, что Израиль Божій не приметъ Его подъ водительствомъ этихъ своихъ передовыхъ людей, отъ которыхъ духовно зависѣлъ волею или неволею? Да, въ Предтечѣ Господнемъ, который съ своимъ указаніемъ на Господа обращается, главнымъ образомъ, къ этимъ книжникамъ и фарисеямъ, примѣтно трепетное предчувствіе, что эта погибельная бѣда,—отверженіе Господа книжниками и фарисеями,—случится съ Божіимъ народомъ. Но при всемъ томъ, мысль объ Агнцѣ Божіемъ, пришедшемъ именно къ грѣшникамъ и вземлющемъ именно грѣхи Боговраждебнаго міра, въ истинно-творческомъ созданіи должна быть выдержана и въ отношеніи къ самимъ вождямъ вывѣтрившагося Іудейства. Вземлющаго грѣхи міра должно изобразить вземлющимъ и грѣхи Іудейскаго книжничества и фарисейства; тѣмъ болѣе, что вина этого лежитъ не на однихъ современникахъ,—напротивъ эти несчастныя направленія развивались, или точнѣе, сохли и ветшали вѣками, пока наконецъ созрѣли, такъ сказать, въ своей сухости, и выразились въ настоящихъ своихъ представителяхъ. Если благодать явленія Агнца Божія ни въ одномъ изъ нихъ не находитъ благонадежнаго соотвѣтствія себѣ; то не покажетъ ли она чѣмъ-нибудь, по крайней мѣрѣ, отдаленной возможности къ духовному оживленію людей подобнаго направленія, или по крайней мѣрѣ къ предостереженію отъ него народной массы? Въ картинѣ Иванова можно примѣчать, что творческая его мысль чуднымъ чутьемъ слышала и, по возможности, разрѣшала такой вопросъ. Это у него выразилось въ томъ, что именно около или вблизи книжни-

ковъ и фарисеевъ находятся на картинѣ женщины въ разныхъ, повидимому чисто случайныхъ, положеніяхъ. Надобно только, уже съ духовно-отчетливою мыслію вникнуть въ это.

Причина простая и всѣмъ съ перваго раза понятная, почему женщины видны вблизи лицъ духовныхъ. Это такъ естественно, чтобы слабость женщины на всѣхъ путяхъ искала себѣ опоры въ служителяхъ вѣры. Внѣ благодати Христовой это бываетъ не болѣе, какъ по религіозной сантиментальности женскаго мягкосердечія; внѣ Господней благодати женщина не болѣе, какъ Ева, которая не только первая подпала обольщенію змія, но и увлекла къ паденію и мужа, праотца нашего. Во Христѣ, родившемся отъ Пресвятой Дѣвы Богородицы, съ преизбыткомъ уплатившей долгъ нашей праматери, — женщина имѣетъ совсѣмъ другое значеніе для вѣры; идя, по слову Божію (Псал. 44, 15), къ Царю благодати *въ слѣдъ* Царицы небесной (т. е. сообразуясь съ Ея расположеніями и духомъ), она незамѣтно можетъ имѣть благотворное и спасительное вліяніе на общество. И въ самомъ дѣлѣ, если только благодать явленія Агнца Божія дѣйствительно коснулась случившихся въ эту минуту женщинъ, хотя бы рѣшительно безъ всякаго отчета и сознанія съ ихъ стороны: то это значитъ, что сама всезиждительная любовь Отчая, почивающая и сіяющая въ Единородномъ Его Сынѣ, осѣнила наитіемъ Св. Духа ихъ души, разумѣется, по мѣрѣ ихъ пріемлемости, всѣвая въ ихъ сердца живительное сѣмя—хотя бы только *предваряющей* благодати Христовой. А въ такомъ (хотя бы только *предначинательно*-благодатномъ) состояніи, этотъ немощной сосудъ—женщина или дѣвица обѣщаетъ въ свое время принести такой плодъ Духа, что чрезъ нее, какъ чрезъ духовную свою икону *), сама Матерь Господа нашего возможетъ даже въ самыя изсохшія отъ книжничества и фарисейства души благодатно вносить своего Богомладенца, и изъ религіозности, хотя бы изветшавшей до христоборнаго жидовства, извести новый духъ живой Христовой правды.

Женщины у Иванова, дѣйствительно, возвышаются надъ безплодною религіозною сантиментальностію. Правда, Гоголь,

*) Такъ выражаемся на основаніи свято-отеческаго ученія о св. иконахъ. Въ *Точномъ изложеніи православной вѣры* св. Іоаннъ Дамаскинъ ученіе объ иконопочитаніи начинаетъ указаніемъ на первыя въ мірѣ живыя иконы—именно на созданнаго по образу Божію человѣка. Въ христіанствѣ возстановляются эти духовныя иконы, грѣхомъ испорченныя.

помнится, замѣтилъ въ ихъ выраженіи, когда картина только еще писалась, нѣчто страстное; видно, художникъ, имѣя предъ собою образцы латинской эффектной набожности, сначала сбивался-было на религіозную сантиментальность. Но теперь въ законченномъ созданіи не видно уже и слѣда чего-либо подобнаго. Простое, непринужденное, дышащее тихимъ спокойствіемъ и чистотою выраженіе видно во всѣхъ типахъ женскихъ, лица которыхъ открыты зрителю. Такимъ образомъ покойному живописцу Господь далъ ощутить и творчески воспроизвесть, какъ благодать явившагося Агнца Божія предначинала устроять потребные себѣ сосуды въ израильтянкахъ. Не даромъ же и бренимъ остаткамъ безсмертнаго художника данъ покой въ обители обрученныхъ Христу невѣсть *).

Вотъ около самыхъ безнадежныхъ типовъ фарисейства (именно первыхъ трехъ въ нашемъ описаніи) видите женщину лѣтъ 30-ти съ такимъ добросердечнымъ, материнскимъ выраженіемъ, съ такою готовностью къ елейному участію, что какъ будто она, по тайному внушенію Господа, понимаетъ потребность въ этомъ тихомъ и незамѣтно умягчающемъ вліяніи именно для ожесточеннаго или высохшаго сердца этихъ фарисеевъ, хотя смотритъ не на нихъ и не на Господа. Другая женщина, нѣсколько моложе первой, видна въ близости къ истомленному безплодною борьбою подвижнику рабской подзаконной правды. Она, съ свѣтлымъ и кроткимъ взоромъ и лицемъ, смотритъ не на людей, а просто въ даль горизонта, какъ будто уже ощущая, при явленіи Сына Божія въ человѣчествѣ, вѣяніе Отчей любви въ самой природѣ, чающей достигнуть свободы отъ своего рабства тлѣнію, съ освобожденіемъ Христомъ чадъ Божіихъ. Не видно самаго лица той еврейки, которая, въ испугѣ (такъ мнѣ показалось) отъ неожиданной близости воинственныхъ римскихъ всадниковъ на могучихъ коняхъ, быстро обернулась въ ихъ сторону, опираясь одною рукою на плечо сановитаго книжника и приподнявъ другую руку, изъ-подъ которой видѣется еще женщина съ ребенкомъ. Если впрочемъ и эту случайность въ положеніи и движеніи этихъ двухъ женщинъ смотрѣть—не теряя изъ виду Отчей любви, въ явившемся міру Сынѣ и Агнцѣ Божіемъ проливающейся на все и всѣхъ, какъ и сколько кто пріемлетъ: то самъ собою открывается,

*) Ивановъ похороненъ, какъ извѣстно, на кладбищѣ при женскомъ монастырѣ.

выраженный творческимъ инстинктомъ художника, слѣдующій прекрасный смыслъ всей этой группы: при безнадежности къ духовному обновленію самаго фарисейства, уключивость наилучшаго въ этомъ сонмищѣ остатка послужитъ, по крайней мѣрѣ, опорою для женщины, когда любовь Отчая какимъ-нибудь случаемъ—хотя бы какою пугающею нечаянностію, обратитъ ея глаза и сочувствіе на близость и начинающуюся уже внимательность ко Христу самыхъ язычниковъ. Ибо для поддержки и возрастанія зараждающейся въ самомъ язычествѣ мысли и чувства вѣры также нужно охраненіе живымъ и даже нѣжнымъ сочувствіемъ, какъ для виднѣющагося здѣсь же младенца съ матерью нужна материнская ея поддержка.—Наконецъ, есть и еще, на картинѣ Иванова, израильтянка, одна изъ всѣхъ у него женщинъ смотрящая прямо на Господа, въ которой одной и выражается вся тайна и условіе духовной благотворности женскаго вліянія. Она и по внѣшнему своему положенію—одна изъ ближайшихъ къ подходящему Господу, на котораго, сжавъ губы, и смотритъ она съ самымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ; какъ-будто, при видѣ самого Божественнаго главы Церкви, глубокая душа этой жены ощутила въ себѣ отпечатлѣваемый благодатію образъ Его Церкви, и какъ-будто душа ея (впрочемъ испытывая еще истину) прислушивается уже къ Божественному гласу небеснаго своего Жениха, изрекающаго тайны, слышимыя Имъ непосредственно у Своего Отца. Подъ такимъ собственно условіемъ женщина могла бы вносить живительный и свѣтоносный духъ Христовъ въ самыя зачерствѣлыя души и матерински его поддерживать и возращать въ самыхъ новыхъ для него областяхъ.

Вблизи къ этой, внушающей невольное уваженіе къ себѣ, женщинѣ, видно въ голубомъ платьѣ какое то свѣтлое, кроткое и умное лицо, о которомъ даже печатно выражалось недоумѣніе, мужчина ли это или женщина: такъ въ этомъ отношеніи неопредѣленны выраженіе и самая одежда этой личности, которая между тѣмъ занимаетъ мѣсто, также видное на картинѣ (на верху и въ серединѣ картины, близко къ идущему Спасителю). Вся открытая зрителю съ высоты своего положенія на картинѣ, эта кроткая, чистосердечная личность съ какимъ то свѣтлымъ и тихимъ самоуглубленіемъ смотритъ въ сторону же зрителя. Мнѣ думается, что художникъ представилъ въ этомъ живомъ лицѣ собственную мысль, одушевлявшую его въ творческой работѣ: подобно, какъ иной художникъ на подобной великой картинѣ

оставляетъ свой портретъ. Въ такомъ множествѣ и разнообразіи фигуръ и предметовъ огромной картины, надобно было ему выдержать не отвлеченное, а живое единство и вмѣстѣ полноту, такъ чтобы все совокуплялось въ одинъ духовный стройный организмъ. Мысль художника, обнимавшая этотъ идеальный организмъ цѣлаго созданія, чрезъ это становилась и сама какъ живая личность; вырабатывая каждый предметъ картины до послѣдняго камешка, съ постояннымъ тайнымъ вниманіемъ къ благодати явленія въ мірѣ Агнца Божія, эта идеальная личность получила законное мѣсто между лицами, находящимися при этомъ явленіи Спасителя; работая *самодѣятельно* въ своемъ творческомъ самоуглубленіи и въ то же время непрерывно держа себя *подъ управленіемъ* господствующей идеи о Вземлющемъ грѣхи міра, мысль художника, какъ живая личность естественно получила смѣшанное выраженіе женственной воспріимчивости и мужеской серьезной самодѣятельности. Или проще сказать: эта личность, при явленіи Господа міру, слышитъ и чувствуетъ что-то прекрасное и чудное, совершающееся въ ней и внѣ ея, не давая впрочемъ сама себѣ въ томъ яснаго отчета, подобно какъ вдохновеніе художника...

Теперь мы поднимемъ глаза и къ лицу Самого Спасителя Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра. Когда во всѣхъ и въ каждомъ изъ находящихся здѣсь лицъ, уже хотя отчасти, услѣдили мы тайное благодатное соприсутствіе Его, какъ вводящаго ихъ въ любовь Отчую по отношенію ихъ къ душѣ, тѣлу, самой одеждѣ и случайностямъ въ ихъ положеніи и движеніяхъ, со взятіемъ ихъ трѣховъ и недуговъ на Себя Самого, съ прикрытіемъ духовной и тѣлесной людской наготы благодатію Своего воплощенія: то Господь и изъ Своей отдаленности, въ которой Онъ изображенъ, близокъ уже къ нашимъ очамъ въ своемъ значеніи Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра. Онъ изображенъ, во-первыхъ, во всей простотѣ и доступности нашего человѣческаго естества, которую Онъ и воспріялъ именно ради насъ, и въ которомъ потому Онъ и представляетъ насъ, какъ собственные члены Своего тѣла, всей любви Отчей, въ Немъ единомъ существенно почивающей; Онъ изображенъ идущимъ къ грѣшному міру, во-вторыхъ, въ самомъ кроткомъ и смиренномъ видѣ, какъ послушливый Отцу до опредѣленной и заранѣе уже извѣстной Ему самому крестной смерти. Далѣе, Онъ, Агнецъ Божій, и идетъ не къ Іоанну (съ такимъ воодушевленіемъ указующему

Его) и не къ своимъ будущимъ ученикамъ (изъ которыхъ будущій Богословъ устремленъ уже къ Нему всею своею душею), но направляется прямо къ тѣмъ сухимъ и черствымъ фарисеямъ, у которыхъ сердце уже созрѣло для Его отверженія и закланія; только еще прежде нихъ Онъ долженъ встрѣтиться съ тою женою, которая, точно представляя въ себѣ невѣсту Его—Церковь, съ такою глубокою вѣрою смотритъ на Него. Онъ идетъ со спокойствіемъ и тихою твердостію, какъ рѣшительно готовый словомъ и дѣломъ, жизнію и смертію свидѣтельствовать забытую и извращенную фарисействомъ Божію правду, съ молитвою къ Отцу о прощеніи самыхъ фарисеевъ и совращаемаго ими народа. Сосредоточенная и въ то же время ясная и благостная дума выражается въ Его лицѣ и взорахъ, какъ будто Онъ, вземляй грѣхи міра всѣхъ временъ, въ современныхъ и непосредственно видныхъ Ему людяхъ прозираетъ и то, какъ бѣдный грѣшный человѣкъ дошелъ до настоящаго своего состоянія и до чего еще дойдетъ въ своемъ земномъ бытіи до кончины міра, и, прозирая это, готовитъ уже въ Своемъ умѣ и сердцѣ все благопотребное для спасенія грѣшнаго гибнущаго человѣка на всѣ времена; и—такимъ образомъ эта даль, въ которой Онъ представленъ, получаетъ для васъ новое значеніе, какъ даль мѣстъ и временъ, въ которыхъ должна раскрываться благодать Агнца Божія. Еще могу прибавить къ вашему утѣшенію, что общій видъ Христовъ взятъ съ православныхъ церковныхъ иконъ Спасителя: открытая голова съ длинными орѣховаго цвѣта волосами, съ брадой такого же цвѣта, въ хитонѣ красноватомъ и верхней одеждѣ небесно-голубаго цвѣта. Въ этомъ устраненіи, въ лицѣ Спасителя, рѣзкаго еврейскаго типа — какъ прекрасно выражается, что Господь Іисусъ, принадлежа Востоку и Югу по своему происхожденію плотію отъ Авраама и Давида, — по человѣчеству своему есть свой и Западу и нашему Сѣверу! И въ самой одеждѣ Его какъ будто высказывается и небесное его значеніе, и пламенѣющая въ Его сердцѣ любовь къ намъ грѣшнымъ! Руки Его, поддерживая верхнюю одежду, мирно покоятся одна на другой; ноги Его (обутыя по Евангелію (Мато. 3, 11) въ саноги) представлены въ движеніи тихаго нѣшествія. Такъ мирно и тихо идетъ Агнецъ Божій къ міру заклатися за него и отъ него же! И общему почти вниманію, обращенному на Него, внемлющаго Своему небесному Отцу, какъ будто сочувствуетъ чудно-прекрасная, существующая дарами всетворческой Его любви, природа съ ощутительною на

самой картинѣ тишиною воздуха, въ которой чувствуется тихое голубиное вѣяніе почивающаго во Христѣ Св. Духа, съ виднѣющимися (хотя въ одномъ уголку) водами Іордана, съ этою плодоносною южною растительностію, съ этими поднимающимися отъ самаго іорданскаго берега и идущими вдаль горами и холмами. На мою душу, прежде всего, эта природа повѣяла живою благоухающею вѣстію, что здѣсь увижу истинное явленіе Спасителя міра. А тамъ на послѣднихъ предѣлахъ видной дали, открывается видъ святаго града Іерусалима — этого средоточія ветхозавѣтной Церкви и образа будущаго новаго Іерусалима вѣчной славы. И вы понимаете, какъ этотъ видъ кстати на картинѣ *Явленіе Христа міру:* ибо явленіе Христово міру, провозглашаемое Предтечею и безмолвно-дѣйственное со стороны Самого Христа, есть зерно великихъ и чрезвычайныхъ событій, которыми разрѣшатся судьбы ветхозавѣтной Церкви и откроется Церковь новаго завѣта — эта область благодати, имѣющей раскрыться и въ вѣчную славу.

Вотъ вамъ, добрые друзья мои, картина Иванова, которую я ходилъ смотрѣть нѣсколько разъ и смотрѣлъ подолгу прямо съ той точки зрѣнія, какъ написалъ вамъ! Это великая и глубоко-вѣрная библейская картина. Если задача св. иконъ, по святоотеческимъ мыслямъ, состоитъ въ томъ, чтобы не только представлять святыя лица для благоговѣйнаго чествованія, но и поучать духовнымъ истинамъ, подобно книгамъ: то картина Иванова не выходитъ, по моему мнѣнію, и изъ предѣловъ православнаго церковнаго иконописанія. Все, говоренное нами доселѣ, служитъ тому доказательствомъ. Великая минута явленія міру Агнца Божія, вземлющаго его грѣхи, здѣсь представлена просто въ живой дѣйствительности. Надобно замѣтить, что это Его явленіе, съ засвидѣтельствованіемъ о Немъ Іоанна Крестителя, послѣдовало уже послѣ крещенія Христова на Іорданѣ (см. еван. Іоан. 1, 31—36); послѣ чего непосредственно Онъ еще уединялся въ пустынѣ на сорокадневный постъ и борьбу съ искусителемъ. Слѣдовательно, Агнецъ Божій, съ указаніемъ на Него Крестителя, явился міру въ той *силѣ духовной*, въ какой Онъ возвратился уже побѣдителемъ діавола съ горы искушенія (Лук. 4, 14). И какъ вѣренъ этому художникъ въ своей картинѣ! Могущественная сила благодати Агничей отпечатлѣвается у него рѣшительно на всѣхъ и на всемъ.

Впрочемъ и то правда, что самъ покойный, развѣ теперь въ другой жизни, видитъ и въ блаженномъ Христовомъ утѣше-

ніи то, что онъ только предчувствовалъ въ своемъ творческомъ вдохновеніи. Вѣчная ему память! Онъ сдѣлалъ, какъ слѣдуетъ, свое великое дѣло (хотя, по замѣчанію иныхъ, и изобразилъ Крестителя Іоанна не въ одеждѣ изъ верблюжьяго волоса, какъ говоритъ Евангеліе, а въ верблюжьей кожѣ). Благодареніе и слава Господу, такъ ущедряющему за искренній трудъ и должное употребленіе данныхъ Имъ талантовъ! Мнѣ думается, что многолѣтнее дѣло Иванова, сопряженное со многими и внѣшними и духовными бореніями, принято отъ Господа какъ молитвенный подвигъ за Россію, которая на пути науки и искусства едва только начинаетъ служить спасенію прочаго міра: тогда-какъ этотъ послѣдній въ правѣ не только ждать, но и требовать такой великой услуги отъ Россіи, какъ отъ должника предъ Востокомъ и Западомъ. Только вотъ въ чемъ наша великая бѣда: подвижникамъ просвѣщенія, но не по буквѣ только православнаго, а устремляющагося къ удовлетворенію истинно-православныхъ вопіющихъ потребностей духа нашего, не по силамъ выносить бремя того нравственнаго одиночества, въ которомъ они по большей части остаются у насъ,—получая отъ однихъ сочувствіе, но не къ тому, что требовало бы сочувствія, и будучи пренебрегаемы или даже осуждаемы другими, и именно тѣми, отъ которыхъ крайне требовалась бы поддержка сочувствія и одобренія. Въ такомъ одиночествѣ,—холерѣ или другой какой-либо болѣзни или просто несчастной судьбѣ не трудно сразить человѣка.— Это мы говоримъ въ объясненіе того, замѣченнаго въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, факта, что въ послѣднія десятилѣтія многіе изъ наилучшихъ дѣятелей нашихъ въ области мысли, слова и искусства неожиданно среди самаго разцвѣта сражены были косою роковой непоправимой бѣды...

Это Твой гнѣвъ, Господи, праведно на насъ движимый. Прости и помилуй насъ ради Твоего Сына и Агнца, вземлющаго наши грѣхи!

X.

СЛОВО, СКАЗАННОЕ ВЪ ОДИНЪ ИЗЪ ДНЕЙ ВЕЛИКАГО ПОСТА, ПРИ ПОГРЕБЕНІИ СТУДЕНТА.

Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ: вси бо Тому живи суть (Луки 20, 38).

Слова самого Господа.

Итакъ и новопреставленный рабъ Божій М., котораго, въ мертвенныхъ его останкахъ, *вознесли* мы сюда *поставити его предъ Господемъ*, живъ есть у Бога нашего. Жива душа его не только просто по безсмертію своего духовнаго существа, но и особенно по общенію своему съ самимъ Богомъ жизни: ибо православная вѣра даетъ намъ истинное, живое *общеніе съ Отцемъ и Сыномъ Его Іисусъ Христомъ* (1 Іоан. 1, 3, слич. 3, 24), по внутреннему въ насъ дѣйствію Св. Духа. Самое, бездыханное теперь, тѣло его, которое многократно въ жизни, и наконецъ уже предъ самою смертію, вмѣстѣ съ душею удостоилось быть причастнымъ животворящаго тѣла и крови Господней, — имѣетъ въ себѣ Божественное сѣмя жизни вѣчной, которое нѣкогда и раскроется въ этомъ самомъ тѣлѣ, въ новомъ союзѣ его съ душею,— въ блаженство и славу. Только бы упокоилъ его Господь въ Своей любви, простивъ ему всѣ согрѣшенія вольныя и невольныя, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи содѣянныя.

Слушатели христіане! Мы всѣ молимся объ успокоеніи новопреставленнаго. И всѣ мы должны молиться тѣмъ усерднѣе, что

упокоеніе усопшаго не только рѣшаетъ блаженную участь его самого, но имѣетъ связь и съ собственною участію нашею, съ участію особенно здѣшняго святилища наукъ. Какъ это? — скажемъ о семъ немного въ побужденіе къ прилежнѣйшей молитвѣ объ упокоеніи отшедшаго отъ насъ и вмѣстѣ въ благоустроеніе самой этой нашей молитвы.

Духовное упокоеніе возможно только одно — въ любви Отца небеснаго, какъ она открыта и простерта къ намъ въ единосущномъ Сынѣ Его, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и какъ она изливается и сообщается пріемлющимъ во Св. Духѣ. Когда все въ душѣ человѣка бываетъ предано Сыну Божію, въ Которомъ вся любовь Отца: то душа, даже и въ сей жизни, получаетъ обильные начатки блаженнаго своего упокоенія въ любви Божіей, изливающейся въ нее Св. Духомъ. Благо, если душа усопшаго въ семъ мѣстѣ образованія юныхъ умовъ и сердецъ, дѣйствительно такъ была въ своихъ силахъ возбуждаема, такъ развивалась, чтобы все познавать и воспринимать духомъ не иначе, какъ въ томъ вѣчномъ Основаніи для всего сущаго и даже только возможнаго (ибо даже и зло, безъ попущенія свыше, невозможно) и слѣдовательно для всего познаваемаго, въ томъ зиждительномъ Основаніи, каковъ есть одинъ—Богъ Слово, весь умъ и существо Отца въ Себѣ отъ вѣчности раскрывающій, а по Своему воплощенію соединившій ради насъ грѣшныхъ съ Своимъ Божественнымъ умомъ и человѣческій умъ и вообще всю душу человѣческую и съ тѣломъ,—такъ что намъ, и плотянымъ и грѣшнымъ, все-же недалеко утверждать въ Немъ свой умъ и всѣ свои силы! Благо, если такъ и было въ душѣ усопшаго! Тогда въ умѣ и сердцѣ его, какъ уже сообразованныхъ и сообщныхъ уму и сердцу Сына Божія, само собою успокоится и благоволеніе Отчее, въ Сынѣ почивающее; а въ этомъ и заключается тайна блаженнаго покоя души человѣческой. Тогда и сему святилищу наукъ благодать и благословеніе свыше за вѣрное исполненіе своего назначенія! Но если въ этой юной душѣ было возбуждено самымъ образованіемъ не мало такого, что и не думали доводить до единаго, истиннаго основанія всему Іисуса Христа, Бога Слова, что, посему, не оставляло въ себѣ мѣста и для любви Отчей, — въ чемъ, по невѣдѣнію, могла и не принести раскаянія душа сего юноши: то не утаимъ отъ себя, что душа его, съ такихъ сторонъ своихъ, задержана и запутана, и только еще *чаетъ Христова утѣшенія* и успокоенія (это по такимъ основаніямъ,

на какихъ самый міръ стоитъ, какія устоятъ, если бы и весь міръ прешелъ). А кто и что сему причиною? Станемъ ли здѣсь льстить себѣ, когда нынѣ же въ церковномъ чтеніи изъ слова Божія какъ нарочно слышали мы о томъ, что Богъ за забвеніе Его не пощадилъ даже цѣлыхъ градовъ, а предалъ ихъ суду огненному, и самъ отецъ вѣрующихъ — Авраамъ, начо упованія вѣровавшій въ обѣтованіе спасенія, не имѣлъ наконецъ дерзновенія ходатайствовать о ихъ спасеніи? *)... Вѣрно ли такъ мы учимъ и учимся, чтобы для умовъ и сердецъ нашихъ основаніемъ всего сущаго и возможнаго всегда предносился, по нашей вѣрѣ, Самъ Господь Іисусъ Христосъ — Богъ Слово во плоти? Если не всегда или не во всемъ или не у всѣхъ насъ, учащихъ и учащихся, бываетъ такъ: то на судѣ Божіемъ, вмѣстѣ съ душею образованнаго здѣсь усопшаго юноши, стоитъ повинными и самое святилище здѣшняго образованія съ учащими и учащимися. Если небесный Судія неминуемо взыщетъ или уже взыскиваетъ съ души усопшаго за всякія, даже малѣйшія, такія научныя отпечатлѣнія на его умѣ и волѣ и сердцѣ, которыя остались несообразованными и чуждыми Господу Іисусу: то это судъ — и надъ нами самими. Сей судъ падаетъ укоромъ и угрожающимъ прещеніемъ на все мѣсто образованія, на его способы и служителей. И не будемъ нисколько ослаблять этой горькой истины: — такая потачка и льщеніе самимъ себѣ упрочили бы только праведно движимый на насъ гнѣвъ Божій.

Напротивъ, для того и надобно смотрѣть прямо въ лице грозящей истины, чтобы тѣмъ лучше примѣтить и тѣмъ полнѣе приевоить милующую, безконечно милующую насъ грѣшныхъ Христову благодать, прекрасно и чудно свѣтящуюся въ семъ самомъ, хотя печальномъ, случаѣ отшествія отъ насъ раба Божія М.... Да! Воззрѣть къ суду Божію, неминуемо грозящему такой наукѣ и образованію, которыя *не сообразуются образу* ума и сердца Богочеловѣка — Господа Іисуса Христа (Рим. 8, 29), и которыя, посему, не дають мѣста для успокоенія въ себѣ любви Отчей и чужды животворнаго вѣянія и паитія Св. Духа, и слѣдовательно остаются въ жертву отверженія и проклятія, — воззрѣть къ сему грозному и столько же непреложному суду Божію

*) Сказано въ такой день Великаго поста, когда предлагалось, за литургіей Преждеосвященныхъ Даровъ, чтеніе изъ книги Бытія о ходатайствѣ Авраамовомъ за Содомъ и Гоморру, прекращенномъ за недостаткомъ въ сихъ городахъ и десяти праведниковъ (гл. 18, 20 и слѣд.).

Господь далъ намъ, взявъ въ поводъ къ этому—смерть одного изъ самыхъ лучшихъ здѣшнихъ юношей по дарованіямъ, по кротости и чистосердечію, окруженнаго такою любовію присныхъ, брата, и не только ими, но и всѣми знаемыми достойно любимаго, взятаго отъ насъ среди общихъ добрыхъ о немъ надеждъ. Для вѣры не видны ли въ такомъ усопшемъ черты жертвы, въ Господѣ Іисусѣ благоуханной и умилостивительной предъ Отцемъ. Подумайте:—такой прекрасный юноша похищается смертію во цвѣтѣ лѣтъ, къ самому концу своего высшаго образованія, похищается смертію тогда, какъ родители его и особенно мать уже готовили издали объятія для своего возлюбленнаго, разлученнаго отъ нихъ наукою на время его образованія. Не жертва ли это предъ Господомъ?... И слѣдовательно,—не залогъ ли благодати для насъ?

Воспользуемся, сл. христ., такою благодатію. Будемъ молиться объ упокоеніи души его, связанной по своему развитію и жизни съ наукою,—молиться такъ, чтобы въ то же время умолять и о благонаправленіи самой науки къ единородному Сыну Божію, въ Которомъ вся любовь Отца, содержащая вѣчный покой для умовъ и сердецъ нашихъ. Прощая грѣхи вѣдѣнія и невѣдѣнія новопреставленному, грѣхи внутренно соединенные съ образованіемъ и науками, Господь вмѣстѣ съ этимъ и да направитъ наше образованіе, наши книги и науки къ Себѣ самому, къ вѣчному покою и временному счастію учащихъ и учащихся. Аминь.

XI.

О СОВРЕМЕННОСТИ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПРАВОСЛАВІЮ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Слѣдуетъ намъ раскрыть, какъ православное христіанство пережило то время, когда появилась и возпреобладала надъ христіанскимъ западомъ ложь папства.

Это было такое многознаменательное время, когда, съ одной стороны, при внѣшнемъ могуществѣ отпадшаго отъ православія папства, грозило православному востоку преобладаніе магометанства, неудержимо распространявшееся, а съ другой — православная Церковь должна была возродить въ благодатную жизнь новые народы, особенно нашъ славяно-русскій народъ. Востоку предлежало одно изъ двухъ: или, съ измѣною православія (къ чему, повидимому, располагалъ нравственный упадокъ общественнаго духа въ Византійской имперіи), принять сильную помощь папскаго запада къ отраженію невѣрнаго ислама, или, съ самоотверженіемъ неизмѣнной вѣрности православію, отринуть папство и подпасть преобладанію магометанъ, но за то предать нововозрожденнымъ христіанамъ и утвердить въ нихъ чистое отъ примѣсовъ лживаго папства православіе. Богъ далъ совершиться сему послѣднему, очевидно—милуя и востокъ и нашъ славяно-русскій народъ: ибо первый удержалъ православіе и передалъ его чистымъ второму.

Что же теперь относительно папства дѣлать намъ православнымъ русскимъ въ наше время? Очевидно,—соблюдать православіе въ той чистотѣ, какъ оно намъ предано отъ православ-

наго востока, и такъ же рѣшительно отвергать ложь папства, какъ отвергали эту ложь православные греки и наши славяно-русскіе предки. Какъ же это дѣлать намъ? Главное — не принимать ложнаго догмата объ исхожденіи Св. Духа «и отъ Сына», а по слову Божію исповѣдать о Св. Духѣ, какъ сказано въ символѣ вѣры: *Иже отъ Отца исходящаго;* также не признавать римскаго папы главою Христовой Церкви, а знать, какъ читается въ символѣ же вѣры по слову Божію, *единаго Господа нашего Іисуса Христа*. Это, безъ всякаго сомнѣнія, такъ. Но боюсь успокоиться только на этомъ, помня слова церковнаго учителя (приведенныя нами прежде): «поколику ты имѣешь правую вѣру въ словѣ Божіемъ и въ символѣ вѣры: потолику она принадлежитъ Богу, Его пророкамъ, апостоламъ, отцамъ Церкви, а еще не тебѣ». Для православныхъ грековъ, когда имъ грозило иго магометанское, а римскій папа льстилъ подвигнуть въ ихъ защиту весь западъ, было вполнѣ достаточно съ твердостію противопоставить обольщенію папства исповѣданіе единаго Христова главенства надъ Церковію и исхожденія Св. Духа только отъ Отца; особенно — когда при этомъ приходилось православнымъ расходиться по временамъ и съ стремленіями своего правительства и отчасти самой іерархіи (какъ это было напр. относительно собора Флорентійскаго). Въ такихъ обстоятельствахъ удержать правое исповѣданіе вѣры, очевидно, значитъ ради истины Христовой *не возлюбить души своей даже до смерти*. Для православнаго въ древней Руси, который своею простою и живою вѣрою, какъ любимое Богомъ дитя, держался неотступно престола Его благодати, такъ же достаточно было на случавшіяся обольщенія папства отвѣчать простымъ исповѣданіемъ правой вѣры. Это было, въ тогдашнемъ состояніи православнаго русскаго, то же, что для послушливаго отцу и матери дитяти, въ отвѣтъ какимъ-нибудь совратителямъ, указать съ любовію на своего отца и мать. Теперь времена и обстоятельства уже другія. У насъ, при современной нашей открытости для иноземныхъ, особенно западныхъ, вліяній духа и мысли, при оскудѣніи во многихъ живой вѣры и любви,—всего скорѣе можетъ случиться, что, и удержавши букву православія относительно того или другаго догмата, потеряешь относительно того же догмата приражеиіе силы и духа неправославія. Итакъ, и относительно папства, въ наше время надобно главнымъ образомъ смотрѣть на самую силу лжи папства, надѣлавшей столько зла и потерь

христіанству, и такъ же на самую силу отвергающаго папство православія.

Что такое было проявленіе папства во внутреннемъ порядкѣ жизни и судебъ Христовой Церкви? Къ объясненію этого дойти намъ уже не трудно, когда знаемъ значеніе предшествующей появленію папства борьбы православія съ ересями. Чрезъ точное раскрытіе и опредѣленіе догматовъ правой вѣры, совершившееся въ періодъ вселенскихъ соборовъ, было открыто христіанину и вмѣстѣ обезпечено и утверждено полное духовное удобство держаться, во всѣхъ человѣческихъ своихъ дѣйствіяхъ и вмѣстѣ въ самой наглядной дѣйствительности, Самого Христа Бога и въ Немъ, съ сыновнею свободою и сознательностію, состоять подъ благоволеніемъ и любовію небеснаго Отца, открывающеюся въ животворной силѣ Св. Духа. (Это съ обстоятельностію раскрыто нами во *второй* статьѣ «О современности въ отношеніи къ православію»). Христіанину предлежало только хранить и воздѣлывать этотъ новоблагодатный рай небеснаго и на землѣ жительства. Но ложь ухитрилась сдѣлать страшный, заранѣе подготовленный подкопъ и къ этому духовному раю для изгнанія изъ него многихъ, многихъ. Именно: на христіанскомъ западѣ не захотѣли единственнаго надъ всѣмъ земнымъ и небеснымъ главенства Христова, дѣйствующаго въ Церкви силою Св. Духа и содержащаго вѣрующихъ въ живомъ общеніи любви Отца небеснаго, но облекли въ значеніе полновластнаго намѣстника Христова и главы Церкви нашу или иного архіерея римскаго. И такимъ образомъ, западное христіанство, измысливъ себѣ земнаго верховнаго отца и главу въ дѣлѣ вѣры, изъ небеснаго жительства неизбѣжно болѣе и болѣе превращалось только въ земное и мірское гражданство. Отсюда церковныя вѣроопредѣленія и установленія западнаго католичества становились оковывающею умы и сердца формою подчиненія римскому первосвященнику, вмѣсто того, чтобы быть благодатными выраженіями самой Божіей во Христѣ любви къ человѣкамъ. Равнымъ образомъ церковная западная іерархія,—вмѣсто служенія тому, чтобы Самъ же Христосъ своею истиною и благодатію просвѣщалъ души и царствовалъ въ умахъ и сердцахъ самихъ мірянъ,—устремилась къ собственному преобладанію надъ мірянами, къ подчиненію царей и царствъ папѣ.

Какъ же могло совершиться такое плачевное извращеніе живаго и свѣтоноснаго духа и силы—всего, такъ недавно еще

соборными опредѣленіями и правилами отцевъ утвержденнаго, порядка церковнаго? Вѣдь церковный порядокъ установленъ и одушевленъ самимъ Духомъ благодати, Духомъ Святымъ; вѣдь *отчество* Богомудрыхъ отцевъ *именуется изъ Отца Господа нашего Іисуса Христа* (Ефес. 3, 14, 15), и слѣдовательно, имѣетъ своимъ основаніемъ и первообразомъ всевышнее Отчество небеснаго Отца. Какъ же все это оказалось безсильнымъ и недѣйственнымъ противъ лжи папства на западѣ? Человѣкоубійственная ложь успѣла устранить эти препятствія къ обольщенію западныхъ христіанъ, извративъ въ нихъ вѣрованіяхъ догматъ о Св. Духѣ и отношеніи Его къ Богу Отцу. Именно: латины стали учить и вѣровать, что Духъ Святый исходитъ не отъ одного Отца, но и отъ Сына. А это ложное вѣрованіе уже не давало въ латинахъ мѣста такому раскрытію и дѣйствію благодати Св. Духа, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы личнымъ Его отношеніямъ къ Отцу и Сыну. (Ибо догматъ Божественной истины — не просто буква, а сама жизнь и дѣйствующая сила Духа; раскрытіе этой силы въ христіанахъ зависитъ отъ ихъ вѣры, воспринимающей или отрѣвающей силу истины). Отсюда произошло, что духовный свято-отеческій авторитетъ, имѣющій свою силу въ Церкви именно по Отцу небесному, стали понимать и соблюдать уже не въ томъ значеніи, чтобы быть во Христѣ сыновне-вѣрными святоотеческому духу, чтобы духъ святыхъ отцевъ благоволительно, такъ сказать, почивалъ и раскрывался въ ихъ преемникахъ и чадахъ по вѣрѣ. Нѣтъ; латины вопреки истинѣ стали вѣровать, что Духъ, въ силѣ котораго подвизались за вѣру св. Отцы, имѣетъ своимъ корнемъ или источникомъ въ самомъ Божествѣ не одно Отчество, но исходитъ будто уже отъ Отца и Сына. Слѣдовательно, на основаніи и по первообразу самого Божества (какъ стали представлять Его на западѣ), латинству стало уже свойственно и естественно содержать и развивать церковный порядокъ уже не просто по свято-отеческому духу, а и по собственному (возникшему въ выродившихся въ латинствѣ сынахъ древле-вселенскихъ отцевъ), по собственнымъ соображеніямъ и измышленіямъ... Такъ истинный церковный духъ, принадлежащій именно благодати Св. Духа, въ римскомъ католичествѣ оказался связаннымъ и бездѣйственнымъ чрезъ ложное вѣрованіе о Духѣ Святомъ. Такъ открылось готовое и вполнѣ удобное мѣсто въ западной Церкви духу человѣческаго превозношенія и суетныхъ нововведеній. Вотъ каковы, въ своей

силѣ и дѣйствіи, вѣрованія, отдѣлившія западную Церковь отъ православной вселенской, которой вѣрнымъ остался христіанскій востокъ!

Посему понятно, что̀ именно, въ силѣ дѣла, отстаивали и отстояли для насъ православные востока, въ борьбѣ противъ вѣрованій и притязаній папства.

Они стали, во-первыхъ, за то, что Христосъ есть Самъ Глава Церкви не бездѣйственный, или не безсильный дѣйствовать Самъ своимъ главенствомъ, напротивъ, Самъ вся дѣйствующій въ своей Церкви: Самъ и единъ въ силѣ Св. Духа приводитъ вѣрующихъ къ Своему Отцу, и Самъ же раздаетъ имъ дарованія благодати своей по роду и степени опредѣленнаго каждому отъ Него же служенія, также какъ и Самъ и единъ располагаетъ всею судьбою Церкви и въ ней всѣхъ и каждаго и, что всего важнѣе, открываетъ Самъ въ Себѣ, для общенія своимъ вѣрнымъ, всю полноту своей благодати, истины, святости и любви, *да исполняются* они, по мѣрѣ дѣятельной своей вѣры, *во всяко исполненіе Божіе* (Ефес. 3, 19) и такимъ образомъ составляютъ Христову Церковь, какъ дѣйствительно-живущее Имъ однимъ *тѣло Его*, какъ благодатную *полноту* Его Самого, *исполняющаго всяческая во всѣхъ* (1, 22, 23). Быть намѣстникомъ Христова главенства, имѣющаго именно такую силу и значеніе, для православнаго Востока всегда значило быть мятежнымъ совмѣстникомъ Христу, отвлекающимъ въ свою пользу отъ самого Христа взоры и направленіе вѣры въ христіанахъ, и потому останавливающимъ въ Христовомъ тѣлѣ Церкви токъ или движенія собственно Христовой жизни и Духа. Вѣрующіе умы и сердца православнаго Востока хотѣли принадлежать и предаваться одному и самому высочайшему—Главѣ всего—Христу Богу, смирившемуся до воспріятія въ единство Своего «Я» полнаго человѣческаго естества и въ Немъ истощившемуся за грѣшнаго и заблуждающаго человѣка до неизслѣдимаго оставленія Отцемъ, чтобы весь человѣкъ, безъ всякаго препятствія со стороны своего тварнаго и грѣховнаго недостоинства, принадлежалъ прямо Ему Самому и въ Немъ по сыновнему пользовался любовію Отца небеснаго, открытою въ силѣ Св. Духа. Православный Востокъ справедливо разсудилъ и захотѣлъ лучше подпасть порабощенію отъ невѣрныхъ, съ удержаніемъ за собою такой незамѣнимой ничѣмъ благодати Божіей, нежели благодатную зависимость прямо отъ Христа и небеснаго Его Отца промѣнять на зависимость отъ папы, хотя и двигав-

шаго тогда всѣми силами христіанскаго запада. Особенно православная іерархія, противъ обольщенія преобладанія надъ міромъ, богомудро разсудила и успѣла удержаться на благодатной высотѣ своего назначенія — служить въ Христовомъ смиреніи тому, чтобы и самые міряне, чрезъ благодатное вселеніе въ нихъ Христа, становились царственнымъ священствомъ, служащимъ и въ гражданскихъ своихъ дѣлахъ и отношеніяхъ Самому Отцу Небесному съ сыновне-свободною преданностію Ему своей мысли и сердца. Можетъ быть, Господь дастъ намъ такое время, когда и христіане Запада съ благодарностію признаютъ, какое великое благо для всего человѣчества отстоялъ Востокъ противъ папскаго главенства, возмечтавшаго возложить оковы духовнаго рабства на христіанъ.

Во-вторыхъ, въ ученіи о Св. Духѣ православные восточные, отвергнувъ западное измышленіе объ исхожденіи Его и отъ Сына, отстояли чрезъ это самую силу, основаніе и должное направленіе всего въ насъ истинно-духовнаго или, точнѣе сказать, самой нашей духовности. Выше мы отчасти уже пояснили это, показавъ, какъ латины чрезъ примышленный ими догматъ связали у себя истинно-церковный благодатный духъ. Но, чтобы обнять всю обширность приложенія догмата православія объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца, надобно сказать, что мы, православные христіане, и на всѣхъ путяхъ нашей жизни и дѣятельности, должны *не по плоти ходить, но по Духу* (Рим. 8, 1), исходящему отъ Отца и почивающему въ Сынѣ. Какъ же это? Извѣстно всякому изъ насъ, съ одной стороны, слѣдующее слово Христово: *и отца не зовите себѣ на земли, единъ бо есть Отецъ вашъ, Иже на небесѣхъ* (Мато. 23, 9), а съ другой—подтвержденіе Христомъ заповѣди о почтеніи отца и матери (Мато. 19, 19), съ обличеніемъ не исполняющихъ этой заповѣди въ разореніи слова Божія (Марк. 7, 10—13). То и другое слово согласить и исполнить намъ можно и должно, очевидно, не иначе, какъ если и въ земномъ отчествѣ будемъ усматривать отсвѣтъ и отображеніе Отца небеснаго (на томъ конечно основаніи, что Сыномъ человѣческимъ содѣлался ради человѣковъ Самъ единородный Сынъ Божій), и если потому станемъ соображаться, во всякихъ своихъ сыновнихъ отношеніяхъ, съ отношеніемъ къ Отцу небесному Сына Его. А отношеніе Сына Божія къ Своему Отцу таково, что Сынъ не совмѣстничаетъ съ Отцемъ въ изведеніи Св. Духа, но Духъ исходитъ отъ единаго Отца, а въ Сынѣ только

почиваетъ. Слѣдовательно, если въ отношеніи къ земному отчеству во всѣхъ его видахъ (начиная отъ родителей до начальства, благодѣтелей, учителей, высшихъ, старшихъ, особенно Царя), мы по слову Христову, не остановимся на земномъ и плотскомъ, а будемъ восходить вѣрою къ единому нашему небесному Отцу, благоволившему *изъ Него* Самого *именоватися всякому отчеству на небесѣхъ и на земли* (Ефес. 3, 15): то также не станемъ совмѣстничать въ своемъ духѣ и направленіи съ тѣмъ или другимъ видомъ отчества; напротивъ, дадимъ и мы въ себѣ, по Христу, успокоиться Духу Самого Отца нашего небеснаго, отобразившагося въ земныхъ отцахъ. Чтобы такая великая Божія благодать осѣняла насъ въ средѣ не только прямо-церковной, но и семейной, гражданской и вообще въ связяхъ общежитія,—къ этому твердое основаніе положено въ догматѣ православія объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца.

Такимъ образомъ, противъ притязаній и новоизмышленій римскихъ православный Востокъ отстоялъ и передалъ въ цѣлости намъ русскимъ самую живую силу и духъ того благодатнаго во Христѣ жительства, условія котораго догматически опредѣлены и раскрыты были въ періодъ вселенскихъ соборовъ, и которое такъ радикально подкапывается латинствомъ.

И какъ оба эти великіе догматы православія—объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца и о единственномъ главенствѣ надъ церковію Самого Христа, нужны и спасительны въ своей живой силѣ именно нашему времени! Между отличительными особенностями нашего времени есть двѣ особенно важныя и опасныя особенности, близкія одна къ другой и взаимно одна другую поддерживающія. Одна такая особенность состоитъ въ томъ, что новое поколѣніе въ своихъ стремленіяхъ и видахъ сильно расходится со старымъ, которое въ свою очередь не довѣряетъ ничему лучшему въ первомъ, раздражая и еще болѣе отталкивая его отъ себя такою недовѣрчивостію. Прямой и вѣрный выходъ изъ такого затрудненія нашего времени открывается догматомъ объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца, если быть вѣрнымъ не одной буквѣ, но самой силѣ и духу этого догмата. Вспомни, юное поколѣніе,—вмѣстѣ съ своею обязанностію, въ отношеніи къ старѣйшимъ, какъ къ отцамъ,—слово Христово: *отца не зовите себѣ на земли, единъ бо есть Отецъ вашъ, Иже на небесѣхъ;* усмотри свѣтящееся тебѣ въ разныхъ видахъ земнаго отчества невидимое лице Самого Отца свѣтовъ; и не пре-

отгорчи Божественнаго Духа Его, настаивая слишкомъ на свою духовную самостоятельность или независимость отъ того или другаго вида отчества: напротивъ, какъ чадо Божіе, сообразующееся Христу—Сыну Божію въ своихъ отношеніяхъ къ земнымъ отцамъ-старцамъ постарайся дать въ себѣ покой Духу Божію, исходящему отъ единаго Отца, а въ Сынѣ только почивающему. Такъ ты, человѣкъ новаго поколѣнія, съ одной стороны, будешь вѣрно достигать того, чтобы въ иныхъ людяхъ стараго поколѣнія не допускать противъ общаго блага дѣйствовать или преобладать нехорошему, эгоистическому или упорно и мертво-рутинному духу: ибо, при твоемъ неуклонномъ направленіи и возрѣніи къ единому небесному Отцу, благоволившему во Христѣ дать Свое отображеніе во всякомъ видѣ земнаго отчества, будетъ всегда поборать за тебя самъ животворящій Св. Духъ, отъ Отца исходящій и въ Сынѣ почивающій. Съ другой же стороны, ты сохранишь и выдержишь и въ самыхъ стремленіяхъ своихъ къ истинно-лучшему новому, должныя духовно-сыновнія отношенія къ поколѣнію твоихъ отцевъ и старцевъ, поддержишь истинное ихъ достоинство и значеніе и наслѣдуешь ихъ благословеніе, съ которымъ почіетъ на тебѣ и на твоихъ дѣлахъ благословеніе Самого Отца Небеснаго. И ты, стоящее за честь и права своихъ сѣдинъ, поколѣніе, не опусти и ты изъ виду того же слова Христова: *отца не зовите себѣ на земли, единъ бо есть Отецъ вашъ на Иже небесѣхъ;* остерегись посягнуть на права и власть, принадлежащія въ отношеніи къ умамъ и сердцамъ Самому небесному Отцу,—усматривай и въ юнѣйшемъ тебя поколѣніи чадъ, собственно Божіихъ. Чрезъ это ты, съ одной стороны, будешь незримо охранять и направлять юность ихъ (физическую и духовную) къ лучшему, и мирно исправлять ихъ преткновенія и ошибочныя увлеченія, а съ другой—будешь болѣе и болѣе раскрывать въ себѣ относительно юнаго поколѣнія расположеніе и настроеніе истинно-отеческія, сообразныя и сообщныя благоволенію и любви Самого Отца небеснаго—по силѣ и дѣйствію Св. Духа, отъ Него исходящаго. И память и имя такого человѣка изъ стараго поколѣнія будетъ всегда въ благословеніяхъ у новыхъ поколѣній.

Другая также важная и крайне опасная особенность нашего времени состоитъ въ томъ, что одни тяготятся почти всякими внѣшними авторитетами, какъ стѣснительнымъ и почти только подавляющимъ бременемъ, а другіе ищутъ и ждутъ добра

и порядка только отъ одного властительнаго вліянія внѣшнесильныхъ авторитетовъ. Догматъ православной Церкви о главенствѣ церковномъ, принадлежащемъ прямо Самому Христу и только Ему одному, открываетъ въ своемъ духѣ и силѣ удобный и простой выходъ и изъ этого духовнаго затрудненія современности. Единственный Глава Церкви—Христосъ—таковъ въ своемъ главенствѣ, что положено *возглавить* въ *Немъ яже на небесѣхъ и яже на земли* (Ефес. 1, 10), *умиротворивъ кровію креста Его, чрезъ Него, аще земная, аще ли небесная* (Кол. 1, 20). Итакъ, если ты, по какимъ-либо тяжкимъ опытамъ, историческимъ или личнымъ, видишь въ какомъ-либо неосмысленномъ или чисто-внѣшнемъ авторитетѣ угрозу рабствомъ для самыхъ умовъ и сердецъ, посягательство на нравственное достоинство человѣка: то знай, что единственный Глава твоего ума и сердца, свѣтящійся и въ самыхъ врожденныхъ потребностяхъ твоего сердца и идеяхъ ума, есть Самъ Христосъ Господь, Который, не только по Своему творчеству и промышленію, но и по домостроительству искупленія, вседержавно властвуетъ надъ всѣмъ и всѣми, безъ препятствія и стѣсненія со стороны человѣческаго своеволія и вообще зла, какъ подъятаго Имъ на Себя и съ преизбыткомъ вынесеннаго Имъ чрезъ страданія и смерть; потому, отъ Него и въ Немъ—истинное значеніе и сила авторитетовъ, составляющихъ не болѣе, какъ Его орудія и сосуды въ великомъ дому Его, которые и употребляетъ Онъ *ови убо въ честь, ови же не въ честь*, судя по нравственному ихъ достоинству (2 Тим. 2, 20, 21). Что же мѣшаетъ тебѣ, въ твоихъ отношеніяхъ къ какимъ бы ни было авторитетамъ, имѣть дѣло въ своемъ умѣ и сердцѣ прямо съ всевластвующею святѣйшею любовію и премудростію—Христомъ? Чрезъ это ты будешь вмѣстѣ и самъ удерживать въ своемъ подчиненіи законнымъ авторитетамъ дарованную отъ Христа благодатную свободу, которая такъ дорого стоила твоему Искупителю, и внѣдрять или поддерживать самые авторитеты въ истинномъ и живомъ ихъ значеніи и силѣ такъ, чтобы они были сосудами Христовыми *въ честь*, не къ стѣсненію, а къ оживленію и усовершенію умовъ и сердецъ. Есть примѣры, что такимъ образомъ люди, въ своихъ умахъ и сердцахъ служившіе взявшему грѣхи всѣхъ Христу, умѣли поставить и недостойныхъ авторитетовъ въ должное и достойное настроеніе. Съ другой стороны, и ты, который въ ослабленіи нравственнаго вліянія и значимости внѣшнихъ авторитетовъ видишь опасность всякихъ безпо-

рядковъ, позаботься наиболѣе всего о возведеніи авторитета—въ другомъ ли, въ себѣ ли самомъ—до Самого Христа, главенство Котораго простирается на все и потому есть единственное истинное начало и сила всякаго авторитета;—позаботься объ оживленіи авторитетовъ единственно-живительнымъ духомъ Христовымъ, который такъ обозначается въ Его же словѣ: *Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу Свою избавленіе за многихъ* (Мат. 20, 28). Тогда только авторитетъ и не будетъ бременемъ для другихъ, и возможетъ не только поддерживать и утверждать порядокъ, но благоустроять и безпорядочное, разстроенное. Иначе же, когда, т. е. стоя за самые законные авторитеты, мы не станемъ возводить ихъ въ самой силѣ дѣла, а по одной формѣ или буквѣ, къ единственному и дѣйственному главенству надъ всѣмъ Самого Христа: то и къ намъ, для нашего разстройства, приразится духъ папства, не удовольствовавшагося главенствомъ Христовымъ, но облекшаго папу въ авторитетъ церковнаго главенства. Ибо существо заблужденія римско-католическаго и состоитъ въ отвлеченіи вѣры отъ Самого Христа, какъ единственнаго и вседѣйствующаго Главы Церкви, въ пользу мнимаго намѣстника Христова: и именно—папа есть авторитетъ, освящаемый по буквѣ или формѣ именемъ Христа *), но въ силѣ духа не дающій вѣрѣ направляться во всемъ прямо къ Самому Христу.

*) Какъ бдительно нужно предусматривать и предотвращать приражения къ намъ духа папства (который, конечно, не станетъ повторять прежнихъ формъ для своего могущественнаго проявленія, а можетъ пробираться къ власти надъ міромъ уже въ новыхъ формахъ),—этому достаточно научаетъ насъ то, что зданіе папства не вдругъ же выросло, а строилось въ духѣ западныхъ христіанъ постепенно, сначала незамѣтно. Въ сочиненіи г. Ешевскаго «Аполлинарій Сидоніи», прекрасно раскрывающемъ жизнь запада православно-христіанскаго, ясно выставлено на видъ, что христіане западные, будучи еще православными, при внѣшнихъ опасностяхъ отъ варваровъ избирали духовныхъ себѣ вождей—епископовъ по уваженію главнымъ образомъ внѣшней ихъ силы и значенія, по богатству, по связямъ и проч. Вотъ—когда начали они склонять взоры своей вѣры отъ единственнаго Главы Церкви—Христа и Его Духа къ земнымъ опорамъ или къ болѣе виднымъ мірскимъ вершинамъ. И вотъ—что составляло живой зародышъ главенства папскаго, а не внѣшнія богатыя средства римской Церкви и не высокій авторитетъ ея епископа: все подобное, при господствующемъ направленіи и воззрѣніи вѣры прямо къ самому Христу и Его Духу, составляло бы только среду къ благотворному раскрытію истинно-церковнаго благодатнаго духа.

Изъ сказаннаго уже само собою видно, какъ и въ какой силѣ должны мы дорожить догматами православія о единственномъ въ Церкви главенствѣ Христовомъ и объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца. Это—такіе догматы, безъ храненія которыхъ въ надлежащей ихъ силѣ неминуемо померкло бы и потеряло бы свою въ насъ силу все православіе съ утвержденными на вселенскихъ соборахъ догматами. Мы видѣли выше, какъ истинно такая страшная бѣда и случилась съ римскимъ католичествомъ. Но по этому намъ и слѣдуетъ дорожить самымъ живымъ существомъ и силою, а не одною только буквою догматовъ, отвергаемыхъ папствомъ. О, если бы намъ истинно держаться самой силы этихъ догматовъ православія! Тогда, съ одной стороны, предъ нами открылось бы во всей ясности, что нынѣшнія предположенія нѣкоторыхъ папистовъ о соединеніи Русской Церкви съ Римскою уже сами себя обличаютъ въ фальшивости, дѣло вѣры не ко Христу и Его Духу возводя, а представляя оное только политическою сдѣлкою между римско-католическою и русскою іерархіею; и что также нынѣшнія возраженія папистовъ противъ православія, взятыя изъ нашихъ книгъ церковныхъ, выражаютъ слишкомъ много духовнаго легкомыслія, слѣдящаго въ нашихъ книгахъ какую-нибудь букву, могущую показаться благопріятною мнимому главенству римскому, а опуская изъ виду живой духъ и солнечный свѣтъ, въ какомъ въ нашихъ церковныхъ канонахъ и службахъ апостолу Петру или св. Льву и Клименту римскому представляется на видъ и воспѣвается благодать и слава прямо Самого Христа, единаго человѣколюбца, дивнаго во святыхъ Своихъ. Съ другой же стороны, мы подвигнемся до глубины души жалостію любви къ западнымъ собратьямъ, которые изъ-за своихъ нововведеній низнали, какъ звѣзды небесныя на землю, съ высоты небеснаго жительства во Христѣ до мірскаго гражданства, имѣющаго и въ самой вѣрѣ земнаго главу; мы тонко примѣтимъ, что добираться до папистовъ съ истиною православія надобно въ наше время, можетъ быть, уже не столько чрезъ разработку давно уже разъясненной буквы догмата, сколько чрезъ неуклонное и живое вниманіе вѣры къ Самому Христу и Его Духу въ самихъ папистахъ, какъ христіанахъ, чтобы такимъ образомъ Самъ Христосъ Своимъ Св. Духомъ, отъ Отца исходящимъ, возглаголалъ наконецъ въ ихъ сердцѣ къ оправданію и раскрытію для нихъ Своей истины. Этого можно намъ достигнуть, если будемъ болѣе и болѣе входить въ духъ и расположенія Агнца Божія,

вземлющаго грѣхи міра и тѣмъ въ основаніи подорвавшаго владычество въ мірѣ всякаго грѣха и лжи, и если, притомъ, формально-религіозному главенству папы будемъ противопоставлять живое и вседѣйственное главенство Самого Христа, раскрывая оное въ самой силѣ и истинѣ въ отношеніи ко всему, на что паписты ни хотѣли бы наложить оковы подчиненія нашѣ. Такую надежду внушаетъ намъ особенно то, что Богъ далъ православно-русскому принять догматы о главенствѣ Христовомъ и объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца прочно въ глубину своего духа. Случается у насъ и простому русскому мужичку (положимъ,—такъ называющему себя относительно только Богословскаго образованія) отвѣтить на предположенія папистовъ, не можетъ ли и Россія сдѣлаться римско-католическою, прямо—Богословскимъ противопоставленіемъ нашѣ Самого *Христа Сына Бога живаго*, и сказать немного словъ, но самыхъ меткихъ объ истинномъ значеніи и заслугѣ для Россіи нашего православнаго, не знающаго папы, духовенства.

Въ заключеніе и скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи между православнымъ духовенствомъ и мірянами, которое опредѣляется догматами о главенствѣ въ Церкви одного Христа и объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца. Православные обращаются къ духовнымъ служителямъ возрожденія въ благодатную жизнь и поддержанія оной, какъ къ отцамъ, называя того или другаго изъ нихъ прямо «батюшкою». Да будетъ же у насъ, духовныхъ, всегда въ памяти слово Христово, что собственно единъ нашъ Отецъ небесный, и что, слѣдовательно, міряне православные суть чада собственно Божіи; и такимъ образомъ мы не посягнемъ своимъ духовнымъ отчествомъ на благодатную духовную свободу православныхъ. Но и православные міряне, называя духовныхъ отцами, должны помнить, что отчество, приписываемое ими намъ, существенно принадлежитъ Самому Отцу небесному, кромѣ или внѣ Котораго намъ и не слѣдуетъ *никого звать отцемъ на землѣ*; и что, слѣдовательно, есть мѣсто для ихъ заботливаго опасенія, какъ бы, чрезъ неосторожное уничиженіе ими духовныхъ, не возмутить и не преогорчить *Духа Святаго, отъ Отца исходящаго*. Главнымъ образомъ, признавая Господа Іисуса единственнымъ главою Церкви, вся дѣйствующимъ въ ней своею благодатію, православные и должны, въ своихъ отношеніяхъ къ священству разныхъ степеней, взирать вѣрою къ Самому пришедшему послужить нашему спасенію, вѣч-

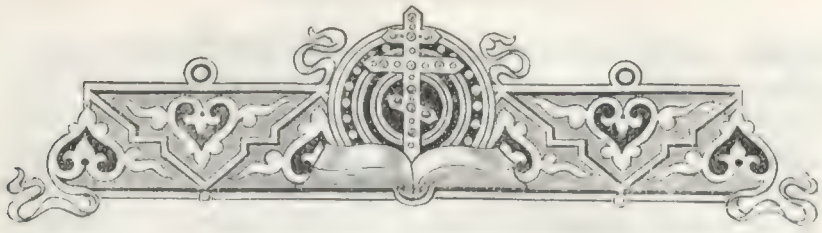
ному Іерею и Архіерею, Который только Самъ собою въ Св. Духѣ приводитъ насъ къ Отцу и отъ Него преподаетъ намъ всякія дарованія и блага. А мы, стоящіе на той или на другой степени священства, должны внутренно, сколько можно постояннѣе, внимать Самому Христу, избравшему насъ въ орудія къ раскрытію для міра той Его благодати, чтобы Ему же Самому вселяться и во всѣхъ людяхъ Божіихъ, возводя ихъ умы и сердца къ Отцу и живительно просвѣщая оные благодатію Св. Духа, и чтобы такимъ образомъ весь Божій народъ православныхъ составлялъ *святительство свято* и «царственное священство» (1 Петр. 2, 5. 9). Такъ исполнится слово апостольское—и на призванныхъ къ священству: *не себе проповѣдуемъ* или выставляемъ на возвышенный видъ, *но Христа Іисуса, себе же самыхъ представляемъ рабовъ вамъ Іисуса Господа ради* (2 Коринѳ. 4, 5),—и на всѣхъ прочихъ православныхъ: *искушенія моего еже во плоти*, немощей проповѣдника слова Божія *не уничижисте, не отвергасте, но якоже Ангела Божія пріясте мя, яко Христа Іисуса* (Галат. 4, 14). И Церковь православная явится для самого Запада во всей, сохраненной ею, апостольской чистотѣ и красотѣ. Да! Представимъ себѣ, напр., чудное и Божественное зрѣлище нашего православнаго богослуженія, если бы намъ Богъ далъ участвовать въ немъ, какъ слѣдуетъ по духу и силѣ нашего православія.

Діаконъ, сослужа священнику и руководя предстоящихъ къ молитвенному участію въ служеніи, своею вѣрою неуклонно взираетъ къ Самому Господу Іисусу—относительно священника, какъ приводящему вѣрныхъ чрезъ священнодѣйствіе сего избраннаго орудія къ небесному Своему Отцу и къ сокровищамъ Его любви, а относительно предстоящихъ, какъ къ движущему и благонаправляющему ихъ умы и сердца своею благодатію: такъ поддерживая и священника въ духѣ и силѣ великаго его служенія и предстоящихъ въ живомъ общеніи благодати Христовой, діаконъ совершаетъ свое благодатное служеніе, какъ истинно-нужное и благотворное для Церкви Божіей, къ охраненію духовной чистоты ея служителей и чадъ. Священникъ, служа и священнодѣйствуя, внутренно съ благоговѣніемъ сознаетъ и чувствуетъ себя только какъ недостойное орудіе въ невидимой рукѣ пренебеснаго Іерея—Христа, Который въ благодатномъ жертвоприношеніи есть Самъ *приносяй и приносимый, пріемляй и раздаваемый*, Который знаетъ и собственнымъ сердцемъ подъемлетъ всѣ истинныя нужды,

скорби и приношенія всѣхъ своихъ людей и для всѣхъ раскрываетъ благоволеніе своего Отца со всѣми дарами Св. Духа, наконецъ, Который Самъ же воображенъ таинственно въ умахъ и сердцахъ всѣхъ членовъ Его Церкви: въ такомъ настроеніи совершая службу Божію, священникъ находится въ живой благодатной связи со всею полнотою Церкви Божіей, какъ свѣтильникъ, тихо и незримо разливающій живительный Христовъ свѣтъ въ православныхъ. Архіерей, окруженный въ своемъ священнослуженіи цѣлымъ сонмомъ священниковъ и діаконовъ, имѣющихъ въ немъ тайноводственный корень благодати своего званія служить спасенію людей,—по истинѣ оказывается вмѣстѣ и нѣкоторою какъ бы жертвою, на которой тяготѣетъ бремя столькихъ отвѣтственностей предъ Богомъ за себя и за другихъ; или, сказать то же точнѣе, оказывается живымъ сосудомъ благодати и духа самого вѣчнаго Архіерея, который одинъ только и явился очистительною и умилостивительною за весь міръ жертвою предъ Своимъ Отцемъ, и въ существѣ дѣла одинъ Самъ раздаетъ дары благодати св. Духа, будучи животворнымъ свѣтомъ для всякаго человѣка на всѣхъ его путяхъ отъ самаго вступленія въ сей міръ. Посему-то архіерейское служеніе есть именно «Богопоклонное (по выраженію Максима исповѣдника) вѣдѣніе Святой Троицы умомъ и сердцемъ, просительное и благодарное за себя и за всѣхъ, сопричастное духу Христова истощанія за всѣхъ, и потому приводящее постоянно въ живое движеніе благодать Божію и въ поставленныхъ на разныя степени священства, и въ простыхъ христіанахъ. Предстоящіе при совершеніи Богослуженія, взирая вѣрою къ невидимо дѣйствующему избранными орудіями Самому небесному Архіерею и Іерею во вѣкъ по чину Мелхиседекову, приходившему на землю послужить нашему спасенію,—по мѣрѣ своей вѣры усвояютъ внутренно своей мысли и сердцу благодатный духъ «архіерейскаго непрестаннаго поклоненія Пресвятой Троицѣ», и священническаго свѣтенія человѣку Христовою благодатію и истиною, и діаконской дѣятельной стражбы за духовнымъ очищеніемъ чадъ и служителей Церкви *). И все въ

*) Смотр. рѣчь высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митр. московск., сказанную новорукоположенному епископу дмитровскому, викарію московскому Евгенію. Въ этой рѣчи приведено и, относительно степеней священства, изъяснено въ означенномъ нами смыслѣ изреченіе св. Максима исповѣдника о духѣ трехъ степеней священства, доступномъ ревнующимъ о духовномъ совершенствѣ.

Церкви Божіей является полнымъ благодатнаго Христова духа и силы: святыя иконы, горящія свѣщи предъ ними, книги богослужебныя и прочія внѣшнія выраженія того, что есть и совершается, или должно быть и совершаться, въ самихъ предстоящихъ и священнодѣйствующихъ. Такой благодатный духъ да разносится всѣми и въ домы, во всѣ занятія и отношенія наши, такъ чтобы въ насъ всегда теплилась, какъ свѣща, свѣтоносная мысль объ образѣ Божіемъ въ каждомъ изъ насъ, и, какъ по богослужебной книгѣ, мы читали бы въ своей совѣсти начертанныя Духомъ благодати живыя письмена истины и добродѣтели. И это да будетъ не къ упраздненію для насъ значенія и важности внѣшней дѣйствительности (какъ то бываетъ въ ложномъ мистицизмѣ), а къ духовному поддержанію и оживленію всего въ этой дѣйствительности—отъ важныхъ вещей до мелочей.



XII.

ВРАЗУМЛЕНІЕ РАСКОЛЬНИКАМЪ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ.

Вразумленіе: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Мато. 5, 20)—отъ имени Самого Господа Іисуса Христа, пребывающаго въ своей Церкви, мы можемъ обратить къ отродившемуся и въ христіанствѣ фарисейскому духу, увлекшему столь многихъ отъ Церкви Христовой въ разные виды расколовъ.

Такъ, для нихъ существеннымъ въ дѣлѣ спасенія представляются собственно письмена и внѣшность церковнаго чина, кажущіяся имъ древними, и отличныя отъ общецерковнаго и истинно-древняго порядка. Вотъ изъ-за чего они вначалѣ оставили домъ Божій, въ которомъ пребывали! Исполненіе же внѣшнихъ добрыхъ дѣлъ, исполнивъ самихъ самомнѣнія и духа осужденія противъ мірской нескромности нравовъ въ христіанствѣ, утвердило ихъ въ той увѣренности, что они идутъ путемъ правды и спасенія. Ослѣпленная ревность, а иногда прямая недобросовѣстность руководителей ихъ или расколоучителей, довершила и упрочила это отдѣленіе дѣтей отъ своей матери—св. Церкви.—Но да станутъ они на судъ самого Христова слова! Не спорной или мнимой старины держались Іуден, не преданія только своихъ старцевъ они отстаивали: въ ихъ рукахъ были письмена самаго слова Божія, свидѣтельствующія, что самъ отецъ вѣрующихъ—Авраамъ принялъ обрѣзаніе по заповѣди Божіей, что Гедеонъ, Самуилъ,

Давидъ спасались исполненіемъ закона Моисеева. Что же? Когда Іудеи, подъ руководствомъ фарисеевъ и книжниковъ, стали почитать за существенное въ спасеніи внѣшность Богоданнаго обрядоваго чина и въ исполненіи внѣшне-законныхъ дѣлъ полагать свою правду, хотя присемъ не забывали и грядущаго Мессію, только поступая не въ Его духѣ и благодати: то Господь прямо имъ сказалъ, что, если они не возвысятся надъ такою правдою, то не войдутъ въ царствіе Божіе. Итакъ,—не говоримъ уже о произвольности и мнимости самой старины, за которую стоятъ наши подобо-іудейскіе ревнители,—если бы старинныя письмена, которыми они дорожатъ, были подлинныя письмена даже самаго слова Божія, еслибы правда ихъ держалась на исполненіи такого Богопреданнаго чина, который засвидѣтельствованъ былъ бы прямо въ свящ. писаніи: то и въ такомъ случаѣ они, какъ древніе Іудеи, не вошли бы въ царство небесное съ своею правдою непослушною, чуждою духа любви, самомнительною, не утвержденною на единой истинной лозѣ—Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, который Единъ сообщаетъ жизнь своимъ вѣтвямъ чрезъ св. таинства и живую смиренно-послушную вѣру.

Да разсудятъ объ этомъ сами наши ревнители нѣкоторыхъ письменъ, оставя хотя на время вражду и войну противъ никоновскаго, какъ они говорятъ, христіанства! Да подумаютъ, что полагать собственно во внѣшности, въ письменахъ, правду и довольствоваться исполненіемъ добродѣтели, безъ искренняго общенія въ духѣ Агнца Божія или вообще въ благодати таинствъ, есть само-по-себѣ направленіе древнихъ книжниковъ и фарисеевъ которые и сами не вошли въ Христово царство и хотящихъ внити не допустили (Лук. 11. 52), подъ руководствомъ которыхъ избранный возлюбленный Божій народъ сдѣлался народомъ христоубійственнымъ и отверженнымъ! Вотъ главнымъ образомъ чѣмъ да озаботятся бѣдные, по-истинѣ бѣдные и жалкіе, братія наши, бывшіе сочлены единаго благодатнаго Тѣла Христова, но сами себя осуждающіе на отсѣченіе отъ онаго!

Кромѣ сего, въ словахъ Господа, которыя изречены Имъ вмѣстѣ съ осужденіемъ правды фарисеевъ и книжниковъ, содержится прямое оправданіе православной Церкви противъ главныхъ нареканій раскольниковъ. Господь сказалъ, что скорѣе небо и земля прейдетъ, нежели іота едина или черта прейдетъ отъ закона (Мат. 5, 18). Какъ же раскольники говорятъ, что Церковь, которая въ словѣ Божіемъ прямо называется столпомъ и утвер-

жденіемъ вообще всей Божественной истины (Тим. 3, 15), могла повредиться въ существенныхъ своихъ принадлежностяхъ, каковы—чинъ іерархіи и св. таинства?—Господь сказалъ, что въ царствѣ небесномъ великъ только тотъ, *иже сотворитъ и научитъ* (Мат. 5, 19). Но православная Церковь не тѣхъ ли только ублажаетъ и величаетъ, которые и творили и учили во всемъ по слову Божію?—Господь сказалъ, что извратившій и одну малую заповѣдь и научившій тому же другихъ унижается до лишенія царства небеснаго (тамъ же). Также св. Церковь не отвергаетъ ли рѣшительно всѣхъ тѣхъ, которые въ чемъ-либо измѣнили истину Христову и научили другихъ тому же извращенію оной? Не довольно ли этого для истинной ревности о чистотѣ и правотѣ Церкви?—Но видно, и нашимъ ревнителямъ буквы, какъ древнимъ книжникамъ и фарисеямъ съ руководимымъ ими іудействомъ, нужно и безцѣнно стало уже не самое существо и сила Божественной истины Богопреданнаго чина церковнаго. Не къ тому уже, видно, они стремятся, чтобы удержаться въ причастіи любви Отца Небеснаго, раскрывшейся въ Богочеловѣкѣ Христѣ, изливающейся въ сердца чрезъ св. таинства благодатію Св. Духа, пріемлемой и хранимой послушною и живою вѣрою: ибо въ семъ случаѣ въ нихъ былъ бы духъ смиреннаго послушанія и любви,—и они неотступно были бы въ великомъ дому Отца Небеснаго, какова Церковь, святая область и царство спасающей любви Божіей.

Найдя въ словѣ Божіемъ обличеніе и вразумленіе, направленное противъ самаго духа раскольническаго, возьмемъ изъ онаго нужное и для насъ руководство въ отношеніи къ раскольникамъ. Примѣтимъ, какъ Христосъ началъ учить своей благодатной истинѣ Іудеевъ, по пристрастію къ буквѣ закона и къ фарисейской правдѣ, доходившихъ до отпаденія отъ существа и силы истины и правды Божіей. Онъ сталъ дѣйствовать прямо на самое направленіе, бывшее основаніемъ такого упадка въ Іудеяхъ духа вѣры, и внушать имъ, чтобъ они возвысились надъ симъ фарисейскимъ, ложнымъ направленіемъ. Не измѣняя сего направленія ни одинъ изъ Іудеевъ не могъ войти въ силу и духъ Христова ученія; какъ большая часть книжниковъ и фарисеевъ, упорно держась своего превратнаго направленія, дѣйствительно и не признали истины Христова ученія. Но мѣрѣ же возвышенія надъ фарисейскимъ направленіемъ, слушатели Христовы болѣе и болѣе могли уразумѣвать, какъ ученики Христовы и уразумѣвали, Хри-

стово ученіе въ его духовной высотѣ и животворности. Что же отсюда можемъ и должны мы извлечь для себя въ руководство въ отношеніи къ ново-фарисейскому духу раскольническому? Прежде и болѣе всего будемъ заботиться о возвышеніи раскольниковъ надъ тѣмъ несчастнымъ направленіемъ, по которому они самодовольно успокоиваются на наружной лицемѣрной правдѣ, по которому отстаиваютъ одну внѣшность дѣлъ и обряды, какъ самое существо въ дѣлѣ спасенія. Будемъ особенно *начинать* съ ними дѣло съ того, въ чемъ они болѣе или менѣе согласны съ нами, но въ силу и духъ чего не входятъ, въ чемъ однако самое существо спасенія нашего: будемъ, то есть, возбуждать и возгрѣвать въ нихъ живую мысль о самой тайнѣ любви Отца Небеснаго, открытой въ воплотившемся Единородномъ и Единосущномъ Сынѣ Божіемъ, сообщаемой послушной вѣрѣ въ силѣ Св Духа, дѣйствующаго въ Богоустановленныхъ таинствахъ. По мѣрѣ возвышенія надъ мертвою буквою къ духу и силѣ Христовой тайны, раскольники будутъ въ состояніи безпристрастно и благонастроенно разсуждать и о самыхъ разностяхъ и отступленіяхъ своихъ, не закрывая очей отъ ясныхъ обличеній заблужденія ихъ и отъ святой истины, открываемой имъ въ дневномъ свѣтѣ. Можетъ быть, они увидятъ, по благодати Божіей, что пристрастіе ихъ къ буквѣ и внѣшности, въ дѣлѣ спасенія, ставитъ ихъ въ одно положеніе съ книжниками и фарисеями! Можетъ быть, по сему самому бросятъ свою фарисейскую правду, съ которой, по слову Христову, нельзя войти въ царствіе небесное.

XIII.

О СОВРЕМЕННОСТИ ВЪ ОТНОШЕНИИ КЪ ПРАВОСЛАВІЮ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Въ ряду судебъ христіанства за преобладаніемъ папства, о которомъ мы говорили въ третьей статьѣ подъ поставленнымъ здѣсь заглавіемъ, слѣдуетъ появленіе на Западѣ разныхъ преобразованій христіанства. Сличимъ и это прошедшее время съ нашимъ.

Но вѣдь перемѣны церковныя, сдѣланныя Лютеромъ и подобными ему западными преобразователями, не касались насъ православныхъ? Тутъ дѣло, стоившее такъ дорого Западу, обошлось безъ опасностей и тяжкихъ бореній для восточнаго православія? Согласимся пока съ этимъ: но къ такому согласію прибавимъ, что тѣмъ лучше и точнѣе мы можемъ понять значеніе и силу западныхъ преобразованій, какъ сторонніе безпристрастные зрители тяжелой борьбы между этими преобразованіями и папствомъ. А тогда откроется, что и для насъ православныхъ не совсѣмъ чужое и постороннее дѣло составляетъ подобная борьба.

Въ духѣ западныхъ христіанъ, противоставшихъ папству и отдѣлившихся отъ него, намъ православнымъ удобно различить двѣ стороны. Во-первыхъ, надо имѣть въ виду ляпвость самаго папства, противъ котораго пошли эти христіане. Папство, какъ извѣстно православію, отнимаетъ истинную жизнь у христіанства, превращая его изъ небеснаго въ Самомъ Христѣ жительства въ мірское гражданство, возглавленное подъ земною главою—не-

мощнымъ и грѣшнымъ человѣкомъ; папство посягаетъ на благодатную свободу христіанскихъ умовъ и сердецъ, вѣрующихъ безусловно единому Христу, и дѣлаетъ изъ самой вѣры форму рабскаго подчиненія мысли и чувства римскому первосвященнику. Въ отношеніи къ этой лживости папства, лютеранство и протестантство стали отчасти, безъ сомнѣнія, за правду, за убиваемую папствомъ жизнь и духовную свободу христіанства. Но это только одна сторона дѣла. Во-вторыхъ, не надо опускать и того изъ виду, что преобразователи западнаго христіанства, не захотѣвши по правдѣ подчинять мысль и волю свою римскому папѣ, не подчинились же своею мыслію и волею и Самому Христу Богу, Спасителю и Царю душъ нашихъ. Они рѣшились, правда, повиноваться самому слову Божію, но только какъ собственной ихъ мысли и волѣ угодно было понимать слово Божіе и дѣлать практическое изъ него приложеніе. Чрезъ это они подчиняли само слово Божіе собственной человѣческой мысли и произволу, и такимъ образомъ открыли новое губительнѣйшее зло въ христіанскомъ мірѣ, именно—направленіе умовъ и сердецъ, независимое отъ Самого Христа Бога, Который одинъ свѣтитъ человѣку и въ самыхъ врожденныхъ идеяхъ, законахъ и стремленіяхъ его духа. Всѣ крайности новѣйшей философіи, разнузданной свободы и ложнаго раціонализма истекли изъ того направленія мысли и воли человѣческой, какое явилось у христіанъ чрезъ западныя преобразованія христіанства. Вотъ и другая, совершенно уже мрачная, сторона дѣла Лютерова съ клевретами.— Само собою разумѣется, что эта темная сторона какъ первоначально закрывалась для сознанія самихъ этихъ дѣятелей, такъ и донынѣ держится — болѣе всего противоборствомъ духовному рабству, введенному въ христіанскій міръ папизмомъ.

Обратимся теперь къ себѣ самимъ, къ нашей современности.

Духъ папизма, отвлекающій мысль и воззрѣніе вѣры отъ Самого Христа и любви въ Немъ Отца небеснаго—въ пользу кого-либо мнимо-авторитетнаго, мнимо-важнаго для вѣры, можетъ приражаться и къ намъ. Такъ, въ расколѣ нашемъ, отвлекшемъ многихъ въ пользу мнимо-священной старины отъ благодати большей части таинствъ и Церкви, очевидно—есть часть заблужденія, сродная духу папизма. То же самое, по силѣ дѣла, бываетъ и въ духовно-утонченномъ видѣ, когда, напр., не взвѣсивъ, не выразумѣвъ по-надлежащему чего-нибудь восточно-церковнаго, во имя его ратуютъ совершенно противъ духа Христовой истины

и правды, Поэтому легко можетъ случиться, что нѣкоторымъ ревнителямъ православія, безъ осторожнаго духовнаго испытанія покажутся неправославными и такіе голоса, которые поднимаются иногда, можетъ быть, только въ отраженіе западнаго духа, готоваго отстаивать или распространять своего рода римско-католическое рабство духа. По крайней мѣрѣ, на столько возможна въ нихъ и эта добрая сторона, на сколько она есть и въ лютеранствѣ и другихъ преобразованіяхъ западнаго христіанства. Но, съ другой стороны, не надобно и того опускать изъ виду, что въ самой борьбѣ противъ духовнаго рабства и мертваго застоя, распространяемаго лживымъ духомъ папизма, можно придти къ несчастной независимости духа отъ Самого Христа и отъ любви въ Немъ Отца небеснаго, а отсюда къ совершенной разнузданности въ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Такая именно бѣда и случилась на Западѣ. Что и мы не безопасны отъ этой бѣды, доказательствъ на это, кажется, не нужно приводить.—Пусть же бѣдственные, тяжелые опыты нашихъ западныхъ братій вразумляютъ насъ—какъ въ томъ, чтобы, не допуская и не терпя папистическаго порабощенія нашего духа, предаваться и слѣдовать своими умами и сердцами Самому Христу, а не своевольничать или буйствовать,—такъ и въ томъ, чтобы, служа и послѣдуя Христу своею мыслію и волею, удерживать свободноразумную преданность *сыновъ*, одушевляемыхъ духомъ любви Отца небеснаго, безъ жесткости или убитой боязливости невольниковъ и рабовъ (Рим, 8, 15). За односторонностію, допускаемою по сему предмету въ томъ или другомъ отношеніи, обыкновенно скрывается цѣлая бездна духовной низости и лжи, и особенно взаимныхъ между христіанами (даже и православными) недоразумѣній, раздоровъ и раздѣленій.

Посмотримъ въ поразительно-вѣрное зеркало этой страшной бездны, представляемое словомъ Божіимъ, именно въ руководство къ избѣжанію или даже къ упраздненію такой губительной бездны. Это—въ одномъ изъ видѣній св. пророка Даніила.

Видѣніе Даніила, въ цѣломъ его составѣ, таково. Пророку дано было Духомъ Святымъ видѣть сначала, что изъ большаго, обуреваемаго сильными вѣтрами, моря исходятъ одинъ за другимъ четыре звѣря: первый *аки львица* съ орлиными крыльями, второй *подобенъ медвѣдицѣ* плотоядной, третій *аки рысь* или барсъ съ четырьмя птичьими крыльями, четвертый, безъ названія, но особенно страшный и губительный, съ десятью рогами, изъ ко-

торыхъ наиболѣе примѣчателенъ одинъ—съ очами *аки человѣческими* и съ горделиво-говорящими хульными устами. Потомъ увидѣлъ пророкъ страшное судилище, на которомъ судіею Самъ Всевышній, въ видѣ *Ветхаго деньми: тысящи тысящъ служаху Ему и тьмы темъ предстояху Ему.* На семъ судилищѣ всѣ четыре звѣря осуждены и низложены. И при семъ увидѣлъ пророкъ, что *на облацѣхъ небесныхъ яко Сынъ человѣчь идый бяше, и даже до Ветхаго деньми дойде, и предъ Него приведеся: и Тому дадеся власть и честь и царство; и еси людіе, племена и языцы Тому поработаютъ: власть Его власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется* (Дан. 7 глав.). По отношенію къ ветхозавѣтнымъ временамъ значеніе этого пророческаго видѣнія объяснено было Даніилу Ангеломъ, и вполнѣ уже раскрыто и оправдано событіями. Четыре звѣря означаютъ четыре, слѣдовавшія одно за другимъ, языческія преобладанія надъ Церковію Божіею—вавилонское, персидское и послѣдующія, за которыми и открылось для всего человѣчества вѣчное царство Господа Іисуса, совершившаго наше искупленіе на землѣ и восшедшаго на небеса и сѣдящаго одесную Отца. Но дѣло въ томъ, что образы звѣрей, видѣнныхъ Даніиломъ, видѣлъ и св. Іоаннъ Богословъ въ откровеніи относительно судебъ міра христіанскаго. Такъ, новозавѣтный тайно-зритель видѣлъ выходящаго изъ моря же такого чудовищнаго звѣря, въ видѣ котораго соединены образы всѣхъ четырехъ звѣрей Даніиловыхъ: пасть у этого звѣря какъ *у льва*, ноги—*медвѣжьи;* туловищемъ онъ похожъ на *рысь* или барса; наконецъ, отличался онъ и *горделиво-хульнымъ* словомъ (Апок. гл. 13). Всѣ эти черты взяты съ звѣрей, видѣнныхъ Даніиломъ. Видно, что Даніилово видѣніе звѣрей, низложеніе которыхъ соединено съ славою Христова превознесенія, относится не къ ветхозавѣтнымъ только временамъ, но и къ новозавѣтнымъ, христіанскимъ.

Что же значитъ это видѣніе по отношенію къ нашимъ христіанскимъ временамъ?—Понятно само собою, что чудовищный звѣрь, въ составѣ и видѣ котораго соединены образы четырехъ звѣрей, означаетъ не собственно звѣря, а что-нибудь духовное. Не справедливо также объяснять значеніе этого звѣря о какихъ-нибудь мірскихъ царствахъ, принадлежащихъ христіанскимъ временамъ и враждебныхъ Церкви Божіей: ибо въ христіанствѣ уже *нѣсть наша брань* собственно *къ плоти и крови* или къ чувственнымъ врагамъ, *но* къ самымъ *началамъ* лжи и

зла (Ефес. 6, 12). Начала зла и лжи суть духи злые; но ихъ губительное вліяніе на человѣковъ открывается въ человѣческихъ же дѣйствіяхъ, мысляхъ, расположеніяхъ и направленіяхъ. Итакъ, значеніе и силу духовно-нравственныхъ звѣрей надобно искать въ началахъ дѣйствій и образа мыслей человѣческихъ.

Истинно-человѣческое въ насъ и въ нашихъ дѣйствіяхъ и направленіи есть то, въ чемъ выдерживается истинное достоинство человѣка. А достоинство человѣка выражено въ самомъ Творческомъ опредѣленіи о бытіи человѣка: *рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26). Существо же и основаніе въ человѣкѣ образа Божія заключается не въ немъ самомъ (ибо въ такомъ случаѣ человѣкъ былъ бы божественно-самобытенъ), но въ единомъ существенномъ Образѣ Божіемъ, каковъ Самъ единосущный Отцу Сынъ Божій, Христосъ—Богъ Слово. Итакъ, если человѣкъ выдерживаетъ живую сообразность и вѣрность Сыну Божію Христу, то онъ вѣренъ и своему человѣческому достоинству. Въ противномъ же случаѣ, онъ низпадаетъ съ высоты человѣческаго достоинства до того, что̀ ниже человѣка, до духовнаго скотоподобія или звѣрообразія. Пусть онъ имѣетъ въ виду и отстаиваетъ человѣческія права, пусть и разсуждаетъ и старается о возвышеніи человѣческаго достоинства, человѣческаго разума и сердца, только не по Христу—Сыну Божію: то началомъ его все же будетъ звѣрь, хотя и *съ очами аки человѣческими*. Пусть этотъ, не хотящій знать Христа Сына Божія, человѣкъ отличается орлинымъ полетомъ мысли, властительною силою слова: начало его дѣятельности и направленія опять все же есть не истинное человѣчество, а упадшее до образа звѣря, хотя этотъ звѣрь и съ львино-царственными устами, и съ орлиными крыльями. Пусть утончаетъ и удовлетворяетъ онъ свои чувства изящными искусствами или эстетическими наслажденіями, не заботясь, однако, нимало не заботясь объ истинномъ облагороженіи ихъ вѣрностію Христу, о возвышеніи ихъ до Христовой истины и благодати: это опять не истинно-человѣческое начало, это—звѣрь у котораго *нозѣ яко, медвѣдя* и который поядаетъ, по пророчественному изреченію, *плоти многи*—все грѣховно-чувственное. Пусть этотъ, не дорожащій сообразностію Самому Сыну Божію, человѣкъ отличался бы многостороннею образованностію,—пусть былъ бы то же въ наше время, что Эллинъ предъ варварами въ древнемъ мірѣ: увы, въ его началахъ все же не видно человѣка, а только образъ *рыси*

или привлекательнаго по виду барса, который, въ видѣніи Даніиловомъ, означаетъ именно древнее эллинское преобладаніе надъ Церковію Божіею. Не касаемся уже того, какъ допускаются прямыя хулы на то или другое церковное и Божественное: это было бы прямымъ проявленіемъ такого духовнаго звѣря, который *словеса на Вышняго возглаголетъ и святыхъ Вышняго смиритъ*. Но, говоря истину Божію безъ лести другимъ, не будемъ льстить и сами себѣ. Если мы и ревностно возвѣщаемъ и твердо содержимъ истину Христову, сами однако при этомъ не одушевляемся тѣмъ Духомъ Христа—Агнца Божія, что Онъ взялъ грѣхи міра на Себя, какъ-будто Онъ именно и виноватъ въ нихъ предъ Отцемъ,—если, потому, возлагаемъ на другихъ тяжкія бремена отвѣтственности и неоплатныхъ долговъ предъ Богомъ, сами же и пальцемъ не хотимъ и не думаемъ коснуться этой тяжести: то мы также не сообразуемся со Христомъ Сыномъ Божіимъ и, слѣдовательно, также низпадаемъ до начала не человѣческаго, но безпощаднаго къ человѣчеству или человѣкояднаго... А то бываетъ еще и такъ: самъ я живу не по Христу и по большей части управляюсь духомъ мірскимъ—духомъ самомнѣнія, человѣкоугодничества, корыстолюбія и тщеславія, а въ другихъ не терплю не только прямаго отступленія отъ истины Христовой, но разногласія съ моими, хотя бы и односторонними, воззрѣніями вѣры. И потому иногда поражаю безпощадными приговорами, во имя вѣры, и такихъ людей, которые, случается, только безсознательно, но вѣрнѣе меня слѣдуютъ внутреннимъ указаніямъ *Свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка грядущаго въ міръ*, каковъ единъ Богъ Слово Христосъ. Какая, въ такихъ случаяхъ, несчастная съ моей стороны невѣрность и несообразность Христу, и притомъ въ самомъ возвѣщеніи Его истины! Допустить несообразное Христу, слѣдовательно нечеловѣческое, начало въ дѣлѣ раскрытія и внушенія Христовой истины—это самое горькое несчастіе!

И если подобная невыдержанность истинно-человѣческаго достоинства, происходящая отъ невѣрности духу Христову, или чрезъ отступленіе ума и сердца отъ Христа, открывается въ неправославныхъ христіанахъ: то, къ изъясненію и нѣкоторому извиненію этого, служитъ самое ихъ неправославіе. Что же сказать о насъ православныхъ, если допускаемъ и въ насъ дѣйствовать духу инославныхъ невѣрностей Христу и отступленія отъ Него въ образѣ мыслей и дѣйствій? Сколько чрезъ это свѣта и

жизни, открытыхъ намъ во Христѣ, мы похищаемъ у себя и у прочаго міра!

Но вотъ какъ и закрывается вся эта бездна зла, унижающаго и христіанъ до ниже-человѣческаго состоянія: *на облацѣхъ небесныхъ, яко Сынъ человѣчь идый бяше и даже до Ветхаго деньми дойде и предъ Него приведеся: и Тому дадеся власть и честь и царство; и вси людіе, племена и языцы Тому поработаютъ: власть Его власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется.* Это значитъ, что во Христѣ человѣчество, воспріятое Имъ ради всѣхъ насъ человѣковъ и именно—съ понесеніемъ всѣхъ нашихъ грѣховныхъ виновностей, возведено до престола Бога Отца, во всю полноту Его любви, владычества и славы, принадлежащую Христову Божеству: и—это для открытія намъ такой любви Отца небеснаго, чтобы уже и на землѣ намъ имѣть Его одного своимъ Отцемъ, сіяющимъ собственно Своимъ небеснымъ отчествомъ во всѣхъ видахъ и земнаго нашего отчества. Итакъ, осмѣлится ли кто по-папски, во имя чего-либо мнимо-авторитетнаго, подавлять или насильственно искажать, убивать что-либо человѣческое—мысль, чувство, волю, даже тѣлесность, все, кромѣ самой грѣховности, составляющей уже порчу и разрушеніе человѣчества? Это значило бы идти противъ Самого Христа, принявшаго человѣчество для спасенія, а не на пагубу всего человѣческаго. Не говоримъ уже о томъ, что подобное проявленіе приражающагося и къ нѣкоторымъ православнымъ папистическаго духа именно и вызываетъ и поддерживаетъ движенія протестующей мысли въ родѣ западнаго лютеранства или протестантства. Но, съ другой стороны, достойно ли дѣйствительно-гуманныхъ или филантропическихъ идей и стремленій, достойно ли разумности и знанія—разумѣть, содержать или исполнять то или другое человѣческое не по Христу, свѣтящему человѣкамъ въ совѣсти и въ идеяхъ самого разума,—главнымъ же образомъ, возведшему въ Себѣ человѣчество *до Ветхаго деньми*—въ полную, свѣтоносную и животворную любовь Отца, почивающую въ Немъ,—вынесшему въ Себѣ Самомъ все враждебное и унизительное для человѣчества во *всѣхъ людяхъ, племенахъ и языкахъ*,—и открывшему намъ такую Свою любовь къ человѣку для общенія въ самомъ этомъ Ея расположеніи или настроеніи? Безчеловѣчно извергать что бы ни было человѣческое, особенно же мысль, творческую фантазію, свободу—ниже человѣчества, до духовной звѣровидности; а это неизбѣжно при укло-

ненія отъ Христа самыхъ началъ нашей мысли и дѣятельности. Къ какому-нибудь осмысленію подобнаго неразумія (какъ же иначе назвать?), намъ православнымъ, не какъ западнымъ лжерационалистамъ или реформаторамъ, нельзя сослаться и на духовный деспотизмъ пастства. Ибо у насъ все же никому нѣтъ препятствія, а напротивъ есть достаточныя побужденія и удобства входить въ свѣтъ и силу православія: только бы въ какой угодно области жизни и знанія сами дѣятели не закрывали глазъ отъ свѣта Христова. Примѣръ Кирѣевскаго въ области научной мысли, примѣръ Гоголя и Иванова въ области искусства, примѣръ Сперанскаго въ области гражданской правды—доказываютъ это до очевидности.

Итакъ, мы, слѣдя общій духъ, испытанныхъ христіанствомъ, въ прежнія времена, тяжкихъ бореній, дошли уже и прямо до нашей современности! Что же, теперь, скажемъ въ общее заключеніе нашихъ сличеній прошедшаго съ нынѣшнимъ?

Мы видѣли, что православію въ каждое прежнее время свойственно было приводить въ особенно-живое движеніе именно тѣ свои пружины или стороны и силы, которыя ложь усиливалась остановить, подкопать или подавить собою. Возбуждаются противъ вѣры открытыя гоненія, лишающія христіанъ свободы, безопасности, жизни: и являются св. мученики, которые своими страданіями и смертію доказали, что истинная ихъ жизнь, свобода и спасеніе отъ всѣхъ опасностей не отъемлемы у нихъ во Христѣ. Ложь усиливается извратить самое значеніе Христа, равно значеніе и того, какъ Онъ усвояется вѣрующими: и вѣра поставляетъ все это въ такомъ свѣтѣ, чтобы вѣрующіе умы и сердца могли полнѣе или сознательнѣе жить Христомъ. Такъ шло дѣло и далѣе до нашего времени, и всегда сообразно съ характеромъ своего времени. Не хотятъ на Западѣ оставаться подъ единственнымъ, всегда въ Церкви дѣйствующимъ, главенствомъ Самого Христа, и потомъ доходятъ естественно уже до подчиненія всего церковнаго и Христова человѣческой мысли и произволу, не прикрываемымъ уже личиною духовнаго авторитета; и православію Востока открылось славное поприще подвизаться, чтобы чадамъ православной Церкви быть живыми членами Самого Христа, движимыми Его Духомъ, Его любовію пре-

мудростію и святостію, и предающими все свое человѣческое Ему Самому. И такія чада Церкви православной не оскудѣвали ни на порабощенномъ исламу Востокѣ, ни у насъ въ Россіи.—Нынѣ же какія особенно пружины или стороны православія приводятся въ бездѣйствіе, отъ котораго и мертвѣемъ мы православные? Одна подобная сторона слишкомъ замѣтна всѣмъ: именно—мы ищемъ главнымъ образомъ житейскаго и мірского, а не Христова,—ищемъ благъ, пріятностей, знаній, сколько они относятся къ земной жизни, а не ко Христу, въ Которомъ одномъ надежда всего лучшаго для насъ и въ настоящей, и въ будущей жизни. Въ этомъ придется повиниться не только не устоявшимъ болѣе или менѣе въ самой вѣрѣ, но и наибольшей части изъ признающихъ себя чадами истинной вѣры. Съ другой же стороны, самая иногда искренняя ревность по православію у насъ направляется большею частію къ тому, чтобы не только безучастно, но и съ нѣкоторымъ осужденіемъ смотрѣть на труждающихся и обремененныхъ въ обстоятельствахъ, дѣлахъ и нуждахъ житейскихъ, чтобы бить и поражать не только заблуждающихъ, но и несостоятельныхъ въ чемъ-либо собственно по незрѣлости. Очевидно, что подобнымъ направленіемъ останавливается движеніе въ насъ духа Христовой любви, призывающей къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, взыскующей и спасающей погибшее, матерински лелѣющей и возращающей дѣтскую незрѣлость. Итакъ, что же надобно дѣлать намъ въ такое время, которое во многомъ или не ищетъ Христова, по своей житейской положительности, или и ревнуетъ по Христу, но не въ истинномъ Его духѣ? Очевидно, что, слѣдуя неизмѣнному во всѣ времена, порядку православія, мы и должны подвизаться болѣе всего о приведеніи въ движеніе или дѣйствіе именно этихъ самыхъ пружинъ и сторонъ православія, которыя болѣе всего дѣлаются или оказываются бездѣйственными въ наше время. Съ одной стороны, надобно самое житейское и мірское, которымъ такъ глубоко занята современность наша, взвѣшивать мыслію и устранвать въ жизни именно по Христу; а для этого, съ другой стороны, ревность по православію, служеніе благочестію должны настроиваться не по духу ветхозавѣтной мстительности къ нарушителямъ правды, не по духу отчужденія Израиля отъ языковъ, а по духу Самого Христа, предъ Которымъ равно виноваты Израиль и языки, и Который равно для того и другихъ сошелъ съ неба на землю взялъ вины того и другихъ на Себя и привелъ обоихъ ко Отцу,

какъ дѣтей Его, отечески хранимыхъ и возращаемыхъ въ мѣру возраста исполненія Христова *).

«Но погрязшихъ ли въ житейскомъ омутѣ щадить? На оземленѣвшіе ли умы и души дѣйствовать небеснымъ духомъ и словомъ кротости?»—На подобныя возраженія строгости, основывающейся, можетъ быть, на опытахъ духовной жосткости многихъ, мнѣ всегда представляется притча Христова *о приставникѣ*. Этотъ домоправитель *оклеветанъ былъ* своему господину, *что расточаетъ имѣнія его;* и потому долженъ былъ вскорѣ потерять такое выгодное и почетное мѣсто. Въ опасности подвергнуться безвыходной бѣдности онъ сталъ сбавлять долги съ должниковъ своего хозяина, разсчитывая на то, что, когда послѣдній выгонитъ его изъ своего дома, они изъ благодарности примутъ его въ свои кровы. *И похвали господь дому строителя неправеднаго, яко мудрѣ сотвори,*—такъ заключилъ Господь свою притчу,—*яко сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть* (Лук. 16, 1—8). Въ приложеніи къ нашему предмету рѣчи, притчу Христову можно изложить, по ея значенію, слѣдующимъ образомъ. *Оскудѣ преподобный,*—«мало святыхъ» (Псал. 11, 2),—такъ говоритъ нынѣ искренняя и мнимая ревность по благочестію. Въ такомъ несчастіи, каково оскудѣніе духа истиннаго благочестія, открывается крайняя нужда для насъ со всею снисходительностію къ человѣческимъ немощамъ и вмѣстѣ со всею проницательностію христіанской мудрости посмотрѣть и поискать: нельзя ли и изъ дѣлъ житейскихъ, въ которыя такъ погрузился нашъ вѣкъ и мыслію и практикою своею, открыть источникъ къ движенію несмѣтныхъ талантовъ вѣры и благодати, именно чрезъ уясненіе мірскихъ вещей и устроеніе земныхъ дѣлъ, безъ насилія имъ, но Христу Спасителю, въ Которомъ Отецъ небесный *даетъ намъ вся обильно* не только къ обогащенію знаніями или къ пользамъ нашимъ, но и *къ наслажденію* (1 Тим. 6, 17)? Такъ, истинное благочестіе могло бы и должно бы *сотворить себѣ други отъ мамоны неправды* и, при самомъ оскудѣніи своемъ найти или открыть у нихъ обширные для себя *кровы* (Лук. 16, 9). Но чтители мамоны, послѣдователи и провозвѣстники неправды не стоютъ такого раскрытія для нихъ Христовой бла-

*) Это есть общая заключительная мысль и въ прежнихъ статьяхъ. Не излишне замѣтить, что и въ составѣ христіанскаго міра ревнующіе по Богу и Его закону соотвѣтствуютъ *израилю*, а ходящіе самовольными путями въ мысли и жизни—*языкамъ* древняго міра.

годати и истины?—Такъ. Но кто же достоинъ этого? Тѣмъ бо лѣе славы Благодѣтелю и Спасителю нашему, что Онъ взыскуетъ потерявшихся и прощаетъ виновныхъ. *Похвали господинъ дому строителя неправеднаго, яко мудръ сотвори,* прощая должниковъ господина своего по личному разсчету въ свою пользу: нашъ ли Господь не приметъ съ благоволеніемъ вѣры и упованія на Него же, вземлющаго грѣхи и житейскихъ попеченій и мірскихъ мудрованій со грѣхами всего міра? Онъ ли отринетъ любовь къ Нему, ищущую Его же—небеснаго Своего Жениха и на стогнахъ городскихъ, хотя бы съ испытаніемъ иногда такой опасности: *обрѣтоша мя стражіе обходящіе во градѣ* (можетъ быть, не изъ однихъ чтителей мамоны, но изъ ревнителей неразумныхъ по Богу), *биша мя, язвиша мя, взяша верхнюю ризу отъ мене стражіе стѣнніи* (Пѣсн. пѣсн. 5, 7)? Или и это не убѣждаетъ въ истинѣ? Ну, давай строгими взысками за невѣрности, доходящими даже до придирокъ, распугивать и безъ того уже бѣгущихъ отъ благочестія, какъ отъ страшилища для грѣшныхъ людей; тогда какъ оно дышетъ любовію и сіяетъ милующею грѣшныхъ благодатію и все освѣщающею истиною... Такимъ образомъ, вмѣсто того, какъ нѣкогда въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ шло движеніе и употребленіе въ христіанствѣ талантовъ духовныхъ, мы будемъ обращаться въ духовнаго скупца, дрожащаго за каждую трянку или подметку, но уже не замѣчающаго общей почти остановки въ дѣлахъ духовной купли отъ неразсудительно-ревнивой скупости... Видно, особенно къ намъ и нашему времени относится упрекъ Спасителя въ томъ, что, пользуясь полнымъ свѣтомъ Его истины и премудрости, во многомъ поступаемъ съ явною духовною неразсчетливостію: такъ, что *сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть.*

«Что намъ въ высокихъ или хитрыхъ мудрованіяхъ? Будемъ дорожить и спасаться простотою вѣры стараго русскаго времени.»—Но и простота бываетъ разная: иная простота, по русской пословицѣ, бываетъ хуже воровства. Никому, безъ сомнѣнія, не захочется имѣть такую простоту, которая, и въ отношеніи къ вѣрѣ, крала бы духовную пользу многихъ. Истинная *простота* вѣры должна оградить вѣрующіе умы отъ опасности всякаго увлеченія и обольщенія, подобной тому, *якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ* (2 Кор. 11, 3). Потому эта «Христова простота» требуетъ отъ насъ, чтобы, безъ высокомудрія и хитраго двоедушія мудрствуя обо всемъ только по Христу Сыну Бо-

жію, вочеловѣчившемуся насъ ради человѣковъ,—стремиться къ всесторонпему просвѣщенію человѣка, къ спасенію всего человѣческаго отъ грѣха и заблужденія. Съ такою человѣколюбивою простотою вѣры, на первомъ вселенскомъ соборѣ, св. Спиридонъ Тримифунтскій въ немногихъ словахъ такъ глубоко раскрылъ предъ невѣрующимъ философомъ тайну единосущія Бога Слова съ Отцемъ, что философъ, по собственному его сознанію, слышалъ Бога, глаголавшаго устами святителя (см. Чет. Мин. 12 Декабр.). Такой Христовой простотѣ свойственно, съ одной стороны, прямо и твердо стоять за то, чтобы христіанину, облеченному во Христа еще въ крещеніи, и по уму, какъ по сердцу или волѣ, *не ктому себѣ жить, но* чтобы *жилъ въ* немъ *Христосъ* (Гал. 2, 20). Но, съ другой, она хорошо знаетъ и помнитъ, что и самое сердце и воля, на пути къ успокоенію своему во Христѣ или къ достиженію Христовой жизни въ себѣ, должны неизбѣжно встрѣчать много нравственныхъ чудовищъ, терпѣть отъ нихъ много нападеній и даже пораженій,—что тотъ же законъ или порядокъ предлежитъ и умственной сторонѣ жизни духовной; и слѣд., если мысль, добросовѣстно стремящаяся къ истинѣ, встрѣчается со многими чудовищными или обольстительными ея призраками и долго-долго не освобождается отъ нихъ, то совсѣмъ не по-христіански было бы къ ея струнамъ и язвамъ прибавлять только новые удары однихъ укоризнъ и осужденій. Вѣдь, для подвижника такой мысли, съ многостороннимъ ея возрѣніемъ, опредѣленно и богосвѣтло сознать всеобъемлющую истину въ единомъ Христѣ то же, что для подвизающихся преимущественно сердцемъ и волею войти въ мѣру совершенной святости и безстрастія. Достигшіе такой мѣры духовнаго совершенства, святые угодники Божіи обыкновенно съ отеческою и материнскою любовію щадили, берегли и носили юныхъ, борющихся еще со страстями и ими уязвляемыхъ, нерѣдко низлагаемыхъ; такъ и эти послѣдніе доводимы были постепенно до совершенства. По этому примѣру, и на томъ же самомъ основаніи, свойственно утвердившимся во свѣтѣ Христовой истины смотрѣть и слѣдить съ глубокимъ участіемъ любви за тружениками мысли, хотя бы во многомъ претыкающимися и падающими;—свойственно вѣрою своею незримо поддерживать или приближать мысль ихъ ко Христу, какъ единой Истинѣ, подобно-какъ въ православной Церкви воспріемники вѣрою своею держатъ во Христѣ и безсознательныя души младенцевъ. Такъ человѣколюбивая ревность однихъ съ мудрою про-

стотою приносила бы сторичный плодъ въ другихъ. Если кто подвизается или стоитъ преимущественно за чистоту и доброту сердца, то и такой, при явномъ нынѣ оскудѣніи любви въ сердцахъ нашихъ, посмотрѣлъ бы, не откроетъ ли новыхъ *крововъ* и для жизни сердечной благонаправленная многостороннняя мысль современниковъ; и потому, вмѣсто того, чтобы запугивать или отталкивать ее, не умнѣе ли будетъ для оживленія самаго сердца нашего съ осторожнымъ и уважительнымъ участіемъ слѣдить за дѣломъ и движеніями современной мысли, чтобы она и своей искренности не утрачивала и вѣрно шла къ истинѣ.

Что касается особенно до простоты вѣры стараго русскаго времени,—это есть особенный видъ духовной простоты, которая также не можетъ быть употреблена въ личину для прикрытія невѣжества или безпечности о ближнихъ. Есть такая простота духа человѣческаго, въ состояніи которой дѣйствуютъ въ этомъ духѣ начала и движенія жизни глубоко-разумной, но вполнѣ еще не сознаваемой. Такъ въ дѣтствѣ человѣка, введеннаго уже въ общеніе жизни Божіей во Христѣ и поддерживаемаго въ этой жизни живымъ вниманіемъ вѣры воспріемниковъ и любви родительской, эта благодатная жизнь выражается для духовнаго наблюденія въ свойственныхъ ей Богоправимыхъ движеніяхъ, въ которыхъ однако само дитя не въ состояніи дать сознательнаго отчета до извѣстнаго возраста. Такъ и все вѣрующее и спасаемое человѣчество жило духовно въ ветхомъ завѣтѣ ни чѣмъ инымъ, какъ Христомъ; но ветхозавѣтныя предъявленія Его истины и благодати вполнѣ понятны уже только для новозавѣтной вѣры. Соотвѣтственно тому же, и въ жизни православнаго народа есть возрасты, въ которыхъ духовныя стихіи православно-народной жизни дѣйствуютъ съ силою и разносторонностію, но полнымъ общенароднымъ сознаніемъ озаряются уже въ послѣдующія времена. Посему, простота вѣры нашихъ предковъ была такова, что разумно обнимала не только прямо церковную, но и гражданскую жизнь нашего народа; но какъ, въ какомъ порядкѣ это было, отчетливо сознать это предлежитъ уже нашему позднѣйшему времени. Наука нашего времени выясняетъ понемногу, что народно-гражданская жизнь древней Россіи шла подъ условіями родовыми, не исключавшими вирочемъ и общинныхъ стремленій, пока не развилась до строго-государственнаго порядка подъ единодержавіемъ московскаго самодержавнаго царя, во время, приготовительное уже къ нынѣшнему у насъ порядку вещей. Сколько бореній

испытать должна была старая Русь на этомъ пути своего развитія, сколько кровавыхъ жертвъ принести и отдѣльными личностями и въ общественныхъ кровопролитіяхъ! Все это ужели было только по временнымъ случайностямъ или чисто житейскимъ потребностямъ? По-истинѣ, обидно было бы это для поколѣній предковъ нашихъ. Къ счастію, для какого бы ни было воззрѣнія ясно, что древле-русская народная жизнь шла показанымъ порядкомъ, водясь общимъ духомъ (или, пожалуй, находясь «подъ опекою») религіознаго начала. А наше православно-религіозное начало есть Самъ Христосъ, который отвергнулъ какъ вообще фарисейскую правду, съ которою нельзя войти въ царствіе небесное (Мато. 5, 20), такъ и свойственное фарисеямъ же воззрѣніе къ тому или другому виду отечества или отчества помимо единаго нашего Отца небеснаго (Мато. 23, 9), *изъ Негоже всяко отчество на небесѣхъ и на земли именуется* (Еф. 3, 15). Отсюда же открывается, что родовыя условія, подъ которыми шла древле-русская жизнь православно-вѣрующаго народа, опредѣлялись у него не просто плотскимъ происхожденіемъ или сродствомъ, но и благодатнымъ отображеніемъ въ родовомъ бытѣ—духовнаго родства по Отцу небесному. А потому и боренія или непрерывныя столкновенія, происходившія въ древней отечественной жизни по родовымъ условіямъ, стоившія для нашего отечества столькихъ жертвъ,—совершались не просто по совмѣстничеству или недоразумѣніямъ родичей, а и по духовнымъ, высшеразумнымъ основаніямъ, хотя и безотчетно большею частію дѣйствовавшимъ въ Руси; въ кровавыхъ бореніяхъ и испытаніяхъ народныхъ вырабатывались или очищались начала народной жизни, исшедшія отъ любви Отца небеснаго для народа, при самомъ началѣ своей жизни увѣровавшаго въ возлюбленнаго и единосущнаго Его Сына. Безсознательность большинства древней Руси въ отношеніи къ такой любви Отца небеснаго—выкупалась, при народной преданности православію, бѣдствіями порабощенія татарскаго. И такимъ образомъ произошло, что наше отечество, удостоенное въ своей народной жизни чуднаго благодатнаго осѣненія и отображенія любви къ намъ во Христѣ Отца небеснаго, въ своемъ древнемъ бытѣ болѣе и болѣе выносило это духовное сокровище изъ сбивчивости и темноты плотски-родовыхъ условій и отношеній въ государственную опредѣленность и прочность, къ полнѣйшему сознанію и употребленію этого небеснаго сокровища. И этому благодатно служила именно св. Церковь, не только

поддерживая и возгрѣвая въ народной жизни благодатный духъ Христовъ, но и прямо соучаствуя народнымъ и гражданскимъ потребностямъ,—что особенно открылось въ дѣлѣ обоснованія и утвержденія московскаго единодержавія. Созерцатели тайнъ Божіихъ, подвижники духа не сомнѣвались отряжать избранныхъ изъ духовнаго Христова воинства иноковъ въ великокняжеское войско, на сраженіе съ татарами,—какъ именно пр. Сергій. Видно, эти св. Духоносцы видѣли, что у насъ и въ дѣлахъ гражданства земного совершается тайна Божіей во Христѣ любви къ спасаемому сю народу. Итакъ, простота вѣры древнихъ нашихъ предковъ совсѣмъ не похожа на ту простоту, которая не хочетъ и *самимъ званнымъ* вполнѣ раскрывать во Христѣ всеобъемлющую *Божію премудрость* (1 Кор. 1, 24). Чтобы намъ сознательно унаслѣдовать себѣ и вполнѣ проявить въ жизни то, что совершалось въ древней простотѣ вѣры какъ-бы въ сѣмени,—для этого надобно православію быть какъ солнцу во всей гражданской жизни нашей, сколько она развита нынѣ, во всемъ кругѣ нашихъ знаній, искусствъ, служебныхъ отношеній, различныхъ званій и состояній до простого крестьянскаго быта, безъ духовнаго стѣсненія и насилія чему-нибудь, а напротивъ къ оживленію и обновленію всего. А для этого нужны и нынѣ уже, кажется, готовы прочищенныя или испытанныя въ своей чистотѣ и западнымъ образованіемъ—духовныя очи православнаго народа.

«По крайней мѣрѣ, намъ западнаго-то образованія не нужно съ его прогрессомъ. Могли бы мы просвѣщаться и безъ западной цивилизаціи».—Да полно, такъ ли? Незнакомые съ западной наукой, умѣли ли бы мы открыть достойный милости къ намъ Божіей толкъ и смыслъ въ самой древле-русской жизни, которая, по наружности, шла среди такихъ безпорядковъ непрерывныхъ междоусобій? Главное же дѣло въ томъ, что для насъ же самихъ всего опаснѣе и бѣдственнѣе, въ духовномъ отношеніи, было бы до того отказаться отъ братства съ западными народами, чтобы не хотѣть ничѣмъ и попользоваться отъ этихъ народовъ. Это значило бы для насъ повторить фарисейское самодовольство современнаго Христовой земной жизни іудейскаго народа, доведшее этотъ народъ до того, что большинство его не терпѣло и слышать о спасеніи и избраніи язычниковъ. Это было бы уже явнымъ знакомъ самаго неудобоисправимаго духовнаго паденія нашего. Кромѣ того, само православіе, которымъ мы обладаемъ, предоставлено и назначено для всего міра, какъ единая

чистая Христова истина. Потому оно насъ дѣлаетъ должниками предъ прочими народами. Намъ нужно до совершенства узнать, до чего добился и чѣмъ живетъ духъ этихъ народовъ,—чтобы наконецъ открылся намъ удобный доступъ къ нимъ и съ нашимъ православіемъ. Многое-многое, принадлежащее имъ и уже переимаемое нами, такъ легко было бы, для оправданія и спасенія его, пересадить на почву православія. Если же чрезъ сближеніе наше по дѣлу образованія, съ запад. народами пробиваются отъ нихъ къ намъ и превратныя начала мыслей и жизни: то и въ этомъ, можетъ быть, выражается для насъ великій урокъ отъ промысла Божія. Съ всемірнымъ сокровищемъ православія мы слишкомъ равнодушны къ духовной участи другихъ; мы крайне мало заботимся объ открытіи не только для нихъ, но и для себя всемірнаго значенія и назначенія православія. Но Божій долгъ на насъ взыскивается самъ собою тѣмъ, что, когда не стараемся пособить тяготамъ и нуждамъ другихъ обществъ или народовъ по отношенію къ православію, тяготы и нужды ихъ падаютъ на насъ чрезъ собственное наше сближеніе съ ихъ ложными началами. И такимъ образомъ, дѣло у насъ и по отношенію къ православію становится общимъ съ прочими народами, противъ воли нашей, не смотря на наше равнодушіе къ другимъ народамъ относительно духовной ихъ участи. Это намъ—наказаніе Божіе для вразумленія, что уже давно бы пора намъ перестать обижать себя и другихъ чрезъ невниманіе или маловниманіе къ вселенскому свѣту православія.

XIV.

НЕВѢРІЕ И УВѢРЕНІЕ СВ. АПОСТОЛА ѲОМЫ.

И отвѣща Ѳома и рече Ему: Господь мой и Богъ мой (Іоан. 20, 28).

Утвержденіе въ вѣрѣ одного изъ св. апостоловъ—Ѳомы, невѣрившаго-было Христову воскресенію, служитъ прямо къ назиданію и утвержденію вѣры всей Церкви, всѣхъ насъ. Ибо мы всѣ, по слову Божію, *назидани на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу* (Еф. 2, 20). Такъ и Тайновидецъ созерцалъ новый Іерусалимъ огражденнымъ такою стѣною, у которой *основаній двanадесять и на нихъ имень двanадесять апостоловъ Агнчихъ* (Апок. 21, 14). Посмотримъ же, какъ утверждаемо было одно изъ этихъ основаній Божія града, имѣющее на себѣ имя апостола Агнчаго—св. Ѳомы.

Ѳомѣ почему-то не случилось быть вмѣстѣ съ другими апостолами при явленіи имъ Господа еще въ первый день Его воскресенія. Этотъ случай, по распоряженію управляющаго всякими случайностями промысла Божія, и былъ началомъ того, что устроено воскреснимъ Господомъ съ Ѳомою. Когда прочіе апостолы сказали ему: *видѣхомъ Господа*, то въ Ѳомѣ съ силою открылся духъ недовѣрія свидѣтельству своихъ собратій по апостольству. *Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя*, говорилъ онъ, *и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя и вложу руку мою въ ребра Его, не имъ вѣры.*

Что это значитъ? Призванный приводить міръ къ вѣрѣ Господа—самъ не вѣритъ, и притомъ съ какою-то особенною настойчивостію невѣрія. Отъ чего это? Объяснить это необходимо, чтобы видно было намъ, что именно чрезъ увѣреніе Ѳомы, составляющаго одно изъ основаній церковныхъ, утверждалось или обосновывалось во св. вселенской Церкви.

Изъ Евангелія можно примѣчать, что Ѳома апостолъ, до сошествія Св. Духа, обнаруживалъ, вмѣстѣ съ проницательнымъ и отчетливымъ умомъ и полною сердечною привязанностію къ своему Божественному Учителю, нѣкоторую пытливость и слишкомъ рѣзкую прямоту духа. Такимъ именно является Ѳома въ Евангеліи вездѣ, гдѣ оно ни упоминаетъ о немъ. Такъ, когда Господь, по случаю смерти праведнаго Лазаря, рѣшился идти въ Виѳанію, не смотря на возраженіе учениковъ, что такъ недавно Іудеи искали побить Его камнями: то Ѳома не успокоился словами Господними, что ходящему въ полномъ свѣтѣ истины, всегда съ небеснымъ Отцемъ и по Его непосредственно слышимымъ указаніямъ,—нечего опасаться неосторожнаго шага или преткновенія (Іоан. 11, 8—10). Онъ не успокоился и радостнымъ обѣщаніемъ Господа возбудить Лазаря отъ сна смерти. Проницательный умъ Ѳомы, видно, хорошо понималъ, что, каковы бы ни были дѣла Господни, отъ Іудеевъ съ ихъ воззрѣніями, держащимися одной мертвой буквы закона Божія и потому совсѣмъ противоположными животворящему Духу Христовой благодати, ждать Господу и Его послѣдователямъ—нечего, кромѣ противленія и гоненія на смерть. И только всецѣлая преданность Христу не позволяла Ѳомѣ отступать отъ Него, хотя бы надо было идти на явную опасность смерти отъ Іудеевъ, И вотъ на слова Христовы: *Лазарь умре, и радуюся васъ ради, яко не бѣхъ тамо, но идемъ къ нему.*—Ѳома нашелся только сдѣлать замѣчаніе прочимъ апостоламъ объ угрожающей Христу и имъ всѣмъ смертной опасности въ Іудеѣ: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ*, т. е. съ умершимъ Лазаремъ (14—16 ст.). Эти слова сказаны какъ будто наперекоръ обѣщанію Христову—*возбудить* или воззвать къ жизни умершаго Лазаря.—Вотъ еще случай. Въ бесѣдѣ на тайной вечери Господь говорилъ возлюбленнымъ своимъ ученикамъ: *поиму вы къ Себѣ, да, идѣже есмь Азъ, и вы будете* со Мною; *и аможе Азъ иду, вѣсте, и путь вѣсте* (Іоан. 14, 4). Сердцу и самой мысли Христовыхъ учениковъ слова эти, и по теченію рѣчи и особенно по свыше-трехлѣтнему слушанію Христова ученія, дол-

жны были быть понятны, по крайней мѣрѣ, въ томъ общемъ своемъ значеніи, что Христосъ и Самъ идетъ и Своихъ послѣдователей ведетъ именно къ небесному Своему Отцу въ Его обители. Но Ѳома, прилипая къ благодатной глубинѣ Христовыхъ словъ, не успокоивается ими; онъ прерываетъ рѣчь Христову возраженіемъ, выражающимъ прямое отрицаніе Христова увѣренія: *вѣсте... вѣсте. Господи,* говоритъ онъ, *не вѣмы, камо идеши и како можемъ путь вѣдѣти* (ст. 6)? Ясно, что этотъ Апостолъ былъ образчикомъ или представителемъ такихъ людей, которые, если бы чувству или сердцу ихъ и близка была истина, безъ строгой и пытливой отчетливости не воспринимаютъ ея отъ кого бы то ни было, и не обинуясь выражаютъ это предъ кѣмъ бы ни было. Вѣдь, есть такіе люди; есть цѣлыя поколѣнія, времена, запечатлѣнныя подобнымъ характеромъ. И особенно наше время не отличается ли этимъ самымъ направленіемъ, изъ котораго и проистекаетъ пытливость, недовѣріе, сомнѣнія многихъ относительно самыхъ священныхъ и безцѣнныхъ для человѣка предметовъ?

Изъ этого усмотрите, что дѣло о Ѳомѣ касается утвержденія въ вѣрѣ людей, не иначе успокоивающихся въ истинѣ, какъ по строгомъ, даже грубо-пытливомъ ея дознаніи. Особенно нынѣшнее время можетъ благонаправлять и утверждать *на основаніи апостола* Ѳомы, какъ онъ самъ былъ испытанъ и утвержденъ отъ Господа,—одну изъ самыхъ слабыхъ своихъ сторонъ, открытую для великихъ духовныхъ опасностей, именно—свою пытливость и неудободвижность къ простотѣ вѣры. Съ такой точки зрѣнія и будемъ смотрѣть на невѣріе и увѣреніе Ѳомы.

Послѣ уясненія для насъ духовнаго настроенія Ѳомы, должно быть понятно, почему онъ никакъ не хотѣлъ довольствоваться свидѣтельствомъ прочихъ Апостоловъ: *видѣхомъ Господа.* Съ настроеніемъ его духа не успокоиваться на удостовѣреніяхъ въ истинѣ, которой онъ еще не испыталъ и не дозналъ самъ въ себѣ, ему ли принять чужія видѣнія за достаточное удостовѣреніе для себя? Конечно, этимъ не оправдывается невѣріе его, какъ пренебрегающее свидѣтельствомъ многихъ другихъ, его же притомъ собратій, вполнѣ ему извѣстныхъ по своей добросовѣстности и достовѣрности. Но только пусть иной человѣкъ и нынѣшняго времени, который видитъ, съ одной стороны, господствующій образъ мыслей и дѣйствій не по Христу, а съ другой—свойственный и самимъ, держащимся Христа, духъ недовѣрія прочимъ и осужде-

нія невѣрностей ихъ Христу, пусть такой человѣкъ, сознающій и ощущающій духовное какъ бы повтореніе въ насъ многихъ смерти Христовой, представитъ себѣ, что самъ онъ сказалъ бы или подумалъ бы, когда бы услышалъ увѣренія отъ близкихъ и извѣстныхъ ему по достовѣрности людей: «воскресъ Христосъ духомъ самоотверженной любви Своей къ грѣшнымъ и заблуждающимъ—въ безпощадныхъ доселѣ ревнителяхъ о Немъ; воскресъ Христосъ духомъ своей истины—въ ученыхъ и обыкшихъ мыслить и дѣйствовать не по Нему». Кажется, если бы и Ангелъ съ неба возвѣщалъ эту неоцѣненную радость, трудно было бы просто—на вѣру принять такую вѣсть воскресенія, безъ собственнаго испытанія и, такъ сказать, осязанія Воскреснаго. Итакъ, судя по себѣ и своему времени, можемъ понять недалекій отъ насъ самихъ смыслъ отвѣта Ѳомы на радостную вѣсть воскресенія Христова: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздиныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздиныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не имамъ вѣры.*

Когда же Ѳомино невѣріе, при своей виновности, было такъ сродно духовному его настроенію и согласно съ самыми обстоятельствами: то, вотъ, Господь, наказавъ виновность невѣрія цѣлонедѣльнымъ недопущеніемъ Ѳомы до отнятой имъ радости Своего воскресенія, явился наконецъ собственно для увѣренія Ѳомы.

И по днехъ осмихъ паки бяху внутрь ученицы Его, и Ѳома съ ними. Прiиде Iисусъ дверемъ затвореннымъ, и ста посредъ ихъ и рече: миръ вамъ.—Христово слово *мира*, осѣняющее вѣрующаго благодатію мира *вообще*—и съ Богомъ и съ ближними и самого съ собою, какъ благопотребно было къ успокоенію собранія апостольскаго, и *въ особенности*, по дѣлу невѣрія Ѳомина! Самъ Ѳома не могъ имѣть мира по собственному невѣрію: душа его, по любви къ Господу, стремилась предаться радости о Его воскресеніи, и тѣмъ тяжелѣе для него были мрачные помыслы сомнѣнія и недовѣрія воскресенію. Прочихъ апостоловъ также не могло не смущать невѣріе собрата, какъ по состраданію къ нему, что самъ себя мучитъ своими сомнѣніями и невѣріемъ, такъ и по недовольству тѣмъ, что онъ ни во что ставитъ ихъ увѣренія и свидѣтельства. *Миръ вамъ*, сказалъ Господь въ успокоеніе ихъ всѣхъ, явленіемъ своимъ вмѣстѣ утверждая достовѣрность свидѣтельства прочихъ апостоловъ о Своемъ воскресеніи и разсѣвая мракъ невѣрія Ѳомы.—Но чтобы Христово благословеніе *мира* было ближе

и къ нашему сердцу и уму, примѣнимъ это слово *мира* къ нашему состоянію и времени, сколько оно смущается духомъ Ѳомина невѣрія. Именно подумаемъ, что было бы для насъ, если бы Господь убѣдительно для самого невѣрія открылся нашему времени солнцемъ истины—и въ области мысли неудобосклонимой къ вѣрѣ, пытливой до грубости, вѣрящей только осязаемому земному, а потому сильно смущающей вѣрующихъ и вооружающей противъ себя ревность ихъ по благочестію? *Миръ вамъ*,—духовно услышали бы тогда отъ Господа борющіеся нынѣ взаимно поборники пытливой мысли и простой вѣры, ревнители жительства небеснаго и осязаемаго мірскаго благоустройства.

Само собою разумѣется, что, если только благоволитъ Господь открыться пытливому времени солнцемъ истины и правды, Онъ употребитъ мѣры, достаточныя для увѣренія въ своей благодати и истинѣ всякаго Ѳомы. Посмотрите, какъ Онъ увѣряетъ этого неудободвижнаго къ вѣрѣ ученика. *Глагола Ѳомѣ: принеси персть твой сюда, и виждь руцѣ Мои: принеси руку твою и вложи въ ребра Моя, и не буди невѣренъ, но вѣренъ.* Поразительная и трогательная сила этихъ словъ, по отношенію лично къ Ѳомѣ, понятна сама собою. Попытаемся приблизить эту силу Христовыхъ словъ къ нашему времени, во многомъ волнуемому духомъ невѣрія Ѳомина; постараемся приблизить эту силу къ человѣку съ Ѳоминымъ настроеніемъ, который, напр., или бываетъ занятъ въ мысли и жизни дольнимъ и вещественнымъ, не хотя и знать или ожидать чего-нибудь отъ Христа въ этомъ отношеніи,—или же стремится къ духовному, но съ какою-то враждебностію по отношенію къ мірской вещественности, и уже никому и ничему не дозволяетъ переувѣрить себя въ своемъ образѣ мыслей.

Принеси персть твой сюда и виждь руцѣ Мои, говоритъ Господь. Да видитъ же всякій, что Христомъ принята плоть, сродная съ нашею тѣлесностію, что удержана Имъ, соестественная намъ, вещественность рукъ и всего тѣла и въ славѣ Его воскресенія. Зачѣмъ это? Затѣмъ, чтобы и вся многосложная область дольнаго, вещественнаго, въ которой многообразно труждается и обремененъ человѣкъ, была не внѣ Христовой благодати и истины; затѣмъ, чтобы христіанинъ, и занимаясь въ мысли или въ жизни земнымъ, держался Христа, какъ главы всему—и земному и небесному (Еф. 1, 10), и въ Немъ осѣнялся, и среди мірскихъ или свѣтскихъ своихъ занятій, любовію не-

беснаго своего Отца; затѣмъ, чтобы христіанинъ, и стремясь ко Христу съ отрѣшеніемъ отъ всего мірскаго, дѣлалъ это безъ предосужденія для вещественно-плотскаго, къ которому принадлежитъ и за которое, такъ сказать, заступается самая Христова плоть, доступная и по воскресеніи осязанію. *Принеси перстъ твой сюда и виждь руцѣ Мои.* Зло, заблужденіе, грѣхъ—не въ вещественности, но въ томъ, что человѣкъ занимается вещественнымъ ли, духовнымъ ли—безъ Христа, не по Его духу; такъ-какъ именно Онъ есть *истина, премудрость и правда наша* (Іоан. 14, 6; 1 Кор. 1, 30). Но чтобы, и при этомъ, ревность противъ зла, заблужденія, грѣха не доходила у насъ до свойственнаго Іудеямъ неразумія *мнiться службу приносити Богу* безпощадностію къ человѣку, за котораго Христосъ умеръ, язвы крестныхъ Христовыхъ страданій, пріятыхъ Имъ за виновность нашего зла, грѣха и заблужденія, сохранились у Христа и въ прославленномъ Его состояніи. Онъ всегда умилостивляетъ своими язвами Отца небеснаго къ грѣшнымъ и заблуждающимъ; и навсегда открытъ въ этихъ Христовыхъ язвахъ источникъ для нашего общенія въ духѣ и расположеніяхъ любви Его къ заблуждающимъ грѣшникамъ. *Виждь руцѣ Мои* съ язвами гвоздинными, говоритъ Господь Ѳомѣ, *и принеси руку твою и вложи* въ пронзенныя копіемъ *ребра Моя.*

Вотъ какой смыслъ Господней рѣчи къ Ѳомѣ слышится и для насъ и для нашего времени, сколько насъ въ нынѣшнее время смущаетъ духъ Ѳомина маловѣрія или невѣрія!

Господь мой и Богъ мой, воскликнулъ теперь Ѳома, созерцая Господа, воскресившаго Своимъ явленіемъ духъ его, какъ не задолго доселѣ Лазаря, съ которымъ Ѳома думалъ раздѣлить одну смерть. *Господь мой и Богъ мой*, говоритъ теперь Ѳома, на опытѣ дознавая и ощущая свѣтящуюся ему во Христѣ единосущиомъ Сынѣ Божіемъ любовь небеснаго Отца, къ которому такъ недавно онъ, по его же словамъ, еще не зналъ и пути, находясь самъ при единомъ ведущемъ ко Отцу Пути, истинѣ и животѣ. И утвержденіе св. апостола Ѳомы, какъ одного изъ основаній духовнаго Іерусалима, дополнено огражденіемъ духа его, чрезъ внушеніе ему глубокаго смиренія предъ другими: *видѣвъ Мя*, сказалъ ему Господь, *вѣровалъ еси; блаженни невидѣвшіи и вѣровавше.* Сошествіемъ Св. Духа на сего Апостола впослѣдствіи на вѣки запечатлѣно имя и лице св. Ѳомы, какъ *Агнчаго апостола* для вселенской Церкви, на всѣ времена, для возвышенія и самой пытливой мысли

къ благодати и истинѣ Христовой, для утвержденія въ Господѣ и неудобопреклонныхъ къ вѣрѣ сердецъ.

Только бы Самъ Христосъ Господь явился солнцемъ истины и правды для нашей мысли и сердца во всемъ, въ самой области и мірскихъ дѣлъ, занятій и отношеній; только бы Онъ своею благодатію устроилъ по состраданію къ духовно-страждущему человѣчеству, чтобы намъ всѣмъ, хотя бы сначала только для испытанія истины, держаться во всемъ воззрѣнія по Нему, Господу нашему. Тогда бы все обратилось къ увѣренію въ дѣйствительной всеобъемлемости истины и благодати Христовой; во всемъ мы услышали бы Христовъ гласъ, удовляющій пытливость нашего времени осязаніемъ въ Немъ единомъ верховной для всего истины: *принеси руку твою и вложи въ ребра Моя, виждь руцѣ Мои* съ крестными на нихъ язвами. Въ самомъ дѣлѣ разсуждайте! Такъ какъ язвы и смерть приняты Господомъ за грѣхи всего міра, за всѣхъ человѣковъ: то духъ такой Его любви къ человѣчеству, разносящій все доброе, истинное и прекрасное, носится на всемъ прошедшемъ и настоящемъ у человѣчества, на всѣхъ человѣческихъ званіяхъ и состояніяхъ, предваряя вѣру однихъ, раскрываясь въ другихъ, судя и вразумляя иныхъ. Значитъ, изучая человѣка въ его природѣ, исторіи, въ разныхъ его состояніяхъ и самыхъ недугахъ духовныхъ и тѣлесныхъ можно и должно осязать духовно, мыслію и ощущеніемъ, язвы Христовы за человѣка; подобно какъ и въ практической жизни, въ работахъ земледѣлія, въ куплѣ и продажѣ, въ дѣлахъ судебныхъ, и воинскихъ, можно и должно быть всегда со Христомъ, принявшимъ и язвы для того, чтобы всякому на своемъ мѣстѣ удобно и просто было имѣть въ Немъ своего верховнаго Вождя, Судію или Хозяина. Далѣе, такъ какъ и самая внѣшняя природа порабощена суетѣ тлѣнія изъ-за грѣха человѣческаго, взятаго Агнцемъ Божіимъ: то духъ этой любви Его къ человѣчеству осѣняетъ и видимую природу, которая потому стремится неудержимо къ свободѣ славы чадъ Божіихъ (Римл. 8, 19—22). Значитъ, изучая въ разныхъ отношеніяхъ и видимую природу или разнообразно пользуясь ея произведеніями, можно и должно также соприкасаться духовно-мыслію и ощущеніемъ,—язвъ Христовыхъ или пронзеннаго Его ребра. Наконецъ, примѣтимъ, что указанное Ѳомѣ для его увѣренія ребро втораго Адама—Христа само собою указуетъ еще на ребро первозданнаго, бывшаго образомъ Христа,—то ребро, изъ котораго создана жена, введшая въ міръ грѣхъ, взятый на Са-

мого Себя Христомъ Агнцемъ Божіимъ. Отсюда усмотримъ, что, видно, этотъ немощной сосудъ—женщина (не иначе всеконечно, какъ по благодати Пресв. Дѣвы Богородицы, уплатившей за прамать—виновницу человѣческой всеродной грѣховности, и потому по праву ставшей первообразомъ для вѣрующихъ женъ и дѣвъ, по слову Божію: *приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ Ея*) истинно вѣрующая женщина можетъ особенно послужить къ смягченію жесткаго и упорнаго духа невѣрія. И такое благотворное вліяніе христіанской женщины, если она въ своемъ кругѣ, въ семействѣ, въ обществѣ будетъ внутренно движима вѣрою и любовію къ Господу, понятно само собою для всякаго.

Поревнуемъ же всѣ мы тому, чтобы наконецъ и наше пытливое время повторило воззваніе Ѳомы невѣрнаго: *Господь мой и Богъ мой*, Самъ въ себѣ имѣющій истину и правду для насъ, и Самъ же на себѣ понесшій вины нашихъ неправдъ и заблужденій, и так. обр. открывшій благоволеніе единосущнаго своего небеснаго Отца и къ грѣшнымъ и заблуждающимъ, изъ самой смерти изводящій Собою жизнь, и жизнь путемъ креста своего ведущій истинно къ преспѣянію и совершенству безконечному въ собственной своей безпредѣльности! И когда это будетъ, не гордостію будетъ одушевляться истинно-просвѣщенный вѣкъ предъ временами невѣдѣнія и простоты, и истинно-просвѣщенный человѣкъ предъ простолюдинами; напротивъ въ смиреніи любви будетъ ихъ возвышать надъ собою, слыша кроткій гласъ Христовой благодати: *видѣвъ Мя вѣровалъ еси; блаженни не видѣвшіи и вѣровавше.*

Да дастъ Господь и Богъ нашъ милость и миръ такого благодатнаго просвѣщенія нашему времени и нашему отечеству —ко благу христіанскаго востока и запада и всего міра, къ радости святыхъ Божіихъ Ангеловъ, и человѣковъ, по молитвамъ особенно св. апостола Ѳомы, на себѣ дознавшаго искушенія пытливой мысли и неудобопреклоннаго къ вѣрѣ сердца, и просвѣтителя Россіи св. равноапостольнаго Владиміра.

XV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ статьяхъ, подведенныхъ подъ одно общее заглавіе «о православіи въ отношеніи къ современности», не сказать почти ни слова о современныхъ политическихъ обстоятельствахъ—значило бы прямо опровергнуть заглавіе. Потому, хотя въ заключеніи, скажемъ нѣсколько о Православіи и въ отношеніи къ современнымъ политическимъ обстоятельствамъ.

Вопросъ о значеніи православія для политики и обратно—о значеніи политики для православія такъ важенъ и труденъ, что, дѣйствительно, только послѣ многихъ разсужденій о соприкосновенныхъ къ сему предметахъ можно, и то развѣ нѣсколько, коснуться этого великаго вопроса. Но и теперь нельзя намъ обойти, прежде всего, еще вотъ какого вопроса: вправѣ ли мы, служители Христовой истины и Духа, касаться дѣлъ и вопросовъ мірскихъ, каковы политическіе?

Наше дѣло—служить Духу и истинѣ Христовой; этого священнаго права и обязанности нашей никто, даже цѣлый міръ, не можетъ у насъ оспаривать. Посему если бы дѣла внѣшне-мірскія ни въ какомъ отношеніи не подлежали силѣ истины Христовой, если бы въ нихъ не было и быть не могло ничего отъ Духа Христова: то очевидно, что до нихъ рѣшительно никакого дѣла не было бы служителю Христовой истины и Духа. Въ противномъ же случаѣ прямой его долгъ—раскрывать спасительную силу истины Христовой и для внѣшне-мірскихъ дѣлъ, чтобы и они желающими совершались и устроялись со Хри-

стомъ, осѣняясь благодатнымъ Его духомъ. Обидно было бы самимъ дѣятелямъ всего внѣшне-мірскаго, если бы ихъ оставить безъ помощи Духа истины Христовой. *Кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами?*—говоритъ наша истина—Господь, и однако тутъ же даетъ духовное правило или руководство для разбора этихъ мірскихъ дѣлъ *). Что касается въ особенности того рода внѣшне-мірскихъ дѣлъ, который принадлежитъ къ политическимъ взаимнымъ отношеніямъ и столкновеніямъ народовъ и царствъ,—слово Божіе цѣлою, и притомъ числительно-большею, половиною своихъ откровеній, именно всѣмъ Ветхимъ Завѣтомъ, свидѣтельствуетъ, что, даже и въ ветхозавѣтныя времена, въ соотношеніяхъ и столкновеніяхъ народа Божія съ прочимъ политическимъ міромъ раскрывались и дѣйствовали духъ и сила Христовой истины и благодати, вполнѣ открытой уже въ Новомъ завѣтѣ **). Итакъ кому жъ, какъ не служителю Христовой истины и Духа, раскрывать, что̀ духовнаго совершается и въ политическихъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ новаго *Израиля съ языками?!* Сколько тысячъ и милліоновъ положило животъ свой въ этихъ политическихъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ! И вся надежда ихъ осталась только въ томъ невидимомъ—духовномъ, которое совершалось или совершается въ кровавыхъ политическихъ борьбахъ. Поэтому, если бы кому изъ живущихъ въ семъ мірѣ и не хотѣлось благодатно-духовнаго въ самой мірской политикѣ, воздадимъ должную память, по крайней мѣрѣ, подвизавшимся до крови въ области мірской политики—чрезъ раскрытіе духовнаго и для этой области. *Остави мертвыя погребсти своя мертвецы*, сказалъ Господь одному изъ Своихъ послѣдователей, *ты же шедъ возвѣщай царствіе Божіе* (Лук. 9, 60). Въ настоящемъ же случаѣ, ради достойной памяти самыхъ мертвыхъ надо *возвѣщать царствіе Божіе* относительно судьбы и дѣлъ царствъ мірскихъ. Духовное, вмѣшиваясь въ мірское или впадая въ мірскія притязанія, само падаетъ: такое паденіе духовнаго представляется въ нашествѣ ***). Но истинный Духъ Христа—Вседержителя Бога и вмѣстѣ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра,

*) Лук. 12, 14 и слѣд. См. о семъ выше въ статьѣ: «о принципахъ въ дѣлахъ житейскихъ».

**) См. о семъ выше въ статьяхъ: «о Ветхозавѣтномъ образѣ воззрѣній и жизни» и «о Божественномъ законодательствѣ чрезъ Моисея».

***) См. «Третью статью о современности въ отношеніи къ Православію».

простирается своимъ благодатно властительнымъ вліяніемъ на все, и у истинныхъ христіанъ принимается за начало во всемъ и для всего, не исключая и дѣлъ политики. Служить сему мы и призваны и обязаны самою благодатію священства.—Кто нынѣ не любитъ слѣдить за политикою? Надобно давать этому общему вниманію къ явленіямъ міра политическаго направленіе духовное, которое возвыситъ его надъ праздною суетностію.

Какъ же намъ истинно-по-духовному, вполнѣ свободно отъ мірскихъ пристрастій и притязаній, судить о дѣлахъ мірской политики?—Книги Слова Божія, въ которыхъ говорится о политическихъ соотношеніяхъ Израиля, въ Ветхомъ Завѣтѣ, къ другимъ народамъ и царствамъ уже раскрыты предъ нами Новымъ Завѣтомъ. Новый Израиль состоитъ изъ общниковъ Божественнаго Сѣмени Авраамова—Христа (Гал. 3, 29), содержащихъ истину и благодать Его во всей чистотѣ: таковы именно православные христіане. Но сколько есть и въ неправославныхъ обществахъ остатковъ истины, неповрежденныхъ ложью, и сколько тотъ или другой изъ неправославныхъ возвышается къ духу оставшейся у нихъ отчасти истины,—столько и самые неправославные приближаются къ православной Церкви и принадлежатъ къ останкамъ ея же благодатнаго сѣмени (Апок. 12, 17). И даже, сколько Христосъ Богъ Слово, въ которомъ—вся сила православія, духовно *свѣтитъ* и *всякому человѣку, грядущему въ міръ* (Іоан. 1, 9), и сколько вѣрны этому свѣтенію самые невѣдущіе еще Его (Дѣян. 17, 23. Ис. 45, 5), столько и самые невѣрные приближаются къ правомысленному христіанству и не чужды духа предваряющей Христовой благодати. Равно съ другой стороны, и духъ невѣрія, духъ той или другой неправославной лживости, прижавшись къ православнымъ и овладѣвая нѣкоторыми изъ нихъ, тѣмъ не менѣе все же есть часть невѣрныхъ языковъ, а не Израиля Божія (Гал. 6, 16); и сколько православные уступаютъ такому лживому духу, столько отступаютъ и отъ силы православія (Тамъ же 5, 2—4). Все это и должно быть у насъ въ виду при вниманіи нашемъ къ политическимъ соотношеніямъ и столкновеніямъ царствъ и народовъ. Главный же свѣтильникъ къ открытію и уясненію духовнаго и въ этихъ дѣлахъ, можетъ быть, самыхъ запутанныхъ изъ дѣлъ человѣческихъ, представляется нашей вѣрѣ въ той любви Господа къ человѣкамъ, по которой Онъ воспріялъ все человѣческое естество въ Своемъ воплощеніи и есть Спаситель всего человѣческаго отъ зла и грѣха.

Съ такими воззрѣніями попробуемъ, напр., дать себѣ духовный отчетъ въ послѣдней отечественной войнѣ по Восточному вопросу. Кресты и медали съ изображеніемъ «Всевидящаго Ока»,—которыми за подвиги и жертвы въ эту войну щедро награждены Царемъ всѣ сословія,—настоятельно требуютъ отъ насъ такой духовной отчетливости.

Духъ «Восточнаго вопроса» не трудно услѣдить. Магометанство, противъ своего вѣдома и воли, служило пользамъ Церкви Православной, съ одной стороны, тѣмъ, что оно вовремя страшнаго мірскаго могущества и преобладанія западнаго царства, дало на себѣ истощиться *) силамъ и усиліямъ послѣдняго, готовымъ поглотить Восточное Православіе, а съ другой—своимъ варварскимъ игомъ, отяготѣвшимъ на Востокѣ, подвергло очистительному испытанію унадавшій тогда нравственный духъ послѣдняго **). И вотъ, вдругъ это самое магометанство начинаетъ открыто благопріятствовать западному неправославію во вредъ православному Востоку... Духу православія нельзя было не ощутить въ этомъ движеніи губительной для человѣчества и духовно-враждебной православію силы. Противъ этой собственно силы зла и лжи (какъ это было протолковано первосвятителями нашими въ «Воззваніи» Св. Синода всенародно) православная Россія и открыла борьбу. Итакъ со стороны Россіи подвигнутъ былъ, въ этой брани, прямо духъ православія, который есть именно духъ чистой Христовой истины и благодати, не могущій мириться съ духовными примѣсями лжи и зла, кому бы они ни принадлежали,—равно и враждовать ни съ самымъ слабымъ мерцаніемъ въ комъ бы ни было *Свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.* На враждебной сторонѣ оказались,—кромѣ магометанства, силу котораго составляетъ порабощеніе духа чув-

*) Въ Крестовыхъ походахъ.

**) Свидѣтельство объ унадкѣ, предъ паденіемъ Константинополя, нравственнаго духа на Востокѣ—дастъ въ рѣзкихъ чертахъ блаж. Патріархъ Геннадій. См. статью о немъ въ «Православ. Обозрѣн.» за Апрѣль. Эта же статья впрочемъ фактически доказываетъ, что, при всемъ нравст. унадкѣ общества, дѣло уніи съ папою не принималось на Востокѣ: когда въ Софійскомъ храмѣ торжествовали унію съ папою, на которую согласились только три епископа и нѣсколько клириковъ,—народъ бѣжалъ изъ храма, какъ изъ еврейской синагоги, и кричалъ: «лучше достанемся туркамъ, чѣмъ франкамъ» (папистамъ). Прямое выраженіе народной вѣрности православію до смерти!

ственности, простирающееся и на высшія духовныя стремленія и чаянія *),—представители какъ римскаго католичества, имѣющаго для себя главу *земную* и потому низвергающаго Христіанство до значенія дольне-мірскаго гражданства, такъ и тѣхъ преобразованій христіанства, въ которыхъ вѣра и само слово Божіе подчиняются разуму человѣческому и чрезъ это открывается собственно вѣра въ самообоготворенный разумъ и самоспасеніе человѣка. Само собою впрочемъ разумѣется, что—сколько и мы, православные русскіе, отвлекали бы свою вѣру отъ своего небеснаго Главы и Его духа, сколько вѣрили бы въ свой разумъ безъ Христа, или погрязали бы въ чувственности, столько бы давали враждебному магометанству, папству и реформатству водвориться и на собственной нашей почвѣ; равно сколько и тогдашніе враги наши имѣли бы хотя самыхъ слабыхъ остатковъ или же предначатій духовнаго свѣта, свойственнаго истинному христіанству, столько и по праву они утверждались на нашей почвѣ. Такъ произошло, что среда наиболѣе ожесточенной брани была въ собственныхъ нашихъ предѣлахъ.—Какіе же наконецъ вышли результаты такой, истинно-великой по значенію своему, борьбы?—Благодареніе Богу Спасителю нашему, соблюдшему еще, видно, въ насъ *ими же вѣсть судьбами*—столько вѣрности духу православія, что даровано было намъ устоять противъ страшнаго напора со стороны и Азіи и западной Европы! И православный Царь нашъ призналъ и почтилъ достойныя заслуги, въ этой чрезвычайно-знаменательной брани, всѣхъ сословій... Но все таки, съ другой стороны, важно для насъ самихъ, что бывшіе враги наши не прежде оставили предѣлы наши, какъ мы перестали видѣть въ нихъ враговъ. Видно, въ нихъ кромѣ лжи магометанства, папства или самочинно-преобразованнаго христіанства—есть довольно и того, что не враждебно православному христіанству, если только сами православные христіане не будутъ допускать въ себѣ лживаго духа папства, самочиннаго христіанства и тѣмъ паче магометанства. И так. обр. пожалованные намъ кресты и медали, въ память столь знаменательной нашей войны съ *пройственнымъ* врагомъ, увѣнчанной столько же знаменательнымъ съ нимъ миромъ, служатъ выразительнѣйшимъ напомина-

*) Магометанство, и въ загробной жизни, окончательное торжество добра надъ зломъ видитъ глав. обр. въ безконечно-полномъ торжествѣ сластолюбивой чувственности...

ніемъ намъ духовнаго троякаго урока. *Во-первыхъ*, противъ плотскаго-грѣховнаго или не-Христова у православнаго христіанства всегда война, какъ противъ духа и лжи магометанства; но съ самою плотію или тѣломъ, какъ воспринятымъ отъ Самого Господа чрезъ воплощеніе,—съ человѣкомъ, съ его національностію, хотя бы и магометанскою, враждовать нечего, а напротивъ слѣдуетъ разумѣть и благоустроять по Христу и самое плотское матеріальное, чтобы открыть мѣсто у Христа, въ области Его благодати и истины, всякому человѣку, всякой національности хотя бы турецкой или персидской. *Во-вторыхъ*, съ возносливостію разума надъ Вѣрою и словомъ Божіимъ, хотя бы онъ казался держащимся слова Божія и Вѣры, какъ въ реформатствѣ,—православію нельзя сойтись; но съ самимъ разумомъ, какъ воспринятымъ также отъ Господа въ единство Его лица (съ понесеніемъ до креста, вмѣстѣ съ другими грѣхами человѣчества, грѣховъ и человѣческаго разума), воевать опять не слѣдуетъ православнымъ, напротивъ надо дать разуму во Христѣ завладѣть всѣми сокровищами знанія и мудрости (Колос. 2, 3). *И въ третьихъ*, кромѣ Христа, соединяющаго насъ со Отцемъ дѣйствіемъ Св. Духа, никакого и ничьего главенства надъ вѣрою и духомъ нашимъ нельзя потерпѣть православію, хотя бы претендовалъ на это главенство и первый нѣкогда изъ іерарховъ во вселенной; но главенство Самого Христа не должно быть у православныхъ только отвлеченной идеей, напротивъ по вѣрѣ нашей надобно этому главенству дѣйственно раскрываться, и притомъ относительно не только горняго, прямо духовнаго или небеснаго, но и всего земного (Еф. 1, 10), такъ чтобы всяко *отчество* родителей и предковъ, власти и авторитета, старшинства и почета, тѣмъ болѣе учительства или руководительства для мысли, сердца и воли имѣло силу для насъ именно во Христѣ по Отцу нашему небесному (3, 15). Съ раскрытіемъ для насъ и въ насъ такого, истинно-вселенскаго, значенія Православія восточнаго Богъ и дастъ намъ навѣрное достигнуть того, чтобы православный Востокъ воскресъ въ достойную православія независимость и славу. Ибо тогда всякое противоборство намъ по «Восточному вопросу», если бы оно еще было возможно, уже не имѣло бы на своей сторонѣ ни тѣни духовнаго оправданія для себя и основанія къ уликамъ предъ Богомъ противъ насъ, владѣющихъ вселенскимъ сокровищемъ православія, но недостаточно пользующихся вселенствомъ его даже для себя самихъ. Таковъ

духъ послѣдней отечественной войны и мира, которые, по этому своему духу и силѣ, и имѣли прямымъ своимъ послѣдствіемъ усиленіе общаго всѣмъ у насъ заботливаго вниманія къ внутреннему народному состоянію и устройству. Да! Кому изъ насъ истинно жалко угнетеннаго и страждущаго Востока, тотъ всемѣрно старайся вѣрою познавать и усвоять вселенское сокровище Восточнаго православія, чтобы оно, сначала въ духѣ и истинѣ, а потомъ уже непремѣнно вовнѣ,—восторжествовало надъ звѣрскими началами магометанской и всякой другой лжи...

Посмотримъ на духовное и въ такихъ современныхъ политическихъ явленіяхъ, которыя не имѣютъ никакого прямого отношенія къ Россіи. Что есть духовнаго, напр., въ событіяхъ, совершающихся на Западѣ по отношенію къ владѣніямъ папы?— Римскіе католики (хотя чрезъ испытаніе нестроеній свѣтскаго управленія своего верховнаго отца), начинаютъ догадываться, что папа устроилъ свое верховное отчество, дѣйствительно, не по Отцу небесному, что главенство и преобладаніе папы не обнаруживаетъ въ своихъ плодахъ духа свѣтоносной и животворной благодати. Но, съ другой стороны, и римскій Іерархъ (хотя чрезъ посягательство міра на внѣшнее его одержаніе), начинаетъ возвышаться—если не къ ясному сознанію, то къ живому предчувствію той великой духовной истины, (которая впрочемъ односторонникъ образомъ держалась и всегда на Западѣ), что внѣшнее или мірское владычество и устройство у христіанъ, если они хотятъ быть истинными христіанами, не должно же выступать изъ порядка благодатно-духовнаго, что и въ видимомъ нашемъ должна выражаться и дѣйствовать духовная власть и сила невидимаго, именно власть и сила любви прямо Самого небеснаго Отца, въ Сынѣ на все простирающаяся Св. Духомъ. Такъ заблуждающія овцы и ихъ, сбившійся съ истиннаго пути, пастырь начали борьбу между собою, въ которой взаимно другъ съ друга понемногу сглаживаютъ многовѣковые дикіе наросты своего западнаго неправославія; но какъ не хотѣли они придти къ истинѣ путемъ чисто-нравственнымъ, путемъ свободнаго духовнаго разсужденія (которое впрочемъ теперь и возможно для нихъ уже не иначе, какъ при помощи православномыслящихъ), то льется кровь для дознанія истины... Православные (ὀρθόδοξοι, «правомыслящіе»)! Будемъ помнить, что не помимо Духа истины Христовой, которою въ ея цѣлости и чистотѣ владѣемъ мы, идутъ и событія политическаго міра; тѣмъ страшнѣе отвѣтственность наша, если, не входя сами

достаточно въ глубину и силу истины, заграждаемъ чрезъ это путь къ ней и другимъ.

Для нашей цѣли и довольно о духовномъ въ явленіяхъ мірской политики. Homo sum, говоритъ гуманность современная, nihil humanum mihi alienum puto. Истиннымъ и совершеннымъ, полнымъ человѣкомъ содѣлался ради насъ Единосущный Сынъ Божій, Богъ Слово; и ничто человѣческое истинно не чуждо Ему, такъ какъ бремя грѣховъ, заблужденій, вообще зла человѣческаго Онъ принялъ на Себя, а все человѣческое доброе, истинное, благородное, благотворное относится, въ своемъ существѣ, къ полнотѣ святой Его благодати и истины. Будемъ же усвоять себѣ во всемъ духъ и силу этой Христовой, истинной человѣчности въ избавленіе и избѣжаніе отъ зла всѣхъ родовъ и къ полученію и упроченію истиннаго добра и пользы—въ жизни частной и общественной, въ трудахъ мысли и рукъ нашихъ, въ вопросахъ церкви и политики.

Оглавленіе *).

	Стр.
Вмѣсто введенія. О жизни и трудахъ Александра Матвѣевича (архимандрита Ѳеодора) Бухарева	V
Предисловіе автора къ изданію 1860 года	XXIX
I. Двунадесятые церковные праздники	1
II. О современности въ отношеніи къ православію: Статья первая	50
Статья вторая	55
III. Объ особенностяхъ въ образѣ воззрѣнія и жизни ветхозавѣтнаго человѣка	71
IV. О Божественномъ законодательствѣ чрезъ св. пророка и Боговидца Моисея	94
V. Объ искушеніи Господа нашего Іисуса Христа діаволомъ въ пустынѣ	148
VI. Ученіе апостола Павла объ антихристѣ. (Изъясненіе II-ii главы второго посланія къ Солунянамъ)	172
VII. О принципахъ или началахъ въ дѣлахъ житейскихъ или гражданскихъ	201
VIII. Евангеліе, читаемое на благодарственныхъ царскихъ молебнахъ	213
IX. Явленіе Христа міру. (Картина Иванова)	229
X. Слово, сказанное въ одинъ изъ дней Великаго поста, при погребеніи студента	255
XI. О современности въ отношеніи къ православію. Статья третья	259
XII. Вразумленіе раскольникамъ изъ Евангелія	274
XIII. О современности въ отношеніи къ православію. Статья четвертая и послѣдняя	278
XIV. Невѣріе и увѣреніе св. апостола Ѳомы	294
XV. Заключеніе	302

*) Въ этомъ, изданіи ради сокращенія выпущена XIII статья (О подготовленіи дѣятельности [illegible], имѣющая частное значеніе.